

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

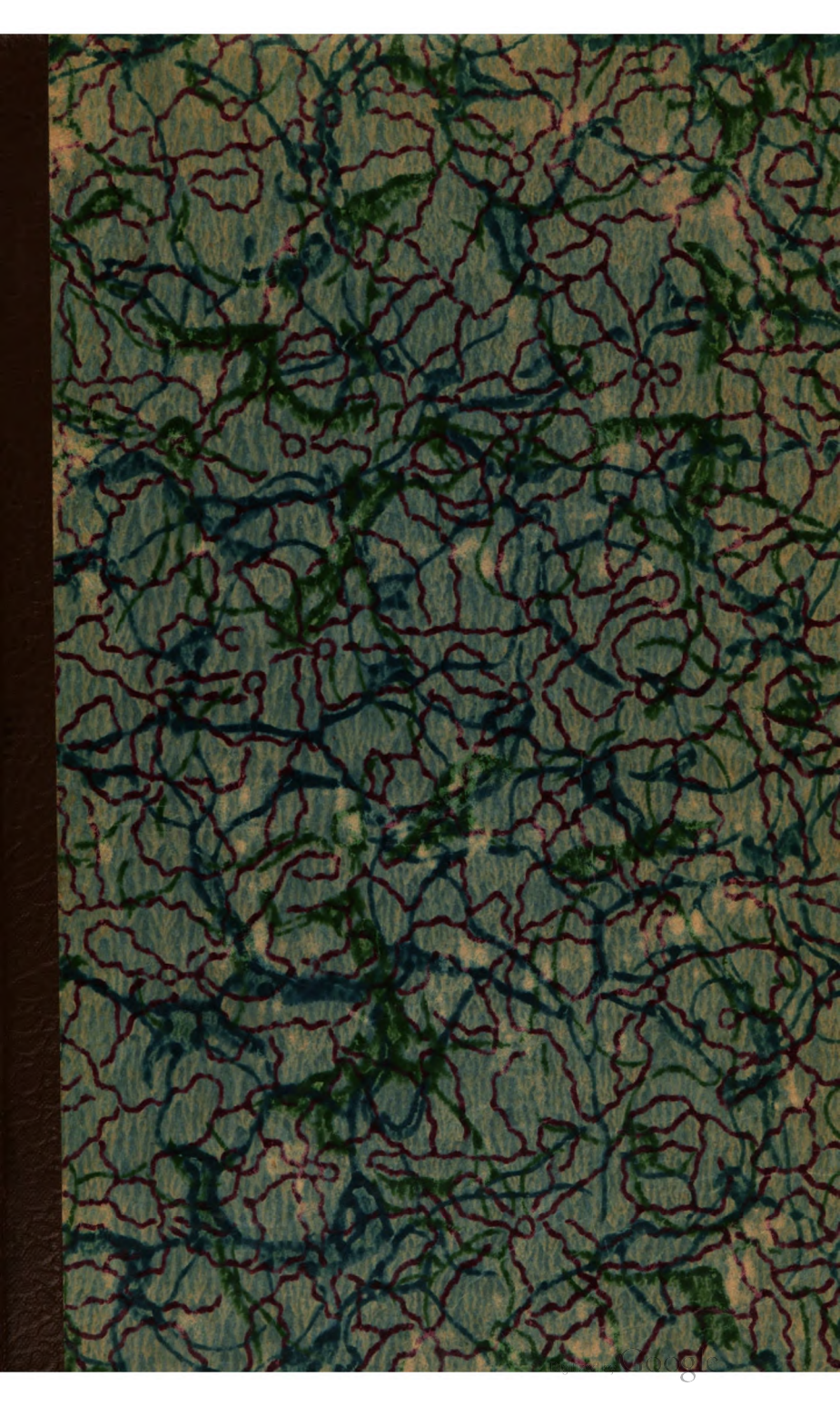
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

0++ 3328.35.5 (1-2)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

Bought from the Fund for
CURRENT MODERN POETRY
given by
MORRIS GRAY
CLASS OF 1877

~~130~~
~~147-1-2~~

ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА БАЗЕЛИ.

Le seul moyen de voir un pays
tel qu'il est, c'est de le voir
avec ses traditions et ses sou-
venirs.

Chateaubriand.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1835.

Ott 3328.35.5 (1-2) OS
8-1-74

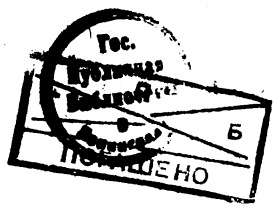

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ пѣвъ, чшобы по оппечашани предпавлены были въ Цен-
сурный Комитетъ при экземплага.

Санкппетербургъ, 29 Августа, 1835 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

GRAY, M

Извѣщая читателя, что я провелъ дѣлшество и многие годы моей жизни въ Констанцинополѣ, и былъ въ этомъ городѣ въ разные эпохи — я эскимъ не надѣюсь придашь моей книгѣ болѣе цѣны, но единственно желаю показать причины, побудившія меня къ предпріятію сего труда.

Въ эсихъ Очеркахъ я соединилъ сохраненныя мною воспоминанія о Констанцинополѣ, дополнилъ ихъ свѣжими рассказами, собранными мною на мѣстѣ, о недавнихъ любопытныхъ происшествіяхъ этой столицы, на копорую уже нѣсколько лѣтъ успремлены взоры всего просвѣщеннаго міра, и

поспарадся изложитъ въ нѣсколькихъ каршинахъ дѣла Султана-Преобразовапеля и его удивительную судьбу, равно и соспояніе его сполитцы въ послѣднюю эпоху моего пребыванія въ ней, эпоху особенно занимательную для всякаго Русскаго, любящаго славу и величіе своего опечесства. Цѣлю моего шруда было — предспавитъ нашей публикѣ занимательное чпеніе о предметѣ, споль близкомъ намъ и пакъ мадо досель извѣспномъ.

Безъ сомнѣнія нѣтъ города болѣе дослойнаго вниманія нашихъ соопечеспвенниковъ. Уже десятъ вѣковъ поспоянно впереы взгляды Россіи на Босфорскую сполитцу; шо заманиваетъ она нашихъ баснословныхъ рыцарей своимъ богатспвомъ, шо изливаетъ на обрадованный Сѣверъ свѣтъ Хриспціан-

спва, по завываетъ Московскому Князю послѣднюю опрашу Императорскаго дома и улетѣвшихъ отъ плѣнныхъ береговъ Босфора орловъ древняго Рима, по занимаешъ великіе помыслы Екатерины II и обѣщаетъ міру новыя судьбы, удивленной Европѣ новую эпоху рыцарства; а въ наши дни испуганный городъ Султановъ съ высоты своихъ холмовъ и минаретовъ видитъ дымъ Русскаго войска, и побѣдное отраженіе штыковъ; попомъ наше войско и нашъ флотъ приносятъ Воспоку даръ мира.

Константинополь, какъ средопочіе великихъ переменъ и перерожденія обширной Имперіи, въ одинаковой степени обращаетъ на себя вниманіе политика, мыслителя и всякаго образованнаго челоука. Если заниски путешественника возбуждиль любопыт-

VIII

спво чипающей публики — это я припишу эпохѣ, а не внутреннему достоинству моего труда. Говорясь, что нашъ вѣкъ любитъ говорить важнымъ тономъ даже о пустякахъ, такъ какъ прошедшій вѣкъ говорилъ шутя о предметахъ важныхъ; но безъ поддѣльной скромности могу сказать, что я старался избѣгнутьъ всякихъ припязаній на ученость; если иногда читатель найдетъ свѣдѣнія о законахъ, объ обычаяхъ Турецкой шарини, я былъ въ необходимости помѣстить такія подробности, которыя впрочемъ не легко достаются любознательству путешественника, чтобы пояснить нынѣшнія перемены Турокъ. Свѣдѣнія мои о Воспोकѣ весьма ограничены; меня успокоиваетъ уверенность, что эта книга не должна сдѣлаться предметомъ крипики ориэн-

палисповъ. Добросовѣспносшь моего шруда заспавила меня однакожь при-бѣгнушь къ нѣкошорымъ ученымъ со-чиненіямъ о Турціи, чшобы повѣрять мои замѣчанія, мѣспные рассказы и преданія. Равнымъ образомъ поспа-рался я воспользовашься шрудами мо-ихъ предшеспвенниковъ, чшпаль мно-гопомныя собранія пушеспспвій раз-личныхъ эпохъ, и въ нихъ, среди кучи нешочноспей и ошибокъ, кошорыхъ безъ сомнѣнія и я часшо не могъ из-бѣгнушь, опыскиваль иногда нужныя мнѣ свѣдѣнія.

Счищаю излишнимъ напомнишь чи-нашелю, чшо .ему предспавляешся здѣсь не „книга“ и не „пушеспспвіе“, а шолько „очерки Конспаншинополя;“ въ нихъ нашли мѣспно многія народ-ныя повѣрія, кошорыя при всей своей легкоспи, по моему мнѣнію, болѣе за-

служиваютъ иногда вниманіе наблюдателя, нежели ученія изслѣдованія. Въ двухъ романическихъ разсказахъ о приключеніяхъ Вероники и Ангелики, помѣщенныхъ во второй часпи, я ничего не выдумалъ. Если нѣкоторыя подробности, впрочемъ совершенно истинныя, придаюшь имъ видъ повѣстей, и сохранилъ эти подробности, имѣя единственную цѣлю, какъ и въ цѣломъ сочиненіи, представивши характеръ мѣстностей, со всеми тѣми ошпѣяками, которыя наиболѣе оспавили во мнѣ впечатлѣнія своею оригинальностію или своею новостію, и переданъ читателю тѣ каршины, которыя сохранились въ моемъ воображеніи. Доспигнулъ ли я моей цѣли — это вы узнаете по впечатлѣніямъ, которыя сохранише, пробѣжавши мои очерки. Не знаю: найдешъ ли чита-

XI

шель подробности о Янычарахъ занимапельными. Но я зналъ Констаншинополь при нихъ, въ прежніе годы; а потомъ, среди свѣжихъ еще слѣдовъ ужаснѣйшаго изъ кровопролитій, даже въ льнописяхъ Спамбула, такъ часто облипыхъ кровію, я былъ сильно пораженъ каршиною эпого великаго событія, котораго вліяніе являешся во всемъ, котораго подробности покажутъ наблюдателю всю важность нынѣшнихъ перемѣнъ въ Турціи. Что касается до системы изложенія, — я въ моемъ разсказѣ не слѣдовалъ ни какому порядку; можетъ быть иногда удачно, иногда случайно сошлись въ одну раму разнообразныя событія и каршины, такъ какъ все эшо вмѣстѣ предспавляешся вамъ, когда посѣщаше страну вамъ незнакомую, и еще болѣе плвняешъ своимъ фаншасши-

ческимъ сближеніемъ. За эпизоды и описуиленія никакъ не вправѣ упрекать путешественника; все его странничество есть продолжительный эпизодъ его жизни; все встрѣчаемое имъ есть заблудившійся листокъ его собственнаго существованія.

Нынѣшняя эпоха Турціи самая любопытная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая затруднительная для путешественника. Судорожная борьба спарини и новизны происходитъ въ вашихъ глазахъ; смѣсь обычаевъ, повѣрій, нравовъ и предрасудковъ эпохъ, совершенно между собою противоположныхъ и усиленно сближенныхъ, какъ безконечная фантасмагорія проходитъ предъ вами. Живописный образъ эпохи найдете только въ печеніи Босфора, кошорый при всякой переменѣ въпра, при всякомъ

уклонъ берега, предснавляеть тысячу капризныхъ измѣненій, котораго волны, выбѣжавъ изъ одного моря, чтобы влились въ другое, вспрѣчаюшся на пуши съ волнами идущими обратно, борюшся съ ними, и продолжають свою вѣчно-измѣняющуюся игру подъ сѣнѣми Конспаншинополя. Вчерашнее замѣчаніе сегодня уже не вѣрно; старинныя повѣрья по сохраняюшся съ набожнымъ уваженіемъ, по распадающся, какъ вѣщная одѣжда. Таково первое впорженіе моды въ народъ, которъй доселѣ шакъ ея чуждался.

... Съ воспоминаніями лѣтъ проведенныхъ мною въ Конспаншинополѣ, и съ картинами замѣчательнѣйшихъ эпохъ нынѣшняго царствованія, соединилъ я въ моихъ „очеркахъ“ и нѣсколько картинъ другаго рода и воспоминанія другихъ вѣковъ. Мое пре-

бываніе въ спрянѣ гробовѣ и развалинѣ научило меня любить слѣды прошедшаго, и наспомящее предспавлялися живѣе въ моемъ воображеніи, когда оно опспѣнено перспективною шарини. Въ эпоху опкрыпій новыхъ земель люди соскучившіеся въ нашеть спаромъ мѣръ спѣшили къ нимъ, прельщаемые ихъ дѣвспвенноспію. Они хощѣли проложитъ первую пропикку въ лѣсахъ, копорые дошомъ величественно росли въ дикомъ уединеніи, и гнулись подѣ вѣлпромъ а не подѣ шопоромъ; морякъ съ гордоспію измѣрять глубину береговъ, у копорыхъ его якорь первый вѣлпился въ морское дно, еще не опарапанное желѣзомъ, и многіе Колумбы цѣловали новоопкрышую землю со всѣмъ пламенемъ перваго поцѣлуя любви. Но я не сочувспвую этой поэзіи. Такъ какъ душа земли еспѣ чез-

ловѣкъ, и безъ него она предспавилса
 холоднымъ шрупомъ, шакъ и слѣды,
 проложенные племенами по ней, пред-
 спавляюща мнѣ памяцію и вообра-
 женіемъ нашей планеты. Съ несрав-
 ненно большимъ удовольствіемъ оспа-
 новлюсь у ручья, кошораго имя на
 вѣки сочешалось съ какимъ нибудь
 великимъ именемъ испоріи, нежели у
 самой, величественной рѣки новаго
 міра. Ошдохните въ шѣни Адриана
 плашана въ Пелопонезѣ, или плашана
 Голфрйда Бульонскаго въ Буюкдере—
 эшо вамъ оспавишь на всю жизнь не-
 оцѣненное впечатлѣніе.

О Ч Е Р К И КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Г Л А В А I.

ПРОЩАНИЕ СЪ АРХИПЕЛАГОМЪ.—ТРОЯСКОЕ ПОЛЕ.—МИЛОРДЫ.—СКА-
МАНДРЪ И ЖАТВА.—АИСТЫ.—ФОНТАНЫ.—МИЕОЛОГИЯ ВОДЪ.—ВИЗИТЬ
ДАРДАНЕЛЬСКОМУ ПАШЪ.—ПРИВѢТСТВІЕ МИРА.—ВЕЧЕРНЯЯ МОЛІТВА.—
ЕРЕСЬ НОСОВЪ.—ПОѢЗДКА ВЪ СЕДЬМОЕ НЕВО.—МУСУЛЬМАНСКОЙ БОГО-
СЛОВЪ.—ЕВРЕИ.—ГЕЛЛЕСПОНТЬ.—ГОМЕРЪ И ДАНТЕ.

Въ ту незабвенную эпоху, когда шревоги Вос-
пока обрапили на себя все вниманіе Европы,
когда два новообразованныя войска испышывали
свои силы на поляхъ Малой Азіи, усъянныхъ
развалинами городовъ и коспиями миеологиче-
скихъ героевъ, а попомки Олега и Игоря нашли
давно забышый пущь въ Визаншію, и развернули

Часть I.

1

знамена Сѣвернаго Царя надъ обрадованными волнами Босфора — нашъ небольшой опрядъ, соспоявшій изъ двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ бриговъ, проспился съ безпокойными морями Греціи, чшобы чрезъ Констаншинопольскій проливъ возврапишься къ Черноморскимъ берегамъ Россіи.

Архипелажскіе вѣпры, капризные и непостоянные, освѣжали Іюльскій день; вечеромъ мы плавали въ виду Тенедоса; закапъ солнца былъ обливъ огнемъ и кровію, и надъ нимъ повисли доскупья шучи. Последнее дыханіе вѣпра замерло въ усналыхъ парусахъ фрегата; горизонтъ пемнѣлъ и спѣнялся; море едва колыхалось опъ лѣнливой зыби, и въ эпоѣ пиши гошвилилось одно изъ величественныхъ явленій южныхъ морей. Нашъ колдунъ* безсмысленно повѣсилъ свой хвостъ, и вся его наука не умѣла предсказатъ опкуда грянешъ вѣшеръ; наконецъ ожидаанный гопъ ударилъ опъ запада по марсеямъ фрегата, захохопалъ какъ бѣсъ въ гуспыхъ ванпахъ, копорья повисли опъ мачпъ безконечною гривою, и чрезъ минушу

* Корабельный флюгеръ, къ коому привязанъ легкій хвостъ изъ перьевъ.

привелъ въ судороги все море. Въ этой узко-спши между Тенедосомъ и Троею вздумалъ царь Архипелажскихъ волнъ просшишься сънами, обхвашилъ дрожащій фрегатъ могучими объашіями, и непремѣнно хотѣлъ разорвать парусъ или сломать спенгу своимъ бѣшеннымъ прощальнымъ поцѣлуемъ.

Когда все приушихло мы бросили якорь недалеко опть ушъевъ Геллеспонша; линія спопушечныхъ кораблей Англичанъ шянулась вдоль Троянскаго берега, и на помъ мѣспѣ, гдѣ былъ расположенъ спанъ Ахеянъ, можешъ бышь шамъ, гдѣ выпльми Тенедосскія змѣи, чшобъ изму-чишь жреца Минервы - Иліады, и подашь художнику мысль совершеннѣйшаго созданія скульпшуры, шеперь прозаически раскинушы палашки Англичанъ для береговыхъ работъ экипажей.

Съ роскошнымъ разсвѣшомъ Геллеспоншъ опкрылся намъ, какъ поэшическая аллея воспочнаго міра. Безвѣспріе приковало фрегатъ къ Троянскому берегу; я съхалъ съ двумя спушниками на берегъ, съ намѣреніемъ опправиться въ Чана-Кале чрезъ обласпи Пріама, перешедшія по наслѣдспву къ Сулшанъ-Махмуду, переѣхашъ Геллеспоншъ, и вдоль Европейскаго берега Мра-

морнаго моря съ Турецкою почпою поскакашь въ Константинополь.

Ага ближней крѣпости послалъ намъ Каваса* съ лошадьми и провожапыми, для отправленія нашего въ Чана-Кале. Провожапые были Мало-Азійскіе поселяне, вѣроятно отъ племени древнихъ Троянъ; но на вопросы мои объ Иліонъ и Скамандръ они добродушно отвѣчали, что никто во всемъ околдкѣ о нихъ не слыхалъ; рассказывали что часно прѣзжающъ къ нимъ *Милорды*** слѣдишь печеніе какой-то грязной рѣки, и осмапривашь береговые курганы, подъ коими должно бышь хранишся кладъ на неизвѣстную глубину.***

* Кавасы замѣнили шеперь въ Турціи Янычаръ Ящакчи, бывшихъ при посланникахъ и консулахъ, и сопровождавшихъ Европейскихъ путешественниковъ.

** Это шипуль всѣхъ Европейскихъ путешественниковъ въ Левантъ; ешь Англійскіе, Французскіе и Русскіе Милорды.

*** На Востоку существуетъ повѣріе, что во всѣхъ древнихъ могилахъ, саркофагахъ и развалинахъ хранился сокровища. Славная ваза Пергама была найдена полна серебряныхъ и золотыхъ древнихъ монешъ; а спараніе Европейцевъ прибрѣвшашь древнія шпапуи и самыя ихъ обломки заспамяешъ жипелей думашъ, что всякая древность наполнена золотомъ. Еще недавно одинъ Англичанинъ предлагалъ Турку назначишь какую угодно сумму за найденную имъ шпапу; пошь упорно отказался, и разбилъ мраморъ на мелкіе куски, въ увѣренности отыскашь

Мы въѣхали въ Турецкіе сады, копорыхъ группа ложилса свѣжимъ оазисомъ среди полей изсохшихъ отъ Южнаго солнца. За ними печепъ спарикъ Скамандръ, копорый пакъ твердо цѣнялъ Ахиллеса, за то, что онъ мушилъ Троянскою кровію его чистую влагу, въ коей любили купаться Нимфы; пеперь вмѣсто Нимфъ спадо огромныхъ буйволовъ купалось въ Скамандръ. Греческіе испорики рассказываютъ, что войско Ксеркса не нашло въ Скамандръ довольно воды для утоленія своей жажды; судя по пеперешнему соспоянію этой рѣки, можно повѣрить ихъ гиперболическому сказанію.

Нѣсколько Турецкихъ деревень расположились на окрестныхъ пригоркахъ; это кучи домовъ низкихъ, душныхъ, неопряныхъ, болѣе походящихъ на погорѣлыя развалины, нежели на сельскія жилища; еслибы не жапы, копорыхъ желшья полосы сливаются съ желпизною песковъ, и подобно имъ отражаютъ дрожащій блескъ солнца — можно подумашъ, смошр на одичалоспъ

въ немъ кады. Это повѣріе длится отъ глубокой древности; Тимонъ Аѳинскій говорилъ, что когда мы роемся въ развалинахъ, среди ихъ ожидаешь насъ Плутусъ съ возмездіемъ за труды.

Троянской снѣпи, что наканунѣ только снялся испребишельный снѣанъ Грековъ, или что слѣды десятилѣтней борьбы сдѣлались вѣчны, какъ эпопея ее воспѣвшая.

Была пора первой жашвы; но вмѣсто живой Шиллеровской каршины сельскаго праздника, цвѣщущаго жизнию, веселіемъ и здравіемъ, мы видѣли только блѣдныя и пощія фигуры хлѣбопашцевъ, измученныхъ опъ лихорадокъ и болошныхъ испареній эпихъ береговъ. Никакая пѣсня не одушевляла полевыхъ работъ: мѣстами, какъ боги - шермы древняго Рима, шорчали на высокихъ шеспахъ бѣлые скелешы лошадей, для разграниченія огородовъ и папешъ и для удаленія шницъ; дайше имъ косу и они примушъ какое-шо отвращительное сходство съ изображеніемъ смерши, оспановившейся полюбовашься своею жашвою на Троянскомъ полѣ.

Многочисленныя снаи аисшовъ гуляли по полямъ и по болошамъ; они хошя и пошеряли свои олшари, въ древнемъ Египтѣ, но и шеперь пользуюшя во всей Турціи неприкосновенностію, какъ благодѣшельные испребишели болошныхъ гадинъ, и шакъ привыкли къ человѣку, что иногда цѣлыми снадами сопровождали нашъ караванъ.

Послѣ прехчасовой вѣды по Троянской степи мы придержались къ морскому берегу, и поднявшись по скапу гористаго пояса Геллеспонша, увидѣли наконецъ его голубую полосу, которая сладострасивно изгибалась и мямась среди живописныхъ береговъ. Тропинка, кошорую мы слѣдовали, по съ прудомъ ползала на прибережный холмъ, по спускалась къ ласковымъ волнамъ Геллеспонша, и тогда онѣ выбрасывали въ нее, вмѣстѣ съ свѣжими брызгами, раковины морскаго дна.

Чрезъ каждыя двѣ или три вершны мы находили фоншаны; по всѣмъ направленіямъ Турціи основаны фоншаны благочеспивыми Мусульманами, для уполенія жажды пушника, и для необходимаго совершенія обрядовъ умовеній, предписанныхъ кораномъ. Эпи фоншаны служашъ пушешеспвеннику первымъ и единшпвеннымъ привѣпомъ воспочнаго госпепрїимспва; часпо не найдеше прїюша и пищи; вѣшхїй развалившїйся каравансарай не защишптъ васъ опъ сырспши ноши; но при зноѣ дня вы освѣжшпсь чшспюю спруею фоншана, и благословише памяшъ спрошшеля. Въ каждомъ мѣспѣ, гдѣ были Турки, остались памяшники поспоянной,

набожной ихъ заботливости о водѣ; вода и воздухъ, по ихъ понятіямъ, вещи священныя, которыми Создатель позволилъ человѣку пользоваться безъ шрудовъ; и поному по ихъ законамъ вода не можетъ быть собственностію; ея продажа непозволительна, и всякій процессъ о водѣ считается пресупнымъ *. У Турокъ есть и мѣология водъ; каждый ключъ, каждый ручей имѣетъ своего ангела-хранителя, но это не Нимфы и не Наяды, а духи зловредныя, кошорые въ вечерній часъ сперегушь пушника, и иногда жестоко надъ нимъ подшучивающъ.

Около вечера проѣхали мы по развалившейся площинѣ другую рѣку поэпической древноспи—нѣкогда славнаго, нынѣ болопнаго Родіуса, омывающаго сѣсны крѣпости Чана - Кале. Въ этой крѣпости имѣетъ свое мѣспопребываніе шрехбунчужный Паша Дарданелль; мы заехали его на шерассѣ, передъ кіоскомъ, въ кругу офицеровъ и слугъ. Былъ часъ вечерняго кейфа; свѣпная панорама Геллеспонша онкрывалась снокойному кругу Мусульманъ, и успалое солнце

* Это шолько въ законахъ; (см. Мураджа Охсона code religieux). Въ Перв при большой засухѣ бушылка воды продается по гривнѣ.

играло свѣсомъ и пѣнію Европейскаго берега, кошораго далека горы полупрозрачною драпировкою одѣвали горизонтъ.

Мы были предувѣдомлены, что Дарданельскій Паша принадлежишь къ числу мусульманскихъ шаровѣровъ, и потому не удивились, что онъ не привсаль намъ; по его мнѣнію было бы величайшимъ нечесіемъ, чтобы послѣдній изъ правовѣрныхъ привсаль предъ лучшимъ изъ гяуровъ; онъ удоспоилъ насъ важнымъ *хош гельди, сефа гельди*, добро пожаловать; и когда мы уѣлись и намъ подали прехъ-аршинные жасминные чубуки, онъ спросилъ у каждаго изъ насъ о соспояннн нашего кейфа — *Кефенеземъ эфендимъ*, на что мы по Турецкому обычаю оцвѣчали приложеніемъ правой руки къ ушамъ и ко лбу. Паша не сказалъ намъ *привѣстія мира* — *Алейкюмъ селамъ*, потому что спроеіе Магомешане только между собою упошребляюшь это привѣспіе. По магомешанскому преданію въ шощ день, когда Пророкъ въ первый разъ имѣлъ свиданіе съ архангеломъ Израфилъ, при возвращеніи его во всю дорогу, ошъ горы Гира до его дома, въ воздухѣ раздавались восклицанія: *привѣтствіе мира тебъ, о Пророкъ Аллаха*; первыя слова

этого привѣспвія примяпы всѣми магомешанскими народами.

Мы поздравили Пашу съ счастливымъ окончаніемъ междуособной брани Мусульманъ, копорая прокочевала опъ Египша и Акры въ сосѣдство Дарданельскаго Паши. Паша, какъ глубокомысленный мусульманскій полипикъ, владѣя наукою Воспока оканчивашъ общими мѣспами разговоры, въ коихъ опасается уронить свою важность или лишнее слово, повпорилъ нѣскольго разъ *машаллахъ*, *иншаллахъ*, *аллахъ-керимъ*, *аллаха-манетъ*, и пому подобныя фразы, копорыя заспавили насъ заключиць, что слово Аллахъ служиць основаніемъ Турецкаго языка, какъ *goddem* Англійскаго, по мнѣнію Фигаро; онъ кончилъ цпашомъ изъ корана о предпредѣленіи; все его богословское краснорѣчіе лилось опривиспо и медленно; Паша ронялъ свои умныя слова какъ мѣнялы роняющъ Голландскіе червонцы, и вмѣспъ съ рѣчами изъ усшъ его вылешали облака дыма.

Было бы неучпиво ожидащъ впорой прубки у шакого важнаго лица, каковъ въ Турціи Паша, имѣющій знакомъ своего сана при лоша-

динные хвоста; * чтобы не прослышь невждами въ мусульманскомъ эпикешъ, мы разкланялись, получивъ позволеніе осмопръшь баппарей Чана-кале. Въ это время съ минареша муэзымъ гнусливымъ припѣвомъ звалъ правовѣрныхъ къ молишвѣ; былъ часъ вечера, и *Аллахъ* прислонился къ своему любимому народу, чтобы принять его моленія.

Мы оспановились на ближней баппарей, полюбавшись зрѣлищемъ молишвы сорока офицеровъ на шерассъ Паши. Послѣ омовенія каждый изъ нихъ споялъ нѣсколько минушь въ благочеспивомъ спокойспвіи, и произносилъ молишвы, по запкнувъ уши руками, по сложивъ руки ниже груди; попомъ пошуплялъ взоры въ землю и наклонялъ голову, попомъ спановилса на колѣни и дважды проспирался лицомъ къ землѣ. При окончаніи молишвы, еще сидя на колѣнахъ Мусульманинъ привѣспивуешъ по обѣ спороны ангела жизни Накиръ и ангела смерпи Мукиръ, кошорые спояшъ для приняшя его молишвы, и освобождаютъ его ошъ пруда под-

* Читатель вспомнишь, что бунчуки, по коимъ различаются чины Пашей, суть не иное что, какъ лошадиные хвосты; всякій Паша имѣетъ одинъ, два или три хвоста, называемые въ Турціи Туи, и носимые предъ нимъ въ парадахъ.

нѣшь глаза къ небу; эшо совершенно въ духъ религїи, кошорой самыя надежды сосшояшь въ грубой чувстввенности.

Религіозная пантомима Музульманъ дѣлаешся важно и медленно; имамъ споишь по срединѣ, кругомъ его правовѣрные слѣдуютъ его спокойнымъ движеніямъ, и при земныхъ поклонахъ соблюдаютъ, какъ совѣщуетъ Магомешъ въ коранѣ, »не спѣшишь и не бышь подобными пѣшухамъ, ключющимъ ячменныя зерна.« Величайшею опасностію считаешся шакже зѣвнушь во время молишвы: злой духъ могъ бы воспользоуашься эшимъ и вскрасься во внутренность правовѣрнаго; а въ земныхъ поклонахъ необходимо должно коснушься земли лбомъ, носомъ и ушамъ, и пошому большіе носы, преняшсшвующіе исполненію сего обряда, сосшавляютъ въ Турціи особенную ересь.

Магомешанская религія сохранила въ своихъ обрядахъ древнюю шашріархальную просшопу; вы невольню благоговѣше при видѣ цѣлаго народонаселенія, внимательнаго призыву неба среди заботъ и шрудовъ жизни и въ часъ отдыа или увеселенія, и приносящаго вмѣстѣ, какъ одно семейшво, дань своей молишвы Творцу.

Но вошь чшо думаютъ Магометане о пяти сво-
ихъ ежедневныхъ молитвахъ; Магометъ въ од-
номъ изъ путешествій своихъ по небесамъ на
чудной кобылицѣ Эль-бокаръ, проѣхавши пер-
вое небо, въ копоромъ встрѣпилъ его Адамъ
съ привѣтствіемъ: Селамъ-Алейкумъ, величай-
шій изъ пророковъ! и еще шестъ небесъ, въ
коихъ увидѣлъ благословеннаго Исса (Исуса
Христа),* Юсуфа (Иосифа), Хануха (Еноха),
Аарона, Моисея и Авраама, всшупилъ наконецъ

* Извѣстно чшо Магометъ признаеть пророкомъ нашего
Спасителя и предвѣщаетъ второе его пришествіе. Вообще
Магометанскіе законники отзываются съ особымъ благоговѣ-
ніемъ о Немъ, вѣрують въ возшествіе Его на небо, но не вѣ-
рують въ Его спраданіа и въ смерть, и даже упрекають насъ
въ нашемъ вѣрованіи, чшобы Богъ допустилъ спраданіа
своего пророка. Многіе Дервиши извлекають изъ Евангелія
предметы назидательныхъ рѣчей, коими открываются рели-
гиозные ихъ обряды въ шекіе. Достошно примѣчаніа чшо въ 1526
году Христіанская Религія была публично защищаема въ засѣ-
даніи Дивана Улемою Кабизъ-Эфендіемъ, копорый выспавлялъ
всѣ ошибки и прошивурѣчія Корана, и доказывалъ, чшо истинное
правовѣріе *Исламизмъ* находится въ Евангельскомъ законѣ. Ему
былъ позволенъ богословскій диспушь съ двумя казаскерами. Ка-
заскеры пришедшіе въ замѣшательство отъ его доводовъ, вмѣ-
сто отвѣта кричали, чшо его слѣдовало предать смерти; Ви-
зиръ замѣтилъ имъ, чшо они не были въ состояніи уличить его
въ опшущивчествѣ, и на другой день по повелѣнію Султана

въ шощъ сводъ небесный, въ коемъ распилаюп-
ся въшви величественнаго древа *туба*; одинъ
плодъ эшого древа можешь насышшишь все зем-
ное поколѣнїе; здѣсь пребыванїе духовъ; каждый
день семь тысячъ ангеловъ приходяпъ въ эшо
небо пѣшь хвалы Аллаху, и однажды смѣнив-
шись, уже во всю вѣчноспъ они не дождущя
своей очереди, чшобы вновь вспушпшь въ эши
свѣшлыя храмины. За шѣмъ Магомешъ вѣхаль
въ изумрудное жилище Аллаха, и получилъ по-
велѣнїе, чшобы правовѣрные шворили ему
пяпшдесяпъ молишвъ въ день. Магомешъ задумав-
шись вѣхаль обратно съ эшимъ спрогимъ
повелѣнїемъ; въ шеспомъ небѣ Моисей освѣдо-
мился о его кейфѣ, и узнавъ причину его задум-
чивоспи, сказалъ ему: видно разгнѣваннымъ за-
спалъ шы Аллаха; возврапшись, уприси чшо бы
эшо число молишвъ было уменьшено. Магомешъ

самъ Муфши доказывалъ все безпрекословными цитапами изъ
корана, и увѣщевалъ Эфендія обрапшпсь въ вѣру въ коранъ;
но онъ остался швердымъ, и предъ дверьми Дивана былъ казненъ
какъ опшшупникъ. (См. Охсонъ, *Tableau général de l'Empire
Ottoman.*)

Спрогіе Мусульмане не почитаютъ обращенїе Евреевъ въ
Магомешанскую вѣру искреннимъ, ибо для эшого нужно чшобы
они предварштельно вѣровали въ Іисуса Христа.

доложилъ Аллаху, что смертнымъ пажело будешъ шворить пажьдесяшъ моляшвъ; Аллахъ спушилъ десяшъ, и посшепенно убавляя въ пажъ поѣздокъ къ нему Магомеша, опредѣлилъ наконецъ пажъ ежедневныхъ моляшвъ. За шо правовѣрные не должны пропускать ни одной изъ нихъ, и если болѣзнь или другія обшояшельства воспрепашспвуютъ ихъ исполненію, шо непременно должны они пошомъ ошплашнить Аллаху оспавшійся за ними долгъ.

О нашей моляшвъ Магомешане имѣютъ самыя невыгодныя понятія; Охсонъ приводитъ слѣдующій любопытный случай изъ Багдашскихъ лѣтописей: при Абдъ-Уллахъ III была засуха; прижды Халифъ со всеми Мусульманами выходилъ изъ города моляшъ Аллаха да ниспослешъ на землю дождъ; Аллахъ не внялъ его моляшвамъ; шогда Халифъ велѣлъ чшобы всѣ подданные не-Мусульмане совершили молебшвія; въ шошъ же день небо ниспослало имъ обильный дождъ. Халифъ удивленный созвалъ Улемовъ и шребовалъ у нихъ обьясненія эшого дуда. Никшо не былъ въ сосшояніи ошвѣчать, и сомнѣнія поколебали вѣру Намѣшника Пророка. Но одинъ спарець, »благочешивый и мудрый, вдох-

новенный небомъ», какъ говоришь льпописецъ, располковалъ Халифу, что Аллахъ такъ любитъ Мусульманъ, свой избранный народъ, ихъ молитвы ему такъ пріятны, что иногда нарочно оплагашь ихъ исполненіе, чтобы заставилъ ихъ повторить; напропавъ того, онъ такъ ненавидилъ гяуровъ, ихъ молитвы ему такъ несны, что онъ спѣшилъ исполнить ихъ требованія, чтобы они переслали докучать.

Въ сопровожденіи нашего Консула и Турецкаго аршиллериспа мы осматривали башшарей Чана-Кале, и любовались чудовищными размѣрами бронзовыхъ орудій, покрытыхъ арабесками и надписями изъ Корана. Они лежали недвижныя, можешь быть со временъ взятія Конспаншинополя. Башшарей во многихъ мѣстахъ обвѣшдали, и каждый Паша Дарданелль, не боясь объ ихъ возобновеніи, спарался только выбѣлишь ихъ извивистыя зубчатыя стѣны, какъ будто бы для того только онъ улеглись змѣями вдоль пролива, чтобы служилъ ему преспективною декораціею.

Еще въ полдень фрегатъ Княгиня Ловичъ успѣлъ при слабомъ дуновеніи отъ юго-запада войти въ проливъ, и бросилъ якорь подъ Евро-

пейскимъ берегомъ. Мы рѣшились возвратиться на фрегатъ, въ надеждѣ попутнаго вѣтра; въ Чана-Кале узнали мы, что дорога въ Константинополь была пешею разбита; въ это время возвращались изъ Малой Азіи разбиныя полки Султанской арміи, а въ Турціи народъ не знаетъ разницы между нашествіемъ непріятелей или своихъ. Въ Чана-Кале послѣ Паши и багшарей ничего не оставалось намъ видѣть; если бы намъ вздумалось справиться о древней Дарданіи, прародительницѣ Всемирной столицы, опечесивъ Анхиза и Энея, городкъ, копорый, по словамъ Страбона, долго кипѣлъ съ мѣса на мѣсо, и безъ вѣспи пропалъ въ окрестностяхъ, завѣщавъ свое имя Дарданелламъ — нашъ археологическій вопросъ возбудилъ бы только улыбку сожалѣнія къ безплодному любопытству путешественниковъ на безспасномъ лицѣ Дарданельскаго Паши. Съ жителями Чана-Кале не стоило знакомиться покороче; первую роль между ними играютъ Евреи, копорые по своему языковѣдѣнію занимаютъ разныя должности при консульствахъ, и иногда служатъ представителями Европейскихъ Державъ. Не помню гдѣ-то читалъ я, что Трояне при на-

шесствіи Грековъ ошправили посольство въ Іудею просить помощи, и Евреи послали имъ наемное войско; можетъ быть на этомъ спаромъ союзъ съ владѣльцами страны основываютъ Дарданельскіе Евреи свои важныя привилегіи.

Лѣтнія ночи юга спускаются поспѣшно, почти безъ сумерекъ; едва попухнетъ закашъ солнца, и шемноша подвигается съ Воспока, какъ на шапръ декорация ночи. Горизонтъ не представляетъ эпои долгой поэтической игры свѣса съ мракомъ, копорая предшествуетъ ночамъ Сѣвера кокетнымъ и нерѣшительнымъ, какъ сѣверныя красавицы. Когда мы были на фрегатѣ крупныя звѣзды уже горѣли на шемномъ небѣ, и горы Фракіи и Малой Азіи сомнительными силуэтами очерпили нашъ горизонтъ; облака спустились на ночлегъ на ихъ вершины, какъ запоздалые пухники, и первый огонекъ паспуха, засвѣшившійся на поэтической Идѣ, напомнилъ мнѣ того паспуха эшихъ горъ, копорого богини выбрали судьей красоты.

Если днемъ васъ упоминаетъ видъ сухой, однообразной степи, на коей случайно замѣченъ пухешесвенниками холмъ, какъ могильный памятникъ на помъ мѣстѣ, *гдѣ была Троя — ibi*

Ilion fuit — за то ночью великія явленія Иліады предпанушъ вамъ спройнымъ свидѣніемъ; ибо Троя есть первое эпическое свидѣніе древняго міра. Эпошъ широкій амфитеатръ, на оконечности Азіянскаго материка, въ виду Европы, былъ будшо приготоуленъ Провидѣніемъ для того, чпобы вся Греція, съ своими безпокойными племенами, съ папріархальными царями и съ цѣлымъ Олимпомъ, пришла вылишь первое буйшво кипучей молодости на лонъ спарой Азіи, и сохранила попомъ одни свѣплыя воспоминанія, слыпя въ эпопею вѣчнаго ея слѣпца, какъ въ скрижалъ героическихъ вѣковъ челоуѣчества.

И когда Гомеръ новой Европы, миспической рапсодъ Индо-Германскихъ племенъ, созидаъ эпопею Хриспіанскаго міра, бросилъ основанія ея въ глубину языческаго ада, и воздвигъ гошическую вершину до недоспупныхъ высотъ Каполическаго рая, онъ избралъ Троянскую Иду, чпобы въ лицъ спарца, споящаго на ея вершинѣ съ очами вперенными въ Римъ, представилъ древній міръ, присущспвуюющій при божественной комедіи новыхъ вѣковъ.*

* Dentro dal monte sta dritto un grand veglio и проч.

Два генія, Гомеръ и Данте, пѣвцы первыхъ юношескихъ дней древняго и новаго міровъ, вспрѣчаются на вершинѣ этой горы, копорая десять лѣтъ была Олимпомъ скипавшихся племень Эллады. Но въ Греціи всякій пейзажъ, ознаменованный древнею музою, сохранилъ какіе-то невыразимые слѣды своей поэзіи, и эти слѣды опрадно проглядываютъ сквозь кору варварства, какъ полигоны пеласгическихъ акрополисовъ подъ бойницами Венеціанскихъ цитаделей. Ея долины, ея заливы, цѣпи ея горъ расположены классическими формами амфитеатровъ и спадій, и Элленическая жизнь впиалась навсегда въ сладоспращные изгибы почвы, и порою видимый на горизонтѣ одинокій портикъ распавшагося храма, таинственный хранищель мыслей и религіи древняго народа, замѣняетъ вамъ утраченныя прелести искусства и праздничную жизнь племень его воздвигшихъ. Въ Троянской долині видны только обширные размѣры той эпопеи, копорой служила она театромъ; она, какъ кладбище, сберегла одни воспоминанія и гробы Гомеровыхъ героевъ надъ Гелеспонтомъ.

Г Л А В А II.

ПЛАВАВІЕ ПО ГЕЛЛЕСПОНТУ. — ЗАМѢЧАНІЕ АНГЛИЧАНИНА. — ДОРОГА ЗАВОЕВАНІЙ. — МУЗЕЙ И БАЙРОНЪ. — ОРГИ И ОСЛЫ ЛАМПСАКА. — КАТАЛАНЫ И ПОДВИГИ ЖЕНЩИНЪ. — АРГОНАВТЫ. — ГРОБНИЦА АННИБЛА. — СЕЛИВРЕЯ. — ПЕРВЫЙ ВИДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ПРИСТАВЪ МЕРТВЕЦОВЪ. — БАШНЯ СЕРАСКИРА. — СЕРАЛЬ И КИПАРИСЫ. — БОСФОРЪ. — РУМЕЛИ-ИССАРЪ. — НОЧНАЯ КАЗНЬ.

На разсвѣтѣ мы снялись, и съ попушнымъ вѣтромъ поплыли между Дарданельскихъ крепостей. Два берега мѣстами сходясь довольно близко, и это заставило одного Англичанина сказать, что Геллеспонтъ въ томъ смыслѣ названъ у Гомера широкимъ, въ копоромъ дамы, говоря о вѣчности, подразумѣваютъ шесть недѣль. Европа съ Азіею сошлись здѣсь шакъ близко, для того чтобы опъ времени до времени перебрасывашъ чрезъ проливъ враждующія волны своихъ народовъ. То Персы оковываютъ свободный Геллеспонтъ, и воспѣвая гимны солнцу идушъ на Европу; но Греція съ своимъ двадцатилѣтнимъ героемъ переплываетъ его на корабляхъ; чтобы предспаившъ въ хаосъ древняго міра быспрый метеоръ Всемирной Монархіи; шо орлы Рима его перелешаютъ, чтобы разгро-

мишь Понпійскаго героя. Попомъ наспуаешъ другая эпоха: Короли и Императоры Запада нашиваюпъ на свои маншіи алыі крестъ, и съ цѣлыми народами идушь по прудному пуши въ Палестину, на завоеваніе гроба, какъ всякій Христіанинъ, по примѣру Спасителя, неся свой крестъ, идепъ ко гробу по упоминельной пропинкѣ жизни. И на помъ мѣспѣ гдѣ волны Геллеспойша привѣспшвовали воиновъ Христа, спуспя два вѣка фанапическое племя съ мечемъ и съ кораномъ переходипъ впервые проливъ, чшобы сперетъ съ Европы одинокій, обвѣшпшпальный слѣдъ древняго міра, и водрузипъ полумѣспцъ надъ сполницею Христіанспва *.

Но среди эпихъ кровавыхъ воспоминаній сіяешъ надъ Геллеспонпомъ неугасимый лучъ воспоминаній поэпическихъ. *Звучный проливъ древняго Абидоса еще оплакиваетъ любовь и смерть зло-*

* Фридерикъ Барбарусса въ шрешемъ Крестовомъ походѣ прошель Геллеспонпшъ между Галиполи и Лампсакомъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Попомъ Солиманъ, сынъ Сулпана Орхана съ восьмидесяпшою воинами въ шемвую ночь, какъ шапъ, приспалъ къ Сеспосу; эшо былъ первый шагъ завоевателей на Европейскій материкъ, на помъ самомъ мѣспѣ гдѣ былъ построень моспъ Ксеркса.

получнаго Леандра *. На одичаломъ берсгу, гдѣ
 плющъ обвиваетъ блѣдную развалину, праздно-
 вались игры Венеры и Адониса, и на эпихъ
 играхъ родилась спрасъ Леандра къ Венериной
 жрицѣ. Сладоспраспныя ночи Геллеспонша бы-
 ли свидѣтельницами ихъ любовныхъ воспорговъ,
 и факель зажигался на эпномъ берегу, какъ звѣ-
 зда любви пушеводитиельница смѣлаго пловца.
 Послѣ той бурной ночи, копорая зависпливо
 потушила факель влюбленной жрицы — она
 вспревоженная увидѣда на разсвѣтѣ шѣло сво-
 его друга, принесенное привычными волнами къ
 ея башнѣ. Геро бросилась въ волны, чшобы раз-
 дѣлишь съ нимъ послѣднее ложе любви и смерши.

Вошъ преданіе, родившее одно изъ самыхъ
 нѣжныхъ швореній древней музы. Въ поэмѣ
 Музея любовь выражена со всѣмъ чувспвомъ
 аншологического вѣка поэзіи; она дышетъ шѣмъ
 избынккомъ спрасши, въ копоромъ излились по-
 слѣдніе вздохи жизни древняго міра, когда по-
 блекли всѣ его величія, когда успалый чело-
 вѣкъ, какъ бы въ предчувспвіи роковаго по-
 шока, долженспвовавшего разрушить спройное

* Музей.

зданіе сполькихъ вѣковъ, постышно допиваль послѣднія капли изъ чаши наслажденій, и оспавилъ намъ одни опрѣвисныя опголки своей поэзіи.

Байронъ создалъ на эпихъ берегахъ другую мечпу; и это поэпическое выраженіе нашего вѣка поставлено подлѣ свѣшлыхъ каршинъ древности, пакъ какъ на берегу Геллеспонпа распушъ вмѣспѣ кипарисъ и томный миртъ, эмблемами суровыхъ дѣлъ и сладострастной нѣги.

И какъ живо, какъ поэпически опражающся въ эпихъ двухъ поэмахъ эпохи ихъ породившія; въ одной спокойное сладоспраспие древности, одѣшое роскошными образами миеологіи, въ другой буйное сладоспраспие Воспока, очерченное кровію. Одна оканчивается плачемъ Нимфѣ, когда молодая жрица понешъ въ волнахъ, другая — писпомешнымъ выспрѣломъ.

Поворошивъ при одномъ изъ изгибовъ Геллеспонпа, мы, съ усиливавшимся южнымъ вѣспромъ, прошли между двумя послѣдними его городами. Галлиполи и Лампсакъ сидяшъ на двухъ маперикахъ при устѣяхъ Мраморнаго моря. Любовныя воспоминанія Абидоса невольцо были замѣнены въ моемъ воображеніи грубыми оргіями

древняго Лампсака; онъ и шеперь понешъ въ богатомъ прозябеніи садовъ, напоминающихъ любимое божество его жипелей, циническаго Пріана и его ословъ..... Какъ бы для пропивуположноспи, Галлиполи пользуется всеобщимъ уваженіемъ правовѣрныхъ, по находящимся въ немъ гробницамъ дервишей-свящопъ. Но и Галлиполи имѣетъ свои романшическія воспомина-нія; онъ служилъ мѣспопребывавіемъ Капаланъ, когда эши искашелн приключеній пришли опъ Запада защищашъ и грабиль Воспочную Имперію. Подобно Нордманамъ Съверныхъ морей, соединя пылкое, безпокойное геройство и рыцарскую чесшь съ жаждою грабежа и съ неугомонною склонносшію къ разбою, они выбрали Галлиполи гнѣздомъ своимъ, и какъ хищные орлы вылепали опсель на Оракію, на Малую Азію и на Грецію. Однажды въ крѣпоспи ошавалось только двѣспи воиновъ съ семейспвами поварищей. Генуэзскій Адмиралъ Дорія замыслилъ шогда овладѣшь ею, чшобы избавиль Имперію опъ безпокойныхъ госпей; а Генуя называла шогда Имперію своимъ садомъ. Капаланки вооружились, и какъ львицы дрались на баспіонахъ, и покрыли спыдомъ храбраго До-

рія; а мужья ихъ нашли попомъ, чпо рубцы придають особенную прелесть женскому лицу*.

Герои и героини ошправлялись въ шть времена на Воспокъ искашь приключеній и драшься, шакъ какъ шеперь мирные путешественники идушь смопръшь на чудеса Воспока, и искашь другихъ приключеній.

Два дня плавали мы въ Мраморномъ моръ, болъе придерживаясь Азіяшскаго берега, по слдамъ шого корабля, на коемъ Колумбъ древности велъ первыхъ рыцарей предприимчивой Греціи къ неизвъспнымъ имъ берегамъ. Золошо Колхиды манило ихъ шогда, какъ золошо Перу манило Испанцевъ. Бъдныя селенія замънили города упоминаемые въ плаваніи Аргонавшовъ, и ознаменованные кулачнымъ ихъ боемъ и разными проказами. Но всъ эпш преданія и рассказы спарины одъваются новою жизнью, когда случайно увидишь на берегу городокъ, и при вопросъ вашемъ лоцманъ ошвъпишь классическимъ именемъ древности, не подозръвая шого, чшо оно возбуждаешъ въ васъ какое нибудъ поше-

* Эшо съ большими подробностями описано у Муншамера, Испорика Капалановъ; онъ самъ начальствоваль женскимъ гарнизонемъ.

рянное воспоминаніе уроковъ, зашверженныхъ въ дѣлспшвѣ.

На Азіятскомъ берегу укрылся въ глубинѣ своего залива за громадою Мраморнаго оспрова, шопшь городъ, въ кошоромъ одержала первое шоржештве Религія Христа, въ кошоромъ вдохновенный сонмъ Свяшшелей завѣщаль ликующей Церкви ея вѣчный символъ.

Около вечера открылись на горизонтѣ нашемъ холмы и минарешы Сшамбула. Свѣжее дыханіе мусульманскихъ зефировъ Босфора зашпавило насъ черпшшь безполезные галсы. Приближаясь шо къ Европѣ, шо къ Азіи, мы при всякомъ поворотѣ находили на берегахъ какой нибудь городокъ, и вспоминали заблудшее его имя въ исторіи. Берега Мраморнаго моря были усяяны городами, эшо цѣлая обласшь предмѣстшій Всемирной сполшцы. Сшмъ берегамъ завѣщаль и великій Анншбаль свою гробницу, вдалекъ отъ враждебнаго Рима; его не шревожило предчувствіе, что здѣсь воцарштся новый Императорскій городъ съ шоржештвующшми орлами, со всѣми своими величшями, что сюда склоншшь къ успокоенію главу исполинъ Всемирной Имперіи соскучшвшій въ Ишалии, что сполшца міра, но-

ся въ себѣ зародышь неисцѣлимаго недуга, перейдешь къ этимъ берегамъ, чшобъ почерпнуть въ живительномъ воздухѣ Босфора жизненные силы, и влачить болѣзненное существованіе цѣлое тысячелѣтіе.

Селиврея, городокъ Европейскаго берега, раздѣлил нѣсколько времени съ Конспаншинополемъ славу бытъ столицей Имперіи, когда эпа столица была уже вдова всемірнаго царства, вдова сохраняющая только грустное воспоминаіе своихъ поржесствъ, и какъ пѣнь исчезала предъ полумѣсяцемъ.

На разсвѣтѣ мы шпилевали между предмѣстьемъ Св. Стефана и Скушарскимъ кладбищемъ. Съ какой стороны вы ни войдете въ мусульманскій городъ можете бытъ увѣрены, что дорога ваша лежишь между кладбищъ; пристань предмѣстія названа *пристанью мертвецевъ*; опть нея ежедневно гробы правотѣрныхъ переплывающъ море къ берегамъ успокоенія; къ маширику Азіи, гдѣ пребываютъ все мусульманскія свяшныи, и благочествые города Мекка и Медина. Свѣшмый Босфоръ здѣсь предспавляетъ каршину Ахерона; еспъ и особенныя лодки для

мершвецевъ, и шарики Хароны также взимаюшъ съ нихъ свой оболъ.

Ушреннее дыханіе Босфора шушило одну за другою послѣднія звѣзды, и ошдорожно снимало съ горъ дымчашое покрывало шумана. Мечешпи вѣнчающія холмы города одѣлись первыми лучами восходящаго солнца, но мѣспами еще лежалъ сомнипельный полусвѣщъ, какъ лѣнивое облако надъ ушреними снами и ушрению нѣгою Сшамбула.

Между широкими куполами и шонками минарешами Конспаншинопольскихъ мечешей поднимаешся шяжелая башня Сераскира; массивная, оловяная, коническая крыша надѣша на ней, какъ дервишская шапка. Эшо' памяшникъ послѣдняго великаго перевороша Турецкой Имперіи; башня Сераскира посшроена послѣ испребленія Янычаръ, и она первая привѣшшпвуешъ взоры пушешешвенника надъ шполицею Махмуда, опражая новую ея физиономию, шакъ какъ куполь Свяшаго Пешра надъ Каполическимъ Римомъ, какъ гошическіе шпицы надъ Германскими городами, какъ золошой шпиць сѣверной шполицы надъ гробомъ сѣвернаго Великана.

Нѣскольго часовъ мершвое безвѣшпріе держало

Фрегатъ неподвижнымъ предъ входомъ въ Босфоръ. Необъяснимая карпина Константинополя съ его цвѣшущими предмѣстїями, единственное и самое величественное въ мїрѣ зрѣлище, было раскинуто предъ нами, освѣщенное праздничнымъ блескомъ Іюльскаго дня. Широкой полуостровъ выдается въ море, обшнанный каменнымъ полемъ древнихъ стѣнъ. Босфоръ и Мраморное море смиренно омывающъ эти стѣны; воздушные сады съ высоты перасъ смотрѣтся въ прозрачную воду, и промежъ темной зелени кипарисовъ выглядываетъ золоченная кровля и непроницаемая рѣшетка. Нѣсколько зданій, по шпелыхъ и раздавленныхъ подъ свинцовыми куполами; по стройныхъ и легкихъ и фантасмически разнообразныхъ, сбѣжались въ группу чтобы очаровать взоръ.

— Это Сераль; его кипарисы не бросающъ своей грустной стѣни на кладбище; они какъ спражи ревниво закрываютъ подъ неувядающею зеленью игры и шалости Серальскихъ зашворницъ, коихъ жизнь улрылась въ стѣни, какъ во гробъ. Смотря съ этой стороны на дворецъ Султановъ, копорый занимаетъ проспран-

спво цѣлаго города *, и въ которомъ живутъ нѣсколько тысячъ невольниковъ, невольницъ, спражей и придворныхъ, вы подумаете, что въ немъ нѣтъ живаго существа, или что въ немъ все уснуло, какъ въ заколдованныхъ дворцахъ Арабскихъ сказокъ; Султанъ Махмудъ соскучился въ нѣгѣ этого эдема; его любимое мѣстопробываніе въ новопоспироенномъ дворцѣ на Азіяшскомъ берегу и въ Босфорскихъ предмѣстіяхъ; можешь быть ему шажки воспомнанія юности, проведенной здѣсь въ започеніи....

Мѣстоположеніе серала превосходитъ всякое описаніе; съ одной стороны взоры упоаютъ въ горизонтъ Мраморнаго моря, и его безпредѣльность внушаетъ чувствено опраднаго успокоенія, которое какъ капля росы освѣжаетъ душу. Помомъ группа Княжескихъ оспровокъ

* На мѣстѣ занимаемомъ серальскими зданіями была древняя Византія: на прошивулежащемъ берегу Азии незвачащее селеніе Кадикюн замѣнило древній Халкидонъ. О первоначальномъ основаніи Византіи древніе разсказывали, что Дельфійскій оракулъ посовѣщивалъ Македемонскимъ переселенцамъ основать новый городъ насупротивъ слѣпцевъ. Этого долго не могли понять; наконецъ пошли опыскивать *городъ слѣпцовъ*; пришедши къ устьямъ Босфора, и пораженные выгодами мѣстоположенія Европейскаго берега, располковали, что Пиеонисса назвала слѣпцами Халкидоняня, за то что предпочли Азіяшскій берегъ.

и Азіятскій берегъ — эша цѣпь широкихъ, цвѣшущихъ холмовъ, предмѣспій, долинъ и садовъ, переносишь: взоры въ Босфоръ, кипучій жизнию, съ его легкими гондолами, со спаями чайекъ, съ мирными дельфинами, копорые слѣдуютъ за кораблемъ изъ Чернаго моря, съ Султанскимъ флоромъ, съ дворцами, съ кладбищами и съ перрасами садовъ; попомъ заливъ составляющій Констанпинопольскій портъ и названный *золотымъ рогомъ*, предспавляетъ глубокую преспективу многихъ тысячъ домовъ и кораблей, по коей успалый взоръ бѣжитъ до мирнаго предмѣспія Эюбъ, и надъ копорою возвышающія холмы Спамбула и Перы и громады мечешей. Среди эшихъ чудесъ Констанпинополя, въ центрѣ амфиатра составленнаго изъ Европы и Азіи, небольшія зданія серала, перемѣженныя садами, производятъ самый живописный эффектъ. Никакая архитектура не могла бы лучше согласоваться съ магическою гармоніею столь разнородныхъ видовъ; и если бы огромный дворецъ споялъ на эпомъ мѣстѣ, его масса казалась бы мелкою и ничтожною, онъ бы перялся въ хаосъ пейзажей.... Въ началѣ прошлаго вѣка Французъ Турнефоръ хотѣлъ, чтобы

серальскія зданія были разрушены до основанія, и выспроился бы на эшомъ мѣспѣ дворець во вкусъ Лувра.

Около полудня подулъ свѣжій вѣшерокъ; нашъ фрегатъ прошелъ предъ Сулшанскимъ флотомъ съ громомъ салюповъ; нѣсколько разъ вѣшеръ измѣнялъ ему въ извивиспомъ проливѣ, и лавируя въ его узкости, легко накренившись, онъ граціозно лешълъ подъ полными парусами къ домамъ предмѣстій, и при быспрыхъ поворошахъ едва не задѣвалъ бушпиршомъ легкихъ домовъ и кіосокъ, въ коихъ Османлы, сидя на мягкихъ диванахъ, курили свои вѣчныя шрубки и освѣжались дыханіемъ Босфора.

Еспъ дома поспроенные надъ самымъ моремъ; брызги волнъ влепають въ опшворенныя окна; занавѣсъ надуваешся опъ вѣпра, какъ парусъ, и при порывахъ бури нерѣдко шашкое деревянное зданіе шрецишъ и гнешся какъ корабль.

Предъ вечеромъ мы бросили якорь у замка Румели-Иссаръ, поспроеннаго на Европейскомъ берегу, прошиву Азіяшскаго замка Анаполи-Иссаръ. Онъ сидишъ надъ плѣннымъ Босфоромъ, какъ каменная печашъ завоевашеля. Каждая изъ

Часть I.

3

пяпи башень соопвѣспивуепъ одной изъ буквѣ его ужаснаго имени. Онъ построень Магометомъ II не задолго до взятія Константинополя, когда Имперія Константиновъ заключалась вся въ стѣнахъ столицы. Рассказываютъ о его построеніи старую басню Дидоны съ кожей быка *; но Магометъ не нуждался тогда въ позволеніи Греческаго Императора, чтобы спрорисъ на его землѣ. Румели-Иссаръ памятенъ тѣмъ, что самъ Султанъ и всѣ вельможи работали при его постройкѣ, а поселянъ, копорые не были довольно усердны въ работѣ, или падали изнеможенные, заспроивали въ основаніяхъ. Европейцы назвали его попомъ замкомъ забвенія, потому что въ немъ содержались въ вѣчномъ започеніи преспуники.

Каикчи ** Турокъ, копорый везъ меня въ пошъ вечеръ съ фрегата въ Буюкдере, объ эпомъ ничего не зналъ; но онъ съ особеннымъ ужасомъ показывалъ мнѣ низкія вороша у моря, изъ копорыхъ въ одну ночь выбросили въ море нѣсколько тысячъ Янычаръ; ихъ увѣрили,

* Каятемиръ. Кн. 3. Гл. I.

** Гребцы Константинопольскихъ кайковъ.

что они помилваны, что кайки ихъ ожидаютъ для переевоза въ Азію; узкій корридоръ подъ крѣпостною стѣною ведетъ къ этому выходу, и по мѣрѣ пого какъ они нагнувшись выходили, палачи ихъ хватали, душили и бросали въ Босфоръ.

Подобными воспоминаніями изобилуетъ Константинополь; среди восшорговъ возбуждаемыхъ роскошною природою Босфора, они обдаютъ васъ холодомъ.

ГЛАВА III.

ОТПРАВЛЕНІЕ РУССКАГО ФЛОТА И ВОЙСКА ВЪЗЪ БОСФОРА. — ДѢЛА
 ИБРАГИМА И МЕХМЕДЪ-АЛІА. — РЕКРУТЫ И ВЕРЕМЮДЫ. — ПАМЯТНИКЪ
 НАШЕГО ЛАГЕРЯ. — ПРАЗДНИКЪ, ВАЛѢ И РАЗСКАЗЫ. — ВСТРѢЧА СЪ
 МАХМУДОМЪ. — ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ЕГО НАРУЖНОСТИ. — АЛЕКСАНДРЪ ГРОЗ-
 НЫЙ. — ЕГО ВЪЗГЛЯДЪ. — КОСТЮМЪ. — ЭТИКЕТЪ ПЛАЩЕЙ. — УСПѢХИ
 МОДЫ. — НАСЛѢДНИКЪ МАХМУДА. — ПРОСЬБЫ — РѢЧЬ ИМАМА. —
 ДОЧЕРИ МАХМУДА. — РАЗЛУКА СЪ СУПРУГАМИ. — СУДЬБА ОСМАНОВА
 ПЛЕМЕНИ. — РѢШЕТКА. — СУЛТАНСКОЕ СРЕМЯ. — ВОСПИТАНІЕ И ЮНОСТЬ
 МАХМУДА. — СЕЛИМЪ. — МУСТАФА. — МУСТАФА-БАЙРАКТАРЪ. — ПЕР-
 ВОК УТРО. — КРОВОПРОЛІТІЯ И ПОЖАРЬ. — ТВЕРДОСТЬ СУЛТАНА. —
 ЧУДЕСНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

За нѣсколько дней до нашего прибытія въ
 Босфоръ Черноморскій флотъ поплылъ обратномъ
 къ берегамъ Россіи, вмѣстѣ съ войскомъ, копо-
 рое было расположено лагеремъ въ долину Азі-
 япскаго берега Хункяръ-Скелеси*. Воля Импе-
 ратора исполнилась; благородная, великодушная
 цѣль была достигнута, въ глазахъ изумленной
 Европы; миръ водворился въ сосѣднемъ госу-
 дарствѣ, и древняя династія Османа удержала
 свои права.

* Или Султанізі-скелеси, пристань Султана.

Африканскій полководецъ, побѣдитель Веггибишовъ и бичъ Пелопонеза, смирился предъ орлами Сѣвера; одной Африкѣ были незнакомы эти орлы, копорые недавно облекли всю Европу, и влещъли въ сердце старой Азіи. Смуглые полки попомковъ Сезосприса, копорымъ пришился сонъ его баснословныхъ походовъ, пробывъ нѣсколько времени въ бездѣйствіи послѣ Иконійской битвы, опшпустили наконецъ за черпу Сирійскаго Пашалыка, дарованнаго по новымъ договорамъ Мехмедъ-Алію, и возвратились съ свои знойныя спѣши рассказывать сѣдому Іуду о чудесномъ появленіи невѣдомыхъ имъ иль на защиту Византіи.

Такъ кончилась эта война, прозванная *войною нвалидовъ*; съ одной стороны народъ соснаѣвшійся въ славу сдѣлался рекрутомъ въ своей регулярной обмундировкѣ, съ другой — честполюивый полководецъ задумалъ опрокинуть Опшпоадскій колоссъ, солдашами, копорыхъ, по свившельству очевидца, привязывали десятками въ хвосту верблюда, чшобы буксировать на поды. И всю эту сумашоку Воспока кончила русская дивизія съ небольшимъ отрядомъ Кокковъ и съ Черноморскимъ флотомъ; Египецп-

ская конница не прискакала распоптать пре-
красные берега, покровишельствуемые нашим
силами.

Я поспѣшилъ къ тому мѣсту, которое не
давно было занято лагеремъ; будущая весна
наброситъ свою зеленую мантію на пыльные
слѣды Козака. Это одна изъ лучшихъ долинъ
Босфора; свѣжая рѣчка Токапъ бѣжитъ по ней
среди каштановыхъ деревьевъ и плашановъ; она
называлась Босфорскимъ Нимфеємъ, въ ту эпоху
когда Нимфы Босфора были не Мусульманки. В
ней расположилось лагеремъ Кресповое войско
Лудовика VII; промышленники столицы открыли
предъ лагеремъ свои лавки, и были ограблены
Кресповосцами *. Эти воспоминанія шепотомъ
оживляются свѣжими воспоминаніями другаго
Христіанскаго лагеря и другихъ воиновъ, ко-
торые впрочемъ никого не ограбили. При Кр-
сповосцахъ споялъ здѣсь какой-то памятникъ
названный *золотою колонною*; огромный ош-
мокъ гранита поставленъ шепотомъ на высоко-
мъ холмѣ памятникомъ нашего войска.

Графъ Орловъ далъ праздникъ предъ ош-

* Michaud.

вленіемъ Русскихъ въ возвращенный путь, праздникъ, какого еще не видали берега Босфора, въ кошоромъ Европа и Азія соединили блескъ своихъ огней, и эхо двухъ міровъ согласно разливалось въ пятидесяти роскошныхъ долинахъ Босфора громъ Русской артиллеріи и Русское поржешвенное ура! Блещательный походъ, увѣнчанный полнымъ успѣхомъ, достойно заключился подобнымъ празднешвомъ. Нѣсколько дней прошло, и Буюкдерскій праздникъ принималъ уже въ разказахъ проспаго народа шопъ колоритъ, кошорымъ одѣваюшся на Воспокъ, въ спранъ чудесъ и волшебниковъ, преданія спаринны и воспоминанія о дворѣ Халифовъ.

Эшо былъ первый Европейскій праздникъ, въ кошоромъ присушешвовалъ Халифъ Воспока; Сулшанъ Махмудъ около полуночи прибылъ въ Буюкдере на своемъ парходѣ, и былъ зрешелемъ, и изъявилъ свое удовольешвіе нашимъ Генераламъ и Посланнику. Недавно видѣли его въ Азіяшскомъ лагерѣ, гдѣ онъ дѣлалъ смопрѣ двумъ союзнымъ войскамъ, и слушалъ рапоршны Русскихъ гренадеръ, и привѣшешвовалъ порусски ихъ спройные ряды.

Съ 1826 года образъ жизни эпого необычно

веннаго чловѣка совершенно перемѣнился; одѣтый пррспо, Европейскимъ офицеромъ, онъ сполько же занявъ своими полками, сколько его предшественники занимались гаремами; и въ дѣятельномъ порывѣ своихъ преобразованій, онъ болѣе имѣетъ движенія въ нѣсколько дней, нежели многіе изъ нихъ во все свое царствованіе. Самая его физіономія значительнао измѣнилась; лице его прежде было покрыто болѣзненною блѣдностію — цвѣтомъ гаремовъ; а окружающая его пышность серала еще болѣе увеличивала природную его суровость. Въ мое послѣднее пребываніе въ Конспаншинополѣ я не могъ надивиться найденнымъ мною перемѣнамъ въ немъ. Первый разъ случайно я встрѣчилъ Сулшана въ одномъ изъ предмѣстій, въ Бешикпашѣ, на набережной; онъ выходилъ опѣ Сулшанши, любимой сеспры. Сперва я его не узналъ, однако жъ успѣлъ во время оспановишься и поклониться ему; на поклоны Европейцевъ и своихъ подданныхъ онъ обыкновенно опвѣчаетъ ласковымъ взглядомъ и улыбкою, но головою даже не киваетъ. Теперь лице его приняло легкій колоритъ лагерной жизни; его выраженіе сдѣлалось живо и проникательно; но его взглядъ

неподвижно и птяжело падаешъ на васъ, и въ немъ пшайтсѣ чшо-шо, напоминающее судьбу Янычаръ. Царедворцы называютъ его Александръ Грознымъ *; одинъ его взглядъ оставилъ бы, словно каменная стѣна, сто тысячъ Яджуджи **. Его огромный фесь, на коемъ рассыпалась шелковая киспъ, спускаешся до самыхъ бровей, и придаешъ лицу его еще болѣе мрачности. Онъ теперь носитъ бороду весьма коротко осприженную; она совершенно черна; подозрѣваютъ чшо онъ ее краситъ, чшобы сдѣлать свою физиономію болѣе мужесшвенною; онъ росша средняго, но плечиспъ и хорошо сложенъ; говорятъ чшо онъ весьма здороваго сложенія, и ненавидитъ Медицину и медиковъ. Онъ гораздо красивѣе на лошади, и съ шого времени какъ принялъ новый костюмъ и ѣдитъ на Европейскомъ сѣдлѣ, онъ легко и свободно на Арабскомъ жеребцѣ скачешъ предъ фронтномъ. Сул-

* Грозный въ Турціи имѣешъ то же значеніе какое имѣло въ Россіи всшариву.

** Яджуджи и Маджуджи, или Гоги и Магоги, баснословные народы, опъ-нашешствій конхъ, по мнѣнію Восшочныхъ, Александръ Македонскій поспроилъ спивну. Эшо выраженіе Турецкаго исторіографа.

панъ одѣвается съ большимъ вкусомъ, и на немъ можешъ понравиться введенный имъ коспюмъ, копорый нерѣдко *плачетъ*, по выраженію Монпеня, на важныхъ Османлы. Особенною изящностію опличается его французскій сапогъ и золошная шпора. Долго не хопѣль онъ при Европейскомъ своемъ коспюмъ надѣшь перчатки, наконецъ и перчатки вошли въ число нововведеній. Рѣдко можно его видѣшь безъ плаща, какъ и всѣхъ знатныхъ людей въ Турціи. Турки шакъ много издѣвались надъ узкою одеждою Европейцевъ, человекъ казался имъ шакъ мелокъ, шакъ неприсвоенъ въ нѣмецкомъ плашьѣ, чпо и шеперь они все какъ-шо совѣспяшся показывашся въ куршкахъ и въ казакипахъ, особенно предъ народомъ, и чпобы не пошеряшь своей важности, накидываюшь легкіе круглые плащи яркихъ цвѣшовъ на свой новый коспюмъ. Прежній эпикешъ шребоваль, чпобы къ важнымъ людямъ и вообще къ высшимъ являшся всегда въ дорожномъ плашьѣ, *бенишъ*. Когда даже были церемоніальныя аудіэнціи Европейскихъ посольствъ, при выходѣ изъ залы надѣвали на Посланниковъ и на всю свишу почешные кафшаны, какъ бы изъ сосшраданія къ ихъ нагошѣ. Въ

этихъ аудіэнціяхъ Европейцы не имѣли даже обычая сниматьъ шляпы; было бы весьма неучливо сидѣть съ открытою головою, какъ будшо въ банѣ, въ присушствіи такого важнаго лица, каковъ напримѣръ Великій Визирь.

Теперь любопытнѣе всего слѣдитъ въ Константинополь какимъ образомъ пересиливаются по немногу эти старыя, наслѣдственные понятія Турокъ. Мода начала борьбу свою съ ними; доведетъ ли она и Турокъ до того, чшобы, подобно Европейцамъ, каждое поколѣніе не могло безъ смѣха сморѣть на костюмы своихъ опцевъ?.... Говорятъ, чшо это необходимо для образованія и для успѣховъ гражданственности.

Подобныя мысли невольно навѣщаютъ васъ, когда видите предъ собою Великаго Халифа, о пышности и воспомощномъ великолѣпніи коего сполько слышались съ дѣшства, когда его видите въ нарядѣ, въ кошоромъ онъ болѣе похожъ на козацкаго офицера, нежели на Османскаго Падишаха. Черный восьми-весельный кайкъ безъ всякихъ украшеній ожидалъ Султана у приспани; гребцы были Греки, въ легкой одеждѣ Босфорскихъ моряковъ. Онъ быспро прорѣзалъ Босфоръ до новаго дворца на Азіат-

скомъ берегу въ Беглербеъ, гдѣ шеперь любимое его мѣстопребываніе.

Я вспомнилъ еще недавніе годы, когда двадцать пышныхъ гондолъ горѣли какъ жаръ на волнахъ *Богаза**, и мчали Сулпана съ его дворомъ изъ Серая въ предмѣстія или въ мечеть. Двадцать шестъ боспанджи** гребли золоченными веслами на золоченномъ Качамба; подъ альмъ балдахиномъ сидѣлъ повелишель правовѣрныхъ, и предъ нимъ на колѣнахъ рабы и придворные. Боспанджи-Баши, мрачный исполнишель шайныхъ казней, управлялъ рулемъ; впереди ѣхалъ серальскій сановникъ Девлендъ-Ага, и съ благоговѣніемъ держа въ рукахъ богашую чалму, наклонялъ ее по обѣ стороны, въ знакъ Сулпанскихъ привѣтствій народу; за Качамбою лешѣла легкая Сулпанская гондола, копорая опъ оспроконечной формы своей получила названіе Кирлангичъ, ласпочка, и копорая должна была везти Сулпана обратню въ Сераль. Башпарей адмиралшейсва, башпарей Серая гремѣли, и регулярные аршиллериспы *топчи*, выспроенные предъ

* Пролива.

** Такъ назывался корпусъ внутренней стражи серая; боспанджи собственно значить *хранители огородовъ*.

красивыми казармами Топханы, стройно и мѣрно кланялись до земли своему Падишаху. Теперь только по пятницамъ, когда Султанъ ѣдетъ въ мечеть, его окружаетъ нѣкопояная пышность, впрочемъ весьма измѣнившая свой воспочный характеръ.

Онъ съ каждымъ годомъ уменьшаетъ придворные чины прежняго многосложнаго церемониала его Двора, въ коемъ соединились обычаи Ташарскихъ Хановъ съ безконечнымъ эшикешомъ Визаншійцевъ: пошъ долженъ былъ нести чалму и кланяться народу, другой серебряный кувшинъ съ водою для уполенія жажды Султана, другой подножіе на которое спановилъ онъ садясь на лошадь, другой сыпашъ предъ нимъ народу горсти монеты; строй мрачныхъ усачей чаушъ окружалъ его, и когда слѣзалъ онъ съ коня, они хоромъ кричали: *да сохранитъ Аллахъ Падишаха, нашего господина, что такъ вѣрно напоминаешь полхронисонъ, превозглашаемый пѣлохраниителями Цезарей.*

Въ первыхъ числахъ Іюля праздновалъ Серамъ переводъ изъ одного класса ученія въ другой Султанскаго наследника Абдуль-Хамида. Я былъ съ полпою народа у мечети Махмудіэ,

въ кошорую Сулшанъ повелъ въ эпошъ день своего сына. Первый разъ показывался публично народу молодой Принцъ, коему совершилось тогда десяшь лѣтъ. Гвардейскіе полки были выспроены съ обѣихъ сторонъ улицы; Шахзаде* въ коспюмѣ регулярнаго офицера ѣхалъ впереди своего опца, и весь дворъ сопровождалъ въ эпошъ день своего повелишеля въ мечешъ, гдѣ наслѣдникъ долженъ былъ приняшь благословеніе имама при началѣ новыхъ уроковъ.

Нѣсколько просьбъ были предспавлены Сулшану предъ входомъ его въ мечешъ; это всегдашній обычай въ Турціи; шеспвіе во храмъ—это единственнѣйшій случай, въ кошоромъ подданные приближаются къ Монарху; тогда ему приносящъ свои жалобы, какъ будто бы предъ часомъ молишвы сердце его доспужно всѣмъ несчастнымъ его державы.

Въ рѣчи, кошорую имамъ произнесъ въ пошъ день Сулшану, онъ навывалъ мододаго Принца »прекраснѣйшимъ изъ цвѣшковъ на великомъ »цвѣшникѣ правопы и державы; драгоцѣннѣйшимъ ошроспкомъ въ саду величія и побѣдъ; »красивѣйшею перлою монархіи, блиспапель-

* Сынъ Шаха; такъ пменуюцца дѣши Сулшановъ.

»нѣйшею звѣздою на ясномъ небѣ народнаго
 »благополучія и мира. Въ немъ все дышетъ
 »благородствомъ и великолѣпьемъ его грознаго
 »опца, (да ниспоплетъ ему победы великій
 »Аллахъ!) Молодая вѣпвь его существова-
 »нїя, шакъ величественно роспелъ въ глазахъ
 »удивленнаго его совершенствами Двора, и укра-
 »шаетъ собою виноградникъ Халифаша, обеща-
 »покрышь весь мїръ своею шѣнїю.« Подобныя
 напыщенности Воспока оспались у Турокъ вмѣ-
 спѣ съ преданїями о древнемъ ихъ могуществѣ;
 можетъ бытъ шогда имѣли свое значенїе, ше-
 перь это проспо рипорическія фигуры, при-
 своенныя языку; лишерашура переживаетъ
 народъ.

Махмудъ съ нѣжностїю любитъ своего сы-
 на и дочерей, особенно старшую изъ нихъ, о
 замужствѣ копорой съ Халиль-Пашею уже
 поговаривали въ Спамбулѣ. Вспарину Сулпанши*
 были выдаваемы за владѣтельныхъ Князей, сво-
 ихъ вассаловъ; Магомешъ III спалъ ихъ выда-
 вать за своихъ сановниковъ, пошому чшо у не-

* Сулпаншами называющіяся сестры и дочери Сулпановъ; рав-
 нымъ образомъ шшло Султана принадлежитъ всемъ При-
 цамъ крови.

го было двадцать пять сестер и множество дочерей. Съ того времени замужство Княженъ вошло въ финансовую систему Серая; ихъ обручали еще въ колыбели съ самыми богатыми Пашами, которые должны были ежегодно вносить значительную сумму на ихъ содержаніе. Нерѣдко молодая Княжна до эпохи своего замужства успѣвала пережить многихъ спарыхъ жениховъ, и когда выходила замужъ, Паша дожившій до этой чести, долженъ былъ оставить въ скоромъ времени столицу, и не имѣлъ права взять съ собою супругу. Теперь это измѣнилось; Халиль-Паша, зять Султана, живущъ въ Константинополѣ съ своею супругою.

Султанши дочери Махмуда жили въ это время въ новомъ дворцѣ въ Беглербеѣ; нѣсколько разъ мой кайкъ проѣзжалъ подъ ихъ окнами, и за рѣшешкою мелькали сомнительные силуэты женскихъ лицъ. Дочери Султана едва ли пользующіяся въ своей молодости большею свободою, нежели серальскія одадьки; но Махмудъ часто ихъ навѣщаетъ; любитъ опдыхать въ кругу своего семейства опъ заботъ престола, занимается какъ увѣряющъ самъ ихъ воспитаніемъ, и подобно Спаршанскому царю при-

нимаешь участіе въ играхъ малолѣтнихъ дѣшей.

Оспасаешь увидѣшь: измѣнишь ли Султанъ внушрешнюю, семейную полицику Серая, или будешь руководствоваться правилами своихъ предшественниковъ. Въ такомъ случаѣ человѣколюбіе заспаляетъ пожелаешь, чтобы семейство его не умножалось. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о судьбѣ Султанскаго племени въ Турціи.

Было время когда сыновьямъ и братьямъ Султановъ ввѣрялось управленіе Пашалыковъ и войска, какъ дѣлалось прежде въ Аравійскомъ Халифатѣ, какъ и теперь дѣлается въ Персіи. Нерѣдко бунтовались они, какъ напримѣръ *Досемъ*, братъ Баязета, споль извѣстный въ Европѣ подъ именемъ Султана Зизими, и отправленный Папою Боржіа въ Римъ, и многіе другіе. Такъ какъ наследство въ Турціи принадлежитъ по закону не сыну Султана, но брату его, и старшему въ родѣ, были примѣры, что Султаны измѣною освобождались отъ всѣхъ своихъ братьевъ, чтобы оставишь престоль любимому сыну. Солиманъ II ввелъ систему держашъ Принцевъ въ

серальскомъ заключеніи; а при Ахметъ I эта система получила свое полное развитіе.

Они содержатся въ особомъ отдѣленіи Серала, называемомъ *Кафасъ* *, и окруженномъ высокою стѣною; при каждомъ изъ нихъ находится нѣсколько рабовъ и пажей; никто изъ нихъ не можетъ имѣть никакихъ сношеній съ оспальною частію дворца; выйдетъ изъ своей пещицы или мерзвѣй для перемѣщенія въ серальское кладбище, или по смерти своего спаршаго брата, для вспуленія на его прешоль. Не одинъ разъ для уняшія Явчыарскихъ мяшежей Сулпаны должны были поспѣшно посылать нѣмыхъ со свурками къ своимъ братьямъ, чшобы смертію ихъ освободиться отъ опасности бытъ сверженными съ прешола буншовщиками, копорые могли возвести другаго на ихъ мѣсто. Въ случаѣ тяжкой болѣзни заключенника нужно особенное повелѣніе Сулпана, чшобы привести врача; и даже мать его, если она живетъ въ спаромъ сераль, не можетъ безъ Сулпанскаго позволенія бытъ къ нему впуцена. Безчеловѣчіе и жестокость Вос-

* Кафасъ значить рѣшетка или клѣтка; на этомъ основано спаршиое сказаніе будто Тамерланъ держалъ Балзеша въ клѣшкѣ.

почной полипики не ограничивающа эпимъ. Заключеннымъ Принцамъ даеся по нѣскольку Одалыкъ безплодныхъ, или копорыхъ полятъ разными напйшками, предупреждающими дѣшпороженіе; а если и родишся дйша, оно должно непременно умереть въ первые часы своего существованія *.

Таковъ былъ доселѣ образъ жизни Сулпановъ, копорые гошовились наслѣдовашь прешполъ. Одни черные евнухи были ихъ воспитателями и наспавниками; для препровожденія времени обыкновенно заспавляли ихъ переписывашь коранъ, и учили какому нибудь рукодѣлю; нерѣдко они, получивъ охощу къ своимъ занятіямъ, продолжали ихъ и по вступленіи на прешполъ, продавали свою работу за высокую цѣну, и употребляли на благодѣанія вырученную сумму,

Эша полипика Сераля имѣла слѣдствіемъ по, что цѣлый рядъ Сулпановъ глупыхъ и изнѣ-

* Законъ эшопъ преширается и на дѣшей мужскаго пола, раждаемыхъ ошъ замужнихъ дочерей Сулпана. Эпимъ предупреждается размноженіе Сулпанскаго племени. Домъ Аббасидовъ при Абдаллахъ III Мемунъ сосшолъ изъ 33,000 князей и княженъ. (Охсонъ.)

женныхъ, занялъ воинственный престолъ Османъ. Селимъ II подалъ преемникамъ своимъ примѣръ продолжавшъ и на престолѣ изнѣженную жизнь Сераля. Не такъ было при первыхъ десяти Сулпанахъ, коихъ царствованія бросающъ столю яркій блескъ на первыя времена Турецкой Монархіи. Тогда Сулпаны, подобно древнимъ Халифамъ, сами предводилешествовали войскомъ, и проводили большую часть своей жизни на конѣ и въ лагерь. Но опъ этого осмался послѣ нихъ только обычай адресовашъ всѣ рапорты Визиря къ *Султанскому стремени*. Эта формула, замѣняющая у Турокъ Европейское выраженіе *подножіе престола*, употребляется также и въ Сулпанскихъ фирмангахъ.

Обратимся къ Махмуду. Махмудъ II, или какъ онъ официально именуется *Султанъ Махмудъ Ханъ, сынъ Султана Абдуль-Хамида Хана, всегда побѣдитель* *, родился въ 1785 гду. По

* Это значеніе Сулпанскаго шифра *Тура*, который пишется въ началѣ фирмановъ, вырѣзывается на мраморахъ Сулпанскихъ зданій и на монетахъ. Титулъ Сулпановъ произвольный; каждый изъ нихъ при вспуленіи своемъ на престолѣ препоручаетъ своему исторіографу сочинить самый блистательный титулъ изъ восточныхъ метафоръ и гиперболъ; главною кра-

смерши его ошца пресполь достался старшему въ Сулпанскомъ родѣ Селиму III, а Махмудъ и синаршій его братъ Мусшафа были запершы, какъ водится, въ *Кафасть*, и вѣроятно ничего не знали о проексахъ и неудачахъ своего двоюроднаго брата, когда бунтъ Янычаръ свергнувъ его съ престола, повелъ его въ темницу Мусшафы, и вызвалъ Мусшафу на упраздненный пресполь. Нѣтъ сомнѣнiя что злополучный Селимъ могъ это предупредить, если бы въ минуту опасности рѣшился предать смерши заключенныхъ Сулпановъ; въ Турціи это было бы не ново; право самосохраненiя оправдывало бы его въ глазахъ народа, привыкшаго видѣть кровь у спупеней Сулпанскаго престола; родоначальникъ Сулпановъ Османъ далъ первый примѣръ своимъ преемникамъ, собственноручно умершвивъ своего дядю Дундаръ-Эльба; Баязешъ убилъ своего единороднаго брата, Мурадъ II чешырехъ брашьевъ, Селимъ I пять брашьевъ и племянниковъ, Мурадъ III пять младшихъ брашьевъ, и Магомешъ III, въ самый день возшешвія своего на пресполь, предалъ смерши девашьнаццашь родскою шипула считается, чшобы разныя его фразы ршмовали между собою.

ныхъ брашневъ; такимъ образомъ первые четырнадцать Сулпановъ всходили на пресполь сынъ послѣ отца, умерщвляя родственниковъ. Но когда явился предъ спѣнами Сераля Муфши, посланный отъ буншовщиковъ съ фешвою о низложеніи Селима, крошкѣй Сулпанъ впустилъ его, выслушалъ, и покорился своей судьбѣ.

Эшо было въ Маѣ 1807; Махмуду было тогда 22 года; его заключеніе усладило присущивіемъ сверженнаго Сулпана, и его умъ озярлся уроками его спрадалъческой опытности. Дололь при немъ былъ въ качествѣ наспавника какой-шо фанашикъ ходжа. Чшо могло бытъ для Махмуда поучительнѣе наспавленій Селима, копорый узналъ отъ просвѣщенныхъ людей, окружавшихъ его пресполь, всѣ преимущества Европейской образованности, копорого высокѣй умъ умѣлъ составить сполько обширныхъ и спасительныхъ для его Державы плановъ, и копорый извѣдалъ всю горечь скрывающуюся подъ блескомъ и величѣемъ? Ихъ заключеніе продолжалось около шести мѣсяцевъ; оно обрашилось въ классъ полипики и морали; учителемъ былъ прежній Сулпанъ, ученикомъ будущій Сулпанъ; но Махмудъ въ эшо время

имѣлъ одну перспективу долгаго плѣна, и старался только усладить свое одиночество пріятными занятіями. Увѣряюшъ что Селимъ успѣлъ внушить ему вкусъ къ Восточнымъ липерапурамъ, и вмѣстѣ съ нимъ читалъ Арабскихъ поэтовъ; Селимъ былъ самъ усерднымъ почитателемъ Восточныхъ Музъ, и всѣ помнятъ въ Конспаннинополѣ элегію, сочиненную имъ въ эту эпоху, и въ которой выражается не сожалѣніе объ утраченномъ престолѣ, но умилительная философія.

Селимъ обратилъ вниманіе и на характеръ своего пипомца, и силился умѣришь въ немъ раннюю заносчивость, пылкость и склонность къ жестокости. Рассказываютъ что нерадѣніе и лѣность одного раба привела Махмуда въ бѣшенство; онъ вспалъ съ дивана, побилъ его и распиналъ ногами. «Махмудъ, сказалъ ему укоряющимъ голосомъ сверженный Султанъ, который присуществовалъ при этомъ, когда прои-»
 «дешь чрезъ горнило свѣща, споль легкая вина
 «не приведетъ тебя въ гнѣвъ; когда потерпишь,
 «какъ я пертълъ, научишься соболѣзновать и
 «спраданіямъ раба.»

Бѣсѣды Селима безъ сомнѣнія способствова-

ли развитію ума Махмудова, но врядъ ли умѣрили онѣ его характеръ; и можетъ быть былъ нуженъ въ будущемъ исполнителей плановъ Селима, разрушенныхъ отъ недосыпнаго швердосни и жестокосни въ его характерѣ, непреклонный и жестокій нравъ Махмуда.

Между тѣмъ въ Конспаннинополѣ гопювилась великіе перевороты. Муспафа-Байракшаръ перемѣнилъ судьбу Сулпановъ. Эпопъ Муспафа былъ сперва начальникомъ шайки Дунайскихъ пирашовъ. Правишельство, видя невозможность его наказашъ, сдѣлало его своимъ приверженцемъ, ввѣривъ ему зацщпу береговъ, служившихъ театромъ его разбоя. Въ послѣдствіи его способности обрашили на себя вниманіе Селима, и Муспафа-Байракшаръ былъ сдѣланъ шрехбунчужнымъ Пашею Рущука. Прзнапельность къ облагодѣшельствовавшему его Султану заставила Муспафу рѣшиться на несмыханный въ Турецкихъ лѣтописяхъ подвигъ. Онъ скръпно съ войскомъ своимъ приблизился къ столицѣ, и когда показался у воровъ Серая, перепуганные Янчыаре не осмѣлись выйпи на зацщпу возведеннаго ими на престолѣ Сулпана. Муспафа въ эпо время спокойно гулямъ въ Гѣкъ-Сою на

Босфоръ; къ несчастію спража не впустила Байракшара, и между штыбъ какъ онъ ломаль одни за другими серальскія вороша, Султанъ скрышно моремъ прѣвхаль во дворець, и далъ поспѣшное повелѣніе Кизляръ-Агъ и чернымъ евнухамъ умершвишь Селима. Онъ съ черною радостію взглянулъ на шрупъ своего родственника, пощадившаго его въ подобныхъ обстоятельстввахъ, и велѣлъ выдать его Байракшару, конерый, вбѣжавъ во дворець, громко звалъ своего Султана и благодѣтеля. Когда израженный кинжалами шрупъ Селима предсхавился взорамъ Байракшара, эшонъ суровый пиранъ со слезами и съ рыданіемъ бросился лобызавъ еще не охладѣвшія руки своего благодѣтеля; досада и бѣшенство и неизвѣстное ему дошлогъ чувство скорби спѣснилась жъ его сердце, и лишили его способности дѣйствовать въ сиюль критическую минушу; его оподвижникъ Сеидъ-Али, Капшанъ-Паша, далъ повелѣніе схвасишь преспунаго Мусшафу, чинобы предупредишь убіеніе Махмуда. Неприкосновенность гарема была нарушена; Мусшафа вырванъ изъ среди Одалыкъ, между конми искалъ онъ спасенія; но Махмуда нигдѣ не находили; подозрвали, не

паль ли онъ уже жершвою жестокоспи своего брата — и тогда Мусшафа оспавался одинъ въ родѣ Османа, и непремѣннымъ Сулпаномъ и судьейо буншовщиковъ. Байракшаръ былъ въ швердомъ намѣреніи въ шакомъ случаѣ излишь свою месшь на Мусшафу, кошораго жизнь была въ его рукахъ, коша бы съ нимъ погибла вся Турецкая Монархія.

Гдѣ же нашли Махмуда? Будущій Сулпанъ, предъ именемъ коего должны были шрепешашъ миллионы, былъ спряпанъ въ шемномъ углу гарема, подъ подушками и шюфяками; любимая невольница его спасла, увидѣвъ судьбу Селима; а уже было дано онъ Мусшафы повелѣніе убить и роднаго брата.

Махмудъ думалъ что его ищущъ убійцы, когда пришли возвѣсшишь ему, что его ожидаетъ прешполъ. Байракшаръ, еще въ испушленіи гнѣва и печали, паль ниць предъ новымъ Сулпаномъ, кошорый поднялъ его, называя своимъ избавишелемъ и Великимъ Визиремъ.

Нашпушила ночь; эшо была ночь казней; Махмудъ, или можешъ бышь Байракшаръ, въ рукахъ коего находились тогда судьбы Имперіи, явился грознымъ мспишелемъ шверженія

Селима и его прагической кончины. Зачинщики Янычарскаго мяшежа были схвачены и задушены; женщины Сулпанскаго гарема, кошорыя и въ своемъ зашворничествѣ имѣющъ иногда весьма сильное вліяніе на серальскіе перевороты, и кошорыя въ эсихъ обшояшельствахъ благопріятствовали Мустафѣ, были зашпы въ мѣшки и брошены въ Босфоръ близъ башни двѣи, Кизъ-Кулеси. На другое утро были высавлены у воровъ Серая шридцать при головы серальскихъ сановниковъ, и среди ихъ аристокрашически спояла на серебряномъ блюдѣ черная голова Кизляръ-Аги.

Таково было первое утро царствованія Махмуда. Полагающъ что это кровавое опкрышіе великой драмы Махмуда, оставило глубокое впечатлѣніе въ его характерѣ, и опщывалось пошомъ во всѣхъ великихъ переворотахъ, при немъ совершившихся. Навѣрное можно сказаць, что его нравъ, вышедшій желѣзнымъ изъ рукъ природы, закалился въ спаль въ эсихъ волнахъ крови, кошорыя бросили его на пресполь Османа.

Байракшаръ насшавалъ на шомъ, чтобы малодушный Мустафа заплашилъ своею жизнію умерщвленіе Селима; онъ говорилъ Сулшану,

что собственная его безопасность требовала этой жертвы, что Янычаре не просиять своего уничтоженія, и что пока Муспафа живъ онъ не могъ быть спокойнымъ на престолахъ. Въ Турціи сочли рѣдкою добродѣтелью, что Махмудъ не рывился тогда же принести эту жертву своей безопасности, и сохранилъ дни брака.

Первымъ помысломъ Махмуда было: продолжать преобразование начатое Селимомъ. Онъ хотѣлъ дать сперва правильное образование Янычарской дивизіи Сейменовъ, приверженной къ Селиму, и окружилъ себя всеми Министрами и любимцами его, которые избѣгли Янычарской мести. Между ними Байракшаръ былъ всесилецъ, и его войско держало Спамбулъ въ шрепетномъ повиновеніи. Но онъ своею вспыльчивостію, презрѣніемъ къ стариннымъ обычаямъ и къ обрядамъ религіи нажилъ только всеобщую ненависть; а неограниченное его могущество дѣлало его въ шягосиь самому Султану. Когда онъ отрядилъ большую часть своего войска на защиту своего Пашалыка (тогда была война съ Россією), мятежъ немедленно вспыхнулъ.

Ужасы, коиъ Константинополь былъ неапрѣмъ въ продолженіе трехъ дней, превосхо-

длѣть всякое описаніе. Пожаръ лѣлся по городу; Янычаре подожгли дворецъ Великаго Везира, и при днѣ съ оспервененіемъ продолжалось кровопролитіе между Сейменами, защищавшими Байракшара и Махмуда, и оспальными Янычарами, къ коимъ присоединились полпы народа. Сперва Янычаре вошли только пропивъ Байракшара, полагая что Сулпанъ опъ него опкажется; но когда увидѣли, что Ичогланы и Боспанджи изъ бойницъ Серая открыли огонь, они начали превозглашать имя Мустафы. Тогда войско Сулпана вышло на нихъ изъ дворца подъ предводительствомъ свирѣпаго Кади-Паши, обратило ихъ въ бѣгство, и безпощадно рѣзало что ни встрѣчалось на гипподромѣ и по большимъ улицамъ, ведущимъ въ семибашенный замокъ и въ Солиманіэ. Мирные жители, женщины и дѣти не были пощажены. Но Кади Паша зачупался въ тѣсныхъ улицахъ; изъ оконъ открыли по немъ огонь, бросали камни и обливали кинишкою его солдатъ. Онъ спалъ опспунавъ; пламя пожара, усердно направляемое Янычарами, скользило по тѣснымъ кварпаламъ Спамбула, связало огненнымъ поясомъ его опрядъ. Янычаре успѣли соединиться, и среди пламени

и дыма началась вновь жестокая ихъ съча съ Кади-Пашею.

Карпина эша опкрылась во всемъ своемъ ужасъ Махмуду, когда онъ взошелъ на серальскій минареть смопрѣшь на происходящее. Въ эту минушу онъ умѣлъ показашь пвердоспъ своего характера; послалъ повелѣніе буншовцикамъ шущипъ пожаръ, а Кади Папъ возврапипъся во дворець. Кровопролипіе унялось; Янычарскій Ага зналъ, что головою опвѣпипъ за неповиновеніе, если Махмудъ оспанешся послѣ этого перелома на пресполь, а эшо легко могло спашься. Впрочемъ спокойспвіе не было возспановлено; фанашическая шолпа окружила вновь дворець, шребовала Байракшара и Кади- Паши, и превозглашала Сулшаномъ Мусшафу. Тогда совѣшники Махмуда показали ему необходимость пожершвовапъ брашомъ. Увѣряющъ, что Махмудъ долго еще колебался, и наконецъ слыша крики приближающихся мяшежниковъ, закрылъ голову шалью, бросился на диванъ, и сказалъ »дѣлайше что хошпше.« Съ эшой минушы онъ оспавался неприкосновеннымъ, какъ единспвенный предспавипель священнаго Османова племени.

Междоусобіе прекрапилось когда мяшежники

узнали, что нѣтъ другаго Султана кромѣ Махмуда, и когда приверженцы Байракшара увидѣли пруть своего героя, обгорѣлый въ пламени, среди коего онъ погибъ, желая вырваться изъ Серая. Янычаре насыпили свою месю надъ его прупомъ; съ ругательствами пошанили его на свою площадь Эпмейданъ, и посадили на колъ. Хищные солдаты Байракшара, вѣрные Сеймены, фанашики Янычаре и Конспаншинопольскіе бродяги, всѣ эти паршіи, копорыя накануне дрались со всѣмъ бѣшенствомъ народнаго междоусобія, примирились, и все покорилось Махмуду. Еще крики полны пребовади выдачи Кади-Паши и другихъ приверженцевъ Байракшара, но Махмудъ ихъ спасъ, презирая угрозы фанашиковъ, и зная что покорство Мусульманъ было безусловно, пошому что некъмъ было замѣнить его на пресполь.

Нѣсколько разъ упоминали мы въ эпомъ разсказѣ, что Султаны при всѣхъ переворотахъ могли счислять себя безопасными, когда оспавались одни безъ родспвенниковъ, что и заспавляло ихъ жертвовашъ брашьями для своей безопасности. Можешъ бышь не всѣмъ чипашелямъ извѣсны причины, на коихъ основы-

ваешся благоговѣніе Мусульманъ къ крови Османа, связывающее существованіе ихъ монархіи съ этимъ родомъ.

Разныя предсказанія шейковъ, слывшихъ на Воспокъ святыми, положили первое основаніе величію Эршогула, вассала Иконійскаго Султана и опца Османова. За нѣсколько дней до рожденія Османа онъ видѣлъ во снѣ, что живая вода была стремительнымъ ключемъ изъ его дома, и съ такимъ обиліемъ, что вскорѣ пошокъ ея попошилъ весь міръ. Со страхомъ онъ вопрошалъ сношловашеля шейка объ этомъ видѣніи. »Твое племя благословенно Аллахомъ, сказалъ ему шейкъ; родишься у себя сынъ, копорый будетъ основашелемъ Державы, долженствующей покрыть весь міръ.« Пономъ Эршогулъ, усердный почишатель всѣхъ святошъ, посыпиль моллу, славнаго своими добродѣшелями, провелъ у него ночь, и нашедши коранъ въ своей спальнѣ, воспламенился порывомъ благочестія, и проспоилъ всю ночь надъ книгою съ сложешными на груди руками, съ преклоненною головою. На разсвѣшъ сонъ овладѣлъ имъ, и онъ услышалъ небешный голосъ: »О Эршогулъ, шны почиль мое слово, я благословлю и воз-

»величу швое племя; оно будешъ владышь обширною Державою, коея величіе продлишя до »конца вѣковъ!«

Самому Осману были сдѣланы многія блестящія предсказанія: еще въ дѣтствѣ его называли солнцемъ Воспока, и предвѣщали ему что его царство будешъ обнимать *семь климатовъ*. Но болѣе всѣхъ предсказаній имѣло дѣйствія на умы народа, привыкшаго приписывать особенную свяпость особѣ молодаго Принца, слѣдующее обстоятельство. Онъ питалъ великое уваженіе къ шеку Эдебали, проводилъ часно дни и ночи въ свяпой бѣсѣдѣ съ нимъ, имѣлъ случай увидѣть его дочь и плѣнился ею. Мальгунъ-Хашунъ, шакъ она называлась, ошвергла его предложенія, зная какое распояніе ошдѣляло дочь бѣднаго шека ошъ наследника прешола. Османъ не смѣлъ просить у своего ошца позволенія жениться на ней, но шовидѣнія все сдѣлали. Онъ въ домѣ шека провелъ ночь въ молишвѣ; распросшерпый ниць съ горячими слезами просилъ Аллаха наставить его сердце на пушь правды, предосперечь ошъ злыхъ искушній, и даровашъ ему подвиги доспойные славы корана. Уснувъ въ эшомъ воспорженномъ распо-

ложеніи духа, онъ видѣть во снѣ, что пріятный блескъ, подобный полной лугѣ, поднявшись отъ шенка Эдебали, спустился радугою на его чрево. Вдругъ изъ его чрева взросло древо чудесное; его вершина была между облаковъ, безчисленные вѣтви роскошно красовались плодами, и раскидывали свою тѣнь на два моря; одну изъ нихъ, прекрасная и величественная, согнулась саблею надъ городомъ Босфора. Подъ этимъ деревомъ взоръ шерлся въ преспективѣ долинь и горъ, луговъ и нивъ, среди коихъ свѣжія рѣки и прозрачные ключи весело разливали свою влагу. Народы со всѣхъ часпей свѣта шекли къ нимъ утолить свою жажду, поливъ свои нивы, воздвигнуть фонтаны и водопроводы, или предаться сладкому кейфу въ воспорахъ радости и удивленія.

Никто въ цѣломъ Воспокѣ не владѣлъ наукою толкованія сновъ подобно шейку Эдебали. Онъ объяснилъ, что древо видѣнное Османомъ было шаицшвенный Туба, одно изъ чудесъ Магомешова рая; полная луна изображала дочь шейка, которой тогда было пятнадцать лѣтъ, и которую провидѣніе назначало для продолженія Булшанскаго племени, а плоды и вѣтви и рас-

кошная зелень дерева означали цвѣтущее состояніе его державы. Горы и долины, нивы и луга и рѣки представляли обширность его владѣній, а вѣшвъ согнувшаяся саблею надъ Конспаннинополемъ видимо предзнаменовала паденіе сей великой столицы Цесарей предъ однимъ изъ преемниковъ Османа; наконецъ народы, копорые уполяли свою жажду подъ деревомъ и опдыхали въ его шѣни, представляли различныя племена, кои должны были блаженствовашъ подъ его законами. *

Сонъ эпопъ убѣдилъ Эрпогрула женишь своего сына на дочери щейка, а распротраненный въ народѣ воспламенилъ всѣ воображенія, и болѣе всего содѣйствовалъ блиспашельнымъ успѣхамъ Османова оружія и возвеличенію его державы. Опъ брака, шакъ искусно предугошвеннаго имъ и шенкомъ, родились Алла-эддинъ и Орханъ, и опъ него происходитъ все племя Оппоманскихъ Сулпановъ, копорыхъ оружіе умѣло ушвердишь могущество и величіе, основанныя первоначально на сновидѣніяхъ. Въ каж-

* Эпопъ разсказь съ большими подробностями изложенъ у Охсона; почти всѣ восточные историки его повторають, а народъ прилепелъ къ нему множество другихъ чудесъ.

домъ новомъ успѣхъ оружія первыхъ великихъ людей сего племени народъ привыкъ видѣть исполненіе блестящихъ предсказаній, и болѣе и болѣе укрѣплялась вѣра въ свящоспъ Османова дома, и въ неразрывную связь судьбы его съ судьбою Опшоманской державы.

Махмудъ смѣло основывалъ свою безопасность на эписхъ закоренѣлыхъ, набожныхъ понясіяхъ Турокъ. Но онъ долженъ былъ опкаться на время опъ своихъ любимыхъ проекшовъ; волненіе Янычаръ было слишкомъ сильно, преслѣдованія послѣдняго времени слишкомъ скрѣпили узы ихъ общаго бранспва, и Сулпанъ не имѣлъ довольно силы, чшобы помышляпъ о скоромъ опомщеніи; за то Сулпанская опала насшигла ихъ съ обильною лихвою чрезъ восемнадцатп лѣтъ.

Г Л А В А IV.

Начало преобразований. — Очеркъ истории Янычаръ. — Хаджи-Бекташъ и дервиши. — Обрядъ побожь. Дисциплина Янычаръ. — Ихъ бунты. — Ихъ присяга и селамъ. — Привилегии и утѣхенія. — Султанскія ласки. — Предусмотрительность Махмуда. — Победы. — Гербы и котлы. — Торжественный выносъ пилава.

Въ наши дни совершился огромнѣйшій переворотъ въ сосѣдней намъ великой Имперіи; Монархъ съ желѣзною волею усиленно спряхиваетъ предрасудки закопѣвшіе на преждевременно успарьмой его монархіи, и жадно ищетъ ей элеменовъ новой жизни въ преобразованіяхъ. Мы не будемъ расуждать объ эпихъ преобразованіяхъ, возбудившихъ доселѣ сполько различныхъ толковъ въ Европѣ; но съ увѣренноспію можемъ сказать, что ни самый глубокомысленный Европейскій полипикъ не могъ ихъ предвидѣшь, даже наканунѣ шого великаго дня, въ которъй волны пламени и крови возвѣспили испуганному Стамбулу, что раздавлена наконецъ гидра, служившая всегдашнимъ пугалищемъ Сулпановъ, что звѣзда Махмуда въ нѣсколько часовъ попустила двухвѣковой мяшежъ. Махмудъ мечетъ

открылъ путь къ народному благосостоянію (такъ выражается его испоріографъ), истребивъ кусты терніевъ, въ коихъ зацѣплялась его царская мантия.

Съ того дня какъ пали Янычары безпредѣльная перспектива преобразованій, открылась дѣятельности Султана; поему самому эпошъ подвигъ — предсѣлъ встѣхъ его подвиговъ — еспь первая харакпериска современной Турціи, такъ какъ всѣ прежніе переворошы эпошъ Имперіи носили на себѣ болѣе или менѣ видимый оппечашокъ чуднаго ея военного устройства, и преимущественно происпекали опшъ грозной милиціи — ровесницы первыхъ дней величія Турецкой державы.

Когда мечъ первыхъ Султановъ, преемниковъ Эршогрула, сковалъ эту державу изъ разбросанныхъ по Малой Азій дребезговъ великой монархіи Сельжуковъ, былъ нуженъ постоянный корпусъ пѣхотнаго войска для скрѣпленія быспрооснованнаго царства и для прочноти дальнѣйшихъ его завоеваній. Во время первыхъ Халифовъ Аравійской Монархіи не было никакого войска; тогда въ фанатическомъ порывѣ послѣдовапелей Пророка всякій правовѣрный былъ воиномъ корана, и цѣлыя племена обращенныя въ

Исламизмъ шли на кровавое дѣло его проповѣданія; только послѣ перваго бурнаго величія Халифапа, когда роскошныя еполицы Востока наполни нѣгою кочующій опѣ завоеванія къ завоеванію Аравійскій Дворъ, когда въ этомъ исполинскомъ царствѣ, основанномъ религіею и кровію, проявились первыя спихіи граждансва, и съ ними поблекла военная его слава, тогда только были образованы поспоянныя войска. Это было при Абдалмахъ II въ 760 году. До него при отвкрытіи похода раздавалось оружіе всему народу, и правительсво облывалось только помышляшь о прописаніи этой движущейся на завоеванія массы.

Но первыя войны Османскаго дома были не религіозныя; Турки должны были боролсь съ единовѣрцами своими въ мусульманской Азіи, и послѣ продолжительныхъ мелкихъ войнъ, служившихъ первою школою ихъ племени, хлынушь въ Европу, и къ врожденному фанатизму завоевателей присоединишь фанатизмъ войны противу иновѣрцевъ, которая и нынѣ называется у нихъ именемъ войны священной, какъ нарекъ ее Магомешъ.

При Орханъ были уже конныя войска: Спаги

и Силихяры; Туркменцы его не были способны къ пѣхопной службѣ; онъ уничтожилъ соспояв-шую изъ нихъ милицію Іая, и желая веспи спругую дисциплину въ эпошъ родъ службы, и пригоповишь къ нему людей долгимъ повино-вснѣмъ и долгими шрудами, составилъ неболь-шіе опряды изъ молодыхъ Христіанъ, попав-шихъ къ нему въ плѣнь (1530 г.). Какой-шо шейкъ Хаджи-Бекпашъ, основатель ордена дер-вишей Бекпаша, славился тогда своею свяшо-спію по всему Воспоку; онъ благословилъ но-вую рапъ, наложивъ рукавъ свой изъ бѣлаго полсшаго сукна на головы офицеровъ, и пред-вѣщаль ей много подвиговъ. Онъ далъ эпош рапи названіе Ени-чери, что значить *новое вой-ско*. Впрочемъ какой-шо ученый Римскій монахъ недавно хошѣлъ увѣришь Европу, что имя Яны-чаръ происходишь ошъ Римскаго бога Януса, паходя неизвѣстно какія связи между воин-спвенною милиціею Хаджи-Бекпаша и богомъ мира.

Хаджи-Бекпашъ былъ признанъ папрономъ и покровишелемъ новой милиціи. Кусокъ полсшаго бѣлаго сукна, привязанный къ чалмамъ офице-ровъ, напоминалъ обрядъ благословенія, и орденъ

дервишей Бекпаши вступилъ въ брашшво съ Янычарами и до послѣдняго времени состоялъ въ 99 ихъ ротъ. Въ походахъ они сопровождали Янычаръ, молились за счасіе ихъ оружія, возжигали ихъ воображеніе предъ боемъ описаніемъ Магомешова рая и гурій, и повсюряли имъ слова Магомеша: »Не говорите, пошъ убишъ «кпо легъ на полъ бишвы; онъ живъ, Аллахъ, «изъ своей руки кормишъ своего избранника,« и тому подобныя изрѣченія корана. Въ парадахъ въ Конспаншинополъ восемь Бекпаши шли предъ конемъ Янычаръ-Аги, съ кулаками сжатыми на груди; спаршій изъ нихъ ворчалъ *Керимъ-Аллахъ* (милосердый Боже) а прочіе глухо опвѣчали *Гу* (*онъ* — эшо одинъ изъ 99 эписешовъ Аллаха); онъ чего и назывались они въ народъ *Гу-кешаны*.

Сперва принимались въ Янычарскія дружины исключительно Хрисціане изъ Болгаріи, Босніи, Албаніи, Греціи и другихъ обласшей покоренныхъ оружіемъ Султановъ, или подверженныхъ опущошительнымъ походамъ Мусульманъ. Ихъ не обращали силою въ магомешаншво; и уваженіе, коимъ пользовалась Янычарская рашъ, заставляло родителей желать и просить, чшобы при-

няли въ ея ряды одного изъ сыновей. Пленныя дѣши вывозимыя изъ Венгріи и Польши умножали Янычарскія дружины.

Малолѣтніе сосставляли особенныя роты подъ названіемъ Аджамі-Огланъ, и въ нихъ упражнялись въ военномъ искусствѣ до опредѣленія въ дѣйствительную службу. Въ послѣдствіи, когда умножилась Янычарская дружина и получила новое образованіе при великомъ Солиманъ, принятіе Христіанъ прекратилось. По его поощреніямъ спали принимавъ въ Янычары только дѣшей и родственниковъ Янычарскихъ; ибо хощя въ первое время не былъ дозволенъ Янычарамъ бракъ, но это не долго соблюдалось. Шестъ Янычаръ должны были явиться свидѣтелями родства желающаго вступивъ въ ихъ корпусъ съ какимъ нибудь изъ убившихъ поварихей. Такимъ рекрутамъ давалось имя *Куль-Оглу* сынъ раба; рабами Султана въ Турціи называются всѣ находящіеся въ его службѣ, а военные исключительно присвоивающъ себѣ это почетное наименованіе. Прежде до того дорожили правомъ записаться въ Янычары, что, по разсказу Эсадъ Эфендія, купецъ пожертвовавшій при Селимъ I 60,000 цехиновъ для войска, про-

силъ, какъ единственной награды, чтобы единородный его сынъ былъ принятъ въ Янычары, и эта милость была ему оказана. Въ наше время до того упали эти строгія постановленія, что всякій негодяй и сорванецъ, искавшій защиты послѣ совершенныхъ имъ безчинствъ, вписывался въ роту Янычаръ. Весь обрядъ принятія состоялъ въ томъ, что унтеръ-офицеры вводили рекрутовъ въ казармы (кишла) послѣ вечерней молитвы, надѣвали имъ чалму и плащъ Янычарскіе, и съкли въ ихъ присутствіи по пятамъ провинившихся въ этотъ день, какъ бы въ предварительный урокъ нововступающимъ. Въ военное время принятіе дѣлалось въ лагерь; это считалось гораздо почетнѣе; въ присутствіи Янычаръ-Аги Башъ-чаушъ бралъ каждого изъ рекрутовъ лѣвою рукою за ухо, и правою крѣпко билъ по брюшному замыку.

Число Янычаръ было неопредѣлено; Магометь II назначилъ ихъ 12,000, и назвалъ этотъ корпусъ *Килиджъ* сабля; его Янычары заслуживали это названіе; они были первыми на побѣдахъ, и дрались какъ пугры подъ Константинополемъ. При Солиманѣ ихъ было 40,000; пошомъ поспешенно умножились до 200,000.

Многіе Султаны желали уменьшити число ихъ, но ропоты и бунты Янычарь препятствовали. Нельзя съ точностію опредѣлить ихъ число въ послѣднія четьре царствованія; безпорядокъ ихъ корпуса былъ уже въ высшей степени, и обыкновенно при выдачѣ жалованья предъявлялось впрое болѣе билетовъ, нежели сколько было солдатъ на лицо; шакъ какъ жалованье выдавалось по числу билетовъ, многіе вельможи забирали огромныя ихъ количества и получали слѣдующія по нимъ суммы; а билеты убитыхъ и умершихъ никогда не возвращались въ казну.

Плащя опускалось изъ казны только на 12,000, какъ было при Магомешъ; оружія обыкновенно не давалось: всякій Янычарь долженъ былъ вооружиться какъ и чѣмъ могъ; особенный опрядъ былъ назначенъ для доставленія въ дѣйствующую армію всякаго оружія изъ Константинопольскихъ арсеналовъ; оно раздавалось накануне битвы не имѣвшимъ оружія солдатамъ, и никогда уже не возвращалось въ казну.

Въ походахъ несчастныя обласпи, по коимъ двигалась армія, должны были кормить Янычарь, какъ и все войско; иногда они всѣ получали

жалованье, хотя незначительное, и составлявшее несколько копеек в день; они удерживали утешительное воспоминание богатой добычи, съ кошорою возвращались нѣкогда ихъ побѣдоносныя дружины. Во время мира при года службы давали право на жалованье. Пищи отпускалось отъ казны на весьма малое количество; и потому всѣ почини Янычаре въ столицѣ и въ провинціяхъ занимались разными ремеслами; лодочники, башмачники, хлѣбники Конспанпинополя большею частію принадлежали къ *Оджаку*, такъ называлось общимъ именемъ ихъ сословіе. Едва соная часть изъ нихъ занималась постоянно военною службою. И тѣ изъ Янычаръ, кои были ввѣрены *кулуки* или гаушвахшы, служившія полиціями, держали только палки въ рукахъ, а оружіе имъ было запрещено носить. Не смотря на то вѣчно происходили между ними и другими военными корпусами сшычки, кошорья нерѣдко оканчивались открытою войною въ самой столицѣ, въ виду Султана, или въ окрестностяхъ. Я видѣлъ въ 1820 году драку ихъ съ аршилеристами *толчи* на скакѣ Перскаго холма. Дѣло, какъ обыкновенно, началось подѣ вліяніемъ винныхъ паровъ, и за безчестную

женщину; со всего города собирались къ мѣспу драки приверженцы шой или другой паршии; драка продолжалась при дня, и кончилась когда были перебиты всѣ виновники и зачинщики. Между шѣмъ въ городѣ все было спокойно; никто эшимъ не встревожился, и менѣе всѣхъ правительство, которое въ тогдашнюю эпоху не имѣло другаго врага, кромѣ своихъ войскъ, и съ удовольствіемъ смотрѣло какъ они взаимно истреблялись. Это напоминаетъ достопамятныя слова Абдуль-Хамида, когда Визирь докладывалъ ему о безумномъ намѣреніи Капишанъ-Паши послать трехтысячный отрядъ для принужденія Русскихъ снять осаду Лемноса. Визирь предсказывалъ вѣрную гибель этому отряду, а Султанъ ему замѣшилъ «шѣмъ лучше, будешь шремя тысячами негодяевъ менѣе.»

Всякой разъ, когда вооружался флотъ *Калионджи*, или флотскіе солдаты, имѣли право ходить по городу въ полномъ вооруженіи. Нельзя себѣ представить ничего отвратительнѣе этихъ солдатъ, которые навѣшивали на себя сколько могли разнаго оружія, и со всѣмъ Азіятскимъ молодецствомъ пьяные полкались по улицамъ, круша ошчаянный усъ. Это была эпо-

ха явныхъ разбоевъ въ гаваняхъ и на улицахъ, омерзительныхъ сценъ разврата и вѣчныхъ кровопролитій съ Янычарами.

Подзиги Янычаръ не ограничивались драками и кровопролитіемъ съ одними Каліонджи или Топчи; въ 1819 году Янычаръ вздумалъ увести невѣсту Черногорца садовника въ одномъ изъ изъ предмѣстій. Черногоръ подсперегъ своего злодѣя въ кофейномъ домѣ, и по обычаю своей родины воцѣпилъ ему въ сердце кинжалъ, и умчался въ горы, гдѣ его ждала бодрая вапага его соотечественниковъ. Черногорцевъ въ Конспанпинополѣ было въ ту эпоху нѣсколько тысячъ; они большею частію служили пѣлохранителями при вельможахъ и при частныхъ людяхъ, или берегли загородныя дачи и занимались садоводствомъ. Въ самой столицѣ Султана сохраняли они природную свирѣпость своихъ горъ, военную гордость, независимость и вѣрность. Туча Янычаръ высыпала изъ Конспанпинополя, чтобы опомститься за убитаго поварища. Черногорцы въ числѣ трехъ тысячъ дружно соединились подъ начальствомъ старѣйшихъ изъ среди себя, и укрѣпились въ горахъ. Война ихъ съ Янычарами продолжалась болѣе

недѣли; всѣ окрестности столицы кипѣли разбоемъ. Наконецъ правительство выслало для ихъ унятія аршиллерію и нѣсколько другихъ отрядовъ.

Токово было въ послѣдніе годы состояніе этого корпуса, котораго военная дисциплина и храбрость положили первое основаніе величію Опшоманской Имперіи, и котораго буйный духъ, укрѣпленный сознаниемъ собственнаго могущества, съ давнихъ поръ превозжилъ Султановъ.

Первый бунтъ Янычаръ былъ при четырнадцатилѣтнемъ Магомешъ II, когда Амурашъ во второй разъ передалъ ему престолъ (1444). Это заспавило Амураша, еще болѣе нежели опасности, угрожавшія извнѣ Государству, принявъ вновь наскучившую ему власць *. Янычаре возмутились опять прошиву Магомеща II въ Караманійскомъ походѣ, и требовали денегъ и даровъ. Но они имѣли дѣло не съ четырнадцатилѣтнимъ Султаномъ; Магомешъ не любилъ шумить, и наказалъ палками всѣхъ Янычарскихъ полковыхъ командировъ. Сила характера первыхъ Сул-

* Подозрѣваюшь также, что ихъ бунтъ былъ шайно возбужденъ самимъ Амурашомъ, который искалъ предлога заваять вновь престолъ.

пановъ и непрерывныя военныя престоги Имперіи удерживали Янычаръ въ сомнительномъ повиненіи. Царствованіе Селима I, славное въ Турецкой Исторіи приобрьшеніемъ Халифата Ошпоманскими Султанами, представляешъ эпоху начала ихъ самоуправства въ Константинополь и вмѣшиванія въ дѣла правительсва. То явными ропотами, письменными жалобами и пасквилями, прибываемыми къ сѣнамъ Серая и мечей, заспавляли они исключашъ изъ Дивана ненавистныхъ имъ вельможъ, по вооруженнымъ бунтомъ пребывали смѣны Визирей и Министровъ или ихъ головъ. Не одинъ разъ война опкрытая Поршою Европейскимъ или Азіяшскимъ сосѣдямъ имѣла причиною необходимость удалить изъ столицы Янычарскія дружины, и дасть буйству ихъ какое нибудь внѣшнее направленіе. Не одинъ разъ также заключаемъ былъ миръ, и Порша отказывалась отъ исполненія своихъ плановъ единственна по той причинѣ, что Янычары хотѣли возвратиться къ своему Оджаку. Сколько честолюбивыхъ замысловъ Пашей и Вассаловъ Поршты основывалось также на буйствѣ Янычаръ, и сколько разъ ихъ ропоты служили пружинами

полицескихъ интригъ. Когда Селимъ II приступилъ къ исполненію своего огромнаго плана — соединить Азовское море съ Каспійскимъ посредствомъ судоходнаго канала между Дономъ и Волгою, Крымскій Ханъ Девлешъ-Гирей, опасаясь, что силы Султана окружаютъ его со всехъ сторонъ, и что его Ханство обратится въ провинцію Пашалыкъ, распустилъ слухи между Янычарами, которые подъ предводительствомъ Черкеса Касимъ-Бея начали работы близъ Царицына, по опущеніи Русскихъ отъ Аспрахани, о невозможности соблюдать постъ рамазана въ долгіе дни сѣвернаго лѣта, и этимъ однимъ заставилъ ихъ бросить всѣ работы, объявивъ, что сѣверный климатъ не годится для правовѣрныхъ, и съ ропами возвратился въ Стамбуль*.

Бунтамъ ихъ въ самомъ Константинуполѣ нѣтъ числа. Въ возмущеніяхъ проискавшихъ или отъ праздної лѣни, или отъ надежды вынудить подарки, но всегда превозглашаемыхъ во имя Бекпаша и религіи, они умерщвили чепырехъ Султановъ, и многихъ свергли, вынудивъ у Муштія Фешву объ ихъ опрѣшеніи. Первыми

* Мураджа Охсонъ.

признаками ихъ неудовольствій были всегда пожары, которые обращали въ пепель самыя богатыя части города. Въ двадцативосьмилѣтнее царствованіе Ахмеда III было сто сорокъ большихъ пожаровъ, и по почнымъ вычисленіямъ весь городъ перестроился пять разъ; послѣ всякаго политическаго переворота жилища Стамбула должны были съизнова строиться.

Изъ прежнихъ Янычарскихъ бунцовъ самыя кровавыя воспоминанія оставилъ въ Константинопольскихъ лѣтописяхъ бунтъ ихъ при Османѣ II. Молодой Султанъ, котораго ранній теній предвѣщалъ Турціи одно изъ самыхъ блистательныхъ царствованій, первый возымѣлъ твердое намѣреніе ввести преобразование въ военную систему Турціи. Планы его принимавшаяся наставленіямъ его училища Ходжа-Омара. Онъ намѣревался отправиться на поклоненіе въ Мекку, пошомъ остановиться въ Египтѣ, и тамъ образовавъ регулярное войско для обузданія Янычаръ. Подозрѣвая его намѣренія, Янычары возпали; рѣки пламени и крови обили столицу. Молодой Султанъ палъ жертвою ихъ неистовства (1633 г.). Мурадъ IV наказалъ ихъ пошомъ; онъ испребилъ и предаль проклятію

шесъдесять пшшу роу, коеу солдашь под-
няль руку на злополучнаго Османа — прокля-
ше копорое и до нашихъ временъ возобновля-
лось чрезъ каждыя двѣ недѣли.

Послѣ каждаго возспанія Янычары, соблю-
дая наружныя формы подчиненности, присылали
въ Сераль депушацию просить прощенья у Мо-
нарха, пакъ какъ Карль V вымаливалъ проще-
нне у Папы. Для нихъ было довольно ошъ вре-
мени до времени показываешь Сулпанамъ грозу
своего могущества. Попомъ приводили ихъ къ
присягѣ предъ серебрянымъ блюдомъ, на коемъ
были коранъ, сабля, хлѣбъ и соль. Эшошъ обрядъ
шѣмъ болѣе важенъ, чшо ни въ какомъ другомъ
случаѣ въ Турціи нѣшь присягѣ. Янычарскій
селамъ, или привѣшшвіе Сулпану въ парадахъ,
состоялъ въ наклоненіи головы на лѣвое плечо,
въ знакъ чшо она гошова упасъ подъ грозную
сѣкиру повелителя правовѣрныхъ.

Напуганные урокомъ Османа II, его преемники
проводили время въ бездѣйственномъ желаніи
освободиться ошъ Янычарскаго ига, и между
шѣмъ каждый изъ нихъ при восшешвіи на пре-
сполъ покупалъ ихъ пріязнь щедрыми подачами.
Еще со времени Баязеша II (1481 г.) ушвердился

обычай при восшествіи Сулпановъ на престоль раздавать войску нѣсколько милліоновъ пиастровъ, коими какъ будто окупалось право царствованья надъ ними. Многіе Султаны спарались освободиться отъ этой поспыдной дани, но Янычары гласно говорили, что Султаны Опшоманскаго Дома должны пройти подъ саблею войска, чтобы вступить на престоль.

Въ знакъ особенной довѣренности Султаны вѣрили Янычарамъ охраненіе своего семейства; это ограничивалось обрядомъ показывать Янычарскому *Куль-кеатъ* * шлю умершаго князя для засвидѣтельствованія предъ народомъ и войскомъ, что не было насилія въ его смерти. Вся Янычарскія привилегіи до такой степени были уважаемы Султанами, что въ Байрамъ 1743 года, пошому только, что шпабъ хранищелей оружія, *Джебеджи*, прѣотивъ установленнаго церемоніала, пошелъ прежде Янычаръ приложиться къ Султанскому кафшану, Махмудъ I велѣлъ казнить церемоніймейстера у воротъ Сераля, чтобы Янычарскіе офицеры получили удовольствованіе при самомъ выѣздѣ, проѣзжая надъ его шрупомъ.

* Иншенданту.

Сами Султаны записывались въ рядовые въ первую роту Янычаръ Бюлюковъ *. После раздачи претшнаго жалованья, Султанъ инкогниго *тетиль* проходилъ предъ казармами эпой роты; ея Ода-Баши или кварпирмейстеръ выносилъ причитавшееся ему солдатское жалованье, и Султанъ прибавляя къ нему двѣ горсти цехиновъ, раздавалъ караульнымъ. Иногда и Крымскіе Хань записывались въ Янычары, желая привязать къ себѣ эпоихъ защитниковъ ихъ областей. Султаны соблюдали также другой обрядъ, введенный Солиманомъ I, и состоящій въ томъ, что каждый разъ, когда они проѣзжали предъ казармами, въ коихъ быда главная квартира Янычаръ, офицеръ подносилъ имъ вазу съ шербе-помъ. Шербепъ эпохъ обыкновенно гошовился въ Серагъ, и доставлялся въ казармы подъ пезашью; Султанъ опшвѣдывалъ его, попомъ наполнялъ вазу цехинами. Любопытень Хаши-шерифъ данный Махмудомъ I при дарованіи подобной привилегіи и новымъ казармамъ Янычаръ; онъ говорилъ въ немъ, что хочеть дать, новый знакъ своего благорасположенія къ вой-

* Янычары раздѣлялись на четыре дивизіи: Джемашъ, Бюлюкъ, Сейменъ и Аджам-Огланъ.

ску, славному рядомъ великихъ подвиговъ и своею вѣрностію, опличающемуся воинскими и религіозными доблестями, имѣвшему въ своихъ рядахъ *героевъ и мучениковъ за вѣру*, исполненному благословеній неба, вспомошествованію ликами ангеловъ, и заслуживающему хвалу и благодаренія Ошпоманскихъ Сулпановъ. Припомъ каждый разъ когда Сулпаны или первые вельможи проходили предъ Янычарскими *орта*, имѣли обыкновеніе посылать имъ денежные подарки; подобные обычаи въ Турціи обращались въ законы, и Янычары эцими подарками взимали несмѣшную дань отъ правительсва. Кромъ того имѣли они тысячу средствъ обращаться народъ; они завѣдывали въ Константинополѣ водопроводами, порпили сами оловянные трубы, по коимъ течетъ вода въ разныя части города и въ дома частныхъ людей, и безъ значительныхъ денежныхъ сборовъ оставляли цѣлыя кварталы безъ воды. Передъ гауптвахшами имѣли обыкновеніе сплести съ мешлою будшо для выметанія улицы, и проходящіе должны были окупаться мелкою монешою отъ необходимости чистить улицу. Въ пристаняхъ, во всѣхъ загородныхъ мѣстахъ, во всѣхъ гуляніяхъ

находили они тысячу предлоговъ чтобы претребовашь свои *кайве-параси* п. е. денегъ на чашку кофе. При входѣ барокъ и кораблей съ провизіями въ портъ какой-нибудь изъ Янычарскихъ *орта* навѣшивалъ на корму значекъ съ своимъ гербомъ, и попомъ вѣсилъ значительную сумму съ хозяина за покровительство дарованное ему. Когда обыватели привозили свои фрукты на рынокъ, эпо самозванное покровительство иногда оппимало у нихъ весь сборъ. Самовольно спроели навѣсы и лавки, и припуждали купцевъ поселиться въ нихъ, предославляя себѣ половину ихъ сбора. Овладели привилегією жарить и молотъ кофе въ огромномъ заведеніи, копорое снабжало имъ весь Сипамбуль, и такимъ образомъ по своему произволу вѣсали подашь за эпошь напишокъ. При спроеніи домовъ усиленно предлагали свои услуги и покровительство, навѣшивая роковой значекъ на маперіалы; нерѣдко дѣлалось эпо даже въ казенныхъ зданіяхъ; шестъ, на коемъ висѣлъ ихъ значекъ, считался главнымъ архипекторомъ и за него вѣсалась особенная плаша. Въ случаѣ надобности собирали всѣхъ масперовыхъ кваршала, и заславляли ихъ даромъ спроешь великолѣпный кофейный домъ

для полка, съ расписанными стѣнами, съ бассейномъ и фонпаномъ. Никпо не смѣлъ на нихъ жаловаться; онъ подвергся бы мспипельнымъ угнѣпеніямъ цѣлаго полка, а правипельство не могло наказать обидчика, если полкъ за него заступадся. Были примѣры, чпо сынъ или брапъ челоѡька убишаго Янычаромъ объявлялъ суду, чпо онъ получилъ опъ убійцы *цѣну крови*, которую Турецкій законъ присуждаеть наследникамъ убишаго, и самъ плапиль судебныя издержки, чпобы избавишься опъ мщенія Янычаръ.

Никогда эти злоупотребленія не доходили такъ далеко какъ при нынѣшнемъ Сулпанѣ. Съ одной спороны народъ былъ напуганъ ужасами послѣднихъ Янычарскихъ бунповъ, съ другой правипельспво на все смотрѣло сквозь пальцы, допуская обиды наносимыя народу и другимъ войскамъ опъ Янычаръ, чпобы опъ этого возрастало общее негодование на дѣшей Хаджи-Бекпаша, чпобы ослабли узы связывавшіе ихъ съ фанатизмомъ другихъ классовъ, и чпобы въ рѣшительную минушу они оспались одни. Подпика Махмуда заблаговременно обпянула свою жерпву поясомъ всеобщей ненависти, и съ той минушы, когда онъ рѣшилъ въ своей душѣ

испребленіе этого войска, онъ ошклавывалъ всѣ заслуженныя имъ наказанія.

Внутреннее управленіе Янычарскихъ орта было и до послѣдняго времени довольно строго; за ослушаніе начальнику, за обиду шоварищу больно съкли по пяпамъ; за важныя преступленія Верховный Визирь и Янычарь-Ага присуждали Янычарь смершной казни или вѣчному започенію въ Босфорскихъ крѣпосяхъ. Такъ какъ въ привилегіи каждаго класса гражданъ въ Турціи входилъ и присвоенный ему родъ казни, то Янычары гордились и тѣмъ, что раздѣляли съ Пашами честь удушенія снуркомъ; ихъ душили въ крѣпосяхъ, выбрасывали шрупъ въ море, и при исполненіи казни пушечный выстрѣлъ былъ послѣднею почестію казненному Янычару.

Ссоры между Янычарскими полками оканчивались особеннаго рода поединками; каждая партія избирала по нѣскольку головорѣзовъ, копорые сходились въ извѣстномъ мѣстѣ, надъ большимъ рвомъ въ Перѣ, и въ присущствіи шоварищей рубились.

Каждый орта имѣлъ свой опличительный

знакъ, распеніе ли, пшицу, живошное, шопоръ, саблю и ш. п. эши знаки служили гербами, были нарисованы на палашкахъ, надъ дверьми казармъ, на посудѣ ропы, и даже выкалены на рукахъ и на ногахъ всѣхъ Янычаръ. Оставшіеся шеперь въ живыхъ Янычары тщательнѣе скрываютъ эши знаки, по конимъ ихъ узнавали въ дни преслѣдованія и испребленія оджака.

Янычарскій корпусъ имѣлъ огромное шелковое знамя и благо цвѣта съ разными надписями изъ корана, вышишными золопомъ; въ срединѣ была слѣдующая надпись: »Дарую тебѣ побѣду, великую побѣду; всесильный Аллахъ вспомошесивуешъ тебѣ, о Магомешъ; объяви радостную вѣспъ правовѣрнымъ! Но болѣе всего были привязаны Янычары къ своимъ кошмамъ. Каждый орша имѣлъ два или три огромные кошла, въ конхъ варился пилавъ; уншеръ-офицеры были поварами и хранителями кошловъ. Когда изъ казармъ посылался пилавъ въ Янычарскія гаубшвахшы, два рядовыхъ несли кошель, уншеръ офицеръ за ними слѣдовалъ съ огромною ложкою въ рукахъ; они шли мѣрными шагамъ, въ благоговѣномъ молчаніи, и если первый вельможа встрѣчался съ ними на улицѣ, онъ долженъ былъ по-

споренишься, а Христиане и Евреи робко опускали взоры предъ завѣтными коплами, и въ случаѣ дерзкаго непочтительнаго взгляда доставалось колоссальною ложкою по головамъ глуровъ. По особенному какому-то повѣрью Янычары ожидали величайшаго бѣдствія въ случаѣ пошери эшихъ копловъ, составлявшихъ эмблему брагства всей дружины за общимъ споломъ, и священные пенаты оджака. Если Янычарская ропашеряла на войнѣ свои коплы, всѣ офицеры разжаловались въ солдапы, цѣлая ропаша считалась лишенною военной чести, и въ парадахъ, когда другія ропашы несли торжественно и высоко свои коплы, она проходила приспѣженная и безъ копловъ.

Эта религіозная привязанность къ копламъ просиравалась до того, что при возмущеніи Янычаръ въ Константинополѣ, первому возмущившемуся *орта* спойло только захватить коплы другихъ, и однимъ эшимъ онъ привлекалъ ихъ на свою сторону, и заставлялъ дѣйствовать за одно. Буншы открывались тѣмъ, что Янычары торжественно, при раздачѣ имъ провизіи, опрокидывали свои коплы, и первый опрокинутый ко-

шелъ приводилъ въ трепеть Сераль, вельможъ
и весь Спамбуль. Не проходило пятильшя,
чшобы опрокинутый кошель не производилъ
кровопролишя и перемъны въ Минисперствъ.

Г Л А В А V.

Левенды и Калонджи. — Низамъ-джедидъ. — Халетъ-Эфенди. —
 Просьба Янычаръ. — Смерть Халета. — Его жена. — Алаен
 изъ разбойниковъ. — Первое совѣщаніе. — Рѣчь Визиря и фетвы
 Муфтия. — Положеніе объ эшкенджи. — Хатышерифъ. — Ни-
 замъ-аттикъ. — Раздача оружія. — Ученіе. — Опрокинутые котлы. —
 Ненствованія Янычаръ. — Спокойствіе Султана. — Вельможи и
 распоряженія. — Магометова знамя. — Сила предрасудковъ. —
 Глухость Янычаръ. — Молитвы и атака. — Артиллерійскій офи-
 церъ. — Мясная площадь и повойще. — Труны. — Платанъ и
 цѣсня.

Янычары должны были предвидѣть свою судьбу, когда Абдуль-Хамидъ, опецъ Махмуда, уничтожилъ корпусъ Левендіевъ, или флоскихъ солдатъ, въ 1774 году послѣ Кайнарджійскаго мира. Левенды были всегдашніе соперники Янычаръ, сполько же буйны какъ они, но не споль многочисленны. Народъ шакъ много шерпѣлъ опъ буйшва Левендіевъ, чпо Абдуль-Хамида, какъ избавишеля своего, прозвалъ *святымъ* за ихъ испребленіе. Въмѣсто Левендіевъ образовалъ Сулшанъ корпусъ Калонджи, и въ шо же время завелъ регулярную Аршиллерію, кошорую обучали въ Левендъ-Чишпликъ Французскіе офи-

церы. Селимъ III продолжалъ дѣло начатое предшественникомъ; онъ присоединилъ къ аршиллериспамъ роты ружейныхъ, и препоручилъ образованіе ихъ по Европейскому образцу Омаръ-Агъ, бывшему долго въ плѣну въ Россіи.

По разсказу Турецкой лѣтописи Вассифъ-Эфендія самы Янычары подали Селиму поводъ къ введенію между ними Европейской шакшики. Это было во время первой войны съ Екатериною. Янычарскіе офицеры явились къ Великому Визиру Ходжа-Юсуфъ-Пашъ, жаловались ему на то, что ихъ войска было 100,000, а только 8,000 Русскихъ переправились чрезъ Дунай и обратили ихъ въ бѣгство, и все отъ того, что ихъ не научили этому новому способу сражаться, которымъ Европейцы ихъ побѣждаютъ; они писали просьбу Султану, чтобы ихъ научили сражаться подобно Европейцамъ, и просили Визиря подкрѣпить ихъ просьбу своимъ предсавленіемъ. Селимъ ободренный этимъ слишкомъ горячо принялся за Европейскую шакшику. Онъ образовалъ нѣсколько регулярныхъ батальоновъ, одѣлъ ихъ въ куртки и шаровары Турецкаго покроя и въ Черкескія шапочки, построилъ имъ прекрасныя казармы въ Скушари на берегу Бос-

фора и вскорѣ увеличилъ ихъ число до 15,000. Янычары сначала спокойно видѣли эпошъ зародышгъ регулярнаго войска, и многіе изъ нихъ вступили въ его ряды. Три тысячи эпого войска были въ Египетской компаніи пропивъ Французовъ. Ихъ хорошее содержаніе, ихъ храбрость въ защитѣ Акры, ихъ дисциплина и кропость, копорыми привязывали они къ себѣ жипелей, привыкшихъ дополь къ варварскому обращенію Турецкаго солдапа, возбудили къ нимъ зависть другихъ войскъ, въ особенноти Янычаръ, предчувствовавшихъ, что новое, войско опниметъ у нихъ первенство. По возвращеніи ихъ въ Конспаншинополь исключительная заботливостъ Сулпана о регулярныхъ полкахъ, и возрастающее ихъ число, явно вооружили Янычаръ пропиву Низамъ-Джедида или «новаго успава,» шакъ назвалъ Сулпанъ свое регулярное войско. Селимъ не касался привилегій Янычаръ, и онъ, по выраженію Турецкаго испорика, «не обуздаль могучихъ лицъ оджака, бшешеныхъ скакуновъ, копорые по волѣ веслись на пажияхъ безпорядка.» Янычары ждали шолько удобнаго случая для ниспроверженія всѣхъ его плановъ. Случай предспавился въ 1807 году при опкрышій войны

съ Россією. Не будемъ певпоряшъ здѣсь подробносней ихъ возмущенія, ниспровергнувшаго съ преспола добродѣтельнаго Селима, ихъ шрусоспи при появленіи Муспафы-Байракшара, и ужаснѣйшаго изъ Спамбульскихъ кровопроливній, конимъ началось царствование Махмуда, и въ коемъ могучій Байракшаръ сгорѣлъ въ подвалахъ Серая примирительною жертвою между Сулпаномъ и Оджакомъ. Янычары оставившись побѣдителями не подозрѣвали, чшобы Махмудъ послѣ подобнаго урока могъ еще помннляшъ о планахъ своего двоюроднаго брата; но Махмудъ, наученный а не напуганный эшимъ урокомъ, готовилъ имъ медленно свою Сулпанскую месь. Неудача Селима показала ему шолько, чшо онъ слишкомъ спѣшилъ, дѣйствовалъ слишкомъ открышо, и не имѣлъ довольно жестокоспи и довольно хитроспи для подобнаго предпріянія. Махмудъ рѣшился задушить своего врага, но задушить послѣ долгихъ лобызаній, и сжимая его дружески въ своихъ объятіяхъ.

Здѣсь намъ должно упомянуть о самомъ дошпопримѣчательномъ лицѣ Махмудова царствования, о любимцѣ, кошорый шолько лѣтъ правилъ Сулпаномъ и Имперією, кошорый приго-

Часть I. 7

повилъ все развернувшееся нынѣ съ такою быспрошою преобразование, но не дожилъ до того дня, когда его планы созрѣли. Эпо Халешъ-Эфенди.

Халешъ служилъ въ молодоспи носильщикомъ у Армянскаго купца Серпо; въ этой школѣ пригошвился онъ носитьъ предназначенное ему въ «книгѣ судебъ» бремя государспвеннаго управления. Какой-то Эфенди, имѣя дѣло съ Армяниномъ, былъ пораженъ наружноспію и умомъ его носильщика, и взялъ его въ свою службу. Эпо было началомъ политическаго поприща Халеша; онъ способностями своими пробилъ себѣ дорогу при Дворѣ, сдѣлался извѣспнымъ Султану, и когда занимались выборомъ Посланника ко Двору Наполеона, взоры Махмуда пали на него. Въ новомъ дипломатическомъ поприщѣ Халешъ-Эфенди изучилъ науку правленія, имѣя образцемъ Европейскія Государспва; вникнулъ во внутреннее ихъ устройство, взаимныя соотношенія и въ бытъ Европейской жизни. По его возвращеніи Султанъ съ воспоргомъ внималъ поучительнымъ его рассказамъ, и въ шайной бесѣдѣ съ нимъ раскрывалъ предначертанные имъ планы преобразований. Онъ приобрѣлъ

искреннюю дружбу своего Монарха, сдѣлался первымъ его любимцемъ, и хопя всегда довольсшвовался должностію хранишеля Сулпанской печати »Низамджи,« и не захошѣлъ сдѣлаться Визиремъ, но и Визирь и всѣ вельможи шрепешали предъ нимъ.

Ему приписываютъ долговременную систему полишики Сулпана относительпо Янычарь; онъ соединялъ всѣ правила Европейскаго Маккіавелизма съ шайншвенностію воспочныхъ дворовъ. Онъ научилъ Сулпана ласкать опасныхъ враговъ, поселяя между ними недошѣрчивосшь и раздоры, губишь однихъ другими, и при удобномъ случаѣ освобождаетъ отъ нихъ шо подкупленнымъ кинжаломъ любимой рабы, усыпляющей свою жершву въ любовныхъ воспоргахъ, шо оправою въ дружеской чашкѣ кофе, или въ шербешѣ подносимомъ нѣмымъ невольникомъ.

Въ началѣ Греческой войны припѣсненія вельможъ и дороговизна съѣспныхъ припасовъ породили неудовольсшвія въ народѣ; какой-шо фанашикъ Дервишъ Бекпаша воспревожилъ Янычарь своими пророчесшвами; правительсшво велѣло сослать пророка въ Малую Азію, но люди посланные Халешомъ ушопили его въ Мрамор-

номъ Моръ; это вооружило Янычаръ. Въ пятницу 25 Октября 1822 года, когда Сулпанъ ѣхалъ въ мечеть, представили они по обыкновению свою жалобу на Халеша и на другихъ Министровъ. Долго они ждали Сулпанскаго рѣшенія; наконецъ они просили своего Агу, чтобы онъ потребовалъ объясненія у Сулпана. Янычаръ-Ага имѣлъ привилегію держась Сулпану спрема, когда онъ садился на лошадь предъ дверьми мечети; онъ въ немногихъ словахъ изъяснилъ Сулпану негодованіе Янычаръ, и говорилъ о необходимости ихъ успокоить. Сулпанъ тогда вспомнилъ о просьбѣ, и съ гнѣвомъ узналъ, что по проискамъ Халеша она была ушлаена; а въ этой просьбѣ была фраза оскорбительная для Сулпанскаго самолюбія: Янычары говорили, что Халешъ сдѣлался полномочнымъ правителемъ Халифаша. Сулпанъ, чтобы лично удостовѣриться въ народномъ мнѣніи, нѣсколько дней, подобно Гарунъ-аль-Рашиду, переезжая посѣщалъ народныя гульбища; Янычары узнавали своего повелителя, и спали при немъ громко повсоряясь подобныя намеки. Это погубило Халеша; и онъ и другіе Министры были смѣнены. Халешъ, предчувствуя свою

судьбу, умолялъ шолько о жизни, и въ прощальной бесѣдѣ съ Сулпаномъ напомнилъ ему свою неизмѣнную привязанность; Сулпанъ успокоилъ его, снабдилъ собственноручнымъ охраннымъ фирманомъ, и увѣрилъ, что его ссылка въ Брусу, въ Малой Азіи, была не надолго. Халешъ съ почешною спражею отправился къ мѣсту ссылки; на пути онъ получилъ повелѣніе ѣхать въ Иконію; это показалось ему новою милостию; въ Иконіи онъ былъ связанъ узами брашшва съ орденомъ дервишей Мевлеви. Недалеко отъ городка Булабашъ проскакалъ мимо его Сулпанскій *капиджи* съ фирманомъ о его казни; капиджи представилъ свой фирманъ мѣстному Агѣ, извѣщая что опальный вельможа за нимъ ѣдетъ. Ага выѣхалъ на встрѣчу къ прежнему любимцу, принялъ его съ почешями, какъ въ дни его величія, и угостилъ у себя. Халешъ довѣрчиво пилъ кофе наединѣ съ нимъ, когда представился къ нему капиджи съ фирманомъ; онъ съ благоговѣніемъ приложился къ фирману, и въ то же время представилъ охранный фирманъ, коимъ былъ снабженъ отъ Сулпана. Ага сравнилъ два Сулпанскія повелѣнія, и замѣтилъ что повелѣніе о казни было дано послѣ;

Халешъ увѣрялъ что должна бышь ошибка, и просилъ опсрочки, но его задушили на госпепрїимномъ диванѣ, и чрезъ нѣсколько дней голова любимца была выспавлена на серебряномъ блюдѣ на дворѣ Серая. Жена Халеша, пшавшая къ нему шайную ненависпъ, шакъ была обрадована симъ извѣспїемъ, что принесла благодарспвенную жершву Аллаху изъ двухъ ягненковъ; попомъ захопѣла полюбовапъся зрѣлищемъ его головы, но была сильно поражена безжизненнымъ укоромъ ея взгляда, и для успокоенїа своей совѣспи купила ее за 2,000 пїаспровъ, и предала землѣ въ богапомъ мавзолеѣ, кошорый прїугошовилъ для себя Халешъ въ дни своего могущесшва, подлѣ Теккіе дервишей Мевлеви въ Перѣ. И въ эшомъ послѣднемъ убѣжищѣ судьба Халешовой головы была подобна безпокойной его жизни. Гробъ измѣнилъ ему, какъ измѣнила дружба. Неисповые Янычары насильспвенно вырыли его голову, и въ виду Сулпанскаго кіоска съ ругашельспвами бросили въ Босфоръ, какъ бы въ урокъ новымъ любимцамъ и совѣспникамъ. Попомъ однако дервиши, признапельные за благодѣянїа Халеша, послали рыбаковъ, кошорые шайно принесли имъ его го-

лову, и щеперь оказывающъ особенное благоговѣніе къ гробу, въ кошоромъ она похоронена. Все имѣніе Халеша было конфисковано; пышками вывѣдали у банкира его, жида Хаскеля, гдѣ хранились его богашства, и около 5 милліоновъ рублей посупило въ казну.

Ниспроверженіе Халеша было послѣднимъ шоржесствомъ Янычаръ. Махмудъ согласилъ въ эшомъ случаѣ чувствво оскорбленнаго самолюбія съ удовлешвореніемъ фанашиковъ, кошорые по особенному инстинкту узнавали своихъ недоброжелашелей; но онъ не опказался опъ плановъ казненнаго совѣтника. Подобно Римлянину, кошорый во всякомъ случаѣ говаривалъ: *hoc senseo, et delendam esse Carthaginem*—Махмудъ направлялъ всѣ свои помышленія и всѣ дѣянія къ своей сокровенной и обширной мысли, коей шяжкое бремя шакъ оспорожно носилъ во все свое продолжипельное царшвованіе. Мысль эша была ужасная; кшо бы изъ его предшешвенниковъ не ужаснулъ предъ нею?—онъ думалъ не о преобразованіи но объ ишпребленіи своего лучшаго войска. Его желѣзная воля шакъ свыклась съ нею, чшо и щеперь онъ

двѣшело преслѣдуешъ ихъ ненавистную память *.

Махмудъ началъ предуготовлять свой подвигъ издалека. Онъ упорными усиліями очисти́лъ окрестности столицы отъ шаекъ разбойниковъ, копорые при вспыскѣ политическихъ безпокойствъ соединялись обыкновенно съ Янычарами, и безнаказанно продолжали свои разбои въ самой столицѣ. Не долго спустя по вступленіи Махмуда на пресполъ всѣ большія дороги, ведущія къ Констаншинополю, представили ужасное зрѣлище. Разбойниковъ сажали на колъ сошнями. Эши шрупы, копорыхъ иногда нѣсколько дней не покидаешъ мучительная жизнь, разсшавленные по обѣимъ сторонамъ большихъ дорогъ, сдсшавляли ошврашительныя аллеи, по коимъ съ прешешомъ но безопасно пробирался народъ въ столицу Хункяра.

Прежній Янычарскій Ага Гуссейнъ и наслѣ-

* Въ 1830 году Султанъ посвщилъ семейство одного бывшаго посланника; двѣ пожилыя дѣвицы, Баронессы Г. показывали ему свои поршсели; Султанъ съ удовольствіемъ разсшпривалъ виды Констаншинополя, но когда ему попался видъ спарыхъ Янычарскихъ казармъ, онъ ошполкнулъ отъ себя поршсели, и явно выразилъ свое негодование на бумагу, копорая сохраняла память зданій, имъ испребленныхъ.

довавший ему въ этомъ званіи, послѣдній Ага-Па-ша Магомешъ Дже-аль-Эдинъ, всѣми силами содѣйствовало исполненію Султанскихъ плановъ, подрывая могущество покорнаго имъ корпуса. Всѣ средства коварной измѣны были ими употреблены; въ каждомъ орна были люди подкупленные, кошорые ню возжигали взаимныя ненависти Янычаръ, но направляли ихъ къ пушкамъ пропивузаконнымъ, а Босфорская пушка возвѣщала казню шѣхъ, кои своимъ умомъ или силою характера могли бытъ опасными пропивниками, и коихъ не удавалось подкупить золошомъ или обѣщаніями. »Эпи вельможи, говоришь Турецкій исторіографъ, вполне доказали свою преданность Султану, опрубивъ множешво Янычарскихъ головъ.«

13 Мая 1826 года соединился въ домъ Муф-шія чрезвычайный совѣтъ изъ первыхъ сановниковъ военной и духовной іерархіи. Верховный Визирь предложилъ совѣту присущствовавшихъ Улемовъ разсмотрѣшь въ отношеніи къ закону проектъ правительсва, состоявшій въ томъ, чшобы взять изъ каждой Янычарской роты по нѣсколько солдатъ, и учить ихъ регулярной службѣ. Безполезно говоришь, чшо все мнѣнія

были уже предугошповлены для этого собрапія. Улемы опвѣчали, что образованіе регулярнаго войска согласно съ ученіемъ Пророка; Янычаръ-Ага увѣрилъ, что его офицеры рады содѣйствовать; всѣ исполнили свои роли. Султанъ былъ швердо убѣжденъ въ скорой вспышкѣ бунша, и шѣмъ болѣе хотѣлъ оградить свои дѣйствія свяшпстію религіознаго мнѣнія Улемовъ.

Три дня спустя другое собраніе, гораздо многочисленнѣе перваго соединилось у Муфшія. Визирь въ длинной рѣчи изложилъ прежнее величіе Опшоманской державы, когда она показывалась Европейскимъ государшвамъ »грозною гидрою, опкрывавшею надъ каждымъ изъ нихъ одну изъ своихъ пожирающихъ пасшей» — и сравнивалъ съ наспоющимъ положеніемъ, »когда спропшивые *рая* Греки, слабые камыши, удерживали и разбивали неутомный пошокъ Опшоманскаго мужеспва«. Всю эту перемѣну приписывалъ онъ ослабленію военной дисциплины Янычаръ; онъ говорилъ, что даже ненавистные Греки давно вкрались въ разспроенныя ихъ дружины, что увѣрили ихъ, что войны предпринимаемыя правительшвомъ имѣли шолько цѣлію ихъ собспвенное испребленіе, что распускали

слухи, что Министры Порты подкуплены врагами, и продають Опшоманскія земли. Визирь спрашивалъ свободаго мнѣнія всѣхъ присуществовавшихъ о средспвахъ искорененія сего зла и возвращенія Опшоманскому войску прежней его силы.

За шѣмъ Реизъ-Эфенди изложилъ шрудности Греческой войны, и угрожающія со стороны Европейскихъ державъ опасности.

Улемы ошвѣчали что обспояпельства шребовали, чтобы всѣ правовѣрные изучили науку войны, и оказали бы совершенное повиновение волю Султана. Былъ прочишанъ Султанскій рескриптъ, коимъ подвергался разсмошрѣнiю совѣща успавъ новаго образования регулярнаго войска. Въ силу сего успава каждая Янычарская роша * должна была предшавишь 150 человекъ *Эшкенджи* ш. е. солдатъ находящихся въ дѣйствительной службѣ, и кои должны были образовашься въ регулярныя рошы. Успавъ вовсе не касался оспальныхъ Янычаръ, но со всеми подробностями излагалъ родъ, службы регулярныхъ рошъ, по образцу Европейскихъ войскъ,

* Чпшатель замѣишь, что слово *орта* замѣнено безъ различія словами *рота* и *полкъ*.

опредѣлялъ имъ постоянное содержаніе отъ правительсва, пенсіи и проч.

Въ подтвержденіе усвава Муфши прочитавъ *фетва*, писанный «могучимъ перомъ закона» и основанный на томъ, что самъ Пророкъ, сражаясь противу невѣрныхъ, употреблялъ собственное ихъ оружіе — сабли и стрѣлы; пошому и шеперь слѣдовало принять шакшику враговъ исламизма на ихъ же пораженіе. Другой *фетва*, выданный Муфшиемъ въ этомъ же собраніи, давалъ право правительству наказывать всѣхъ злонамѣренныхъ людей, которые попытались бы поселить неудовольствія въ войскахъ и въ народѣ, по случаю принятыхъ правительствомъ мѣръ.

Всѣ присутствовавшіе посѣщили приложивъ свои подписи къ пригошвленному уже акту, коимъ обязывались содѣйствовать нововведенію Султана. Такимъ образомъ въ этомъ засѣданіи духовная власть вручала воинамъ корана шшыкъ и шакшику Христіанской Европы. А Европейская шакшика, по мнѣнію Улемовъ, годилась для правовѣрныхъ, пошому шолько, что по ея правиламъ войны шпрояшся въ правильные ряды, шакъ какъ Мусульмане въ своихъ мече-

пяхъ. (Магомешане въ мечешяхъ соблюдаютъ чшобы спрощеныя линіями).

Въ пошъ же день Сулпанскій Хаши-шерифъ былъ прочитанъ полкъ Янычаръ предъ домою Янычаръ-Аги. Эсадъ-Эфенди, нынѣшній испоріографъ Турецкой Имперіи, разсказу коего мы слѣдуемъ, заимствуя даже собственныя его выраженія, служилъ въ ту эпоху секретаремъ. Онъ самъ читалъ Хаши-шерифъ, и какъ онъ увѣряетъ, «шакъ громко, что могли его услышать обитатели шого свѣта.» Первое обнаруженіе эпихъ акшовъ не произвело споль сильнаго дѣйствія на Янычаръ.

Составленъ былъ списокъ для желавшихъ записаться въ Эшкенджи, и они съ такою ревностію подписывались, ш. е. по Турецкому обыкновенію прикладывали свои печати, что эпошъ списокъ «какъ пучекъ розы, едва разцвѣтшій, былъ уже смятъ.» На шрешій день уже считалось до 5,000 эшкенджи. Давно шайнымъ образомъ значительный запасъ оружія былъ пригосовленъ въ Сераль; правительство медлило раздашь его, опасаясь, что Янычары ожидали раздачи оружія для ошкрытія мяшежа. Въшпо предположеннаго, церемоніальнаго обмун-

дированія войска на равнинѣ Даушъ-Паша, собрали по нѣскольку солдатъ и офицеровъ на Янычарской площади Эшмейданъ *, съ молишвами и религіозными обрядами раздали имъ мундиры и ружья, и нешыре обучашеля начали первый урокъ ружейныхъ пріемовъ офицерамъ.

Султанъ назвалъ свою новую систему Низамъ-ашикъ, »спарое уложеніе,« для прошивуположності названію Низамъ-джедидъ »новое уложеніе« данному Султаномъ Селимомъ его регулярному войску. Но Янычары вскорѣ поняли, что проектъ былъ шопъ же; они начали ропшашъ, и многіе изъ нихъ, охотно принявшіе участіе въ преобразованіи, были увлечены шоварішцами въ шайныя совѣщанія оджака, гдѣ разсуждалось о шомъ, какъ ниспровергнушь нововведеніе. Они шохъли немедленно ошкрышь мянежь, шопрепочишали повременишь, чшобы большее число оружія было роздано Эшкенджи. Но измѣна окружала ихъ шайныя совѣщанія; правишельсшво было увѣдомляемо обо всемъ, и робкая оспорожностъ была замѣшна во всѣхъ его дѣйшвіяхъ.

* *Мясная площадь*, такъ названная потому что въ ней раздавались Янычарамъ провизіи.

Султанъ предвидѣлъ возмущеніе Янычаръ; его шайная полищика даже гошовила его; онъ не хошѣлъ бы чшобы Янычары покорились новому порядку вещей; было очевидно, чшо изъ нихъ и при нихъ не возможно будешъ образовашь регулярное войско, и ихъ испребленіе было необходимо для его плановъ. Но онъ хошѣлъ чшобы они сами призвали на свою главу Султанскую опалу, чшобы предъ закономъ и предъ народомъ была оправдана ихъ казнь.

Послѣднее ихъ возмущеніе имѣло поводомъ обшояшельсшво незначишельное: на ученіи одинъ Эшкенджи, кошораго засшавляли маршировашь, сказалъ: шакъ шолько гяуры умѣюшь ходишь; Египетскій офицеръ, одинъ изъ обучащелей, его ударилъ; въ слѣдующую ночь—эшо было при недѣли спушя послѣ прокламаціи—со всѣхъ споронъ Конштаншпинополя высшпали Янычары на площадь Эшмейдана. На ушро (4 Іюня) ошкрылся мяшежъ, по обыкновенію шѣмъ чшо кошлы съ пилавомъ были опрокинушы. Опрядъ буншовщиковъ измѣною овладѣлъ кошлами пшпаго полка Джебеджи, или хранищелей оружія, и шакимъ образомъ эшошъ полкъ, привязанный дошолъ къ правишельсшву, нашелся

въ роковой необходимости присоединишься къ буншювицамъ.

Болье всего кивъли злобою Янычары на своего Агу, измѣнника ихъ брашшва; шолпа ихъ бросилась въ его дворецъ; не было ли его дома, или успѣлъ онъ спастись — но Янычары не нашедши его излили свое мщеніе на окна, на диваны, на спарухъ оставшихся въ гаремъ, и изрубили его людей. Другіе бросились во дворецъ Верховнаго Визиря и въ домъ Египецкаго офицера Неджибъ-Эфендія, который былъ однимъ изъ главныхъ лицъ новой шакшики. Они оба, въ рояшно введвдя опасность, ночевали въ предмѣстїяхъ; ихъ дома были разграблены; скрышное подземелье, спасло гаремъ Визиря онъ взоръ и опъ обидъ фанашиковъ, а въ домъ Неджибъ-Эфендія они захватили нѣсколько милліоновъ піаспровъ. Они подожгли Диванъ Визиря, въ коемъ хранились государшвенные Архивы, чшобы скрышь предъ свѣшомъ спыдъ, нанесенный Янычарскому корпусу новыми успавами.

Между шѣмъ буйные ихъ опрады обвгали Коншашинопольскія улицы, и собирали всѣхъ праздношавшихся, всю сволочь Сшамбула, особенно многочисленное сословіе носильщиковъ

(хамаль), всегдашнихъ пріятелей оджака. Вездѣ призывалось священное для Янычаръ имя Хаджи-Бекпаша, и раздавались неистовые крики »смершь Агъ, смершь Муфшю, смершь Визирю.« Они надѣялись, что перепуганное правительство и эгошь разъ для утишенія ихъ согласится на примиришельную выпавку головъ. Но времена перемѣнились.

Махмудъ въ это время спокойно сидѣлъ въ загородномъ дворцѣ въ Бешикпашѣ, на Босфорѣ, и ежеминутно получалъ донесенія о происходившемъ, внутренне радуясь безпорядкамъ, которыми начали свой мятежъ Янычары, и вооружили противу себя промышленные классы народа. Впрочемъ они старались успокоить купцовъ и ремесленниковъ, и убѣждали ихъ открьшь базары и лавки. »Если кто изъ нашихъ похититъ кусокъ стекла, кричали они на улицахъ, мы вознаградимъ хозяина алмазомъ; если кто обидитъ народъ, мы изрубимъ его шопорами.« — Эти шумные голоса, говорилъ Эсадъ-Эфенди, раздаваясь на разсвѣтѣ по всему городу, оппоргли честныхъ людей отъ обьяшій сна, и погрузили въ океанъ удивленія.

Таково было упрѣ Спамбула въ незабвенный день 4 Іюня.

Вѣрные Боспанджи были подъ ружьемъ на дворѣ Сераля; Каліонджи держали гавань; Ага-Паша, глава Янычаръ и злѣйшій ихъ врагъ, высадилъ у серальской приспани аршиллерію и всѣ войска, копорыя успѣли соединиться подъ его начальствомъ. Визирь и всѣ вельможи собрались на совѣщаніе въ Босфорскомъ кіоскѣ Сераля, Яли - кіоскѣ, и вскорѣ увидѣли они длинный рядъ кайковъ, въ коихъ повелишель правовѣрныхъ ѣхалъ къ нимъ изъ Бешикпаша съ своими приближенными, чшобы лично участвовашь въ ихъ совѣщъ. Сулшанъ произнесъ крапкую рѣчь великимъ сановникамъ своего прещола, возбуждая ихъ рвеніе въ наступающій рѣшишельный часъ. Эсадъ-Эфенди увѣряешъ, что онъ, видя горячую ихъ гошовность ишши на мяшежниковъ, опоясалъ мечъ, и хотѣлъ лично ими начальствовашь; но что они упрасили его оспашься во дворцѣ. Они желали только, чшобы Сулшанъ вручилъ имъ Санджіакъ-шерифъ, для призванія народа »подъ эпошъ величеспвен-

ный кипарисъ сада побѣдъ, подъ зеленое знамя Халифовъ.»

Султанъ собственноручно вручилъ эпо знамя своимъ намѣстникамъ — Визирю и Муфтию, велѣлъ открыть серальскій арсеналь и раздавать правовѣрнымъ оружіе и снаряды, и чрезъ Кадіевъ извѣстивъ всѣхъ жителямъ Стамбула, Галапы и Скушари о выносѣ великаго знамени, и возбудивъ ихъ религіозное рвеніе въ кришическую минушу борьбы, копорая рѣшала учасіе царства. Глашатаи Султана встрѣчались въ разныхъ кваршалахъ города съ глашатаями Янычаръ; одни призывали Пророка и Хаджи-Бекпаша, другіе Пророка и Санджіакъ-шерифъ; все дѣлалось, какъ и во всѣхъ буншахъ въ Турціи, во имя религіи.

Мечешь Султанъ-Ахмеша назначена главною кварширою Султанскихъ силъ; въ ней былъ водруженъ Санджіакъ-шерифъ; Визирь съ Муфтиемъ, сидя на *мехрабѣ*, возвышенности занимающей мѣсто олшаря въ мечешахъ, совѣщались съ корпусомъ Улемовъ, о томъ, имѣетъ ли право правительство наказывать мятежниковъ. Такова сила предрасудковъ; всякій шагъ за-

щипниковъ престола долженъ былъ утверждатьъ порожесивеннымъ ободреніемъ Улемовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что безъ Магомешова знамени, первой святыни исламизма, копорой видъ шакъ сильно возжигаетъ всегда фанатизмъ правовѣрныхъ; Махмудъ не могъ бы оспашься побѣдиделемъ въ эпошъ день *. Въ первый разъ эпо священное знамя развивалось тогда проптиву Янычаръ. Опасаясь его появленія, они хо-

* Санджіакъ-шерифъ былъ сперва чалмою одного изъ Магомешовыхъ вонновъ; пономъ сдѣлался первымъ знаменемъ исламизма и Халифовъ; онъ перешелъ къ Турецкимъ Султанамъ вмѣстѣ съ Халифатомъ по завоеваніи Каира Селимомъ I. Въ Сераль хранятся также другія Мусульманскія святыни: черное шерстяное плаще Магомета, надѣтое имъ по воспомочному обычаю, въ знакъ высочайшей милости, на одного поэша, воспѣваго его славу; одинъ изъ четырехъ зубовъ, вышибленыхъ у Магомета въ Ухудской битвѣ, и клочокъ Пророковой бороды. Но Санджіакъ-шерифъ почиается выше всѣхъ эпошъ святынь, и имѣетъ неимовѣрное вліяніе на фанатизмъ Мусульманской черни. Его выносятъ обыкновенно въ латерь, когда самъ Султанъ или Верховный Визирь предводителсипвуешъ армию; всѣ правовѣрные должны соединяться подъ эпошъ знаменемъ. Въ 1769 году, при выносѣ его, шолпа эмировъ, ш. е. пошоекъ Магомета, кошорые составляютъ самую грязную черъ Сипамбула, была разъярена шакимъ фанатизмомъ, что бросилась на Хрпстіанъ, зрпшелей эпошъ военно-религіозной процес-

шли было заняты разными улицами ведущими къ Гипподрому, по коему было его порожественное шествіе, и воспрепятствовашъ народу присоединиться къ нему. Но ихъ вышлись Султанскіе опряды; крайній безпорядокъ господствовалъ у нихъ; они попилились на своей площади Эшмейданъ, въ двухъ шагахъ шагахъ отъ Верховнаго Визира, бесновались, спускали опрокинутые кошмы, и гремѣли именемъ Хаджи-Бекташа. Плодомъ дальновидной полицики Султана было, что въ эту крипическую минушу не оставалось между ними никого, кто бы могъ своимъ умомъ и вліяніемъ дать сиснему и единство ихъ дѣйствіямъ; безначаліе, глупость и испугъ ускорили ихъ гибель. Говорятъ будто они хотѣли атаковать дворецъ и схватить Султана, и ихъ остановило опасеніе, что бы могъ погибнуть въ суматохѣ, и престола деспота бы влеклъ своему сыну; а въ Турціи революціею несбыточно. Это историческое чувство являющаеся здѣсь, предъ минушою послѣдствіемъ ихъ паденія, какъ послѣдній лучъ Янтарнаго сія, и изрубила ихъ за то только, что гяурскіе ихъ взгляды дерзнули созерцать святое знамя. Многие почтенные Европейцы съѣзжались тогда жершвою правотрнаго несповства.

ской славы. Махмудъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ тому, что у него не было брата, и что его старшій сынъ незадолго умеръ. Это обстоятельство подало поводъ къ нелѣпымъ слухамъ, будто онъ самъ посягнулъ на его жизнь; но положительно извѣстно, что молодой Султанъ умеръ отъ оспы, и Махмудъ велѣлъ тогда же, прививъ оспу другимъ дѣтямъ, не спросясь у Муфтия: согласно ли это съ закономъ Магомета.

Янычары могли по крайней мѣрѣ укрѣпиться соединенными силами у однихъ изъ сухопутныхъ воровъ Константинополя, удержавъ сообщенія съ окрестностями, и во всякомъ случаѣ имѣвъ вѣрное убѣжище въ горахъ. Изъ 100,000 Янычаръ, бывшихъ въ Константинополѣ, до 25,000 приняли дѣятельное участіе въ мятежѣ; другіе заперлись въ домахъ, не рѣшались приспавъ къ нимъ, ни драться противу нихъ; но движеніе этой фанатической массы могло быть грозно для правительсва, имѣвшаго только немногія роты артиллеріи, батальоны морскихъ солдатъ и дворцовую стражу Боспанджи; что же касается до солдатъ, записанныхъ въ регулярные

Эшкенджи, они въ эшошъ день распоншали свои мундиры, и приспали къ оджаку.

Гуссейнъ-Паша и Магомепгъ-Паша вышли изъ мечети и повели свое войско къ Эшмейдану, съ двумя пушками, по большой улицѣ Дивана; опряды аршиллерии и вооруженнаго народа были разспавлены по всѣмъ узкимъ и кривымъ улицамъ, ведущимъ къ сей площади. Имамы съ Мушпиемъ въ своихъ молишвахъ въ мечети призывали благословенія Пророка на рашъ Сулпана, а Сулпанъ сидѣлъ въ одномъ изъ кіюсокъ Сераля, и смотрѣлъ, какъ авпоръ, на онкрышіе колоссальной своей драмы. Первый выспрѣлъ очистилъ улицу онъ Янычаръ; они заперли большія вороша своей площади, и укрѣпились въ казармахъ. Паши предложили имъ покориться и уповашъ на помилованіе, но предложенія были ошвергнушы. Пушечные выспрѣлы сломали вороша; тогда сила Янычаръ ужаснула войско Пашей; Янычары дружно бросились на пушки; аршилмерисшы убѣжали; одинъ офицеръ, Кара-Джехмень, оспавшись у орудія, выпалилъ изъ пистолета по заправкѣ; эшошъ выспрѣлъ рѣшилъ судьбу воиновъ Хаджи-Бекпаша и цѣлой Имперіи. Карпечъ въ десяти шагахъ произвела

ужасное опустошеніе въ кучѣ Янычарь; шрупы и раненные заслонили узкую улицу; артиллеристы возвратились, и открыли убійственную пальбу по всей площади. Опчаяніе Янычарь не внушало имъ довольно храбрости, чтобы вновь попытаться отнять пушки; губительные выстрѣлы возбѣщали имъ послѣдній часъ. Успѣхъ ободрилъ войска Султана и вооруженныхъ гражданъ; всѣ ринулись на *Мясную площадь*, которая сдѣлалась тогда площадью шруповъ. Казармы, въ коихъ скрывались нѣсколько тысячъ Янычарь, были подожжены, и среди пламени и дыму долго продолжалась рѣзня. Тѣ изъ Янычарь, копорые были пощажены опянявшимъ отъ паровъ крови солдатомъ, связанные попарно посылались къ Верховному Визирю, копорый въ мечети, окруженный вельможами, какъ *Сатурнъ*, среди своего свѣтлаго кольца, принималъ поздравленія.

Это все кончилось около полудня; но и вечеръ этого дня былъ облилъ кровію; тысячи Янычарь, искавшихъ спасенія въ своихъ домахъ, непринявшихъ никакого участія въ бунтѣ, были схвачены, представлены Визирю, одни казнены, другіе подвержены пыщкѣ для ошкряшнн со-

общниковъ. Съкира палачей и ихъ адскіе инструменпы довершали побѣду надъ оджакомъ. Палачи всю ночь были въ работѣ. Спарыя казармы (эски-одаляръ), кофейные дома, всѣ мѣша, въ коихъ могли скрывашься оробѣвшіе Янычары, были спрого обысканы, и неумолима казнь ихъ ожидала въ шюрмахъ, въ подвалахъ, въ крѣпоспяхъ. Переодѣшые офицеры Визиря всю ночь обходили разные кваршалы города, чшобы узнать, гдѣ могли скрывашься еще Янычары, и не гошовисъ ли новая вспышка мяшежа.

Поспѣшныя, шемныя казни были впрочемъ для Янычарской черни; Визирь на другой день продолжалъ засѣдать въ мечешп, производилъ судъ надъ значащими лицами оджака, и посылалъ одного за другимъ къ палачамъ въ Гипподромъ. Извѣстно, что и въ обыкновенное время правосудіе въ Турціи еспъ вещь самая поспѣшная; судья сдѣлаешъ слѣдспвіе, присудитъ, а у перваго переулка, или перваго окна, съ первою надежною веревкою, палачъ исполнитъ приговоръ.

Янычаръ-Ага, Мусшафа-Паша, Гуссейнъ-Паша, каждый въ своемъ домѣ были заняпы подобно Верховному Визирю. Послѣдній изъ нихъ присоединялъ и иронію и какую-шо звѣрскую весе-

лоспѣ къ своимъ кровавымъ приговорамъ. У начальника пожарной команды * спросилъ: какъ онъ не поспѣшилъ потушить пожаръ въ казармахъ?—и мигнулъ служителямъ; тѣ повели его въ подвалъ гдѣ его ждалъ палачъ со снуркомъ изъ змѣиной кожи. У другихъ спрашивалъ, какъ они не были у кошловъ, и опѣ чего не пришли поспавить ихъ на мѣсто, когда ихъ опрокинули; одного изъ Янычарскихъ командировъ принесли къ нему въ сундукъ, какъ нашли спряпаннымъ въ гаремъ; Гуссейнъ изъяснилъ удивленіе, что пакой высокій чинъ могъ помѣститься въ пакой пѣснопѣ.

Каждый изъ Пашей выставилъ въ этотъ день въ Гипподромъ по нѣскольку сопень обезглавленныхъ Янычаръ. Кругомъ огромнаго плашана, на этой площади, собрали кучу шруповъ, въ память того, что торжествующіе Янычары въ другую эпоху повѣсили на этомъ деревѣ вышребованныхъ ими Министровъ; Эсадъ-Эфенди говоритъ о Министрахъ, что они и при жизни и по смерти занимали высокія мѣста, а Турецкій поэтъ сравнивалъ этотъ пла-

* Пожарная команда (шулумбаджи) состояла изъ Янычаръ.

панъ съ баснословнымъ деревомъ воспока уакъ-уакъ, копорого плоды имѣюшъ человѣческую форму, и издаюшъ сшранные звуки. Вошъ содержаніе его стиховъ:

Пресшупные люди повѣсили предъ мечешью Ахмеша-Хана невинныхъ рабовъ божинхъ. Теперь на эпошь мѣсшъ пресшупники лежатъ лишешные жизни. О древо, коего вшши были прежде обременены человѣческими шѣлами, и коего корень окруженъ нынѣ шрупами, не шы ли уакъ-уакъ? Твои плоды созрѣли и упали.

ГЛАВА VI.

Уничтоженіе Янычаръ. — Милости. — Серамскій лагерь и кон-
 клавъ. — Улемы. — Сераскиръ Гусеинъ. — Вода Апрельскаго
 дождя. — Великолѣпне Махмуда. — Старыя одамыки и побѣдо-
 носныя Магометовы войска. — Трупы въ заливѣ. — Янычарскія
 жевы. — Еще казни. — Государственный историографъ. — Обви-
 ненія Янычаръ. — Анекдоты. — Негодование и проклятіе.

Бунтъ Янычаръ былъ подавленъ; около двад-
 цати пяти тысячъ изъ нихъ были убиты съ
 оружіемъ въ рукахъ, или казнены; многіе содер-
 жались въ крѣпостяхъ; многихъ опыскивали въ
 скрыпныхъ убѣжищахъ; оспавалось Султану
 довершивъ дѣло уничтоженіемъ ихъ корпуса
 и имени.

Первымъ признакомъ сего было то, что на
 другой день послѣ Эшмейданской побѣды, въ
 пшницу, когда Султанъ поѣхалъ по обыкнове-
 нію со всѣмъ дворомъ въ одну изъ Конспанши-
 нопольскихъ мечешей, ни одинъ Янычарскій офи-
 церъ не показался въ парадѣ, и шествіе было
 сопровождаемо аршиллериспами и бомбандирами,
 а прежде эша честь принадлежала однимъ Яны-
 чарамъ.

Имамъ послѣ намаза произнесъ обыкновенную молишву за здравіе Сулпана, и въ ней благодарилъ его за услугу, оказанную Исламизму подавленіемъ мяшежа.

Ночью всѣ вельможи и главные Улемы собрались въ мечети Сулпанъ - Ахмеша; имъ было сообщено намѣреніе Сулпана уничтожить Янычаръ, и дать новому регулярному войску названіе *побѣдоносныхъ воиновъ Магомета*; въ свѣтъ, копорый соединился на другой день въ серальской залѣ подъ председательствомъ Верховнаго Визиря, составленъ фирманъ содержащій сіе рѣшеніе Поршы, и по обыкновенію засѣданіе заключилось молишвами, копорыя *стерли пыль заботъ, омрачавшую еще зеркало сердець*. Рѣшеніе Дивана было подтверждено Падишахомъ, копорого свѣтлый умъ отражаетъ сіяніе небесъ, *который соединяетъ въ себѣ правосудіе Абубекера, твердость Омара, скромность Османа и мужество Алія*.* Въ пошъ же день Муэзымы съ высоты минаретовъ извѣстили народъ, что послѣ полуденнаго намаза, будетъ чипанъ въ мечетяхъ Сулпанскій фирманъ. Въ Спамбуль

* Это выраженіе принадлежитъ Турецкому исторіографу; въ пошъ похвалы выше зпшешовъ чепырехъ первыхъ Халифовъ.

народъ съ прудомъ могъ вѣришь, что грозный оджакъ уже не существуешь. Тапары (Тапарами въ Турціи называющся курьеры) понеслись быстрые какъ вѣтры, передашь извѣстіе во всѣ Пашалыки; но въ тѣ мѣста, гдѣ было болѣе Янычаръ, послано секретное повелѣніе Пашамъ взяшь предварительнo подѣ спражу, или предашь палачамъ опаснѣйшихъ изъ нихъ.

Милоспи Сулпана излились на всѣхъ пѣхъ, кои сдѣйсповали исполненію его плана; но попъ, кто приугошовиль ему эшопъ приумфъ, уже не былъ шамъ, чпобы имъ насладиться; Халешъ-Эфенди изрыль могилу Янычарамъ, и самъ прежде своей жершвы погибъ въ ней. Съ одной спороны раздавались шубы, дорогіе кинжалы, мѣспа и пенсіи, съ другой продолжали душишь и рѣзашъ на площадяхъ и въ шюрьмахъ оспашки Янычаръ. Полипика Дивана пребовала не дашь имъ опомнишья послѣ перваго удара, и сошни головъ падали ежедневно, чпобы подерживашъ спрахъ, единспвенное надежное средство для управленія Азіяпцевъ. Янычарскіе офицеры, давно измѣнившіе своему брашпству, учащовали въ пирѣ Султанскихъ благодѣяній, и розданными имъ наградами, при грозной опалѣ

всего корпуса, Сулпанъ хопъль показашъ своему народу, что онъ уважаетъ правило восточной морали: милосердіе есть пошлина, плашмая небу побѣдишелемъ, для узаконенія побѣды.

Глашашанъ возвъспили народу, что самое имя Янычаръ уже запрещалось упошребляшъ; ихъ шъла еще лежали въ Эшмейданъ и въ Гипподромъ, но Сулпанъ хопъль совершенно сперешъ эшо ненавистное имя изъ памяти народа и изъ языка. Спарыя казармы сгорѣли въ день бишвы, новыя были разрушены до основанія; всѣ вспоминали слова корана. «Вошъ ихъ жилища, опушълыя и разрушенныя за ихъ прешупленія.»

Санджіакъ-шерифъ еще находился въ Ахметовой мечети; Визиръ съ большимъ церемоніаломъ возвращилъ его во дворець, и Сулпанъ собшвенноручно водрузилъ его предъ *вратами благополучія*. Серальскіе Балпаджи (внушренняя спража, вооруженная шопорами) ого окружили; амбра и алой курились предъ нимъ, и чипались главы изъ корана, доколъ не наспушила эпоха возвращенія его въ залу, гдѣ онъ обыкновенно хранишся.

Тогда предшавилось истинно величешвенное

зрѣлице; всѣ высшіе сановники престола, духовные, военные и гражданскіе, расположились лагеремъ предъ этою Магомешанскою святынею. Султанъ одѣлся самъ въ простой военный костюмъ, и объявилъ своимъ вельможамъ, что они проживутъ такимъ образомъ на бивакахъ, доколь не будетъ совершенно успроено новое образованіе войска, и не соспавяшся новые законы, необходимыя при этой перемѣнѣ. Такимъ образомъ на серальскомъ дворѣ Миниспры, на бивакахъ среди Сшамбула, предспавили родъ конклава, и сходство было шѣмъ разипельнѣе, что вся духовная іерархія съ ними засѣдала въ совѣщахъ, занятая вѣчнымъ шолкованіемъ закона согласно съ волею Султана. Новый костюмъ, новое оружіе, новое ученіе, всѣ перемѣны должны были волею или неволею основывашся на коранѣ; ибо слово новизна опзываешся шполь же неприятно въ ухахъ Азіяшца, сколько пльншпелнымъ кажешся Европейцу слово мода. Найдешъ въ Турціи штысячу нелѣпыхъ обычаевъ, копорыхъ никшо не смѣешъ нарушшпъ; если спросше опъ чего шакъ шлѣпо имъ повинуюшся, вамъ скажунтъ, что это шполько вѣковъ шакъ водшпся; Европеецъ въ подобномъ случаѣ

опвѣчалъ бы вамъ: эпо самая послѣдняя мода. Правило, на коемъ основана неприкосновенность Корана: всякій новый законъ есть заблужденіе; всякое заблужденіе ведетъ во адъ — было камнемъ прешкновения для Махмуда, и шолкованіе Муфшія, кошорый въ своемъ рвеніи гошовъ былъ доказашъ, что самъ Магомешъ учился ружейнымъ приемамъ, было необходимо, чтобы не раздражашъ нововведеніями народныхъ предразсудковъ.

Махмудъ умѣлъ обласкать корпусъ Улемъ, и вмѣстѣ съ шѣмъ поселилъ въ Янычарахъ сильную къ нему ненависть; Улемы, зная что опъ Янычаръ имъ пощады не будетъ, спарались искренно содѣйствовать Султану, и безпрекословными *фетва* давали всѣмъ его повеленіямъ силу духовнаго закона. Въ ту эпоху Султанъ подарилъ корпусу ихъ, и обратился во дворець Муфшія, бывшій дворець Янычаръ-Ага-сы. Предчувствовалъ ли онъ, что когда не спанетъ Янычаръ, Улемы заснуютъ ихъ мѣсно и начнуютъ свою скрыпную, опасную оппозицію? — или самъ гошовился начать съ ними прежнюю заученную полипику, кошорая освободила его опъ Янычаръ?

Гуссейнъ - Паша, герой Эшмейданскаго дня, былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ, или образовашелемъ новаго войска, съ шишломъ Сераскира. Онъ получилъ отъ Султана кувшинъ съ водою перваго Апрельскаго дожда. Эша вода собираешся придворными пажами, Ичь-огланами, на крышъ Сераля, и представляется Султану, который разсылаешъ скляночки своимъ любимымъ одадыкамъ и кадынямъ; она имѣешъ чудесныя качества, исцѣляешъ недуги, возбуждаешъ любовь, и п. п. она всегда хранишся въ Сераль; и въ чрезвычайныхъ случаяхъ посылаешся отъ Султана любимцу, въ знакъ особенной милости. Необыкновенная дѣятельность Гуссейна раздѣлилась тогда между новою его обязанностию и преслѣдованіемъ остатковъ Янычаръ. Въ нѣсколько дней былъ сформированъ какъ нибудь первый полкъ *побѣдоносныхъ Магометовыхъ воиновъ*, и парадировалъ предъ Султаномъ. Повелитель правовѣрныхъ являлся въ эту эпоху предъ своими офицерами съ прихожами Воспочнаго великолѣнія, когорыя въ послѣдствіи совершенно уничтожилъ. На первомъ смотрѣ два офицера держали съ обѣихъ его сторонъ ку-

рильницы, и ароматическія облака дыма окружали поржешествующаго Падишаха.

Домомъ Сераскира, и главною кварширою новаго войска былъ назначенъ старый Сераль, Эскисарай. Эшо зданіе было воздвигнуто Магомешомъ II два года спустя по взятіи Конспанпинополя. Во время Солимана Великаго оно служило казармою придворныхъ пажей, а послѣ него до нашего времени въ немъ заключались одалыки умершихъ Сулпановъ, копорыхъ преемники не хошлы или не могли продашь на рынкѣ, или подарить кому нибудь изъ любимцевъ. Эшо замѣщеніе старыхъ гаремныхъ зашворницъ побѣдоносными воинами Магомеша, можешъ бышь, одни нашли смѣшнымъ, другіе зловѣщимъ. Сулпанъ навѣспилъ (17 Іюня) Сераскира въ новомъ его дворцѣ; при регулярные полка сопровождали его шествіе, и жипели Сшамбула въ первый разъ собрались посмонрѣшь на бѣглый ихъ огонь и на ихъ маневры.

Но заключимъ нашъ разсказъ послѣдними судьбами Янычарь.

Нѣсколько дней шаскали изъ Эшмейдана, изъ Гишподрома и изъ крѣпостей двадцать пять тысячъ шруповъ въ Босфоръ; печеніемъ ихъ,

унесло; но южный вѣтеръ перемѣнилъ печеніе Босфора, море принесло обратно свою добычу, и во многихъ мѣстахъ Константинопольскій портъ былъ запруженъ шѣлами. Христіане и Турки на долго опказались отъ рыбной пищи и отъ Босфорскихъ усприць.

Толпа Янычарскихъ женъ собралась на одномъ изъ рынковъ съ жалобами и воплемъ опчаянія; ихъ посадили въ огромныя барки, съ шѣмъ чѣобы переслашь въ Азію, а среди Босфорскаго печенія пробили дно барокъ, и предали ихъ въ жерпву волнамъ. Была нарушена неприкосновенность гаремовъ; опцевъ семействъ брали среди плача женщинъ и дѣшей, и влекли на смерть; пошому чпо пока сановники преспола спояли лагерь въ Сераль, выставка Янычарскихъ головъ ежедневно возобновлялась. Въ первые дни казнили по крайней мѣрѣ виновныхъ или подозрительныхъ; пошомъ одно имя Янычаръ, одинъ знакъ орша, выжженный на ихъ рукъ, призывали смершній приговоръ.

Кровожадный Гуссейнъ, долго командовавшій симъ корпусомъ, получилъ какой то чудный инспинкшъ угадывашъ Янычаръ на улицъ, въ полпѣ, среди базаровъ, по первому взгляду; палачи все-

гда были гошовы, и за нимъ слѣдовали въ его неушомимыхъ объездахъ по Сшамбулу.

Нѣсколько Янычарскихъ полковъ *Ямакъ*, соспавленные изъ Азіяшцевъ и споявшіе гарнизономъ въ Босфорскихъ крѣпостяхъ, не захопѣли принявъ участіе въ бунтѣ ихъ собрашій; они даже явились къ Пашѣ начальнику крѣпоспей, прося, чшобы ихъ повели на буншовщиковъ. Они ожидали награды за свою вѣрносшь, но Махмудъ вспомнилъ, чшо за двадцашъ лѣшъ предъ шѣмъ они буншовались прошивъ Селима. Было оконфисковано все чшо у нихъ нашлось, — они занимались разными ремеслами и рукодѣліями, — и безъ провизіи, безъ денегъ ихъ высадили на Азіяпскій берегъ. Они должвы были жишь подаяніями въ дальномъ пуши къ родинѣ, и большею частію перемерли съ голоду.

Здѣсь не мѣшпо рассуждашь о шомъ, былъ ли спасшеленъ или цагубенъ для Турціи эшошь ужасный ударъ, коимъ ошсѣкался могучій корпусъ, положившій основаніе величію Имперіи, а съ ея преждевременною вѣшхосшію пришедшій въ разсшрѣсштво, и шягошившій ей, при безсшліи правшельсшва; но — поздравляя Махмуда съ успѣхомъ въ борбѣ, коей цѣлію было прео-

бразованіе государства — не лзя не почувствовать неодолимую жалость къ судьбѣ пораженных Янычаръ, когда они, жертвы коварства и измены, подвергаются безпощадной мести, неушолимой рѣками ихъ крови.

Султанъ воспользовался этою эпохою казней, чпобы освободиться, кромѣ Янычаръ, и отъ всѣхъ людей безпокойныхъ или подозрительныхъ, чпобы выплашить за всѣ вины, копорыя дошолъ ославались безнаказаны. Припомъ многія лица оджака, копорыхъ предусмошрительная полипика Султана осыпала милостями, и наградила хороними мѣстами въ разныхъ пашалыкахъ, чпобы удалить заблаговременно изъ Константинополя, многіе пресупные Янычары, копорыхъ не смѣя казнить держали въ ссылкѣ или въ започеніи, были теперь казнены.

Эсадъ-Эфенди написалъ подробную исторію испребленія Янычаръ, и назвалъ свой трудъ *основою подльды*, чпобы хронограммою сихъ словъ выразишь 1241 годъ гиждры (1825 — 1826), въ копоромъ оно совершилось. Онъ называетъ себя «паразишомъ на пиру словесности» но спавишь себя превыше всѣхъ историковъ прошедшихъ и будущихъ вѣковъ, пошому чпо ему до-

спалась слава описать подвиги Махмуда, «когого блескъ помрачаетъ зависпливья Плеяды,» и сошавишь изъ нихъ книгу, «какъ букепъ розъ, доспойный бытъ поднесеннымъ всѣмъ Монархамъ.» Изъ одного его предисловія, исполненнаго подобныхъ фразъ, можно судишь объ историческомъ безприсрастїи его шруда. Онъ въ длинной главѣ своего сочиненія «далъ волю своему чермоносому калему» * набрать всѣ обвиненія копорыя лежали на Янычрахъ.

Изъ того что число ихъ орна въ эпоху истребленія было 196, заключаешъ онъ, что они были отвержены Богомъ; ибо слово *мелунъ*, проклятый, если сложишь нумерическое значеніе его буквъ, соотвѣстствуетъ этому числу. Онъ обвиняешъ ихъ въ томъ, что въ ихъ казармахъ найденъ коранъ, на коемъ была нарисована палица, гербъ одного полка; что въ карманѣ одного изъ нихъ найдена печать съ глаурскимъ именемъ *Марко*; что между мертвыми увидѣли на рукъ одного Янычара крестъ глауровъ, вы-

* Читайшелъ вспомнишь, что Турки для письма употребляютъ не перья а камыши, называемые *калемъ*, отъ Греческаго слова *καλαμος*.

жженный вмѣстѣ со знакомъ его полка, — это все доказываесть, что они были опсшунники опъ исламизма. Припомъ разные сны, чудесныя явленія и пр. предзнаменовали ихъ паденіе. Рассказывающъ даже, что въ шу ночь, когда они въ послѣдній разъ собрались въ Эшмейданъ, гонецъ былъ опъ нихъ посланъ въ Адрианополь, чтобы поднятъ памошніе полки. Но въ шу минушу, когда онъ прибылъ на мѣсто, едва опкрыль уша для исполненія пресшупнаго порученія, онъ лишился употребленія языка, и оспавался нѣмъ, доколъ не былъ обнародованъ Сулшанскій манифесшъ, по предварительномъ удушенія главнѣйшихъ Янычаръ.

Но болѣе любопытны нѣкопорые анекдоты о Янычарахъ, приводимые Турецкимъ испорикомъ. Большая часшъ Янычаръ были пакъ свѣдущи въ военномъ дѣлѣ, что желая убишь однимъ высшрѣломъ многихъ непріятелей, бросали по нѣсколку зарядовъ въ свои ружья; другіе бросали заряды пулями внизъ, пошомъ видя, что не могутъ высшрѣлишь, увѣряли, что гляуры околдовали ихъ оружіе, и кидали его въ рѣку. Кавалерисшы обнажая сабли опрѣзывали повода и уши своему коню. Когда авангардъ за-

вязывалъ дѣло съ непріятелемъ, они споя позади спрѣляли, и если имъ говорили, что между ними и непріятелемъ находящся свои, Мусульмане, они опивъчали — »шакъ что же? — Въдъ наши пули не могушъ ошибиться, онѣ знаюшъ гяуровъ.«

Если кто изъ поварищей падалъ оглушенный ранюю, они пошчасъ брали его за плеча, и чтобы благородный сынъ оджака не былъ распощанъ вмѣстѣ съ плебеями войска, спѣшили въ спорону предать его земль. Однажды офицеръ видя, что они гоповились похоронить раненнаго, кошорый издавалъ жалобные споны, поспѣшилъ предупредить ихъ, что онъ еще живъ. »Не вѣрь ему, опивъчали они, мы всѣ видѣли какъ онъ умеръ; эшо его духъ продолжаетъ спонать.«

Разсказывая, какъ легко было непріятелю имѣть шпионовъ въ войскѣ споль безпорядочномъ, и распускашь посредствомъ ихъ разные слухи между Янычарами, онъ приводитъ забавный случай изъ войны съ Россією 1796 года.

Три Янычара, рыская кругомъ лагеря, напали на непріятельскаго фуражера; шоптъ зналъ пошурецки, и сказалъ имъ: Эфенди мои, если вы

меня приведете въ свой лагерь, получите бездѣльное награжденіе; возвратите меня къ моему опцу, онъ богатъ и дастъ вамъ горсти золоташа. Онъ кляпвали убѣдилъ ихъ въ искренности своихъ обѣщаній, и представилъ ихъ одному офицеру, котораго называлъ опцемъ. Хищрый офицеръ смѣкнулъ дѣломъ, и далъ знать своему Генералу; между шѣмъ онъ усердно благодарилъ Янычаръ за возвращеніе сына, дастъ имъ золоташа, кормилъ опшличнымъ ужиномъ и подчуешъ вкусными винами. Помомъ говоришъ имъ, что въ знакъ безмѣрной своей благодарности, онъ хочешъ оказашъ имъ величайшую услугу опкрышіемъ важной шайны; переодѣваешъ ихъ въ *Московское* платьеш, и проводилъ среди своего лагеря къ особенной палашкѣ, въ которой изумленные Османлы видяшъ Пашей и Каймаковъ въ огромныхъ чалмахъ, Крымцевъ въ бараньихъ шапкахъ и разныхъ офицеровъ Султанской арміи; предъ ними вѣсы и кипы золоташа; они раздѣляюшъ золоташа между собою, и укладываютъ въ бочки. Тогда офицеръ приводитъ ихъ обратно въ свою палашку; — вошъ моя шайна, говоришъ имъ; видѣли ли вы эшо золоташа? часть его назначена для вашего Султана, часть Хану Та-

шарь, Верховному Визирю, Улемамъ, вельможамъ и собшвенному вашему Агъ. Они за золопо продали все войско, всъ земли ваши и самый Спамбуль; вашихъ поварищей Янычарь, копорые будущъ намъ выданы, мы спорговали по піаспру за брапа. Эшо наша шайна, друзья мди; я ошкрылъ вамъ ее чшобы васъ спасши; бѣгите поскорѣ въ Азію, чшобы избѣгнушь плѣна, но чурь, ни слова поварищамъ, попому чшо если Генераль мой узнаешъ, чшо я васъ спасъ, эша услуга, копорую изъ благодарности оказываю вамъ, мнѣ будешъ спойшь жизни.

Янычары возвращаясь въ свой лагерь подняли шревогу. »Насъ продаюшь Сулшанъ и Паши по піаспру за брапа, кричали Янычарскіе полки; да эшо давно мы подозрѣвали, пакъ и колопяшь насъ Московъ-гяуры; насъ продаюшь« — Ифлапунны и Сокрапы и всъ мудрецы міра не могли бы ихъ образумишь; весь лагерь разбѣжался, и Русскіе овладѣли спраною *.

»Было время, прибавляешъ Турецкій испорикъ, когда и наши полководцы могли удачно упошребляшь военныя хшпросши, и малочислен-

* Эшошь случай описанъ въ Турецкой лѣтописи Васифъ-Эфендія.

ными опрядами побъждали арміи Нѣмцевъ и Венгерцевъ, копорыя на силу могла вынеспи земля. Да разорвешъ Аллахъ листки жизни пресшупныхъ людсй, копорые ослабили царство, копорые понули неблагодарные въ океанъ Султанскихъ милоспей, копорыхъ буйная душа не была обуздана мундшукомъ благодѣяній.»

Г Л А В А VII.

Ссылки. — Прогулки Гуссейна. — Ссылки собакъ. — Астрологи. — Дервиши Бекташи. — Ихъ обряды. — Шаманства и талисманы. — Календеръ. — Ожиданіе Мегдія. — Видимость Халифа. — Дервишская шапка. — Казнь дервишей. — Фонари. — Пожаръ. — Заговоръ. — Новыя казни. — Любопытный фирманъ.

По испребленіи Яңычаръ Сулпанъ счелъ нужнымъ выслать изъ Конспаншинополя всѣхъ шѣхъ, кои не имѣя въ семъ городѣ поспояннаго жилища и занятія, промышляли, пакъ какъ во всѣхъ большихъ городахъ промышляешъ случайною работою многочисленный классъ народа.

Гуссейнъ Паша сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ по Сшамбулу, ловилъ народъ на улицахъ, спрашивалъ всѣхъ шѣхъ, конхъ физиономія ему не нравилась, и при неудовлешворительныхъ показаніяхъ посылалъ къ приспани, гдѣ ждали барки для перевоза Азіяшцевъ на Азіяшскій берегъ а Европейцевъ въ Галлиполи. Такимъ образомъ до 20,000 человекъ были высланы изъ Сшамбула, и оставлены на произволь судьбы на морскомъ берегу. Въ шогдашнихъ обспояшельствахъ мѣра эша казалась необходимою по малочислен-

носпи войска въ городъ, и попому чпо люди недомишые и праздые могли бышь опасны въ случаъ новыхъ смяшеній. Впрочемъ эпо дѣла-лось не въ первый разъ въ Констанщинополь; послѣ каждой революціи, при возстановленіи порядка, правительство очищало споллицу опть этого класса народа, и каждый разъ, когда чув-ствовался недоспапокъ въ съспныхъ припа-сахъ, правительство эпою проспою мѣрою осво-бождалось опть нѣсколькихъ тысячь алчущихъ желудковъ. Подобныя мѣры болѣе всего дока-зываютъ, сколько запрудняющся Турки упра-вишся въ многлюдномъ городѣ, своими закона-ми, писанными для кочевой орды, кошорая при-шла »расположишся лагеремъ«, какъ выразился Бональдъ, въ углу Европы, заняла мѣсто просвѣ-щеннаго народа, не перенивщи ничего опть его просвѣщенія, кромѣ успарьлыхъ его церемоніа-ловъ и двуличной полишки, и въ самой своей споллицѣ сохранила свои степные обычаи.

Въ другую эпоху эпо гоненіе проспиралось даже и на собакъ; можеть бышь онѣ слишкомъ размножились въ Спамбульскихъ улицахъ, гдѣ и безъ нихъ шакъ шѣсно, можеть бышь онѣ провинились какъ нибудь предѣ аспрологами,

кошорые посовѣповали Верховному Визирю Нассукъ-Пашѣ выгнать ихъ изъ Спамбула; а Нассукъ-Паша до того вѣрилъ аспрологамъ, что когда они ему предсказали, что онъ получитъ корону, а онъ, какъ и должно было ожидать, чрезъ нѣсколько дней получилъ снурокъ, — видѣлъ въ эпомъ исполненіе ихъ пророчества. Въ его время многія тысячи собакъ были посажены въ лодки и ошправлены въ Малую Азію; а убивать собакъ — это шакое преспуленіе, кошорое преслѣдуется почти шакже строго какъ и убійство правовѣрнаго. Въ іерархіи живущихъ существъ, по понятіямъ Турокъ, собаки занимають мѣсто почти почешнѣе гуяровъ, и пошому преимущественно пользуются ихъ благошворительностію. Есть даже многія мечеш, кошорыя вмѣстѣ съ бѣдными кормящъ и извѣстное число собакъ. Самая благошворительность, лучшая изъ Муеульманскихъ добродѣтелей, спановишя шакимъ образомъ унишительною и обидною для человѣчешва.

Спамбульскія собаки чувешвуютъ всю важность своихъ правъ; каждый кварталъ въ числѣ своихъ поспоянныхъ жипелей считаешъ и семьи собакъ, заселяющихъ улицы и раздѣляю-

щихъ съ правовѣрными ихъ ненависть и презрѣніе къ круглой шляпѣ франковъ; по инымъ грязнымъ переулкамъ ошъ нихъ нѣтъ прохода, особенно если Европейское плашье возбудишь негодование чешвероногихъ обиташелей.

Мы говорили уже, что Дerviши Бекпаши были въ брапсшвѣ съ Янычарами, и соспоали въ 99 орша. Учасшь оджака ихъ наспигла: Сулшанъ въшребоваль у Муфшія фешва, коимъ оправдывалось унищожение эшихъ Дerviшей, какъ богохульниковъ, ерешиковъ, ошсшупниковъ ошъ исламизма. И дѣйствительна Бекпаши особеннаю своею привязанноспію къ Аллію навлекали на себя подозрѣнія въ Персидской ереси Ши; а извъспно что Турки, хопя и признають Аллія законнымъ Халифомъ, наравнѣ съ другими учениками Пророка, но не могутъ проспшишь Персидскимъ ерешикамъ ненависти ихъ къ Омару, исключительной привязанноспи къ Аллію и соблазительныхъ ихъ разсказовъ о поведеніи любимой жены Пророка, черноокой Аише, кошорая въпрочемъ не одинъ разъ навлекала на себя подозрѣнія и гнѣвъ своего вдохновеннаго супруга. Въ глазахъ Махмуда главная ересь Дerviшей Бекпаши соспоала въ шомъ, что они возбуж-

дашь фанатизмъ оджака спранными обрядами своего богослуженія, и сосставляли главное звѣно духовной цѣпи, коею связывались Янычарскіе полки. Въ одной изъ Янычарскихъ казармъ безвыходно пребывалъ дервишъ Бекпаши съ длинными волосами и выбрипыми бровями; его считали святымъ; онъ дено и ношно былъ обязанъ молишь Аллаха о благососпояннѣ оджака.

Посѣщителямъ Сшамбула не удался болѣе видѣшь спранные и опшврапительные обряды эшихъ дервишей, кошорыхъ Европейцы прозвали »ревущими.« Въ большомъ теккѣ ихъ ордена, бывшемъ въ Скушари, они собирались ночью, сажались въ кружокъ, пошомъ качаясь головою и веъмъ шѣломъ произносили имя Аллаха безъ опдыха, доколѣ слова ихъ обращались въ ревъ, и ихъ движенія въ бѣшенныя мешанія; они были пріугошовлены къ эшому соспояннѣ порядочнымъ пріемомъ опіума; успа ихъ пѣнились; религіозный эншузизмъ зришелей воспламенялся; шогда приносили имъ огни и оспрія обвѣшенныя погремушками. Они шожгли свое шѣло, и проводили огнемъ длинныя полосы по вѣъмъ своимъ членамъ, шо въ вѣшшувленныхъ качаніяхъ продолжая реветь изо всей мочи, играли въ су-

дорожный шакшъ раскаленными остріями, царапали и ранили другъ друга или сами себя, доколѣ пришедь въ пришворное или непришворное изнеможеніе, падали безъ чувствъ. Наспояншель, которъй шакже принималъ участіе въ эпихъ набожныхъ упражненіяхъ, шепшалъ на ухо упавшимъ какія-то шаиншвенныя рѣчи, попомъ накрывалъ ихъ маншіею, бралъ на руки ихъ живые шрупы и клалъ въ спорону. Тогда лешаргическій ихъ сонъ, произведенный опіумомъ, продолжался сушки и болѣе.

Таковы были оргіи дервишей Бекшаши; при всшупленіи въ орденъ они давали обѣтъ не входить въ бракъ, непрерывно хвалили Аллаха и были нищими; они поведенія были самага развращааго; хваленіе Аллаха соспоало въ безпрешанномъ бормошаніи какого нибудъ изъ девянбшо девяши его энишешовъ, а обѣтъ нищеншва давалъ имъ право приславашъ съ грубошьями и съ угрозами ко всѣмъ проходящимъ, и даже входить въ дома, изъ конхъ нерѣдко они похищали дѣшей. Они открышо пьяншвовали и безчиншвовали вмѣспъ съ Янычарами; но народъ шипалъ къ нимъ шѣмъ болѣе благоговѣнія, чѣмъ отвращительнѣе были ихъ обряды,

и вѣрилъ что чѣмъ сильнѣе они ревушъ, тѣмъ пріятнѣе Аллаху, и пѣмъ чаще навѣщаетъ ихъ шайинсвенный духъ. Припомъ дервиши этого ордена имѣли обыкновеніе ходишъ по улицамъ Стамбула и по всей Имперіи съ живыми змѣями обвишыми кругомъ шеи и рукъ, заговаривашъ болѣзни, навѣшивашъ шалисманы; они упошребляли всъ роды шарлашансшва, чшобы поддерживашъ народное суевѣріе, и слышъ въ народѣ свѣпными и чудопшворцами.

Нерѣдко дервиши были начальниками мяпешей, пошпрясавшихъ всю Монархію; воспламеняя воображеніе суевѣрнаго народа, особенно въ Азіяшскихъ обласпяхъ, чудесами и воспорженною рвчію, они соединяли подъ своими знаменами до 30 и до 40,000 войска, и опустошали цѣлыя обласши. Таковъ былъ буншъ Календера при Солиманѣ; они по принимали имя Календеръ *, означающее по-арабски числое золопо, и въ эшомъ случаѣ знаменовавшее числошу ихъ вдохновеній, по выдавали себя за Мегдія, двѣнадцатаго Имама опшъ рода Алія. Объ эшомъ Ма-

* Первый пріявшій имя Календера былъ Испавскій Арабъ, ученикъ Хаджи Бекпаша, выгнанный за гордостъ опшъ своего учштеля, и основавшій попомъ орденъ дервишей Календери.

гөмөшъ или Мегди ходящъ самыя нелъпыя слухи между Магомешанъ. Секпа Суни вѣришь чшо онъ на небѣ, и чшо придетъ предъ пресшавленіемъ свѣша, и съ помощію 360 духовъ распросшранить исламизмъ по всей землѣ. Шии напропивъ думаютъ, чшо онъ съ шого дня какъ пропалъ безъ вѣспи, въ 260 году гиджры, скрывается доселѣ въ какой-то пещерѣ или на днѣ колодеза, къ кошорому они ходящъ на поклоненіе, и съ года на годъ ожидають его появленія, для возшановленія всемірнаго Халифапа *. Эпи нелъпосши зашавили между прочимъ законодашелей исламизма посшановишь закономъ, чшо Халифъ долженъ бышь *видимый*, и вмѣнишь ему въ непремѣнную обязанность показывашься сколько можно чаще народу. Уже нѣсколько разъ являлись самозваные Мегди, и обыкновенно начинали быспрыми успѣхами. Послѣдній былъ при Мурадѣ IV.

Въ самой споициѣ Бекшаши принимали всегда дѣяшельное учасшіе въ буншахъ Янычаръ, и съ особеннымъ рвеніемъ возбуждали ихъ фа-

* Любопышныя подробности объ этомъ Мегди или Магди можно видѣшь въ прекрасной спашѣ Энциклопедическаго словаря *Амды*.

нашизмъ во время послѣдняго мяшежа. Еще Магомешъ IV намѣревался уничтожить всѣ дервишскіе ордены; извѣстно что всѣ они основаны на однихъ только словахъ Пророка — «нѣтъ лучше дѣла какъ хвалишь Аллаха;» но народная къ нимъ суевѣрная привязанность не позволила Султану эшо исполнить. Въ ихъ словія часто вписывались значительныя лица, и даже вспарину самыя Султаны имѣли обыкновеніе надѣвать иногда, въ знакъ благочестія, дервишскую шапку или *Кюлафъ*; въ такой шапкѣ изображень и Магомешъ II въ поршрешѣ, писанномъ Венеціанскимъ живописцемъ Белини.

Махмуду по разрѣзаніи Гордіева узла сдѣлалось все возможнымъ. Въ новомъ фирманѣ намѣстникъ Пророка объявлялъ, что по очищеніи царства отъ янычарской язвы, онъ намѣренъ очистишь религію отъ ея искаженій, ложныхъ дѣшей святаго мужа Хаджи Бекпаша, опспунившихъ отъ его непорочной жизни. Серальскій лагерь, въ который по эшому случаю были приглашены и начальники или гросмейстеры другихъ дервишскихъ орденовъ, положилъ казнить прехъ настоятелей Бекпаша, каждого предъ своимъ щеккіе, разрушитъ эши зданія, сдѣлашь

строгий розыскъ надъ поведеніемъ всѣхъ Бекшаши, экзаминовавъ ихъ въ правилахъ исламизма, и сослать въ дальній обласпи.

Исполнители приговора рассказывали народу, что при разрушеніи шеккіе нашли въ нихъ шпофы проклятыхъ Магомешомъ напишковъ, закуренные листьями изъ корана. Разумѣется, все имъніе дервишей и ихъ ордена послупило въ казну Султана. Не напоминаютъ ли эти явленія Филиппа Прекраснаго и рыцарей храма?....

Еще долго спокойствіе не могло бытъ восстановлено въ Сшамбуль; боялись мяшежа; вельможи суешились и были заняты полицейскими распоряженіями; по приказывали чшобы предъ каждымъ домомъ ночью горѣлъ фонарь (въ Конспаннинополѣ никогда не освѣщаются улицы), по замѣтивъ чшо эшимъ поддерживаеца общая шревога, хощѣли усиленно успокоить народъ, и приказывали, чшобы по захожденіи солнца никшо не показывался на улицѣ, и чшобы нигдѣ не горѣлъ огонь. Вскорѣ Конспаннинополъ былъ освѣщенъ пожаромъ, какого жипели его не помнили дошолъ: 19 Августа лучшая часнь города, дворець Верховнаго Визира, безешень, много богашыхъ базаровъ и 6.000 домовъ сдѣ-

лались жершвою пламени. При свѣжемъ вѣспрѣ Янычары подождли въ нѣсколькихъ мѣспахъ. Серакирь и Визирь держали войско подь ружьемъ, и ождая бунша не смѣли заняпсья пожаромъ, и дали пламени вою гуляпъ 36 часовъ по городу. Была образована новая пожарная команда изъ Армянъ, ибо Сулшанъ не довѣрляъ Туркамъ, зная что они сами были поджигшелями, и эша команда еще не была довольно приучена. Сулшанъ и здѣсь показался бдишельнымъ и дѣшельнымъ; съ одной спороны самъ распоряжался работами у помпъ, съ другой ошкрылъ вороша Сераля и далъ приспанище многимъ пысячамъ несчастныхъ, ошавшихся безъ крова.

Слуспя два мѣсяца новыя опасноспи грозили Махмуду; наканунѣ маневровъ ошкрылся обширный заговоръ; нѣсколькo пысячъ солдатъ были подговорены зарядипъ ружья вмѣспо холоспыхъ зарядовъ боевыми, и первымъ залпомъ положишъ на мѣспо Сулшана, всѣхъ вельможъ, всѣхъ приверженцевъ нововведеній. Какой шо фанашикъ, переодѣшый дервишъ Люмеджи-Ахмедъ, былъ душею заговора. Его привели къ Верховному Визирю, и налаци взялись его перзашъ; онъ во всѣмъ признался, и среди ужасовъ пышки съ

оспервененіемъ кричалъ Визирю, что для него большѣ пышокъ неудача, которая лишала его удовольствія насыпиться кровію нечестивыхъ богоотступниковъ, и оставишь по себѣ память вѣчную.

Наспала новая эпоха казней, и Босфоръ уносилъ опять тысячи шруповъ.

Нѣсколько важныхъ лицъ, изъ сословія Улемъ, въ частномъ разговорѣ выразились какъ-то, неоспорочно о дѣйствіяхъ правительсва; однихъ безъ суда казнили, другихъ сослали въ Малую Азію. Ученое сословіе должно было скрышь свое негодованіе. Въ то же время вышелъ фирманъ, повелѣвающій, чтобы никто и ни въ какомъ обществѣ не смѣлъ говорить ни хорошаго ни дурнаго о дѣлахъ правительсва; онъ заключался объявленіемъ, что люди персодѣшныя будутъ ходишь по городу вслушиваться въ разговоры; что персодѣшныя женщины будутъ ходишь въ бани и въ гаремы, и что немедленная казнь ожидала того, кто уронилъ бы неоспорочное слово.

Г Л А В А VIII.

Законы лагеря. — Конфискации. — Подача из сострадания. — Наследство Султанских чиновников. — Позволительность лихоимства. — Дугоглу. — Новое кругообращение капиталов. — Предвѣчая казнь. — Довроудельный Еврей. — Вакуфы. — Мусульманскія индульгенции. — Софизмы. — Поль-государства собственность неба. — Следствия благотворительности. — Задатокъ вѣчнаго кейфа. — Табачное знакомство. — Лондонскіе парикмахеры. — Систематическое нищенство. — Отвратительныя встрѣчи. — Великолѣпныя больницы безъ врачей. — Жаманскіе соловьи. — Подтвержденіе должностей. — Право смертной казни.

Лагерь расположенный на дворѣ Серая усердно занимался приведеніемъ въ исполненіе обширныхъ плановъ преобразованій, копорыя шакъ быспро развились шогда по всѣмъ часпямъ управленія.

Изданъ по предложенію Султана доспопримѣчательный законъ, коимъ запрещалось конфисковашь имѣніе людей не бывшихъ въ Султанской службѣ. Въ Турціи кшо получаешь жалованье ошъ Султана соспоишъ на правахъ невольниковъ, и пошому въ случаѣ смерти или казни его, все его имѣніе посшупашъ въ Султанскую казну. При первыхъ Султанахъ казнь конфиско-

вала только имѣніе пресупниковъ; въ 1729 году явился Фешва, коимъ тогдашній Муфти Бех-джепъ-Абдулахъ объявилъ Султана законнымъ наследникомъ всѣхъ своихъ чиновниковъ, какъ рабовъ. Тиранство Ахмеда III и разсвоенное состояніе финансовъ придумали тогда эпошу новый доходъ; для однихъ Улемъ и Янычаръ было исключеніе отъ сего закона.* Если при конфискованіи наследства оставляется часть дѣшамъ покойника, для чего нужна сильная пропекція, или уплачивается заимодавцамъ часть его долговъ — это называется *подачею изъ со-страданія*. Были случаи что самъ Султанъ, или Визирь, или областной Паша силою надѣвали почетный кафтанъ государственной должности на челоуѣка, вовсе не желавшаго эпошй чести, но котораго богатства и мѣша обѣщали скорый и богатый сборъ самозванному наследнику. Махмудъ I ввелъ даже обыкновеніе наследовать послѣ частныхъ людей, у коихъ оказывалось зна-

* Фешва эпоша покажется мнѣ удивительнымъ, если вспомнимъ, что одинъ Византійскій Императоръ объявилъ всѣ дома столицы своею собственностію, и требовалъ отъ подданныхъ платы за право жить въ нихъ.

чипельное соспояніе, или которыя богатствами своими навлекали на себя смершную казню.

Въ первомъ случаѣ законъ основывается на томъ, что соспояніе въ службѣ не можетъ быть законнымъ образомъ нажишо, и пошому правительсшво не обращаетъ никакого вниманія на лихонсшва чиновныхъ людей, Пашей, банкировъ Двора; оно даетъ имъ наживаться, и поджидаетъ чшобы жершва была довольно пучна для ея закланія.

Армяне братья Дузоглу нѣсколько лѣтъ были банкирами Серала и содержателями Монашного двора. Эшо опасное мѣсто принадлежало всегда Евреямъ или Армянамъ, исключительно присвоившимъ себѣ званіе *серафовъ* * въ Турціи. Султанъ Махмудъ особенно благоволилъ къ братьямъ Дузоглу, и даже послалъ младшаго изъ нихъ въ Голландію, для усовершенсшвованія его въ эмальномъ искусствѣ, кошорому хотѣлъ самъ пошомъ учиться у него.

Дузоглу не боялись распочать свои богатства въ глазахъ Турокъ и *рая* **, и не слѣдо-

* Банкировъ.

** Чипатель вспомнитъ, что эшо общее наименованіе народовъ подвластныхъ Поршѣ, и не Магомешанскаго исповѣданія.

вали общему правилу подданныхъ Султана : шайно копить сокровища, а жить нищенски. Нерѣдко перебивали они на шоргахъ Арабскаго жеребца у скупаго вельможи, и въ щегольскихъ канкахъ, возвращаясь ввечеру въ свои Босфорскіе дома, перегоняли важныхъ Османлы. Никогда *рая* не покушался на пакія вольности, и никогда *рая* не былъ принимаемъ въ Порты съ большею благосклонностію. Это было въ 1819 году; въ одинъ вечеръ канки ихъ возвратились изъ Спамбула пуспые; семейства ихъ узнали, что всѣ при брата были арестованы, выходя изъ весьма ласковой аудіенціи у Визиря; на другое утро я видѣлъ какъ ихъ повезли въ одномъ канкѣ съ палачами на казнь, и какъ ихъ вѣшали у оконъ богатыхъ ихъ кіосокъ на берегу Босфора, предъ глазами обомлѣвшихъ отъ страха семействъ. Все ихъ имущество было конфисковано, и не смотря на всѣ злоупотребленія Султанскихъ чиновниковъ, въ казну поступило до 20,000,000 піасровъ (или 17,000,000 рублей). Безъ сомнѣнія пакія богатства не могли быть нажины законными путями; они чеканили Султанскую монету, и раздѣляли съ казною барыши отъ порчи мешадла; но ихъ неожиданная смерть про-

извела ужасное впечатлѣніе на весь Константинополь; никакой формы суда надъ ними не было; съ вечера до утра ихъ пытали палачи, для вывѣдыванія гдѣ хранились ихъ сокровища. Послѣ казни семейства ихъ, оставленные безъ всякаго пособія, были сосланы въ Малую Азію.

Подобные примѣры прежде были несравненно чаще въ Стамбуль; и въ обласпяхъ Пашы наполняютъ свою казну такими же средствами, а когда дойдетъ очередь и до Пашей, всѣ эти суммы поступаютъ въ Султанскую казну. Это странное кругообращеніе капиталовъ составляло, и еще кажется составляетъ, главную финансовую систему Турецкой Имперіи; это родъ Гоббзова взаимнаго пожиранія существъ, и все это считается самымъ естественнымъ и самымъ законнымъ порядкомъ вещей; ибо кто служишь, тотъ душою и шѣломъ принадлежишь Султану.

Обыкновеніе вмѣшиваться въ наслѣдство чашныхъ людей, было, какъ я уже сказалъ, уничтожено законѣмъ. Но всякій разъ, когда образованіе новыхъ войскъ требовало чрезвычайныхъ издержекъ, законъ этотъ прекращалъ на время свое дѣйствіе; хотя Стамбульскій народъ и увѣ-

рентъ, что казна Сулпановъ предвѣчная, или по крайней мѣрѣ накоплена до основанія міра, но она нѣсколько разъ, особенно въ послѣднее время была въ большихъ запрудненіяхъ.* Жидь

* Не только въ Турціи но и въ Европѣ носятся гиперболическія сказанія Воспока о казѣ Сулпановъ; полагають что во внутреннихъ отдѣленіяхъ Сераля находится особенная сокровищница, въ которую каждый Османскій Монархъ счисляетъ непремѣнную обязанность осматривать какую нибудь драгоценность, и что богатства такимъ образомъ постоянно накаплиются нѣсколько вѣковъ, и суевѣрный страхъ не позволяетъ Сулпанамъ къ нимъ коснуться. Носятся пророчества, что Османская Держава придетъ на край гибели, всѣ народы возстанутъ на нее; тогда откроется *предвѣчная казна*, и не только возвратитъ ея древній блескъ, но и покоритъ ей весь міръ.

Хотя бы и существовала въ самомъ дѣлѣ эта сокровищница, но столько внутреннихъ перевороговъ Сераля, бунты Янычаръ и постоянное несчастье Турецкаго оружія въ продолженіе цѣлаго столѣтія безъ сомнѣнія не разъ заставили Сулпановъ прибѣгнуть къ ней. А если въ ней и хранился запасъ драгоценностей, алмазы, жемчугъ и ш. п. то эти вещи, какъ замѣчаетъ одинъ Англійскій путешественникъ, въ крайней необходимости не могутъ доставить значительное пособие; ибо будучи предметомъ самой медленной торговли, имѣя самымъ уже пошеряющъ цѣну, что будуще слишкомъ поздно и въ большомъ количествѣ пущены въ оборотъ.

Недавно Рощильдъ и Лафитъ предложили Султану заемъ на общемъ основаніи Европейскихъ государственныхъ займовъ.

Шапчи былъ одинъ изъ немногихъ Иудеевъ, копорые храня древній законъ Моисея, сохранили и папріархальныя добродѣтели древняго Востока. Онъ нажилъ въ торговыхъ и банковыхъ оборошахъ нѣсколько милліоновъ; никогда не служилъ правительству, и не имѣлъ съ Поршою никакого дѣла; онъ оставилъ оборошы, и спокойно доживалъ свой вѣкъ среди своихъ мѣшковъ. Благошворительный по чувству, онъ щедро помогалъ бѣднымъ всѣхъ религій безъ различія, и его называли своимъ опцемъ многія сирья семейства Спамбула, Христіанскія, Турецкія и Еврейскія. Однажды чашии* остановились у дверей его дома, и пошребовали добродѣтельнаго спарика, копорый лежалъ тогда больной. Служители просили ихъ войти, но они сказали что должны ему сообщить Султанское повелѣніе, и не задержавъ его ни одной минушы. Шапчи вышелъ къ нимъ, опираясь на своего

Султанъ не принялъ ихъ предложеній; можетъ быть потому что Улемы включили бы возвышеніе и пониженіе фондовъ въ кашегорію азардныхъ игръ, строго запрещенныхъ Пророкомъ; можетъ быть потому что Турокъ никогда не пойметъ, что получая эффективную сумму менѣе суммы, въ кошорой онъ даетъ обязательство, онъ же опасается въ барышъ.

* Исполнители повелѣній Дивана.

братша и на слугу. Тогда палачъ, который былъ переодѣтый между чаушами, бросился на него, и съ проворностію шигра его задушилъ. Эпо была не казнь, а просто убійство. Бѣдняки пришли въ обычный часъ за подаяніемъ, но нашли обезображенный трупъ своего благотворителя, и на дверяхъ Султанскую печать. Изъ 8,000,000 піастровъ послушавшихъ въ казну, Махмудъ въ своемъ милосердіи выдалъ его брату 100,000.

Подданные Султановъ искали средства освободиться отъ этихъ незаконныхъ конфискацій, и отъ закона, коимъ Султанъ назначенъ наследникомъ всѣхъ своихъ вельможъ и послѣднихъ чиновниковъ своей Имперіи; а такъ какъ въ Турціи религія входитъ рѣшительно во все, то и въ этомъ случаѣ облегчила она частію подданныхъ отъ припязаній на ихъ наследство; но въ то же время привела въ самое запустѣвшее состояніе поземельные доходы и собственности всей Имперіи. Скажемъ нѣсколько словъ о Вакуфахъ; если читатель любопытствуетъ узнать запустѣвшія подробности этихъ постановленій, можетъ справиться съ Мураджемъ Охсономъ.

Коранъ послѣ священной войны за вѣру больше всего проповѣдуетъ благотворительность.

Магомешъ спавишъ каждому изъ правовѣрныхъ въ непремѣнную обязанность жертвовать соразковой частью своего дохода бѣднымъ; и Турки болѣею частью плащяшъ добросовѣстно эту пошлину, наложенную кораномъ на одну половину обществу въ пользу другой; припомъ ешь множеству мелкихъ прегрѣшеній, за копорыя законъ налагаетъ на совѣсть правовѣрныхъ обязанность прокормить сколько-то бѣдныхъ сколько-то дней, а во всѣ времена будущъ мелкія прегрѣшенія и бѣдные. Многіе Халифы и Султаны такимъ образомъ торжественно выкупали свои жестокости, кормя объдомъ нѣсколько сотъ нищихъ. Это родъ индульгенцій западной Европы, и кажешся болѣе согласный съ здравымъ смысломъ.

Еще въ первыхъ вѣкахъ Исламисма Халифы и благочестивые Мусульмане даровали при жизни, или опказывали въ завѣщаніи поспоянные доходы мечешамъ, копорыя содержали *имареты*, или дома посвященные благошворительнымъ цѣлямъ. Дома, публичныя зданія и имѣнія сдѣлались такимъ образомъ обществу мечешей, и получили общее названіе *Вакуфъ* ш. е. приношеніе (*donatio*). Въ первые вѣки Турецкой

Имперіи, когда Султаны не были еще Халифами, и не имѣли никакой духовной власпи, находясь въ необходимости привязавъ къ себѣ сословіе Улемъ, дѣлали имъ лично и ихъ сословію значительныя подаянія, и изъ всякой завоеванной обласпи религія въ лицѣ Улемъ брала свой участокъ. Въ эту эпоху положено основаніе огромнаго могущества и богатства ихъ касы. Улемы, сами полкователи закона, оградили тогда свои собственности отъ всякихъ припязаній Султановъ, положивъ въ расчепливой своей премудрости, что всѣ имѣнія Улемъ были собственностию неба; а они, служивши неба и его закона, пользовались только доходами наследственно, каждый въ своемъ родѣ. Такимъ образомъ имѣнія Улемъ освобождались отъ всякихъ повинностей, и вещь, однажды поступившая въ священное званіе Вакуфа, дѣлалась неприкосновенною, и не могла уже выйти изъ этой экономически-церковной власпи. Въ послѣдствіи они нашли несмысленную выгоду, распространивъ это покровительствво закона и на имѣнія частныхъ людей; для сего имѣніе записывалось въ Вакуфы, и ославалось въ полномъ распоряженіи своего владѣльца, обязываясь только платишь извѣст-

ную часть дохода въ казну Вакуфовъ; оно переходило къ законнымъ наследникамъ владельца, а мечешямъ была предоставлена значительная пошлина при его переходѣ изъ рукъ въ руки, по наследству ли или при продажѣ; а въ случаѣ прекращенія прямой линіи въ наследствѣ, оно обращалось въ собственность поимечешей, къ кошорой было приписано. Улемы сами были законодателями наследства Вакуфовъ, и въ юридической школѣ своихъ софизмовъ, они постановили, что если отецъ переживалъ своихъ дѣтей, все его имѣніе принадлежало мечешамъ; внуки не могутъ наследовать отъ дѣда, если отецъ ихъ умеръ прежде него, ибо, говорили Улемы, умершій не могъ передать права, кошорымъ еще самъ не пользовался. Иногда послѣ моровой язвы, кошорая въ нѣсколько дней истребляетъ цѣлыя семейства, опустѣлыя дома Спамбула дѣлаются собственностью неба. Если даже прямой наследникъ находится внѣ предѣловъ правобѣрнаго Халифата, по возвращеніи своемъ, онъ напрасно будетъ требовать своего наследства.

Не смотря на это, всѣ классы подданныхъ Султана болѣе или менѣе воспользовались правомъ, кошорое обезпечивало ихъ по крайней

иъръ въ шомъ, что дѣшьямъ будетъ кусокъ хлѣба. Самые *рая*, Христіане и Евреи, записывали свои дома въ Вакуфы, и каждый Паша считалъ необходимымъ записаться заблаговременно значительнымъ Вакуфомъ, ибо не могъ предвидѣть минушу, когда Султанъ вздумаесть наложить руку на его наслѣдство. Само собою разумѣется, что число Вакуфовъ чрезмѣрно увеличилось во всей Имперіи; они раздѣлялись на разные классы; одни были полною собственностію мечешей, другіе плащили только дань мечешьямъ.

Въ настоящее время, по предположеніямъ людей хорошо знающихъ Турцію, половина имѣній, домовъ и земель всего государства составляетъ собственность мечешей, или къ нимъ приписана, никакого дохода правительству не приноситъ, и при существующемъ порядкѣ вещей совершенно отъ правительства не зависить.

Можетъ бытъ покажется удивительнымъ, что Султаны, видя возрастающее зло, не успарались уничтожить эту систему, которая грозитъ обратитъ въ собственность неба всю ихъ Имперію. Но они носятъ шишло главъ и защитниковъ исламизма, а преслѣдованіе Улемъ показалось бы народу преслѣдованіемъ вѣры.

Первостепенные вельможи, особенно Верховный Визирь и Кизляр-Агасы суть главные завываатели большей части Вакуфовъ, и они, раздѣляя съ корпусомъ Улемъ происходящія отъ нихъ барыши, получаютъ отъ этого злоупотребленія огромные доходы.

При томъ цѣль Вакуфовъ есть содержаніе мечешей и благотворительность; безъ пенсій раздаваемыхъ отъ мечешей, безъ имарешовъ, которые ежедневно кормятъ обѣдомъ до 80,000 человѣкъ въ столицѣ, большая половина Турецкаго народонаселенія Стамбула оспавалась бы безъ хлѣба. Ни въ одной Европейской столицѣ система нищенства не развила до такой степени какъ въ Константинополѣ; всѣ обществя Англичанъ и Англичанокъ, пропову коихъ такъ сильно возстаютъ новые писатели, вписавшіеся вѣроятно въ члены того челолюбиваго общества, которое хочеть искоренить нищенство, отказывая нищимъ въ малѣйшей подачѣ, не могутъ сравниться съ благотворительностію исламизма; она дѣлается, можно сказать, постыдною для челолюбства. Купцы, ремесленники, самые даже старые солдаты и офицеры военной службы пользуются вспомо-

ществованиями мечетей. Можно предсавить себя до какой степени благопріятствуетъ эта безличная благошворительность врожденной лъности Восшока, и какъ укрѣпляетъ слѣпую вѣру въ предопредѣленіе, и убійственное для общества равнодушіе къ переменамъ судьбы.

Въ прогулкахъ моихъ по Сшамбулу и по Босфорскимъ предмѣстіямъ болѣе всего меня удивляли почтенные Османлы, опрятной но скромной наружности, копорыхъ встрѣчалъ я постоянно, во всякій часъ, въ кофейныхъ домахъ; они беззаботно курили свой кальянъ, поджавъ подъ себя ноги на диванъ, и сонный взглядъ ихъ покоился по на семь собакъ, по на игръ мальчишекъ, по на водомешъ; только слова *атеишьверъ*, подай огня, выходили въ извѣстные интервалы изъ устъ ихъ, и когда молодое облако дыма фаншаспически клубилось предъ ними, безспрастное ихъ лице выражало полную наслажденія, а чело ихъ, всегда свободное отъ думъ, шакъ прояснялось, что я предсавлялъ себя ихъ блаженство обильнымъ задашкомъ вѣчнаго кейфа, обѣцаннаго Магомешомъ.

Мое любопытство не одинъ разъ шревозило этихъ практическихъ философовъ школы пред-

опредѣленія; мнѣ болѣе всего хотѣлось узнать какой родъ жизни они вели, и какія были ихъ средства существованія. Лучшій способъ вспунить въ разговоръ съ Мусульманиномъ, слѣдуя приличіямъ Воспока — предложишь ему шрубку своего шабаку, или попросишь его кисета; шрубка шабаку связываетъ знакомства; эшо шо же самое что чарка водки для Русскаго человѣка, что разговоръ о погодѣ въ гостинныхъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, мой добрый Османлы почти всегда доходилъ до чистосердечнаго признанія, что онъ ничѣмъ не занятъ, ни о чемъ не заботится, а живетъ умѣренной пенсіею онъ какой нибудь мечети. Эшо самый спокойный классъ Спамбула; преобразованія Махмуда ихъ не превозапятъ; когда я спрашивалъ ихъ мнѣнія о судьбѣ Янычаръ, о преобразованіяхъ, объ Ибрагимѣ, они все приписывали судьбѣ и книгѣ предопредѣленія, копорая посредствомъ Махмуда перемѣнила ихъ красивую чалму на фесь.

Многіе изъ нихъ досадовали на преобразованія въ костюмѣ, пошому шолько, что они убивали промышленость, коею занимались прежде въ промежуткахъ кейфовъ. Шипые кафшаны, собольи шубы, богатыя седла и дорогое оружіе

теперь вывелись из Спамбула, и освободили Турокъ опть множеству издержекъ; но это вліяніе моды не можетъ быть во вкусъ многочисленныхъ сословіи промышленниковъ, оставшихся безъ хлѣба, или принужденныхъ ограничиться подаліями мечешей.

Я нѣкогорымъ изъ нихъ разсказалъ, какимъ образомъ Лондонскіе парикмахеры, видя что мода снимала съ Великобританскихъ головъ почтенныя, дѣдовскіе парики, подали Королю Георгу IV прошесть на моду, опнимающую у нихъ хлѣбъ. Но кажется, что мои Османлы не были расположены жаловаться Махмуду на вводимыя имъ моды.

Несмѣшныя доходы Вакуфовъ кормящъ, какъ мы видѣли, значительную часть народонаселенія въ Турціи; не должно впрочемъ думать, чтобы это освобождало страну опть многочисленнаго класса нищихъ. Система благотворительности образовала цѣлое ихъ сословіе, болѣе многочисленное въ Азіяшскихъ областяхъ, и наводняющее столицу. Есть даже извѣстный округъ въ Турціи, гдѣ нищенство обратилось въ гнусный промыселъ. Родители изуродуютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, иному вывихнутъ

ногу, инаго ослѣпашъ, и съ каждою весною полпа эшихъ маленькихъ уродовъ, жершвъ самага чудовищнаго изъ униженій чловѣчества, идешъ на промыселъ въ столицу. Многіе изъ нихъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, накопивъ значительный капиталъ изъ милоспныи, возвращаются на родину довольные судьбою, и передають дѣтямъ свое ужасное ремесло.

Нищіе Мусульмане осаждаютъ мечети по пятницамъ, Евреи по субботахъ полпятся у синагогъ, Христіане всѣхъ вѣроисповѣданій у своихъ церквей по воскресеніямъ. Каждая религія являешся окруженная самымъ жалоспнымъ классомъ своего спада; въ прочіе дни недѣли на улицахъ, по базарамъ, на гуляньяхъ поражаютъ васъ карпины жалоспныя и опврапительныя. Иный безногій ползаетъ предъ вами, припѣваетъ на своемъ языкѣ пропаяннымъ носовымъ голосомъ печальныя куплеты, и показываешъ вамъ пару давно опрѣзанныхъ у него, изсохшихъ ногъ, какъ вывѣску своего несчапія.....

Сшамбульская благопворительность не заботишся о помъ, чшобы дашь убъжище эшимъ несчастнымъ; для доспавленія себъ пропипанія они должны ипши ей на вспрѣчу, и на каждомъ

шагу разрушають очарованіе роскошной природы Босфора раздирающимъ зрѣлищемъ спрдаданій чловѣка. Но въ этой спранѣ еще носисья преданіе о побѣдишелъ двадцаши народовъ, копорый умоляль проходящаго, чшобы, онъ урониль денъгу подаянія въ шлемъ, обвишый лаврами многихъ шріумфовъ.

Самый коранъ, какъ будто для шого, чшобы нищенство никогда не могло бышь искоренено въ Мусульманскихъ земляхъ, повелѣваешъ нищимъ довольсшвовашья, когда они получили дошнашочно милосшыни, чшобы прокормишь себя на одинъ день, и болѣе не просишь и на заботишь о завшрашнемъ. Можешъ бышь Магомешъ хопѣль продлишь навсегда зрѣлище спрдаданій чловѣка, и уничиженіе царя созданія, въ урокъ шаспливцамъ міра, и для большаго укрьпленія слѣпой вѣры въ предопредѣленіе.

Впрочемъ ешь въ Конспаншинополѣ при иныхъ мечешяхъ огромныя заведенія, въ коихъ нише могутъ укрьвашья онѣ непогоды. Это родъ больницъ, и шаково было первоначальное ихъ назначеніе, какъ показываешъ самое ихъ названіе: Дарунъ-шифа (домъ леченія) и Дева-Хане (домъ лекарсшвъ). Находящійся при мечешѣ

Султана Солеймана домъ леченія былъ когда-то, какъ рассказывалъ мнѣ его надзирашеть, прекрасно усроенною больницей; онъ соспоалъ изъ семидесяти опдѣленій, надъ коими возвышались широкіе куполы; сады окружали окна, двѣспи служиселей ухаживали за больными, и въ напыщенномъ слогѣ Воспока было сказано въ Султанскомъ повелѣніи, что больныгъ будупть кормипшь самую нѣжною пищею »жареными голубями, воробьями и соловьями.« Губисельное время нисколько не уважило Султанскаго фирмана; больница обрапшлась шеперь въ вѣпхій залъ, гдѣ ниціе больные и здоровые, безъ всякаго презрѣнія, валяюпшь на грязныхъ диванахъ, оспавленные на произволъ предопредѣленія; когда силы позволяюпть имъ, идупть просипшь подаянія по Сшамбульскимъ улицамъ.

Оспаешся пожелапшь для спраждушаго чловѣчешва, чтообы Махмудъ успѣлъ, между прочими преобразованіями своей Имперіи, дапшь лучшее направленіе сисшемъ благопшворисельности, кошорая имѣешъ огромныя средшва, но съ одной спороны кормипшь праздную лѣнь, а съ другой оспавляешъ безъ призрѣнія больныгъ и неимуцигъ. Эшо касаешся до Вакуфовъ

и Улемь; можетъ быть преобразованія и улучшения по эпой часпи представляющъ болѣе зашрудненій, нежели испребленіе Янычаръ.

Еще два достопримѣчательныя послановленія, изданныя Сулпаномъ въ эпоху серальскаго лагеря, обѣщали народу, что Паши управляющіе провинціями не будутъ шакъ часпо смѣняемы, и что они не будутъ имѣть права казнить безъ подтвержденія суда. Первое изъ эшихъ послановленій особенно весьма важно въ Турціи, гдѣ каждое мѣспо даешся обыкновенно на одинъ годъ, а по испеченіи года должно быть вновь подтверждено, но гораздо чаще и прежде опнимасшся; между шѣмъ жалованія или вовсе не имѣеть, или самое ничтожное; а попому ошъ Паши до писца всѣ живущъ доходами привоенными мѣспамъ, по закону ли или злоупребленіемъ. Паши, какъ полномочные намѣспники обласпей, должны спѣшишь выручешъ суммы издержанныя для полученія пашалыка, и въ шо же время запаснись на будущее. Ихъ правленіе болѣе походитъ на сиспематическій грабежъ поселянъ. О казенномъ имущеспвѣ, лѣсахъ и проч. можно себѣ предспавишь сколько они заботяшся.

Что же касается до смертной казни, по Турецкія судилища, независимыя опть Пашей, ибо все сословіе Улемовъ не подлежащъ гражданской власпи, должны сколько нибудь обуздывать бозощечное право Пашей на жизнь и на имущество подданныхъ Сулпана. Въ коранѣ сказано «одинъ часъ правосудія пріятнѣе Аллаху, нежели семидесятидневная молишва;» но Турецкое правосудіе и сущесвующій порядокъ вещей въ Турціи пребующъ, чшобы лучше поспрадали десящъ невинныхъ, нежели избѣгнуль бы наказанія одинъ виновный.

Паши нерѣдко посягали на жизнь и Турокъ и *рая* изъ одной алчности къ деньгамъ; можешъ бышь со временемъ Сулпанскій законъ, будешъ имѣшь спасительное дѣйствіе; покамѣшь все оспаешся по прежнему; еще недавно, при управленіи Аяинъ Турками, шамонній диздаръ, или комендантъ, призвалъ къ себѣ заживочнаго поселанина, и хотѣль силою навязать ему значительный запасъ хлѣба; потъ представляль, что предложенія были несходны; разсерженный диздаръ своеручно въ своемъ покоѣ разсѣкъ ему голову.

ГЛАВА IX.

Предназначеніе Махмуда. — Чудесныя признаки. — Фанатизмъ. — Сила старины. — Замѣчаніе Леди Монтегю. — Астрологи и пѣтухи. — Толки о Махмудѣ. — Статьи журналовъ. — Характеръ и образованность Султана. — Его почеркъ и слоги. — Литераторы. — Эмаль. — Стрѣляніе изъ лука. — Воспоминанія Оке-Мейдана. — Джеридъ. — Партіи Двора и древнія распри гипподрома. — Пляска Наядъ. — Волненіе гарема. — Маневры и объѣды. — Нензмѣнный фейерверкъ. — Принятіе Баварскаго Принца. — Законы на покроей плащей. — Запрещеніе прогулокъ. — Анекдотъ объ Абдуль-Хамидѣ. — Казни требуемыя этикетомъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ Махмуда въ первые годы преобразованій усматривалось желаніе его прослыть въ глазахъ своего народа человѣкомъ посланнымъ свыше, для улучшенія судьбы царства и для славы исламизма. Воспочное преданіе сохранило слова Пророка »Аллахъ въ началѣ каждаго вѣка будешь посылать Мусульманскому народу человѣка, предназначеннаго придашь новый блескъ исламизму; и каждый разъ, когда возстанешь ересь, провидѣніе ниспослешь свяшаго мужа для воспоржешпованія надъ нею. »Такъ »въ послѣдній изъ вѣковъ, прибавляешь Турецкій »испорикъ, когда ансихристъ *Деджалъ* явился на

»земля, истинный Христосъ Исса, сынъ Маріи,
 »впорочно низойдешь на землю, побѣдишь не-
 »честиваго, и покоришь цѣлый міръ законамъ
 »истинной религіи.«

Всѣ признаки согласовались въ лицѣ Махму-
 да, чтобы выславить его избранникомъ Аллаха;
 онъ рожденъ въ 1199 году гиджры*. Его первыя
 предпріянія ознаменованы необыкновеннымъ сча-
 стіемъ; онъ кончилъ войну съ Россією, несчастно
 начашую Селимомъ; возстановилъ спокойствіе
 въ Имперіи послѣ смущенной эпохи Байракпара,
 бунтовъ въ Румелии и разбоевъ вокругъ столи-
 цы; освободилъ Албанію и Фессалію отъ ужасна-
 го Али-Паши; исполнилъ то, о чемъ не смѣли по-
 мыслять его предмъспники — испребилъ Яны-
 чаръ; но величайшая его заслуга въ глазахъ пра-
 вовѣрныхъ — подавленіе сильной секты Вег-
 габишовъ, копорые нѣсколько лѣтъ буше-
 вали во внутренности Азіяскихъ обласпей, и
 закрыли благочестивымъ поклонникамъ дорогу
 въ Мекку, ограбленную ими; караваны поклон-
 никовъ начали вновь свои обычные путешествія,
 благословляя имя Махмуда.

* 20 Іюля 1785 года.

Онъ нѣсколько разъ пытался хашишерифами возбудить оспывающій фанатизмъ правобверныхъ.* Можешь бышь надѣялся онъ, по слѣдамъ первыхъ великихъ людей своей династїи, вести свой народъ къ великимъ подвигамъ; а религіозный фанатизмъ — это единственныи элементъ величїя Турціи; шакъ какъ республиканская гордость — древняго Рима, шорговая предпрїимчивость — Англіи, привязанность къ престолу и къ вѣрѣ — Россїи. И счастлива держава, гдѣ эта основная идея ея величїя вѣчна и неизмѣнна, какъ въ Россїи. Фанатизмъ можешь бышпро поднять народъ на высокую степень могущества; но онъ оспыщепъ, какъ всякое чувство происпекающее отъ игры спраспей. Вспомнимъ великую истину Моншескье, что другая система возвышаетъ державу, и другая служитъ къ поддержанїю ея величїя; сколько съ одной стороны полезень въ эпоху успѣховъ фанатизмъ, разогрѣшый вѣроу въ предопредѣленїе, и направляемый могучимъ генїемъ, столько же онъ пагубень въ дни упадка.

Самый фанатизмъ Турокъ находилъ пищу въ

* Таковы были хашишерифы при возстанїи Греціи въ 1821 году, и предъ ошкрытіемъ войны съ Россїею въ 1827.

слѣпой ненависти и въ презрѣніи ко всей Христіанской Европѣ; какимъ образомъ согласишь шеперь закоренѣлыя понятія Турокъ со всѣмъ что они заимствуютъ отъ Европейцевъ? Султанъ спарается покрыть эгидою религіи всѣ свои нововведенія, и Янычары были испреблены какъ ерешическая секта. Но предъ всякимъ шагомъ его въ преобразованіяхъ спарина поднимается предъ нимъ враждебнымъ испоиномъ, со всѣми своими предразсудками и причудами; а въ Турціи, какъ и вездѣ, доколѣ существуетъ будущее, прошедшее и будущее имѣютъ своихъ поклонниковъ. Въ насъ шеплился какая то безошчешная привязанность къ обычаямъ, къ повѣрїямъ и даже къ предразсудкамъ нашихъ дѣдовъ; самая мода нерѣдко прибѣгала къ нимъ для водворенія своей власпи, и преобразователи спарались основывать свои нововведенія на какомъ либо повѣрїи о спаринѣ.

Еще Леди Моншегю замѣтила, что повелитель правовѣрныхъ, копорому законъ одна собственная воля, былъ болѣе рабъ народныхъ предразсудковъ, нежели послѣдній изъ его рабовъ. Справедливы ли послѣ этого упреки, дѣлаемые Султану въ помъ, что онъ, спараясь

просвѣпшишь свой народъ, имѣешь однако при себѣ аспрологовъ; что когда войска выступали изъ столицы на войну съ Россіею, привели къ нему пѣшуховъ, чтобы узнать судьбу царствъ изъ ихъ драки; что каждый маневръ назначается въ часъ и минушу предписанные звѣздами, и это все официально публикуется въ государственной газетѣ * ?

* Охсонъ замѣчаетъ, что гевію Магомета наиболее дѣлаешь честь то, что онъ рожденный въ опечесствѣ аспрологія, въ Аравіи, и въ такомъ вѣкѣ, когда въ цѣломъ мірѣ никто не смѣлъ усомниться въ ея таинствахъ, запретилъ въ коравѣ всѣ гадательныя науки. Не смотря на это однако всегда были аспрологи при Магомешанскихъ Дворахъ. У Турокъ аспрономія и аспрологія есть одна и таже наука, и они увѣрены, что всѣ Европейскія обсерваторіи служатъ только къ узнаванію будущности.

Никогда, даже въ среднихъ вѣкахъ въ Европѣ не вѣрили такъ крѣпко въ науку звѣздъ, какъ вообще въ Турціи и черныя и образованные люди были примѣры, что вельможи, съ часами въ рукахъ умоляли Султана опложить на нѣсколько минушъ свои мясости. Сельмъ III предлагалъ мѣсто Ризъ-Эфендія своему любимцу Рашибу; пошъ просилъ опложить его назначеніе до слѣдующаго ушра; между тѣмъ его соперникъ успѣлъ инпригами въ пошъ же вечеръ получить это самое мѣсто. Аспрологъ былъ правъ; этошъ вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ несчастливъ для Рашиба, потому что онъ отъ суевѣрія потерялъ мѣсто; но когда ему чрезъ нѣсколько времени предлагали новое, онъ не пошелъ уже совѣщаться съ аспрологомъ.

Если бы Махмудъ рѣшился разрушить цѣлое зданіе народныхъ повѣрій, онъ могъ погибнуть какъ Самсонъ въ его обломкахъ; сколько подобныхъ повѣрій, можешь быть смѣшныхъ издалека, служашь подкрѣпленіемъ гражданскаго обществва, и ихъ необходимо или уважашь, или во время шолько замѣнишь правилами и истинами.

Насупишь время, когда можно будешь оцѣнишь безприсраспно дѣла Махмуда и обширные его планы; успѣхи покажутъ понялъ ли онъ свой народъ и свою эпоху; покрылъ ли преобразованіемъ какъ свѣжею корою гнилое дерево, или влилъ въ его жплы новые жизненные соки; но современники не по однимъ успѣхамъ должны судишь людей, которые вызывающся предъ Промысломъ перемѣнишь судьбу цѣлаго народа, спряхнушь съ его понашій пылъ спаринны освятившуюся вѣками, и пересоздашь его будущность; сила воли, самоопроверженіе и благородство намѣреній — это главныя черпы въ преобразовашель, и онѣ выказывающся во всѣхъ поступкахъ Махмуда. Доспигнешь ли онъ своей цѣли? — или преобразовашели, какъ и пророки, никогда не входяпть въ обшпованную землю?

Султанъ дорожишь мнѣніемъ о себѣ про-

свѣщенной Европы, и даже заставляешь переводить себя спашьи Европейскихъ журналовъ, въ кошорыхъ сполько шолковъ о немъ. Онъ на себя испыталъ какъ Европейское мнѣніе заносчиво, неосновашельно и капризно-перемѣнчиво въ своихъ приговорахъ. Сначала превозносили его швердось, и поспѣшно внесли его въ списокъ великихъ людей; друзья образованности восхищались намѣреніемъ его образовашь Турокъ, и со дня на день ожидали, что въ Спамбуль опкроется Опшоманская академія..... Попомъ охладѣли къ нему; внушрєннія запрудненія, кошорыя на всякомъ шагу пупали ходъ Сулпанскихъ дѣйсвіѣй, были приписаны его непредуспотрипельности, слабости; наконецъ спали оспаривашь и прежнія его заслуги; говорили что въ великій день 4 Іюня Махмудъ показался слабымъ, безхарактернымъ; что при опкрышії Янычарскаго бунша, онъ спалъ осмашривашь въ кругу своихъ вельможъ, чьи головы могли бы его примирить съ могучими буншовщиками, и что его вельможи, видя угрожавшую имъ опасность, рѣшились дѣйсшвовашь прошивъ воли Сулпана, и безъ него удержали побѣду, сполна ему приписанную. Но кто видѣлъ поближе дѣла

и характеръ Махмуда, не повѣришь этому. Онъ не уважилъ бы никакихъ заслугъ при послушаніи перваго любимца, и головы вельможъ испребившихъ Янычаръ были бы выспавлены вмѣстѣ съ головами ихъ жершвъ; онъ бы не сперпѣлъ, чпобы кто нибудь имѣлъ право помыслишь о заслугѣ, оскорбительной для Сулпанскаго самолюбія. Мы видѣли судьбу Халепъ-Эфендія.

Главное основаніе характера Махмуда, первая пружина всѣхъ его дѣйствій, начиная со дня перехода его изъ серальской пемницы на Османскій престолъ — непреклонное упорство. Планъ его въ испребленіи Янычаръ былъ, какъ мы видѣли, не минушною прихотью, но давно любимымъ его помысломъ, и мщеніе лелѣяло эпошъ помыселъ въ его душѣ; онъ не пожалѣлъ своего брата, глупаго Мусшафы, при первомъ ихъ бунтѣ; попомъ оспавшись одинъ въ своемъ родѣ, онъ видѣлъ неприкосновенность своей особы, и скорѣе рѣшился бы похоронить себя подъ обломками монархіи, кошорая безъ него не могла существовать, нежели уступитъ фанатизму Янычаръ.

Кромѣ своихъ обширныхъ плановъ преобразованій, Махмудъ считаешся несравненно болѣе

образованный, нежели длинный рядъ Сулпановъ его предшественниковъ. Онъ особенно славился въ Сербіи красивымъ почеркомъ; царедворцы его говоряшъ, что каждая буква имъ писанная — это «звѣзда, достойная висѣть на небѣ вмѣстѣ съ поясомъ близнецевъ.» Больше чести дѣлаешъ Махмуду спараніе его перемѣнишъ слогъ своей канцеляріи, и освободишъ его опъ надущихъ машафоръ и чудныхъ гиперболъ Воспока, которыя особенно смѣшны въ пеперешнемъ положеніи Турціи. Въ началѣ его царствованія, въ реляціи одного дѣла, въ которомъ Турки удержали нѣкоторый верхъ надъ непріятелемъ, было сказано, что они сколько нарубили непріятельскихъ головъ, что изъ нихъ можно было построишъ мостъ для переправы всѣхъ глауровъ въ адъ. Онъ изучилъ слогъ Европейской дипломатіи буквальными переводами многихъ нощъ представленныхъ Высокой Порты опъ Европейскихъ посольствъ. Не смотря на закоренѣлое презрѣніе Турокъ ко всякому сочиненію, въ которомъ нѣтъ ни слова о солнцѣ, о звѣздахъ, о пескѣ морскомъ, о всѣхъ предметахъ запасающихъ воспочные словари милліонами машафоръ, Сулпану понравилась простота, сухость и поч-

носпіъ Европейскаго слога; увѣряюшъ, что онъ лучший редакшоръ дипломатической ноты въ своей Имперіи; а Эсадъ Эфенди говоришъ, что прославленный слогъ Фирдоуси былъ бы плоскимъ въ сравненіи съ его слогомъ. Махмудъ любилъ липарашуру и поэзію, особенно когда онъ ему льстятъ; липераторы удостоенные его вниманія говоряшъ, что одна Сулпанская благосклонность даетъ швореніямъ ихъ такую славу, пледъ кошорою блѣднѣютъ Плеяды; что предъ щедростію его воды морей были бы «одною глошкою его благошворительности, и всѣ золотыя руды земной упробы — одною горстію его подарковъ.» Но изъ всего, что гиперболическая лестъ Воспока распочала предъ Махмудомъ, ничто, какъ увѣряюшъ, не было такъ пріятно его самолюбію, какъ сравненіе съ Пешромъ Великимъ.

Въ прежніе годы, когда онъ подобно своимъ предшественникамъ проводилъ дни не предъ фронпомъ, не наужонъ, а въ серальской нѣгѣ, любимое его занятіе было рисованіе эмалію, и работы его опличались чистотою вкуса. По религіознымъ понятіямъ Турокъ каждый правый, какого бы ни былъ званія, долженъ

учишься какому нибудь рукодѣлію. Почпи всѣ Сулпаны повиновались этому обычаю, и годы зашворнической ихъ жизни много способствовали ихъ занятіямъ; ошець Махмуда прекрасно шилъ яшпартъ, а Селимъ рисовалъ узоры на кисей для женскихъ плашковъ.

Разсказываютъ чудеса объ искусствѣ Махмуда въ стрѣляніи изъ лука; мраморныя колонны Окъ-Мейдана показываютъ какъ сильно натягивала лукъ его Сулпанская рука. Замѣшимъ здѣсь, что коранъ спавилъ выше всѣхъ игоръ и забавъ приличныхъ мужу стрѣляніе изъ лука. Въ немъ сказано, что это «одна игра, въ которой присутствуютъ ангелы,» и что самъ Гавріиль вручилъ первую стрѣлу Адаму, когда онъ жаловался на птицъ, порпившихъ его огороды. Магометь II по взятіи Константинополя назначилъ особенную равнину для сего благороднаго упражненія, и назвалъ ее Окъ-Мейданомъ. Среди ея поднимается высокій мраморный престоль, на которомъ садятся Сулпаны для метанія стрѣль. Здѣсь были любимыя прогулки Махмуда; мечеть и красивые кіоски сославили живописную группу среди садовъ, и нѣсколько лѣтъ присутствіе какой-то гуріи, дочери учивша

Султана въ спрѣляніи изъ лука, обращало эпо мѣсто въ эдемъ для повелишеля правовѣрныхъ.

Окмейданъ наводишь и другія, прогашельныя воспоминанія; на этой площади собирались въ дни скорби жипели споллицы, чшобы общими молишвами умилоспивишь карающее небо. Эшо было въ первый разъ при Мурадѣ II (1592 г.); междоусобная война раздирала царшво, и моровая язва опустошала споллицу. При Магомешѣ III и при другихъ Сулпанахъ эши молебспвія нѣсколько разъ повпорялись; шо засшавляяи дѣшпей чипашь громогласно молишвы, среди распрспершой ницѣ шолпы вельможѣ и народа, шо приносили Аллаху языческія жершвы. При мѣчанія досшойно, чшо послѣ эшихъ молебспвій Сулпаны иногда изливали милоспи и благодарнія на народъ, иногда, полагая чшо Всевышній разгнѣванъ за нечеспія вѣка, громили порокъ и разврашъ, и безошадно казнили людей подозрѣваемыхъ въ вольнодумспвѣ и въ безнравспвенности.

Махмудъ въ прежнее время любилъ одушевленное, воинспвенное зрѣлище джерида; эша игра была всегда любимымъ развлеченіемъ Ошшоманской молодежи, и въ особенноти Двора;

былъ при Дворѣ особенный классъ удалыхъ наѣзниковъ *Джинды*, копорые раздѣлялись на двѣ партіи, *Баміяджи* и *Лакханаджи*, и предспавляли на Апмейданѣ живописныя битвы. Нерѣдко Дворъ раздѣлялся на приверженцевъ той или другой партіи; спрасши, ненависти, серальскія инприги, все приходило въ движеніе, и тогда апмейданская площадь напоминала древній Гипподромъ и партіи *голубыхъ* и *зеленыхъ*.

При нынѣшнемъ Султанѣ чаще можно было видѣть *джеридъ* въ широкихъ долинахъ Босфора; Султанъ съ своимъ Дворомъ на цѣлый день располагался въ нихъ лагеремъ; наѣзники по скакали густымъ строемъ, по въ разсыпную одинъ на одного; въ лѣвой рукѣ держали связку шупыхъ дрошниковъ, и мешали ихъ въ голову прошивниковъ, которые проворно наклонясь избѣгали ихъ удара, или ловили дропки на лешу, или на всемъ скаку доспавали ихъ съ земли. Не смопря на опасости подобной игры, нерѣдко вельможи и даже Султаны брали въ ней участіе; Верховный Визирь, посланный Селимомъ прошивъ Наполеона въ Египецъ, былъ безъ одного глаза опъ джериды; почши всегда эша игра оканчивалась смершію и изуродованіемъ

наѣздниковъ, или ихъ коней, или несчастныхъ слугъ, копорые должны были между ними бѣгать, подавашъ имъ дропки, и копорыхъ часто въ сумашохъ попшали.

Многіе Европейцы находили эши зрѣлища варварскими, и доспойными народа, копорый, при всей своей изнѣженности, сохраняетъ дикіе обычаи своей суровой спарины. Но въ нихъ является во всей своей красѣ Азіятскій наѣздникъ, въ пышномъ нарядѣ, на удаломъ конѣ. Чѣмъ Азіятецъ спокойнѣе въ обыкновенной жизни, чѣмъ лѣнивѣе прошекаетъ его существованіе, копорое кажется продолжительнымъ усыпленіемъ, тѣмъ бѣшенѣе его забавы; его забавы — спруя, копорая вырвалась изъ недвижнаго озера, чтобы разбиться въ брызги стремительнаго каскада. Кипучая живость игры среди роскошной долины Босфора очаровываетъ взоръ. Кипо промѣняетъ зрѣлище джериды на опшрапшительныя забавы образованнаго Рима въ Коллизеѣ, на шуредоровъ и машадоровъ романшической Испаніи, на кулачныя бои Англичанъ?

Но теперь для Султана игру джериды замѣнили маневры его гвардіи.

Поговаривали будто Султанъ намѣревался

открыть въ Спамбуль шеапръ, и призвать шруппу Италіанской Оперы; врядь ли Турки согласяшся промѣнять своихъ циническихъ карагёзовъ на Европейскія зрѣлища. Дѣшельность военныхъ преобразованій не ошняя у Сулпана вкуса его къ наслажденіямъ; но онъ давно спалъ скучашъ въ однообразіи и въ эшкешъ гаремовъ. Прогулки его на Княжескихъ Оспровахъ доспавили ему случай полюбовашся пляскою Гречанокъ, поэпическою *ромейкою*, кошорую воспѣлъ Гомеръ, кошорую плясали Наяды на пескахъ Архипелажскихъ береговъ, и кошорой живописную, кружащуюся цѣпь сохранили доселѣ дѣвы Іоніи въ своихъ хоровахъ. Княжескіе Оспрова нѣкопорое время были любимою его прогулкою; онъ ѣздилъ шуда шо на своемъ парходѣ, шо инкогнишо въ кайкъ; онъ шамъ былъ безъ принужденности среди мирныхъ Хриспіанскихъ семей, и многихъ изъ нихъ облагодѣшельспвовалъ. Но гаремы пришли въ волненіе; правовѣрные спали ропшашъ и рассказывашъ про своего Сулпана пысячу соблазнительныхъ анекдотовъ; подозрѣвали чшо эши прогулки имѣли цѣлію любовныя свиданія и непозвопительныя оргіи; показывали въ шо же время не далеко ошъ одного

кіоска, гдѣ онъ часпо проводилъ лѣтніе вечера, разбишья башьки — и въ послѣдніе три года Султанъ спалъ оспорожіе въ своихъ прогулкахъ. Турки все шаки упрекающъ его, что онъ болѣе хлопочешъ о мнѣніи Европы, нежели о мнѣніи своего народа, и что Европейизмъ сдѣлался наконецъ его прихотью, какъ прежде были женщины, лукъ, строеніе дворцевъ и п.

Въ 1830 году были первые большіе маневры его регулярнаго войска на широкой равнинѣ предмѣстія святаго Стефана и въ Скупарі. Султанъ осматривалъ свои полки, окруженный Европейскими посланниками, и съ восхищеніемъ принималъ дипломатическіе ихъ комплименты; весь Перскій народъ былъ зрителемъ. Обѣды въ Европейскомъ вкусѣ были даны почетнымъ госпямъ и дамамъ. Первые вельможи, Сераскиръ Хозрефъ и Капшанъ-Паша Халиль, угощали, и пили шампанское за здравіе Падишаха и Европейскихъ Государей; музыка играла по *vive Henri IV*, по *god save the King*, по увершюры Россіи; самъ Султанъ показался за обѣдомъ въ эпомъ собраніи гяуровъ, и говорилъ весьма мило съ дамами; Османлы, задумчиво взирая на эпи чудеса, поговаривали Машаллахъ, и глазамъ своимъ

не вѣрили. Даже дни выбраныя для праздниковъ были воскресные; только конецъ праздниковъ былъ во вкусъ число Мусульманскомъ: былъ данъ фейерверкъ, пошъ самый, который уже пристра лишь неизмѣнно дается въ Стамбуль во всѣхъ праздникахъ Серая, какъ пилавъ на всѣхъ обѣдахъ; онъ представляешъ взятіе Родоса Солиманомъ II. Это былъ послѣдній великій подвигъ Турокъ, и эшимъ подвигомъ поставленъ предѣлъ военному ихъ величію; если не удалось имъ попомъ сдѣлать что либо подобное, они по крайней мѣрѣ утѣшаются воспоминаніемъ его въ фейерверкахъ, какъ блестящимъ сномъ.

Еще новостъ, которая привела въ удивленіе Стамбуль, это пріемъ сдѣланный Махмудомъ Европейскому Принцу, за нѣсколько дней до прибытія нашего въ Босфоръ. Максимилианъ, наследный Принцъ Баваріи, въ путешествіи своемъ по Леванту, послѣ свиданія съ брашомъ своимъ Королемъ Греческимъ, былъ въ Константинополѣ, и изъявилъ желаніе предстать Султану. Махмудъ былъ въ затрудненіи какъ его принять; еще не было подобнаго примѣра; если бы онъ привсѣлъ Принцу, потерялъ бы въ

мнѣніи своихъ придворныхъ: Султанъ принялъ его въ загородномъ дворцѣ споя, и споя довольно долго говорилъ съ нимъ.

Въ эту эпоху умы были въ сильномъ волненіи послѣ мира съ Мехмедъ-Алиемъ; ежедневно собирались вельможи на шайныя совѣщанія, и чшобы отклонить вниманіе народа отъ дѣлъ правительсва, Султанъ прибѣгнулъ къ старинной хипроспи Турецкой полишики, копорую всегда упошреблялъ Диванъ въ подобныкъ обшояшельсвахъ — къ спрогимъ полицейскимъ мѣрамъ, сославляющимъ на нѣсколько дней предметъ разговоровъ и помышленій Турокъ. Эти мѣры были совершенно различныхъ родовъ: схвачено нѣсколько преступниковъ, копорыхъ, можешъ бышь, въ другое время посадили бы въ адмиралшейскій оспрогъ, но шеперь казнили, чшобы напомнить бродягамъ силу законовъ, и въ шо же время изданы повелѣнія, коими зашрещалось женщинамъ всякаго званія и религіи носить плащи *фередже* яркихъ цвѣшовъ и съ длинными воротниками; зашрещалось гуляшь мужчинамъ съ женщинами вмѣстѣ, и шакже зашрещались ночныя прогулки по набережнымъ, и кашанія по Босфору въ кайкахъ ночью. Султанъ,

любишель поэзіи, хотѣлъ убить всю поэзію Босфора.

Впрочемъ подобныя запрещенія, называемыя въ Турціи *яшакъ*, къ счастію проспирающея полько на подданныхъ Султана, и имѣющъ свою силу не боѣе двухъ недѣль. Издавна Турецкая полишика привыкла ихъ упошреблять, единственно какъ способъ опвлекать вниманіе народа ошъ другихъ предметовъ, или для напоминанія народу своей бдипельной спрогошти. Почши ежегодно издающея въ Сшамбуль запрещенія на шакой шо покрой женскихъ плащей, особенно на длину воропниковъ, кошорые у щеголихъ падающе до земли, и на величину шапокъ изъ Крымскихъ барашекъ, носимыхъ Греками и Армянами, и кошорыя шакже у щеголей дѣлались самыхъ чудовищныхъ размѣровъ. За неимѣніемъ Парижскихъ модъ полиція Сшамбула занимается нарядами и фасономъ шляпъ и плащей. По крайней мѣрѣ подобныя спрогошти не имѣюще другихъ послѣдствій, кромѣ нѣсколькихъ разорванныхъ плащей и распошпанныхъ въ грязя шляпъ. Еще помнящъ въ Конспаншинополѣ, какъ Абдуль-Хамидъ, опецъ Махмуда, въ одной изъ своихъ прогулокъ инкогнишо, замѣшивъ даму

въ плащѣ непопозволительнаго покроя, собственноручно, дорогимъ Султанскимъ кинжаломъ опрѣзала половину воротника; въ гаремѣ много смѣялись попомѣ этому поспулку, и въ праздники, данные при освобожденіи опть бремени одной кадъни, шалуны одалыки нарядились въ костюмы, и въ глазахъ Падишаха представили въ каррикашурѣ его поспулокъ. Турецкіе Султаны всегда считали первою добродѣтелию престола непреклонную спрососишь, и почти всѣ они, въ началѣ своего царствованія, считали обязанностію сдѣлать нѣсколько прогулокъ по городу, въ сопровожденіи палачей, и оставишь кровавый слѣдъ первой прогулки — обезглавленныхъ преступниковъ, постигнувшихъ бдишельнымъ правосудіемъ новаго Халифа. Это даетъ народу самое высокое понятіе о добродѣтели и дѣяшельности Султана; но сказываютъ, что иногда за немѣнїемъ преступниковъ спрадали и невинные, какъ нужная жертва кровавымъ прихотямъ Мусульманскаго эшикета.

Г Л А В А X.

Верховный Визирь. — Его немилость. — Хозрефъ-Паша. — Его наружность. — Его жизнь. — Средство возстановлять репутацию. — Полицейская мѣра. — Любезность Хозрефа. — Его страсти. — Старинная хитрость. — Кюскъ. — Ахметъ-Паша. — Вьюкъ шубъ и кафтановъ. — Халиль-Паша. — Его мундиръ. — Капитанъ-Паша. — Казнь жены. — Вооруженіе флота. — Рѣпа и капуста. — Земля и море. — Американскій инженеръ. — Неудача Англійскихъ офицеровъ. — Презрѣніе къ нимъ Турокъ. — Забавныя черты морской тактики. — Колдовство. — Флоты Турецкій и Египетскій. — Регулярное войско. — Кавалерія. — Затрудненія сѣделъ и стремени. — Стамеульскіе денди, прежніе и вышедшіе. — Чины. — Тяжелыя наказанія офицеровъ и Пашей. — Артиллерія. — Ученіе въ долинѣ прѣсныхъ водъ. — Лошади. — Утопленница.

Я имѣлъ случай навѣснншь нѣкошорыя изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Махмудова двора.

Теперь нѣтъ Верховнаго Визиря; послѣдній Верховный Визирь Кюшахи нѣсколько лѣтъ имѣлъ главное управленіе Македоніи и Албаніи, приводилъ въ успройство эши обласпи послѣ продолжительной анархіи, причиненной войною Али-Паши и дѣлами Греціи, и бесплодно силился образовашь регулярное войско изъ воинспвенныхъ Албанцевъ. Усердный исполнишель плановъ

своего Султана, Турокъ спараго покроя и храбрый по призванію, онъ ничего не смыслишь въ преобразованіяхъ, и принужденный веспи войну для искорененія спарой сисшемы, онъ не находилъ однако чѣмъ ее замѣнить, и долженъ былъ самъ ей слѣдовать въ войнѣ съ ея приверженцами.

Когда регулярное войско Султана было разбито Ибрагимъ-Пашею, Кюшахи былъ призванъ съ своими Албанцами, и получилъ главнѣе начальство надъ дѣйствующею арміею. Несчастіе Иконійской биввы было приписано его необдуманной храбрости; побѣда клонилась на его сторону, когда онъ рѣшился ускорить ее, и съ оппорнымъ опрядомъ ворвался въ непріятельскія линіи; онъ былъ окруженъ, схваченъ; Ибрагимъ обошелся ласково съ своимъ плѣннымъ, сдѣлалъ ему, какъ увѣряюшь, самыя блиспашельныя предложенія, чшобы заманишь его на службу своего опща, напомнилъ ему судьбу ожидающую обыкновенно въ Спамбулѣ побѣжденныхъ Пашей, но храбрый Визирь лучше согласился предспашъ предъ лице разгнѣваннаго Султана, нежели измѣнить ему. Онъ шеперь въ немилости, но жи-

вещь спокойно въ своемъ домѣ на Азіятскомъ берегу Босфора.

Первое лице между вельможами Махмуда — Сераскирь Хозрефъ - Паша. Ему за восемьдесятъ лѣтъ; но красный носъ, и яркій румянецъ на морщинахъ его лица, безпокойная живость взгляда, и борода порчащая остроконечнымъ клочкомъ, производящъ самое непріятное впечатлѣніе при взглядѣ на него. Онъ хромаетъ, ужасно неловко держинся на лошади, и на разводы обыкновенно ѣздитъ въ *кочи*, Турецкой каретѣ, нерессорной, обитой снаружи краснымъ сукномъ, и въ кошпорой обыкновенно сядяся только женщины.

Сказываютъ, что онъ приносилъ обильныя возліянія Вакху, и это подтверждается цвѣшомъ его лица. Онъ Грузинецъ; рожденъ въ Христіанскомъ законѣ; былъ въ молодости серальскимъ невольникомъ вмѣстѣ съ славнымъ Гуссеиномъ, и сдружился съ нимъ. Когда Гуссеинъ былъ сдѣланъ Капипанъ - Пашею, вспомнилъ спараго повараща, и взялъ его къ себѣ въ секретари.

За сорокъ слишкомъ лѣтъ предъ симъ онъ занималъ Египетскій Пашалыкъ; попомъ по-

спокойно удержался въ высокихъ должностяхъ, и былъ всегда любимъ Дворомъ, при всѣхъ его переворотахъ. Этимъ онъ заслужилъ репутацію глубокомысленнаго полищика. При Махмудѣ онъ былъ шесть лѣтъ Капитанъ-Пашею; къ счастью его предъ самымъ открытіемъ Греческой войны интриги недруговъ лишили его этого опаснаго мѣста, въ копоромъ, можетъ быть, онъ бы взлетѣлъ на воздухъ опъ брандеровъ Канариса. Онъ впалъ въ немилость, но и въ немилости получилъ Требизондскій Пашалыкъ.

Махмудъ въ началѣ преобразованій окружилъ свой престолъ людьми извѣстными по опытности и по уму; Хозрефъ былъ вновь сдѣланъ Капитанъ-Пашею. Славная для Греческихъ моряковъ Самосская битва должна была, казалось, омрачить его военную славу; но Хозрефъ придумалъ средство возстановить свою репутацію; остановился съ флотомъ въ Дарданеллахъ, и спалъ вводилъ во флотъ строгую дисциплину; каждый день засѣкали до смерти, душили и топили народъ; этимъ до того напугалъ онъ Турокъ, что всѣ превозгласили его отличнѣйшимъ Адмираломъ. Дальновидный Хозрефъ предчувствовалъ слѣдствія Лондонскаго прак-

шаха при упрямствѣ Махмуда, и въ 1827 году упросилъ Султана уволить его опъ этой должности, по слабости здоровья и спарости лѣтъ. Турки, имѣя, какъ мы сказали, самое высокое понятіе о военныхъ дарованіяхъ Хозрефа, приписали Наваринское несчастіе тому, что не онъ командовалъ флотомъ.

Съ того времени, какъ его сдѣлали Сераскиромъ, или Военнымъ Губернаторомъ столицы и главноначальствующимъ регулярными войсками, онъ показалъ себя однимъ изъ шѣхъ людей, въ коихъ дѣятельность роспещъ съ лѣтами. Онъ славился геніальными мыслями, копорыя рождаются въ его головѣ при самыхъ запруднительныхъ обстоятельствахъ. Чернь ропсала въ Константинополь, и Диванъ опасался бунта Янычарской парши. Сераскиръ послалъ чаушей обнародовать, что онъ собирается наказать нарушителей общественаго спокойствія; а за чаушами показался немедленно самъ, объѣхалъ улицы Спамбула, схватилъ до трехъ сотъ челоуѣкъ, копорыхъ физіономіи показались ему подозрительными, и безъ всякаго разбора велѣлъ ихъ душишь въ примѣръ другимъ. Не знаю каково покажется это любителямъ правосудія, но

если спросите Хозрефа, онъ скажетъ вамъ, что шакимъ образомъ сохранено спокойствіе, и не пострадали жители столицы отъ грозившаго имъ возмущенія черни. Сердце Сераскира окаменѣло отъ лѣтъ, онъ спалъ совершенно равнодушень къ крови; впрочемъ онъ не проливаетъ ея съ свирѣпою жаждою, опличающею многихъ Пашей, а только тогда когда это нужно его расчеламъ....

Говорятъ, что онъ любезностию своего нрава и оспроумнымъ разговоромъ приобрѣлъ особенную благосклонность Махмуда; въ частной бѣсѣдѣ съ нимъ Махмудъ снимаетъ бронзовую маску Султанской суровости, и свободно шутишь съ спарикомъ Сераскиромъ. Но онъ цѣнитъ его умъ, его преданность, ревность его къ преобразованіямъ, и еще болѣе кажется высокое о немъ мнѣніе Турокъ, которые жалѣють, что не всегда въ Диванѣ слѣдуютъ мнѣнію Хозрефа.

Хозрефъ питаетъ закоренѣлую, непримиримую ненависть къ Мехмедь-Алію и къ Ибрагиму, и эта ненависть еще болѣе привязываетъ его къ Султану, и удваиваетъ его дѣятельность въ пещерешнихъ общоягельствахъ. Увѣ-

ряющъ , что онъ нѣсколько разъ и давно уже имѣлъ порученіе опдѣлаться опъ Мехмеда средспвомъ подобнымъ тому, какое упошребилъ онъ съ Смирскимъ Муселимомъ Кіашибъ-Оглу *; но это ему не удавалось, пошому что Мехмедъ-Али былъ всегда на спорожъ при дружескихъ его посѣщеніяхъ.

Главная спрасъ Сераскира, кошорая еще усилилась сълѣтами—непомѣрная скупость. Сулпанъ, зная это, одѣлалъ ему недавно вещь весьма забавную; онъ подарилъ ему прекрасный домъ на Босфорѣ, давно конфискованный у одного Армянина и весьма запущенный. Сераскиръ опдѣлалъ его и убралъ съ роскошью и со вкусомъ; опкрылъ въ горѣ новыя террасы для садовъ, провелъ воды, успроилъ бани и фоншаны, и когда все было кончено , пригласилъ Сулшана, чшобы показъ ему, какъ высоко цѣнишь его подарокъ, и что ничего не пожалѣлъ для него. Сулпанъ до такой степени былъ восхищенъ этими улучшениями, что опдавая полную справедливостъ вкусу спараго скряги, взялъ себѣ обратно этошъ домъ.

* См. Архипелагъ и Греція, Ч. I. гл. IV.

Сераскирь принялъ насъ въ другомъ своемъ Босфорскомъ кіоскѣ; я ожидалъ, что онъ упошребитъ спаринную хипрось Турокъ, и войдешъ въ комнапу послѣ насъ, чтобы не при-вспапъ невѣрнымъ госпямъ; но Сераскирь при-храмывая вышелъ къ намъ на встрѣчу; вмѣсто важнаго Турецкаго вельможи увидѣли мы веселаго, радушнаго спарика, копорого разговоръ былъ оживленъ безпреспанными шулками.

Кіоскъ его опдѣланъ въ особомъ вкусѣ; вдоль оконъ, подъ коими шумипъ Босфоръ, и въ копорыя влепаюпъ иногда свѣжія брызги волнъ, поставленъ покойный Турецкій диванъ во всю ширину комнашы; по бокамъ Европейскіе канапе, кресла и стулья; съ двухъ споронъ дверей вдѣланы въ спѣиъ ниши, убранныя цвѣтами; Египешская цыновка покрываетъ полъ; пополокъ расписанъ цвѣтами и арабесками; на спѣнахъ обои и зеркала; вездѣ смѣсь Азіяшскаго съ Европейскимъ.

Послѣ Сераскира посѣпили мы Ахметъ-Пашу, копорый шеперь пользуется особымъ благоволеніемъ Султана, недавно сдѣланъ Генераль-Адъютаншомъ, и сльвешъ первымъ поборникомъ нововведеній, особенно по опрасли промы-

шленоспи и сельскаго хозяйства; онъ намъревался выписать изъ Южной Россіи овецъ мериносовъ. Онъ былъ украшенъ брильянповыми знаками на груди, копорые замѣнили у Турецкихъ вельможъ кинжалы и шубы, жалуемая Сулпаномъ, какъ вспарину въ Россіи почешные кафшаны. Турецкіе Сулпаны даже въ знакъ благоволенія надѣвали на своихъ вельможъ иногда по пяши и по шеспи шубъ, одну на другую; всъ эши щедропы обходились недорого; первая опала возвращала шубы въ Сулпанскій гардеробъ.

Съ Халиль-Пашею мы видѣлись еще въ Средиземномъ морѣ, когда онъ командовалъ флотомъ, посланнымъ прошиву Мехмедъ-Алія. Неудача компаніи много повредила репушациі эшого любимца; онъ лишился званія Капшанъ-Пашши, и былъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ артиллеріи; онъ удержался, какъ говорили, онъ спараго Сараскира, копорого онъ называетъ своимъ опцемъ, пошому что лѣшь двадцашъ пяшь назадъ шому, Халиль привезенный изъ Грузіи для продажи въ Сшамбуль, былъ купленъ Хозрефомъ, копорому понравилась наружностъ молодого невольника, получилъ при немъ нѣкопорое воспитаніе, сдѣмался его секретаремъ, и шакимъ об-

разомъ дослужился до первыхъ званій Султанской службы. Онъ считается весьма образованнымъ вельможею; къ природной ловкости и любезности его весьма приспало свободное Европейское обхожденіе, для перенятія коего дѣлаютъ сполько смѣшныхъ усилій тяжелье Османлы. Его достоинства обратили на него вниманіе Махмуда, и послѣ Адрианопольскаго мира Халилю было ввѣренно посольство въ Пешербургъ. Когда онъ возвратился въ Коншаншинополь красивое платье и покрой мундировъ и мундирныхъ сюршуконъ, сдѣланныхъ имъ въ Пешербургъ, были предметомъ всѣхъ разговоровъ и служили образцами для придворныхъ щеголей и для самаго Султана.

Халиль-Паша принялъ насъ въ своемъ отдѣленіи въ Артиллерійскихъ казармахъ; никакой пышности не было у него; все весьма просто, даже усилено просто; онъ хочеть казаться хорошимъ солдатомъ.

Новый Капитанъ-Паша, Тагиръ-Паша, шонъ самый, которій познакомился съ нашимъ флотомъ въ Наваринѣ, споялъ въ это время съ флотомъ на Босфорѣ; онъ извѣстенъ въ Турецкой службѣ, какъ храбрый офицеръ, опытный морякъ и самый строгій изъ начальниковъ; и въ

домъ своемъ, какъ на флошѣ, онъ содержишь строгую дисциплину; онъ собственноручно опрубилъ голову одной изъ своихъ женъ, за то что она, неосторожная въ своемъ кокетствѣ, показала свое лице у окна Босфорскаго кіоска проѣзжавшимъ франкамъ.

Со времени принятія имъ начальства надъ флопомъ работы въ адмиралтействѣ производяся съ большею дѣятельностію, и онъ рѣшился улучшить ввѣренную ему часть. Каждый день было ученіе на корабляхъ, а на Турецкомъ флошѣ водились учить мапрозъ у пушекъ только предъ встрѣчею съ непріятелемъ. Но ничего нѣтъ забавнѣе способа вооружающаго флошъ предъ отправленіемъ въ походъ. Когда корабли выплывутся на рейдъ, паршіи каліонджи, флоскихъ солдатъ, обходящія нѣсколько дней улицы Спамбула и Галапы, и набираютъ команду, по собственному усмотрѣнію, изъ всѣхъ народовъ подвластныхъ Поршѣ, кромѣ Евреевъ, копорыхъ спасаетъ презрѣніе къ нимъ Турокъ. Бѣдные лавочники, ремесленники, служившии и промышленники всѣхъ родовъ ловятся наборщиками какъ звѣри среди Спамбула, и если не могутъ выручиться деньгами или проспекціею какого

нибудь вельможи, никакія просьбы, ни самая явная ихъ неспособность къ морской службѣ, не могутъ ихъ избавить; имъ связываютъ руки и посылаютъ на корабли. По окончаніи компаніи они возвращаются къ прежнимъ занятіямъ. Можно вообразить себѣ какое живописное зрѣлище представляетъ экипажъ военного корабля при необыкновенной песпротѣ костюмовъ и фizioномій, при смѣси столькихъ языковъ. Припомъ Турецкіе корабли должны имѣть команды вдвое противъ обыкновеннаго, чтобы въ случаѣ чумы, а она почти постоянно свирѣпствуетъ на флотѣ, все таки оставалось довольно народа. Спопущечный адмиральскій корабль, на коемъ насъ принялъ Капишаиъ-Паша, имѣлъ до 2300 человекъ команды.

Объ опправленіи корабельной службы и говорить нѣчего; обыкновенно первые уроки начинаются на рейдѣ шѣмъ, что офицеры, раздѣливъ шолпу по мачшамъ, и пославъ на ваншы шѣхъ, которые имѣли уже случай получить практику въ прежнихъ походахъ, привѣшиваютъ ко всякой веревкѣ на палубѣ разныя овощи и фрукшы, и когда на примѣръ нужно скомандовать: *марса-фаль отдай, фока-шкотъ крѣпи*, они

кричапъ въ рупоръ, *капусту отдай*, *рыбу крыли*, и ш. д. шолпа узнаепъ по знакомымъ вывѣскамъ каждую веревку, и уншеръ-офицеры шолько заняпы шѣмъ чшобы одушевляпъ ея рвеніе, и придавать болѣе жизни и дѣятельности эпои каршинъ обильнымъ градомъ палочныхъ ударовъ. Послѣ эпого нельзя упрекать Капишанъ-Пашей, что они имѣютъ обыкновеніе въ послѣднюю четверть луны, и въ извѣстныя эпохи бурныхъ вѣтровъ, заходятъ въ порты, и совершаютъ свое обычное годовое плаваніе отъ Босфора до Цикладъ въ три мѣсяца.

Въ прежніе годы Идра и Спеція, находясь въ подданствѣ Порты, были обязаны вмѣсто пошлины посылать ежегодно въ Спамбуль извѣстное число моряковъ, для службы на Султанскомъ флотѣ, и они-то были боцманами и распоряжались маневрами; когда ихъ не стало, флотъ нашелся въ самомъ затруднительномъ положеніи; непрерывныя его несчастія не дали образоваться мапрозамъ, и правовѣрные флоты плавали по волѣ Аллаха, испреблялись огнемъ брандеровъ, и разбивались шочно шакъ какъ было написано въ книгѣ предопредѣленія.

Турки еще въ блистательнѣйшую эпоху ихъ

оружія, послѣ Лепантской битвы, поняли что Пророкъ, даровавъ имъ землю, оставилъ море для невѣрныхъ. Но видя въ Испоріи непрерывныя ихъ бѣдствія на морѣ, нельзя не удивляться постояннымъ усиліямъ Султановъ для сооруженія флота, и средспвамъ, копорыя находили они въ своей Имперіи. И теперь, послѣ чепырехъ несчастныхъ экспедицій прошиву Грековъ, послѣ совершеннаго испребленія Наваринскаго флота, при разспройствѣ финансовъ, грозная армада носить флаги прехъ адмираловъ; наружная ея опряпность и спройность, блескъ бронзовыхъ орудій, на коихъ играетъ солнце, и безконечно широкіе алые флаги съ огненнымъ опраженіемъ въ волнахъ, производящъ самый живописный эффектъ на Босфорѣ.

Красивая форма Турецкихъ кораблей, и особенно одного корвета и 130-пушечнаго корабля Махмудіа, на коемъ развивающъ флагъ Генераль-Адмирала, приводящъ въ удивленіе Европейскихъ морскихъ офицеровъ. Корветъ построень въ Америкѣ, а Махмудіа и лучшіе корабли въ Сшамбуль, подъ руководствомъ Французскихъ, Англійскихъ и Американскихъ Инженеровъ. Американецъ, занятый теперь поспройками въ Адми-

ралшействъ съ особеннымъ удовольствіемъ показывалъ намъ свои новыя работы; онъ спросилъ теперь 130-пушечный корабль въ три палубы, 74-пушечный фрегатъ, первый въ мірѣ по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, гошовишся на постройку корабля въ 150 пушекъ, и не можешъ нахвалишся морскимъ управленіемъ Турціи, пошопу чшо, получивъ однажды къ нему довѣренность, позволяющъ ему теперь спрощш чшо хочешъ и какъ онъ хочешъ, и приводиш въ исполненіе всѣ свои проекшы, ни сколько не входя въ разборъ его чершежей.

Нѣсколько Англійскихъ офицеровъ опредѣлились въ послѣдніе годы въ морскую службу Султана. Они выпорговали весьма выгодныя условія, хоща сперва Турецкое правительсшво, легко соглашаясь признаш ихъ въ какихъ они хощѣли чинахъ, зашруднялось однако на счешъ пребуемаго ими жалованья. Они принялись было учиш Турокъ морскому искуссшву, и вводили въ ихъ флотъ преобразование, сошвшшсшвующее преобразованію сухопутныхъ войскъ; но у нихъ не спало терпѣнія, и кажешся теперь ни одного нѣшъ на флотъ, кромѣ шѣхъ, кошорые необходимы на пароходахъ. Они болѣе

всего жаловались на презрѣніе, которое послѣдній Османлы считалъ себя вправѣ оказывать имъ и ихъ наукѣ, вмѣсто подчиненности, и котораго они не могли избавиться, даже принявъ его костюмъ. Замѣтимъ здѣсь, что уважая народныя предразсудки, Махмудъ не могъ ввѣрять Европейскимъ офицерамъ непосредственнаго начальства ни во флотъ ни въ войскъ; онъ далъ имъ только мѣсна образовашелей и обучателей; ни одинъ правовѣрный не захотѣлъ бы сражаться подъ начальствомъ гаура.

Можетъ быть досада послѣ неудачи заставляешь Европейскихъ офицеровъ, бывшихъ на флотѣ, рассказывать, что обыкновенно предъ всякимъ сигналомъ съ адмиральскаго корабля дается словесно знаніе какое будетъ приказаніе, попому что наука сигналовъ еще далеко не усовершенствована на флотѣ, и пому подобныя забавныя черпы морской тактики. Но я за вѣрное слышалъ въ Спамбуль, что когда во время послѣдней войны были поставлены шелеграфы для флота по Босфору, нѣсколько разъ въ Адмиралтействѣ офицеры ломали голову чтобы понять шелеграфическія извѣстія, переданныя изъ

Буюкдере, а чаще всего посылали требовать словеснаго объясненія.

Что касается до парходовъ, то это изобрѣшеніе весьма понравилось Туркамъ, пошому что избавляло ихъ ошъ труда лавировать при противномъ вѣтрѣ; но съ того дня, какъ первый купленный у Американцевъ парходъ проплылъ Босфоръ противъ вѣтра и печенія, народъ Стамбульскій рѣшилъ, что въ немъ должна быть нечистая сила, которая повинуется гяуру. Султанъ назначилъ десять болѣе надежныхъ Османлы для посшояннаго пребыванія на парходѣ и обученія управлять машиною; они цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ сидѣли на палубѣ, курили преспокойно шрубку, и не рѣшались спуститься внизъ, осмошрѣшь поближе эши заколдованныя колеса. Подозрѣвають впрочемъ, что сами Англичане, управляющіе машинами, стараются подкрѣпить эту боязнь Турокъ къ шайнамъ паровъ, пошому что она совершенно согласна съ ихъ расчетомъ, и дѣлаешь ихъ навсегда необходимыми Султану. Я разсказалъ знакомому мнѣ Турецкому морскому офицеру Гомерову повѣсть о чудесныхъ корабляхъ Феакійскаго царя Алкиноя, кошорые владѣли нау-

укою сами плавають безъ помощи въсприлъ и безъ ухищреній мореплавательной науки. Эпошъ эпизодъ Одиссеи совершенно въ Воспочномъ вкусъ, и привелъ въ воспоргъ Турецкаго моряка. Онъ надѣялся чпо волшебники *новаго свѣта*, копорые доспавляютъ Сулшану заколдованныя машины пароходовъ, согласяшся за хорошую плату выдумать и шакіе корабли.

Въ эпо льшо Сулшанскій флошъ не выходилъ въ Архипелагъ для совершенія своего обычнаго годовзго плаванія; гошовилась шолько небольшая экспедиція для покоренія Самоса, копорый доселъ не хопълъ признашь надъ собою власпи Сулшана.

Въ прошедшее льшо Турецкій флошъ былъ вдвое сильнѣе Египешскаго, но жалкое его состояніе зашавило Халиль-Пашу укрьпшся въ безопасный портъ Мармарисси, прошивъ Родоса, между шѣмъ какъ Египешскій Адмираль Османъ-Бей крейсировалъ въ моръ и ожидалъ его. Прежде того вспрѣшались какъ-шо два флоша, но Турецкій, будучи на въспрѣ, уклонился опъ бишвы. Египшяне захвапили корветъ и нѣскольکو другихъ судовъ меньшаго ранга, и можетъ бышь, оспорожность Халиль-Паши спасла Турецкій

флотъ оиъ совершеннаго пораженія; ибо Египетскій былъ несравненно лучше успроенъ.

Сухопутныя войска пришли въ совершенное разспройство послѣ Иконійской битвы; регулярный корпусъ и гвардія, коими шакъ усердно занимался Сулпанъ послѣ войны съ Россією, и кошорые вмѣстѣ проспирались до 40,000 войска, весьма поспрадали, и мы не имѣли удовольствія видѣшь въ эшомъ году ихъ маневры. Только мѣстами въ живописныхъ долинахъ Босфора небольшіе ошряды занимались ученіемъ, или пикешами шли по набережной смѣняшь караулы.

Любимымъ войскомъ Султана была кавалерія его гвардіи; она соспоела изъ нѣсколькихъ эскадроновъ уланъ и гусаръ. Ее образовалъ Наполеонскій офицеръ Калоссо; обыкновенно самъ Сулпанъ командовалъ ею въ маневрахъ, и она оплчалась опряшноспію и красопою костюма, и даже роскошью въ сравненіи съ полубосыми пѣхопшцами. Она одѣла въ синія куршки съ желпыми шелковыми шнурками; на головѣ шопъ же красный фесъ съ синею киспію, но кошорый не защипшъ кавалериспа ни ошъ сабельнаго удара, ни ошъ солнца, и не придаепъ фронту никакого вида.

Сформированіе кавалеріи по Европейскому образцу сподобило Султану несравненно большихъ успій, нежели пѣхотное войско; нужно было заставить Турокъ ѣздить на низкихъ спременахъ, съ выпянутою ногою, между шѣмъ какъ они привыкли сгибать колѣна на прежнихъ высокихъ сѣдлахъ, что такъ согласовалось съ ихъ привычкою вѣчно сидѣть поджавши ноги, какъ сидятъ наши поршные. Самая форма Европейскаго сѣдла казалась имъ сапанивскимъ изобрѣшеніемъ, годнымъ только для того, чтобы скользили и не удерживались на немъ Азіятскіе наѣзники, привыкшіе сидѣть на сѣдлѣ какъ на дрожкахъ. И теперь еще новообразованные кавалеристы не упускаютъ случая шайкомъ укорачивать свои спремена; Европейская ѣзда будетъ, кажешся, для нихъ принужденною, доколѣ не опущатъ ихъ сидѣть въ казармахъ на полу, на коврахъ по прежнему.

Эта кавалерія составляетъ цѣль Турецкаго войска, и самые видные изъ рекрутъ поступаютъ въ нее; а офицерами служатъ въ кавалеріи одни Стамбульскіе денди. Золотое шитье приснало ихъ Азіятскому щегольству, и они съ особеннымъ удовольствіемъ бряччатъ сабля-

ми по мостовой. Иные изъ нихъ выучились по нѣскольку Французскихъ привѣспшвій, пробують шаркать и кланяться по-Европейски, и слывущъ образцами хорошаго тона. Вообще они радушныи и привѣпливы, особенно къ Европейскимъ офицерамъ, стараются перенять ихъ манеры и непринужденность. Этимъ ограничивается все ихъ образованіе; они не пребують никакихъ познаній, ни другаго экзамена кромѣ верховой ѣзды; по крайней мѣрѣ и по пріятно, что они наружностію походятъ на Европейскихъ офицеровъ, и одѣшы опрѣтно и со вкусомъ. Если оставимъ въ споронѣ нѣкошорія смѣшныя черты ихъ полуобразованности, нельзя не порадоваться тому, что эти молодые люди, крошкіе и привѣпливые, замѣняютъ охотою образоваться прежнее опвращительное молодецество какого нибудь полудикаго *Дели*, которое считалось непремѣннымъ характеромъ военной молодежи въ Турціи.

Въ пѣхошѣ часто одинъ только значекъ на груди, кошорымъ узнаются чины, опличаетъ офицера отъ солдата; при корошкѣ, смятомъ верошникѣ шея совершенно опкрыта, и нерѣдко нагая нога неучливо показывается въ проме-

жупкѣ панталонѣ и изодраннаго башмака. Лѣшняя, бѣлая полошняя, обмундировка особенно неопрятна, а покрой панталонѣ имѣеть чпо-поспанное и неуклюжее: до колѣнѣ они сохраняютъ еще честлюбивый размѣръ шаринныхъ шароваровъ, подъ колѣнами спянушы и обращающаюся въ шшиблепы.

Вошъ чины Турецкой арміи по новому ея образованію, и въ сравненіи съ нашими: послѣ Садръ-азама или Верховнаго Визиря и Сераскира или главнокомандующаго, слѣдуютъ —

Мирь-мирамъ, (кошорый всегда долженъ бытъ прехбунчужный Паша) дивизионный Генераль.

Каймакамъ, *намѣстникъ*, начальникъ шпаба при Мирь-мирамъ и бригадный командиръ.

Мирь-аллай, полковый командиръ.

Каймакамъ при немъ, подполковникъ.

Бинъ-баши, *тысячникъ*, баталіонный командиръ.

Юзъ-баши, *сотникъ*, ротный командиръ или капитанъ.

Каймакамъ, поручикъ.

Башъ-чаушъ, прапорщикъ.

Чаушъ, фельдфебель.

Онъ-баши, *десятникъ*, унперъ-офицеръ,

Феши, *побѣдитель*, пакъ называющся рядовые.

Замѣшимъ здѣсь, что нѣтъ опредѣленной границы между офицерами и нижними чинами; а что еще страннѣе и шрудно соглашаешся съ общемою системою преобразованій, эшо шѣлесныя наказанія, кошорыхъ варварство простирается до того, что съкутъ розгами по груди; вѣроятно для того, чипобы *побѣдоносная Магометовы войска* привыкли получать раны на груди а не на спинѣ. По новому положенію о регулярныхъ войскахъ и офицеры, до маіорскаго чина, подвержены шѣлеснымъ наказаніямъ; въ эшомъ мы должны видѣть великое улучшение, ибо прежде и Паши были имъ подвержены; были случаи что, послѣ проиграннаго сраженія на морѣ, всѣ капишаны сзывались на адмиральскій корабль или на берегъ, и получали палки по пяшамъ; Верховные Визири въ полномъ засѣданіи Дивана немилосердно съкли Бейлербеевъ и Пашей, кошорые съ пухлыми пяшами продолжали засѣдать въ эшомъ *правительствующемъ совѣтѣ*.

Полевая артиллерія въ Турціи была всегда въ лучшемъ устройствѣ, нежели остальныя вой-

ска. Корпусъ Топчи и Кумбараджи (канонировъ и бомбандировъ), ввѣренный шеперь Халиль-Паша, споялъ лагеремъ въ долину Прѣсныхъ водъ, и каждый день его ученіе привлекало полну любопытныхъ; я былъ тамъ когда Сулпанъ дѣлалъ смотръ этому войску, командовалъ самъ маневрами и остался доволенъ Халиль-Пашею. Зрѣлище было великолѣпное: живописно расположенные кругомъ холмы и покапосшь горы были усажены группами Турчанокъ въ бѣлыхъ покрывалахъ; бѣлыя палатки фанпаспическими палатками лежали на долину, копорой влажностъ еще сохраняла яркую зелень, сжигаемую обыкновенно въ лѣтніе мѣсяцы южнымъ солнцемъ; въ споронѣ, среди садовъ и цвѣтниковъ, оставались въ уединеніи великолѣпныя кіоски, предъ которыми прозрачныя и недвижныя, какъ зеркала, лежали широкіе пруды въ мраморныхъ рамахъ; опъ нихъ безъ шуму скользила свѣтлая спруя Варвизеса, чшобы голубою леншою пропшанушься среди полянъ и береговыхъ камышей, ополсашъ нѣсколько низмѣнныхъ острововъ, облакашь спаю чаекъ и гондолъ Спамбульскихъ, и заблуднишья попомъ въ мушномъ заливѣ *золотога рога*. Артиллерійскіе ошряды одушевляли

внушренность долины; по змѣямъ ползали по правѣ, съ чешуйчатымъ блескомъ оружія, по какъ драконы воспочной мифологіи брызгали искрами и пламенемъ, по закушанные дымомъ опдыхали, какъ лѣнныя облака на горахъ Фракіи.

Это восхищительное мѣсто названо Европейцами *Прѣсными водами* отъ водъ двухъ рѣкъ Варвизеса и Кидара, * которыя здѣсь льются въ заливъ, и Турками — Кеапъ-хане, отъ бывшей здѣсь при Селимѣ бумажной фабрики; оно составляетъ любимую прогулку городскихъ жищелей. Ахмедъ III удержалъ плошиною воды Варвизеса, составилъ изъ нихъ пруды и фоншаны, и украсилъ все это мраморомъ, по которому золотыя Турецкія надписи выюся какъ арабски. Среди эщихъ очарованій Востока приющились легкія зданія; Китайскій шпигъ вылещаетъ изъ среди ихъ, и поддерживаетъ золотый шаръ, исписанный какими-то неонящными знаками.

Здѣсь спекаются Мусульмане по пѣщницамъ и въ Байрамъ, а Христіане по воскресеньямъ и въ праздники; каждое семейство располагается на коврѣ подъ деревомъ, на берегу пруда или

* Турецкія ихъ названія: Али-бей-сою и Кеапъ-хане-сою.

рѣчки; одни приносятъ свой обѣдъ, другіе пьютъ кофе и курятъ шрубки; Цыгане музыканты и Жиды скоморохи забавляютъ народъ; пѣсни, пляски, порою веселый кругъ съ бокаломъ, Воспѣвая беззаботность на всѣхъ лицахъ, заспавая васъ подумая, что подданные Султана — счастливейшій въ мѣрѣ народъ.

Но въ весенніе мѣсяцы гуляніе у Прѣсныхъ водъ запрещено; въ день св. Георгія выводятъ лошадей изъ Султанскихъ конюшенъ на подножный кормъ въ жирныя пажити Кеапъ-хане. Болгаре паспухи, живущіе въ гористой Фракіи, приходятъ на эту пору въ Стамбуль хранишь дорогихъ коней Султана. Они, какъ всѣ племена горныя и паспущескія, имѣютъ природное расположеніе къ музыкѣ, и ихъ пребываніе въ Конспаншинополѣ составляетъ продолжительный аркадскій праздникъ; они обходятъ улицы съ вольнками, и играютъ подъ окнами за нѣскольکو-парь.*

Въ прежніе годы выходъ лошадей въ Кеапъ-хане былъ однимъ изъ первыхъ церемоніаловъ Турецкаго двора; многочисленные чины шпалмейстер-

* Нынѣшняя пара равняется одной денежкѣ.

свой и егермейстерской часни, множество других офицеровъ Серая въ богатыхъ парадныхъ костюмахъ, серальскіе шушы въ чудныхъ своихъ нарядахъ, и лошади въ золотыхъ попонахъ и съ головами убранными перьями, спрассами и блесками, соспавляли безконечно пестрое и живописное шествіе; лошадей было до 2,000; ины, копорыя служили собственно для Султана, были опсправляемы ночью, чпобы не подвергнуться сглазкѣ.

Не знаю, соблюдается ли еще эшотъ церемоніаль, напоминающій Дворъ Персидскихъ царей: я видѣлъ его въ 1821 году.

Долина Пръсныхъ водъ сдѣлалась шенерь Марсовымъ полемъ для Махмуда, но она оснавила ему горькія воспоминанія. Атъшь за пятьнадцать предъ симъ любимая одалыка, предмешъ сильнѣйшей его спрасси, играла на шлюбокѣ въ одноиъ изъ прудовъ, гребла съ своими подругами, шалила, и шлюбка опрокинулась, и она попонула въ прудъ. Султанъ былъ глубоко шронушь; кшо бы подумалъ, чпо иѣжныя спрасси имѣють шакую власнь на сердце испребителя Янычарь? Увѣрюшь, чшо онъ долго былъ безушъшень, и получилъ опшращеніе къ долинь

Прѣсныхъ водъ, въ которую послѣ того онъ пересхалъ ѣздить.

Теперь опускалъ красивый дворецъ эпои долины, и открывъ взорамъ любопытныхъ. Алые бархатные диваны, золошья бахрамы, парчевыя занавѣси, живыя воспочныя краски, прихощивая позолоша и рѣзьба — вся эша прежняя пышность осхалась въ немъ запыменная и блѣдная, и среди ея носилъся шрогашельное воспоминаніе серальскихъ дѣвъ и ушопленницы.

Г Л А В А XI.

Турчанки, — Покрывала. — Кокетство глазъ. — Строгость Пророка. — Почная сцена. — Добродѣтели женщинъ. — Ихъ волюнодумство. — Любовь и ревность. — Многоженство. — Бракъ. — Разводъ. — Опасность взгляда. — Воспитаніе Султаншъ. — Сестра Махмуда. — Ненмѣнне романовъ. — Коробочное объясненіе въ любви. — Случай. — Материнское чувство. — Дисциплина гаремовъ. — Серальскій пансіонъ. — Жизнь одалыкъ. — Ихъ забавы.

Султанскія нововведенія и спрашъ Двора и Турокъ перенимають все Европейское шеперь преимущественно занимають вниманіе путешественника въ Сшамбуль. Сшамбульскій народъ походитъ шеперь на маски карнавала, кошорыхъ правая спорона одѣша по послѣдней модѣ, а лѣвая въ какой нибудь фаншаспической коспюмъ. Турки нарядились въ Нѣмецкое плашье и щеголяютъ въ шпорахъ, но Султанъ не ввелъ досель никакихъ нововведеній между Турчанками; онъ носятъ прежніе *фередже* и цвѣпнныя пуфли, и бережно запираются въ гаремахъ за рѣшетками, кошорыя шакъ скупю впускають къ нимъ и свѣшъ и воздухъ.

Другіе, можешъ бышь, ожидають покороче

познакомиться съ Турчанками, когда Сулпанъ, въ довершеніе своихъ преобразованій, призоветъ женщинъ принявъ участіе въ обществѣ; хопящъ ихъ видѣшь, когда онѣ спянушъ свои роскошныя формы кирассою корсета, одѣнушъ въ узорчатый чулокъ свои ноги вѣчно нагія, замѣняшъ небрежную золотую туфлю Парижскимъ башмакомъ, а свободно разбросанныя по плечамъ волосы сосхавяшъ, подѣ дерзкою рукою Француза-парикмахера, чудныя зданія на красивой ихъ головѣ. Можесть бышъ погда, въ блестящихъ залахъ Восточныхъ чершоговъ, эши богини береговъ Босфора будушъ свободно наклоняшъ свой легкій спанъ на руку счастливаго пришельца, и кружисья въ бѣшенномъ вальсѣ.

Покаѣспъ мы должны довольсшвовашься шѣмъ, что ихъ видимъ на гуляньяхъ, въ базарахъ, въ кайкахъ, всегда опдѣльными группами, всегда подѣ досадными ясмакъ, кошорые покрываюшъ ихъ голову и нижнюю часшъ лица, и своєю паинспвенноспію напоминаюшъ намъ маски романшической Венеціи, и подобно маскамъ благопріятсшвуюшъ иногда романшическимъ приключеніямъ. Все ихъ Мусульманское кокепсшво, сосредшочено въ глазахъ, а въ кокепсшвѣ онѣ

не ожидаютъ уроковъ отъ просвѣщенной Европы, и не прудятся передразнивать Европейскую любезность, какъ это дѣлаютъ молодые Османлы.

Говорятъ однако, что если въ уединенномъ гуляніи вспрѣсите гаремныхъ заповорницъ, съ однѣми черными невольницами, если шяжелый взглядъ Турка не пугаетъ ихъ, покрывала могутъ распрощаться, и вы увидите ихъ хорошенькія личики, выражающія совершенную готовность сбросить всѣ предразсудки Воспока, съ пиранскими выдумками его ревности.

Но Пророкъ велитъ Мусульманкамъ даже въ молишвахъ своихъ накидывать на себя покрывало, чтобы «являться въ приличномъ смиреніи предъ Аллахомъ;» а Пророкъ самъ былъ большой ревнивецъ; извѣстно, что онъ прогналъ отъ себя любимую Анше, за то что войско увидѣло лице ея безъ покрывала; и въ наше время лукаво спущенная рѣшетка, и небрежно спавшее покрывало, только невинное желаніе показать любопытному взору свои совершенства, не разъ нарушали семейное согласіе въ Спамбуль. Но Мусульманки не вправъ жаловаться на спрогость Пророка; если вспомнимъ прежнее сословіе женщинъ на Вос-

эпохъ , убѣдимся что законъ корана облегчилъ ихъ участь. Хотя женщина купленная считалась собственностью правовѣрнаго, и занималась въ его сердцѣ неопредѣленное мѣсто между любимой лошадыю и дамаскою саблею , хотя по смерти господина оцѣнщики красовы продаютъ ее на рынокъ, какъ всегда водилось въ Азїи, по крайней мѣрѣ, нерѣдко зарывали ее живую въ могилу мужа; а восточные мѣшописцы упоминаютъ, что при погребенїи чудовищнаго Гелекею, внука Чингисханова, сорокъ молодыхъ женъ были заперты въ его могилѣ, съ лицемо на при днѣ, чтобы долгимъ воплемъ отчаянїя утѣшишь его Ханскую швѣнь. Даже въ колыбели древняго образованїя, въ суевѣрномъ Египтѣ, еще при Магометѣ продолжали по древнему обычаю бросать ежегодно въ Ниль молодую и прекрасную дѣву, какъ жертву искупающую благодатное разлишїе боготворимой рѣки.

Только прошивъ невѣрныхъ женъ ужасныя законы Пророка; въ Констанцинополѣ показывающъ мѣсто, въ кошоромъ невѣрныя жены были до половины зарываемы въ землю, и побивались камнями по древнему обычаю Вос-

пока *. Теперь это вывелось; нашли гораздо лучшимъ зашивать преступницу въ мѣшокъ; иногда даже вмѣшивъ съ кошками; и бросаешь въ море.

Если вы любите «сильныя ощущенія» можете надѣяться, что ночью, кахаясь въ Босфорской гондолѣ, услышите удрученныя стenanія, и раздѣлите съ луною Босфора горестныя быны свидѣтелемъ смертной дрожи и безсильнаго бoренія невидимой преступницы, когда два нѣмке исполнишеля шайной казни выбрасываютъ ее въ волны, съ хладнокровіемъ моряка бросающаго лишній баластъ; вы услышите послѣдній смертный крикъ, раздирающій вздохъ, кониъ заключилась упоительная драма женской жизни, и траурное плесканіе волнъ, когда пучина ревниво обвиняетъ свою жертву, и измѣнница луна озлопишеть дрожащими арабесками ея влажный гробъ.

* Когда Магомешъ подтвердилъ закономъ эшотъ обычай, къ нему явилась преступная Муавізъ, прося, чтобы онъ исполнилъ надъ нею первую ужасный приговоръ, коимъ она надѣялась искупить прощенье свое въ вѣчности. Она просила только отсрочки для прокормленія своего дитяти, и геройски перенесла казнь, восхищенная пѣмъ, что самъ Пророкъ бросилъ на нее первый камень. (Охсонъ)

Эпими сирогосіями. Воспокъ замѣленъ
 правосвенность въ прекрасномъ полѣ; а дра-
 сивенности ни одинъ Турокъ не пребуещъ оны
 своей дражайшей половины. Добродѣтели жен-
 щинъ — красота и молодость, ихъ долгъ — по-
 виновеніе и вѣрность мужу, ихъ надежда —
 освободиться отъ всего земнаго, кромѣ потреб-
 ности любви; оспавались всегда шеснадаши
 лѣтъ, и раздѣляли чувственныя воспоурги пра-
 вовѣрныхъ въ Магомешовомъ раю. Иные даже
 Турецкіе богословы утверждаютъ, что такъ какъ
 добродѣтели женщинъ совершенно не шь, ко-
 торыхъ пребуещъ Коранъ оны мужины, шо и
 рай женщинамъ назначенъ особенный, а хурія
 обѣщанныя Магомешомъ — это существа дру-
 гой породы.

Моженъ бытъ оны этого женцизма (за-
 прещено даже принимашъ участіе въ общей мо-
 литвѣ правовѣрныхъ; одны старухи имѣють
 право входить въ мечеть, и шамъ для нихъ
 есть особенная рѣшетчатая галлеря, позади
 мѣсна занимаемого Мусульманми; ибо, какъ
 сознающія послѣдній классъ общесшна, и въ
 домъ молитвы должны бытъ послѣдними. Мо-
 лодыя женщины — ошъявленные вольнодумки;

не пмвють никакой религїи, и никогда не увидише, чшобы Турчанка, услышавъ голось муззыма, шверела свой *мамазъ*. Для нихъ голось муззыма нервдко бываентъ условленнымъ сигналомъ любовнаго свиданїя. Любовь — одна религїя ихъ молодосши; но эшо пылкая любовь Восшока; она не шребуешъ ни вздоховъ ни сеншменшального обожанїя рыцарской Европы; — Туррокъ до нихъ не унизишся, Турчанка ихъ не оцвнишъ; она не шребуешъ ни кляшвъ, ни вчанаго пошшояншства; Турчанка не понимаешъ кляшвъ, а пошшояншство можешъ бышъ наскучишъ ей. Любовь ея выражаешся одною ревншщїю, бшшенвою, нешшшвою, совершенно Азіяшскою, съ кинжаломъ и съ ядомъ. Даже чувштво любви супружеской — эшо пламя Веспы, мирно горящее на олшаръ семейнаго шчасшїя — въ Турцїи одичало и обрашшло въ назидашельную ревншщъ, въ шпрогїи и подозришельный шршшшшръ. Ошещъ семейштва сдвляяся его шшоремшщикомъ.

Многешенштво не штакъ обшшновенно въ Турцїи, какъ вообще думающъ; законъ предшшсываешъ каждому правовърному выбрашъ себъ жену; холосшые наказывающся презрвнїемъ, и хошя

не имѣють права всякій ихъ бишь на улицѣ, какъ было въ древней Спарти, но они не пользуются всѣми гражданскими правами Мусульманина; законъ разрѣшаетъ взять двѣ, три и даже чешыре жены, если кто въ состояніи ихъ содержать, и сколько невольницъ, сколько можеть купишь и кормишь; но проспой народъ мало пользуется этимъ правомъ, а изъ людей высшихъ званій, кто женился на дочери порядочнаго челоуѣка, обязывается контрактомъ не брашь другой жены, и даже если прежде былъ женатъ, часно бывають принужденъ опустити своихъ женъ. Улемы, духовное и юридическое сословіе Турокъ, преимущественно славяща склонностію къ многоженству. Почти всѣ Муфти Спамбула содержатъ по нѣскольку гаремовъ и полпу невольницъ.

Бракъ въ Турціи — обрядъ совершенно гражданскій; заключають контрактъ у кадія или имама, но не въ мечети, и имамъ въ этомъ случаѣ не облеченъ духовною властію. Магометъ не счелъ брака дѣломъ довольно важнымъ, чобы религія занялась имъ. Допускаемые законам браки по контракту, на извѣстное время, теперь весьма рѣдки; легкость развода дѣлають

ихъ не нужными; когда Мусульманину наскучитъ жена, спойитъ только сказавъ ей «опиускаю тебя,» и возвратитъ приданное. Это поспановленіе весьма естественное, при обычаѣ Турокъ никогда не знакомиться и даже вовсе не видѣться съ своими невѣстами до брака. Турчанка за рѣшеткою, подъ гуспымъ своимъ покрываломъ можетъ видѣть своего жениха, а онъ долженъ довольствоваться свѣдѣніями сообщаемыми отъ свахъ, которыя въ Турціи имѣютъ особенный метафорическій языкъ для описанія совершенствъ своихъ клізенокъ.

Бракъ большею частію устроивается родителями невѣсты и жениха; они обыкновенно обручаютъ дѣтей еще въ пленахъ; потомъ, когда дѣвушка наступитъ двѣнадцатый годъ, совершается бракъ; но если находятъ нужнымъ, то и послѣ брака иногда она цѣлый годъ не видится съ своимъ супругомъ, и живетъ у родителей. — Въ первый день ихъ соединенія, когда невѣсту подъ покрываломъ поведутъ къ брачному ложу, супругъ долженъ совершить свою вечернюю молитву при ней; она въ это время покрывая спойитъ на диванъ; послѣ молитвы супругъ подойдетъ, снимаетъ съ нея

покрывало, и при первомъ возрѣнїи на нее должень сказашь ей мадригалъ въ воспочномъ вкусѣ, сравнишь ея лице съ луною или съ розою, коны бы оно входило на спарую перчашку, и дашь какой нибудь подарокъ. Иногда выходяшгъ забавные случаи опгъ эшихъ браковъ, заключаемыхъ на удачу. Рассказываюшгъ, что одинъ спарый Османлы, основываясь на рекомендаціи свахи, женился на вдовѣ, кошорую онъ воображалъ молодою и хорошенькою. Въ роковой вечеръ, когда должна была рѣшишься его судьба, снявъ покрывало, онъ увидѣлъ уродливое лице своей супруги, и поспѣшилъ опяшь набросишь покрывало. Жена упрекнула его въ излишней ревности, кошорая, казалось, пребывала, чтообы и въ самой спальнѣ она была покрывшая. — Красавица моя, освѣчалъ ей Турокъ, во всякомъ другомъ мѣстѣ, при комъ шебъ угодно, открывай свое лице, но ради Пророка избавь меня опгъ удовольствїя видѣшь швое лице въ моей спальнѣ. — Пророкъ повелѣваешъ шебъ, сказала разгнѣванная жена, шерпѣшь мое лице. — Пророкъ не одарилъ меня доспащочнымъ запасомъ шерпѣнїа для эшой муки. — Какъ же ты шерпишь предъ глазами свой уродливый носъ, и на спинѣ шакон

спрашнѣй горбъ?... Эпѣ супружескія нѣжності годились бы для нѣаго водевиля.

Родишели доспавляютъ иногда жениху случай увидѣшь невѣсшу, но эшо дѣлаешся какъ будшо нечаянно и съ большими предоспорожноспями; чеспъ всего дома посспрадала бы онгъ одного воззрѣнія на лице ихъ дочери. Чшо же касается до дочерей, шо онѣ обыкновенно до брака слишкомъ глупы, чшобы содѣйсшвовашъ какой-нибудь инспригъ, и можешъ бышъ никогда дѣвица въ Турціи не была героинею романа. Если бы въ Турецкой миеологіи сущесшвовалъ ги-меней, нѣшъ сомнѣнія чшо онѣ былъ бы предспа-вленъ божесшвомъ слѣпымъ; проказникъ Эрошъ, младшій брашъ его, долженъ напрошивъ вооружинься сошнею глазъ оспорожнаго Аргуса.

Сшарые Турки приписываютъ Европейскому невѣжесшву шо, чшо у насъ хлопчущъ родишели научишъ своихъ дочерей выпшваніямъ, панцамъ и музыкъ; у нихъ шакже учашъ эшимъ искуссшвамъ, но не дочерей а невольницъ, кошорыя должны своими шаланшамѣ развлекашъ скуку господъ; а о шомъ чшо праздноспъ и неучшш-вая скука гарема наводяшъ дурныя помышленія на его зашворницъ, они мало хлопчущъ. Доволь-

но рѣдко, чтобы гдѣ нибудь кромѣ Серая учили женщинъ чтенію и письму. Серальскія ода-
льки и даже Султанши получаютъ нѣкоторое
воспитаніе. Султанъ Селимъ, любитель Воспоч-
ныхъ музъ, постарался ознакомить князей
своего дома съ липературами Арабскою и Пер-
сидскою. Сестра Махмуда спрашная любитель-
ница поэзіи, и въ молодости сама сочиняла пѣс-
ни и романсы, копорые ходятъ теперь по ру-
камъ Спамбульскихъ жишелей; мысли и чув-
ства женщины, вѣренныя бумагъ и музыкъ, мо-
гутъ вылетать изъ гаремнаго заповорничества.
Частные люди не имѣютъ никакихъ средствъ
воспитать своихъ дочерей; женщинъ учитель-
ницъ въ Турціи нѣтъ, и никакой *ходжа**, даже
шольшній, не вправъ перешагивать порогъ га-
рема. Если Турчанка и научится читать, она
не можетъ усладить свое одиночество рома-
нами; Турки не пишутъ романовъ, а Фран-
цузскіе романы и Французскій языкъ еще
не проложили дороги въ гаремы. Одинъ поль-
ко языкъ по преданію сохраняется въ нихъ
опъ древнѣйшихъ вѣковъ; это языкъ *цвѣ-
товъ и любви*; всякая хорошенькая Турчан-

* Т. е. учитель.

и должна его понимать, и при случае объясниться на немъ. Языкъ эпошъ состоитъ въ невснномъ числѣ фразъ и словъ, копорыя рнежуютъ съ именами разныхъ цвѣтковъ, птицъ, фруктовъ, ароматовъ и ц. п. Любовное объясненіе, соопавленное изъ ашихъ предметовъ, кладенся въ коробку, носылаенся къ Турчанкѣ, и она, при помощи своей науки и словаря сердечной догадливости, должна его разобрать; если наприеръ первая вещь, вынимаемая изъ коробки, пара виноградныхъ ягодъ *узюмъ*, она ипопчасъ скажетъ *бемъ узюмъ, мои глазки, и ц. д.*; послѣдняя вещь въ коробкѣ, въ родѣ постъскрипшума, обыкновенно перецъ *беперъ*, что значить *бизе биръ хаберъ веръ*, дай намъ о себѣ извѣстіе. Въ письмахъ Леди Моншегю есть предлинное коробочное объясненіе въ любви, и весьма спраспное. Видите что любовь въ Турціи дѣйствительно должна быть остроумна и догадлива, чтобы завязывать интриги, при невѣжествѣ и при замкахъ и при всѣхъ затрудненіяхъ, копорыми окружила ее Азіяпская ревность. Благодаря инспинкпу и своей геройской смелости, Турчанки придумываютъ тысячу средствъ для усыпленія своихъ Аргусовъ. Прогулки, по-

същеніе базаровъ, кашаніе въ кашахъ по Бос-
 фору, шайншвенныя пекривала — все имъ слу-
 жить, все имъ онѣ умѣютъ пользоваться; самый
 даже законъ, запрещающій входъ въ гаремы, и
 обращающій эту часть дома въ крепость за-
 нятую женскимъ гарнизономъ, нередко имъ бла-
 гопріятствуешь.

Кромѣ случая, который въ романтическомъ
 Спамбулѣ, какъ и во всякомъ городѣ Христіан-
 скомъ или Мусульманскомъ, есть самый усерд-
 ный изъ посредниковъ любовныхъ инспригъ,
 старья Еврейки преимущественно заняты сер-
 дечными шайнами Турчанокъ, и эта услужли-
 вость обходится имъ иногда весьма дорого. Не-
 задолго до моего прибытія въ Константино-
 поль исчезла изъ Перы всеобщая знаменитая спа-
 рука, которая подъ разными предлогами имѣла
 входъ въ гаремы, и принимала у себя знаменитыхъ
 дамъ Спамбула; она пригошляла имъ румяны,
 бѣлила, черную краску для бровей и любовныя
 зелія, а въ своемъ домѣ доставляла имъ любовныя
 свиданія; въроятно она была брошена въ море.

Называютъ Турчанокъ хорошими машерами;
 но трудно понять, какимъ образомъ женщина,
 неимѣющая никакихъ понятій о нравственности

можешъ пишати къ своему рожденію другое чувство, кромѣ той испинкшной заботливости, кошорую вложила природа въ сердце голубиць и пугриць. Правда, что дѣши сосавляють единственное право Турчанки на уваженіе ея супруга; въ гаремахъ бездѣшная жена естъ самое несчастное созданіе; но вообразише себѣ семейство, въ коемъ къ вѣчному соперничеству между нѣсколькихъ женъ и невольницъ, присоединилась и взаимная ненависть дѣшей отъ разныхъ маперей. Къ тому же большая часть женщинъ въ гаремахъ знапныхъ людей — невольницы, купленные у Черкесъ. Какія чувства должна пишати къ своимъ дѣшамъ женщина, кошорая сама въ дѣшствѣ была продана родителями. ?....

Тѣ изъ Турокъ, кошорые имѣють болѣе швердый характеръ, спараються содержать спрогую дисциплину въ своихъ гаремахъ. У Султана и у вельможъ евнухи сосавляютъ гаремную полицію; и — кто бы повѣрилъ — палки по пятамъ необходимы для внушрняго спокойствія эшихъ шемныхъ жилищъ сладострастія. Но естъ гаремы, въ кошорыхъ влась женщинъ приводишь въ шрепешъ грознаго Пашу, оставленнаго

плѣхранишелями, и гдѣ часто образъ измѣническаго кинжала прерываеиъ сладоспраспныя его сновидѣнiя.

Внуиреннее усройство серальскаго гарема обратило на себя вниманiе величайшихъ изъ Турецкихъ монарховъ, и увѣряюиъ, что оно нерѣдко представляло болѣе зашрудненiй, нежели образованiе армiи или гражданской службы. Древнiе Султаны соединялись узми брака съ княжнами Мусульманскаго и Хриспiянскаго закона. Феодора, дочь Имперашора Каншакузена, первая была послана, какъ жершва низкой полишики своего опща, раздѣлишь ложе Орхана. Пяшьдесяшь тысячь Турокъ приняи на Европейскомъ берегу молодую княжну, и рабски просшерлись предъ нею; они повели ее къ Бруссу, въ обяшнiя невѣрнаго *, а на Греческихъ корабляхъ, на коихъ они переплыи Босфоръ, свободно измѣрили его ширину, кошора я еще сто лѣшь опдѣляла опъ завоешателя добычу, обреченную его саблѣ. Послѣ Орхана всѣ Опшшоманскiе Султаны женились на Княжнахъ Визаншiи, Сербiи,

* Самъ Каншакузень былъ испорикомъ своего уничиженiя.
Книга 3, гл. 95.

Карамани, и на дочеряхъ своихъ подданныхъ. Наконецъ они нашли удобнѣе опказаться опъ законныхъ браковъ; шипло Сулшаншъ оспалось только машерямъ, сеспрамъ и дочерямъ Сулшановъ, а гаремы населились одними невольницами, копорья покупаются, дарятся опъ вельможъ, или посылаются какъ дань опъ племенъ подвласныхъ Порпъ, но вообще малолѣтныя. Онъ поспушаютъ сперва въ особенный Серальскій пансионъ, гдѣ обучающа чинашь, писашъ, вышивашъ, играшь на воспочныхъ инструментахъ и шанцовашъ; разумѣешся, всѣ ихъ наснаивницы женщины. Имъ здѣсь даются имена присвоенныя неволь: *подательница жизни, цѣль сердца, весенняя роза*, и ш. п. Попомъ онъ раздѣляются на разныя опдѣленія, имѣютъ свои придворныя чины, должности, жалованье, и когда подарашъ Сулшану сына или дочь, получаютъ шипло *кадынь* и связанныя съ нимъ преимуществва.

При слабыхъ Сулшанахъ интриги гарема имѣли весьма большое вліяніе на дѣла правительства; покажешся безъ сомнѣнія удивительнымъ, что обыкновенно молодыя одалыки не имѣютъ никакой власни; напрошивъ спарыя, увядшія

красы, коюворя ушвердились въ гаремѣ, имѣютъ силу невоимѣспную съ уничженіемъ женщины въ Турціи. Впрочемъ, только мащери Сулшанскихъ дѣпей и женщины, имѣющія какую нибудь особенную должность, могутъ соспарѣшься въ Сераль. Гаремныя красы должны обновляться, какъ лисья весною въ серальскихъ садахъ; когда начинаешь увядать молодая Черкешенка, ее выдаютъ замужъ за какого нибудь Пашу, если она была любимицею, или забираютъ въ шаромъ Сераль, или даже продаютъ на рынкѣ.

Махмудъ уменьшилъ народонаселеніе Сералья, и обращилъ на содержаніе своей гвардіи большую часть суммъ, пожираемыхъ прежде многолюдіемъ и роскошію гарема. При нѣкоюрыхъ Сулшанахъ число женщинъ гарема проспиралось до воемисопъ; но Махмудъ давно разлюбилъ гаремы, и нѣлкія дѣвы Кавказа вянущъ въ зашворническѣ незамѣченныя, забышыя; онѣ не испытвали ни вольности дѣпскихъ дѣпъ ни мащеринской радости, кощора удвоиваетъ существованіе женщины; любовь всдыхиваетъ на ихъ лицахъ среди мученій ревности, и слѣдовъ найныхъ скорбей. Опшоргнушыя еще въ

дѣйствиѣ опѣ священныхъ узъ родства, не имѣя другой семьи кромѣ Серала, другой надежды, кромѣ внимательнаго взора Падишаха, онѣ могутъ сказать какъ Мирра Байрона:

«У меня нѣтъ родины; раба все потеряла кромѣ своихъ цѣпей; а любовь — самое тяжелое звѣно моей длинной цѣпи.»

Ихъ увѣщаютъ только роскошные уборы, свѣжестъ садовъ серальскихъ, игры фоншановъ и мраморныя бани, въ которыхъ проходитъ значительная часть ихъ времени. Ни чей взоръ до нихъ не доходитъ; онѣ не надѣваются покрываль; пошому что почши никогда не выходятъ изъ своей пышной пемницы; если и случится ѣхать куда нибудь, онѣ садятся въ совершенно крытые экипажи или шлюбки.

Опѣ времени до времени праздникъ при рожденіи сына или дочери Султана придаетъ нѣкоторое разнообразіе ихъ затворничеству. Кадья покрытая алмазами и жемчугомъ, которые на это время выдаются изъ казнохранилища, принимаются посѣщенія Султанцы и женъ вельможей. Одалки забавляютъ ее плясками и

пѣніемъ; онѣ одѣваются въ разные костюмы, и играютъ импровизированныя ими пьесы; представляютъ въ каррикатурѣ по религиозные обряды гяуровъ, по принятіе Европейскаго посольства у Высокой Порты. Султанъ за рѣшешкою смотришь на ихъ игры; увѣряють что въ этихъ пьесахъ онѣ нерѣдко представляютъ и самаго Падишаха въ каррикатурномъ видѣ.

ГЛАВА XII.

Свадьба. — Адаллахъ-Эфенди. — Необходимость трубки. — Любовь и воспитание молодого Турка. — Французы любители Турецкой беседы. — Розы. — Неудовство шпоръ въ Турціи. — Выборъ шпоръ. — Досада старыхъ Турокъ. — Ходжа. — Рассказы о Петербургѣ. — Таисманъ извошниковъ. — Фарфоровый Китаецъ. — Мнѣніе Турокъ о Парламентѣ. — Патриотизмъ Азіятцевъ. — Сани и канки. — Должность солнца. — Сѣверныя ночи и гастрономическія ночи. — Менекратовскій пиръ. — Обѣдъ. — Представитель невѣсты. — Мусульманская любезность. — Вино и шереть. — Пилавъ. — Посуда. — Турецкій балетъ. — Ченки. — Бахчисъ. — Мнѣнія ходжи. — Пѣніе. — Выгода слѣпоты. — Страсти и лѣта. — Ночь въ Скутари. — Минареть. — Турецкій водевиль. — Его наглости. — Гаремъ и крапленіе ногтей.

Нѣсколько разъ въ Конспаншинополѣ и въ другихъ городахъ Турціи былъ я званъ на свадьбы; но чтобы не обмануть ожиданій моего чинашеля, я долженъ предупредить его, что если Турокъ пригласитъ на свадьбу, не только не увидите и пѣни молодой супруги и ея подругъ, но будете самою оскорбительною неучливостію осведомиться о ея здоровьи; это пакъ водился.

Я давно былъ знакомъ съ Абдаллахъ-Эфендіемъ, однимъ изъ Албанскихъ Турокъ, копорые спаслись отъ гоненій Али-Паши Янинскаго и переселились въ Константиннополь. Онъ служилъ прежде въ шаможнѣ; шеперь пользуется значительнымъ пансіономъ отъ какой-то мечетни, и милостію какого-то вельможи; живешъ въ безмятежномъ Скупари; не ищешъ службы въ Спамбуль, пошому что не хочешъ промѣняшъ свою чалму на фесъ: онъ привыкъ къ ней, какъ Нѣмецъ прошедшаго столѣтія къ своей напудренной косѣ; говоришъ, что онъ слишкомъ спаръ для преобразованій, и съ окошекъ своего кіоска съ одинакимъ безспрасіемъ смотритъ на волненіе Босфора, на перемѣны его въшровъ и погодъ, и на волненія Спамбула и перемѣны обычаевъ и костюмовъ. Онъ соединяешъ живость Албанской крови съ философіею корана; любитъ наслажденія Воспока и Запада, и считаешъ себя выше всѣхъ предразсудковъ Европейскихъ и Азіяшскихъ. Онъ опредѣлилъ своего сына въ регулярное войско; эшому сыну шеперь восемнадцашъ лѣтъ; — онъ служишъ въ гвардіи капитаномъ; лѣтъ за десяшъ предъ симъ былъ обрученъ, а шеперь праздновалъ свою свадьбу.

Я прїѣхалъ къ Абдаллахъ-Эфендію въ назначенный день; эшо было въ чешвергъ, попому что чешвергъ считаешся у Мусульманъ самымъ счастливымъ днемъ для бракосочетанія. Общество соспояло большею частію изъ почтенныхъ Османлы спариннаго покроя, родшвенниковъ двухъ семействъ вспупавшихъ въ родство. Они, прїѣзжая на свадебный пирь, не рѣшились оспавишь у порога свою важность; когда гости сажались на диванъ, поджавъ ноги и симметрически расположивъ складки своихъ плашьевъ, хозяинъ спрашивалъ о ихъ кейфѣ, и мѣнялся учшивостями и нѣсколькими *темена*, которые соспояшъ въ приближеніи правой руки къ устамъ и ко лбу, и замѣняютъ у Турокъ сжатіе руки.

Такъ какъ въ Турціи всякая бесѣда, опгъ дипломатической конференціи Миниспра Поршы съ Европейскимъ Министромъ до дружескаго разговора, должна начашься подъ вліяніемъ дымныхъ облаковъ шрубки — слуги не медля подавали чубукъ, кошораго длина была соразмѣрна важности сана и лѣшамъ cadaго изъ гостей. Тѣмъ, кошорыхъ хозяинъ болѣе хошѣлъ чеспишь, шрубки были подаваемы сыномъ его, кошораго

Европейскій офицерскій костюмъ представлялъ что-то смѣшное въ кругу Мусульманъ, особенно въ обрядѣ подавiя чубука. По удивительной ловкости, съ которою онъ исполнялъ эту должность, было видно, что это вошло въ его воспитанiе; а должно знать, что подашь чубукъ съ ловкостiю — не послѣднее дѣло; есть въ Константинополѣ въ домахъ вельможъ чубукчи-баши, копорые также славятся своимъ искусствомъ, какъ иной Парижскій парикмахеръ совершенствомъ въ завиванiи волосъ. Молодой супругъ несъ прехъ-аршинную палку легко наклоненную, и не задѣвая никого изъ курящихъ, оспанавливался предъ гостемъ, быспро измѣрялъ взглядомъ распоянiе, опиралъ шрубку въ маленькiй бронзовый подносъ, копорый спавилъ на полъ слуга, и черпя граціозную дугу другимъ концемъ, подавалъ мундшукъ прямо въ зубы осчастливленному такимъ вниманiемъ гостю.

Разговора не было; можно было подуматъ, что почтенные гости собрались окуривать свою скуку; всѣ усердно занимались пусканiемъ дыма, копорый къ счастью спруями выходилъ изъ отворенныхъ съ прехъ-сторонъ кіоска оконъ.

Въ подобной Мусульманской бесѣдѣ ясно видна причина, опъ чего Французы болѣе всѣхъ Европейскихъ народовъ полюбили Турокъ, конхъ молчаливость даетъ полную волю говорливому гостю. Пополокъ, который составляетъ главнѣйшее украшеніе Турецкой комнапы, былъ исписанъ яркими красками; свѣжія розы нарисованныя на немъ казались, надъ молчаливымъ кругомъ собесѣдниковъ, сквозь атмосферу дыма, среди коего по временамъ блуждала опривочная фраза, эмблемами шаинспвенности и молчанія, какъ у древнихъ Римлянъ.

Бесѣда оживилась, когда пріѣхали изъ Спамбула офицеры сослуживцы молодого супруга. Такъ какъ домъ Абдаллахъ-эфендія сохраняетъ еще старинную правотѣрную меблировку, по эшимъ господамъ пришлось усѣсться на низкомъ диванѣ; они пому были очень рады, попому что Турокъ не скоро еще спанетъ предпочитаетъ стулья и кресла своимъ мягкимъ софамъ; но хозяинъ былъ не радъ: во первыхъ попому что они были въ сапогахъ, и доселѣ не было ничего грубѣе, какъ войши въ сапогахъ въ комнату порядочнаго человѣка; а во вторыхъ попому что эши господа неучшивыми шпорами задѣвали и

рвали красивую машерію дивана, и широкую бахрому, кошорая опть нея висъла до полу. Абдаллахъ-эфенди внушренно предалъ прокляшю эшо франкское ухищреніе; но изъ всѣхъ Судпанскихъ нововведеній шпоры наиболѣе полюбились Сшамбульскимъ щеголямъ, и мнѣ случилось бышь свидѣтелемъ во Французскомъ магазинѣ въ Перѣ, какъ молодой гусарь выбиралъ ихъ цѣлый часъ по звону, какъ погремушки, и быль восхищенъ опскрыпиемъ въ нихъ свойсшва камершона длишь звукъ.

Вещь, кошорая наиболѣе мена поразила по приходѣ офицеровъ—эшо спараніе молодыхъ Мусульманъ уподобилъся Европейцамъ попраіемъ, вмѣспѣ съ спаринными своими предрасудками, и религіознаго, опличительно восшочнаго и папріархальнаго уваженія Турокъ къ дѣшамъ и къ сѣдинѣ. Нѣшп сомнѣнія, что эша черша даешп еще болѣе враждебный опшѣнокъ Европейскимъ нововведеніямъ въ глазахъ спарыхъ османлы, кошорые бояшся, что вскорѣ потеряюшъ дарованное закономъ полное и безошчетное право на жизнь своихъ дѣшей, что безбородые мальчишки спанушп смѣяшся надъ бородами своихъ опцевъ. Въ подобномъ собраніи, гдѣ какъ нарочно

сошлись рѣзкія противоположности двухъ различныхъ эпохъ Турціи: прежнее поколѣніе, сохраняющее свой костюмъ, свою бороду, наружную важность и молчаливость, съ набожнымъ уваженіемъ спаринныхъ предразсудковъ, и новое поколѣніе, перенимающее въ чадѣ преобразованій безопчетно, опривиспо и безъ разбора разные обычаи Европы, и усиливающаяся бышь по-Европейски ловкимъ, безъ всякаго понятія о Европейскомъ образованіи — безприсраспный наблюдатель увидишь всѣ неудобства этого вводнаго просвѣщенія, которое произраспаетъ уродомъ на чужой почвѣ, котораго корни не хопяшь приняшь въ ней, и которое первую бурю можетъ бышь сорвано.

Самыя замѣчательныя лица нашего общества были спарикъ ходжа и молодой гусаръ, оба изъ свиты посольства Халиль-Паши въ Пешербургъ (1829 г.). Чепыре года прошекло со времени ихъ возвращенія въ Констаншинополь, но думаю, что еслибы все говорили въ это время, не издержали бы запаса занимательныхъ разсказовъ о своемъ путешесствіи опъ береговъ Босфора до береговъ Невы, и о чудесахъ поразившихъ ихъ Азіятское воображеніе на сѣверѣ, и

одѣтыхъ ими въ фаншаспическій колоритъ Арабскихъ сказокъ. Особенно въ эту эпоху, когда правотѣрные еще повпоряли проияжное Машаллахъ, пробъжавшее по вѣсѣмъ усшамъ Сшамбула при видѣ Русскаго лагеря на Азіятскомъ берегу Бѣсфора, когда поговаривали объ ошправленіи новаго посольсшва въ Пешербургъ, рассказы пушешесшвенниковъ имѣли особенную привлекательность для Сшамбульской публики.

Рассказы ходжи были въ самомъ дѣлѣ занимательны; онъ швердо увѣренъ, что Русскіе извозщики вмѣсто того, чтообы навѣсшть шалисманы на своихъ лошадей для предохраненія ошъ сглазки, какъ это дѣлаютъ Турецкіе *сеисы*, или конюхи, навѣшшваютъ себѣ на спину огромный шалисманъ съ шайншвенными цыфрами; даже зимою нацѣшляютъ на свои бороды бѣлые значки, вѣрояшно шакже ошъ сглазки. Эшого послѣдняго замѣчанія ходжи я долго не могъ себѣ располковашъ, и насилу догадался, что онъ вѣрояшно видѣлъ бороды извозщиковъ покрывшя вшесемъ, пошому что послѣ сшаль рассказывать, что въ кшбшкѣ, на пуши изъ Пешербурга, онъ преспокшйно уснулъ, и спущники его разбудили, увѣршя, что это опасно, и вѣрояшно захошѣли

подшушишь надъ нимъ и склеили его вѣжды, шакъ чпо онъ на силу могъ опкрышь глаза.

Всѣ его замѣчанія о Пепербургѣ увѣрили бы васъ, чпо первымъ признакомъ варварства — эшо увлекашься шѣмъ чпо любопышно и не замѣчашъ испинно изящнаго. Изъ всего, чпо мудрый ходжа, человекъ проведеншій свой вѣкъ надъ шайнами Воспочной мудрости, видѣлъ въ нашей сполницѣ, его наиболѣе поразилъ — кшобы угадалъ? — полспный фарфоровый Кипшаецъ, видѣнный имъ на какой-шо фабрикѣ, и кошорый, неизвѣстно какимъ колдовспвомъ, махалъ руками, качалъ головою, болшалъ языкомъ, и если бы заговорилъ, шо ходжа его принялъ бы за Воспочнаго мудреца. Эшо напомнило мнѣ всѣмъ извѣспный ошвѣшъ одного Турецкаго Посланника, по возвращеніи его изъ Лондона; его спросили, чпо онъ увидѣлъ болѣе примѣчательнаго въ эшомъ городѣ. *Инглизы*, * ошвѣчалъ онъ, много говорили мнѣ о какомъ-шо Парламентѣ; но я въ немъ ничего не видѣлъ, какъ шолько сошни двѣ или при Кіафировъ, кошорые собираюшся слушашъ сказочниковъ, и сидяшъ безъ трубокъ

* Такъ Турки называюшъ Англичанъ.

до полуночи; но однажды на улицѣ я видѣлъ вещь испинно примѣчательную: какой-то искусникъ перебрасывалъ въ одно время опъ руки въ руку при апельсина, и даже успѣвалъ иголкою ихъ прокалывать на воздухѣ.

О шеапрѣ почтенный ходжа не хотѣлъ ничего разсказать; балеты поразили его воображеніе, но спросошь Опшоманскихъ приличій запрещала ему и вспоминать о нихъ. Замѣшимъ здѣсь, что Азіяпцы, во время своего пребыванія въ какой-нибудь Европейской столицѣ, имѣютъ обыкновеніе скрывать удивленіе, возбуждаемое въ нихъ чудесами искусствъ; они, не зная чему прилично болѣе удивляться, боясь прослыть невѣждами въ глазахъ невѣрныхъ, пришворяются, будто находятъ все весьма натуральнымъ, и такимъ образомъ показываютъ, что все то, что составляетъ предметъ удивленія для Европейца — у нихъ вещь самая обыкновенная; таковъ Мусульманскій патриотизмъ. Ходжа говорилъ, что шеапрѣ есть ничто иное какъ особеннаго рода палапа, въ кошорой собираются невѣрные смотрѣть на представленіе карагѣза; чашатель найдетъ далѣе нѣкошорыя подробности о карагѣзѣ, кошораго я имѣлъ удовольствіе

видѣшь вмѣстѣ съ почтеннымъ ходжею. въ эпошъ день. Ходжа не ѣздилъ на балы; онъ еще прежде по баламъ посланниковъ въ Перъ и Буюкдере зналъ, что челоуѣку сколько нибудь благовоспитанному, и имѣющему хоша поверхностное понятіе о Мусульманской морали, вовсе не прилично въ нихъ показываться. Онъ былъ восхищенъ зимнею ѣздою въ Пепербургъ, ея спокойствіемъ, скоростію и какимъ-то особеннымъ чувствомъ наслажденія, кошорое внушается скользкимъ полешомъ саней, скрипніемъ снѣга и игрою приспяжной. Онъ сравнивалъ Пепербургскія сани съ кайками Спамбула; сани также скользятъ по снѣгу и рѣжутъ снѣгъ, какъ лепучія гондолы рѣжутъ влагу Босфора; украшены бронзою, какъ кайки рѣзбою, покрышы мѣхомъ, какъ кайки ковромъ; а главное сходство, о кошоромъ долго шолковалъ своимъ слушателямъ нашъ путешественникъ—это свойство саней ѣхать по Невѣ; одинъ только важный недоспапокъ, что въ саняхъ нельзя расположиться такъ свободно, пропянуть ноги и подъ часъ уснуть, какъ въ кайкѣ; въ такомъ случаѣ не было бы нужды, чтобы слуга, стоя предъ вами на колѣнахъ, длиннымъ опахаломъ

навѣвалъ на васъ прохладу, какъ это дѣлается въ канкахъ вельможъ. Если бы въ Сшамбуль были сани, ходжа далъ бы имъ другую форму, болѣе удобную для полуденной лѣни; но сани неизвѣсны на берегахъ Босфора, раскаленныхъ полуденнымъ солнцемъ. Что касается до солнца, то ходжа въ своемъ путешествіи убѣдился, что оно исключительно занято освѣщеніемъ и согрѣваніемъ правовѣрнаго Халифаша, и едва успѣваетъ раза два при въ годъ заглянуть къ гяурамъ; »волью имъ мерзнуть и жить въ пошмахъ, когда имъ сколько разъ предложено открыть спавню своего ума къ свѣту Исламизма« *.

Ходжа замѣнилъ еще, что долгія ночи сѣверной зимы были бы выгодны для рамазана правовѣрныхъ; законъ, налагающій на нихъ постъ въ продолженіе двадцапи восьми дней рамазанской луны, далъ имъ волю ѣсть сколько угодно по ночамъ; и самые спрогіе Османлы, копорые отпказываютъ себѣ даже въ чашкѣ кофе и въ

* Такъ какъ по закону Пророка нѣтъ другой войны, кромѣ священной войны за вѣру, предполагается, что предъ открытіемъ ея Халифъ долженъ предложить непріятелю принять Исламизмъ и его книги.

шрубкѣ шабаку въ рамазанскіе дни, ожидающѣ кругомъ сыпнаго спола вечерней пушки Серая, возвѣщающей захожденіе солнца; эѣи ночи посвящены гаспрономическимъ наслажденіямъ въ цѣломъ Спамбулѣ »доколѣ разсвѣтъ не позволитъ различить бѣлую нишь отъ черной.« Ходжа вѣроятно забылъ, что долгія ночи сѣверной зимы замѣняются долгими днями лѣта, и что когда рамазанъ случится лѣтомъ (рамазанъ бываетъ попеременно во всѣ времена года) правовѣрные должны будущѣ отказать на цѣлой мѣсяцъ отъ пищи.

Такого рода были замѣчанія ходжи о сѣверѣ; молодой его спутникъ просподушно восхищался всѣми чудесами Пепербурга, котораго воспоминанія оспались въ немъ, какъ баснословныя воспоминанія о Багдадѣ и о дворѣ Халифовъ оспались у Восточныхъ народовъ, и въ которомъ соединялъ онъ и осуществлялъ всѣ чудеса созданныя его воображеніемъ. Философическіе рассказы ходжи и поэпическіе рассказы молодаго офицера заняли собесѣдниковъ во весь эпопъ день, посвященный свадебному пиршесиву.

Съ первою шрубкою были поданы маленькія чашки кофе, вспавленные въ другія узорчашыя

серебряныя чашки; съ ними довольно трудно справилсья, и съ непривычки нерѣдко случаетсья облипсья горячимъ напшкомъ. Черный и густый кофе былъ изъ Американскихъ колоній; давно въ Стамбуль ароматическій мока сдѣлалсья рѣдкостью, а послѣдняя война съ Египтомъ огорчила столичныхъ жишелей и пѣмъ, что привозъ его совершенно прекратилсья.

Въ промежуткахъ другихъ шрубокъ подчивали шо вареньемъ, шо шербедами, а наконецъ когда атмосфера стала прояснясья, когда приближалсья часъ опшоманскаго ужина (это было въ шестомъ часу вечера), окропили госпей розовою водою изъ золошой вазы, и обкурили ихъ восшочными ароматами; брадашые госпи подспавляли свою бороду подъ брызги ароматической воды, и сидѣли недвижные, какъ Индѣйскіе испуканы, когда слуга съ благоговѣніемъ языческаго жреца ихъ кадилъ. Въ обыкновенныхъ визитахъ, обкурение госпя и его окропленіе служашъ сигналомъ, что пора опкланясья, но въ этомъ случаѣ Менекрашовскій пиръ ароматовъ былъ приугошвлениемъ къ сышному Мусульманскому столу, и давалъ знашь, что пора разспашсья на время съ чубуками.

Здѣсь нѣтъ обыкновенія водитьъ гостей къ столу; Турки объдають, ужинають, цѣлый день сидящъ, и нерѣдко спящъ въ шомъ же покоѣ. Послали нѣсколько ковриковъ среди кіоска, и поставили на нихъ большіе мѣдные подносы съ грузомъ разныхъ блюдъ; гости раздѣлились на партіи, и каждая партія усѣлась кругомъ одного подноса. Хозяинъ съ большими учтивостями посадилъ подлѣ себя горбашаго спарика, и во все время былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ; а должно знать, что эпомъ спаричекъ представлялъ лице невѣсты, не только въ нашей бесѣдѣ, но и въ самомъ обрядѣ бракосочетанія; по Мусульманскому закону невѣста не можетъ присутствоватьъ при эпомъ обрядѣ, и посылаетъ за себя кого нибудь изъ своихъ старыхъ родственниковъ.

Хозяинъ предложилъ мнѣ Европейскій приборъ, но я понялъ, что ему будетъ пріятнѣе, чтобы эпи ухищренія — ножи и вилки не испортили воспочной гармоніи его пира. Обѣдъ начался обрядомъ цѣлованія хлѣба; потомъ каждый бралъ весьма ловко двумя пальцами кусокъ изъ любого блюда, рвалъ его, и въ знакъ особеннаго вниманія къ сосѣду иногда подавалъ ему

половину своего куска и просилъ опивдаться. Правда чпе предъ обѣдомъ всѣ мыли свои руки, а за обѣдомъ держали особенныя салфетки для утиранія пальцевъ, съ конхъ капалъ жиръ, но эта опшоманская любезность весьма неоправдана. Присущивіе франка заставило вспомнить о винѣ; нашъ Амешпріонъ считалъ себя выше предразсудковъ запрещающихъ вино, но онъ не хотѣлъ дѣлать соблазна за нравовѣрною прелезою, и придумалъ очень политическое средство, чшобы согласить новыя вкусы нѣкоторыхъ изъ госшей съ нравовѣріемъ другихъ; велѣлъ подавать шербешъ, (хотя нѣтъ обыкновенія подавать шербешъ за обѣдомъ) и между спаканами сладкаго напитки были посланы спаканы съ виномъ одного съ нимъ цвѣта, а сменливый слуга подавалъ госнямъ того или другаго, судя по вкусамъ каждаго изъ госшей.

Во все продолженіе обѣда нѣсколько слугъ стояли надъ нами, и длинными опахалами изъ пальмовыхъ листьевъ прилжно опгоняли мухъ.

Послѣ пятнадцати или двадцати блюдъ, которыхъ плавали всѣ въ жирѣ, и слѣдовали одно за другимъ съ большою поспѣшностію, подали народное блюдо Мусульманъ, *пмасть*, сполько же

необходимый за обѣдомъ, какъ имя Аллаха при
 шрубка шабаку за разговоромъ. Нельзя не удив-
 ляться скороспи, ловкоспи и можно сказать да-
 же опрятноспи; съ копорою Мусульмане глопали
 любимое блюдо, многіе даже безъ помощи ложекъ;
 развъ изрѣдка нѣсколько зеренъ рису оспана-
 вливались какъ сѣдинки на бородахъ 'госней. За
 пилавомъ слѣдовали пирожныя, копорыми пре-
 имущественно щеголяспъ Турецкая кухня, а въ
 пирожныя *хошабъ*, или десертъ состоящій изъ
 разныхъ фруктовъ, сваренныхъ вмѣстѣ и при-
 правленныхъ ароматами. Для хошаба и для пила-
 ва подали ложки, но не серебряныя а черепаховыя
 или косяныя. Законъ налагаетъ проклятіе на
 правовѣрнаго, копорый употребитъ серебряную
 или золотую посуду. Магометъ, желая образовавъ
 народъ воинственный, запретилъ ему роскошь и
 въ одѣяніи и въ домашнемъ быту; первые Ха-
 лифы ходили въ черномъ плащѣ, и никакая
 пышность не окружала ихъ; когда даже Араб-
 скій Дворъ извѣжился, законъ о посудѣ соблю-
 дался строго, и Халифы, окруженные серебромъ
 и золотомъ, употребляли однакожъ за своимъ
 столомъ простую посуду, или одѣвали кося-
 нымъ поясомъ ту часть дорогихъ чашъ, копо-

рая касалась къ ушамъ. Даже первый Турецкій Султанъ, кошорый сдѣлалъ для своего Серала золотую посуду, чптобы нѣкошорымъ образѣмъ оправдать въ глазахъ народа это нововведеніе, далъ обѣдъ нѣсколькимъ ешнямъ нищихъ на этой посудѣ, и этимъ освящилъ ея употребленіе. Но вилокъ и ножей и въ Сералѣ нѣтъ; въ Европейскихъ обѣдахъ, кошорые были даваемы нѣсколько разъ дипломатическому корпусу, обыкновенно брали посуду у одного изъ посланниковъ.

Когда подали фрукты, Мусульмане показали новую любезность, кошорая состоить въ томъ, чптобы откусить персикъ или грушу, и послать съ человекомъ одному изъ гостей, въ знакъ особенной приязни; это замѣняютъ у нихъ рюмку вина, выпиваемую за здоровье.

Послѣ обѣда опять кофе, шрубки, варенія и усладительная бесѣда. Потомъ открылся Магомепанскій балъ: загремѣлъ оркестръ составленный изъ двухъ цимбаловъ и нѣсколькихъ шамбуриновъ съ колокольчиками и погремушками; артисты были Жиды; это самое музыкальное племя изъ племенъ Сшамбульскихъ; вошли въ залъ или въ кіоскъ, занимаемый нами, четыре ченки,

такъ называются въ Турціи панцоры. Это мальчики отъ 12 до 18 лѣтъ, которые съ малолѣтства посвящаютъ себя служенію Мусульманской Терпсихоры, и приготавливаются особенными анпрепренерами, обыкновенно Армянами. Есть въ Скушари особенное заведеніе, въ коемъ содержится нѣсколько шуръ эшихъ ченки для всѣхъ семейныхъ праздниковъ Мусульманъ; оно пользуется даже покровительствомъ вельможъ, которые любящъ иногда снимать маску Европейскихъ вкусовъ, и добродушно предаются кореннымъ Турецкимъ удовольствіямъ, а въ числѣ эшихъ удовольствій ченки занимаютъ весьма почетное мѣсто.

Ченки были одѣты въ балахновомъ косяномъ Мусульманъ; въ узкихъ бѣлыхъ курткахъ съ открытою грудью, безъ рукавовъ, въ прозрачной шелковой рубашкѣ, кою широкіе рукава иногда небрежно висѣли, иногда подвязывались за спиною; ихъ короткіе шаровары оставляли ноги отъ колѣнъ совершенно обнаженныя; желтые башмаки Турецкаго покроя были вышиты золотыми узорами; маленькій фесъ, совершенно закрытый шелковою кичію, едва держался на верхушкѣ ихъ го-

ловы; длинныя и густыя волосы были разбросаны по щекамъ, а виски были подбрившны. Ничего нельзя предсавившъ себѣ ошврашипельнѣе изиѣженнаго ихъ вида; ихъ брови были выкрашены и соединялись искусственною дугою, кошорая соссавляетъ верхъ Азіяшской прелепси; среди румянъ и бѣлилъ было нальплеще нѣсколько мушекъ на вяломъ ихъ лицѣ.

Ченки спали попарно одинъ прошивъ другаго: началась ихъ пляска, кошорая соссояншъ въ различныхъ кривляньяхъ всего шѣла подъ шапкъ музыки; они держали каспанъешны и по временамъ спучали ими; эшо напоминаешъ сладоспрасшныя пляски, завѣщанныя Маврами Пиренейскому полуоспрову; но и болеро и фанданго были бы скромными въ сравненіи съ пляскою ченки, кошорые силились принимашъ самыя неблагоприсшойныя положенія. Мой ходжа, краснѣвшій ошъ воспоминанія бамешовъ, былъ въ какомъ-шо упоишельномъ забышши ошъ воспорга, возбужденнаго въ немъ ошврашипельною пляскою ченки, и нѣсколько разъ пошухала его шрубка. Около часу проплясали ченки, и движенія ихъ пошпешенно дѣлались сладоспрасшнѣе, и болѣе и болѣе выражали они, и возбу-

ждали въ правовѣрныхъ зрителихъ услабую, изнеможенную нѣгу Воспока. Хозяинъ призвалъ самаго искуснаго изъ нихъ, и прильпиль ему на лобъ Турецкій червонецъ; другіе обошли кругъ гостей, и собрали дань воспорговъ и мелкія золотыя монеты. Визитъ въ Турецкій домъ никогда дешево не обойдется; слово *бахчишь* въспрѣшишь васъ въ передней всякаго порядочнаго челоуѣка; и плясунъ и пѣвецъ и скоморохъ имѣющъ также право на *бахчишь* *. Если вельможа сдѣлаетъ визитъ частному челоуѣку, всей его свитѣ должно дать *бахчиши* и ее накормить, а она нерѣдко ограбитъ домъ, если недовольна гостепріимствомъ; случается что Паша въ провинціяхъ дѣлающъ визиты провинившимся ботанамъ, и нѣсколько подобныхъ напешивъ, за честь коихъ должно кромѣ пою благодарить большими подарками, могутъ испощить состояніе, накопленное трудами нѣсколькихъ поколѣ-

* Денежная подача, требующая при тысячь случаяхъ, и особенно взимаемая челядью вельможъ съ просителей и частныхъ людей, которые выходя отъ Визиря или другаго важнаго сановника идутъ не въ тюрьму и не подъ ножъ палача. За маленькія услуги, которыя окажетъ вамъ Турокъ, поддержитъ ли канкъ у пристани, или лошади на гуляніи, онъ требуетъ *кай-се-парасы*, денегъ на котѣ.

ній. Самъ Сулпанъ , желая иногда подшутиться надъ скупостию своего Сераскира, дѣлаетъ ему посѣщенія, копорыя разоряють спараго скряту. По окончаніи балажа ходжа повспорилъ мнѣ замѣчаніе, неоднократно уже сдѣланное его соотпечественниками на Европейскихъ балахъ: опъ чего франки, подобно имъ, не заставляють плясать своихъ слугъ и невольниковъ, даже невольницъ, шакъ какъ присущствіе женщинъ необходимо въ ихъ обществахъ, а шрудяшся сами и заставляють работать своихъ женъ и дочерей къ увеселенію зрительей. Когда въ первый разъ ходжа былъ на балъ франковъ, его никакъ не могли разувѣрить, чптобы всѣ танцующіе не были слуги и невольницы, нарочно воспитанные въ эптомъ званіи. Вспомнимъ Хаджи-Бабу, копорый освѣдомлялся въ Лондонѣ о цѣнѣ одной изъ танцовщицъ, и къ великому своему удивленію узналъ, что она была жена хозяина. Мой ходжа однако жъ былъ довольно снисходителенъ къ танцующимъ дамамъ, какого бы онѣ званія ни были; ибо эпшо согласовалось съ понятіями его о предназначеніи женщины — доставлять чувственныя радости и увеселять взоры; но онѣ поспигнуть не могли, какимъ образомъ люди по-

чпешные въ обществѣ франковъ, какovy напри-
 мѣръ ихъ книжники и законники Улемы, кошо-
 рыкъ каждая улыбка, каждое движеніе должны
 бытъ, спрото обдуваны и согласны съ уставомъ
примій, рѣшающа давати себя на носмѣяніе,
 пускаясь въ пляски. Онъ въришь мнѣ не хо-
 щеть, когда я ему рассказалъ, что самъ Сократъ,
 умный ходжа древноости и наснальникъ Ифа-
 шуна, бралъ у Аѳинской кокешки Аспазіи пан-
 цевальные уроки, что другой великій феѳло-
 суфъ, Кашонъ, передъ отправленіемъ на балъ
 повпорялъ съ учинелемъ свои па, и что одинъ
 изъ славныхъ Султановъ Френкиспана, Лудо-
 викъ XIV, основалъ *мадресе* или академію для
 панцевъ. Ходжа при всѣхъ энихъ извъщіяхъ
 повпорялъ *Машамлахъ*, а наконецъ сказалъ, что
 хоня франки и академію учредили для панцевъ,
 но все шаки планушь съ большимъ безвкусіемъ;
 онъ видѣлъ у нихъ шолько бѣшенныя круженія
 и бѣгошню, совершенно ничего невыражающія;
 между нѣмъ какъ сладоспращныя движенія
 ченки шакъ живо говорили его разгоряченному
 воображенію.

Хозяинъ нашъ желалъ достойно праздновать
 бракъ своего сына, и не ограничился однимъ

балешомъ; оцъ съ улыбкою самодовольствія предувѣдомилъ насъ, что ему удалось зазвать на вечеръ одного изъ придворныхъ муэзимовъ или пѣвчихъ, копорые пользуются свободою, выходишь иногда изъ Сераля, чтобы пѣняшь слухъ правовѣрныхъ; а вечеръ нашъ долженъ былъ заключишь предспавленіемъ карагѣза, копорый — увы — со дня на день дѣлается рѣже въ Спамбулъ. Не доспавало шолько расказчика повѣспей, чтобы въ одинъ вечеръ имѣшь комплексъ Мусульманскихъ Музъ; но давно уже расказчики повѣспей оспавлены проспому народу, показывающъ свои спаланшы и свое краснорѣчіе въ цирюльняхъ и въ кофейныхъ домахъ, и довольспвуются скудною подачею мелкихъ денегъ.

Придворные муэзимы соспавляютъ особенный корпусъ въ Сераль; ихъ начальникъ Муэзимъ-баши воспѣваетъ гимны Аллаху по пашницамъ въ шой мечеши, копорую посѣщаетъ Султанъ; другіе поющъ хоромъ иногда духовные гимны въ серальской мечеши, иногда любовныя и элегическія пѣсни, коими услаждающъ слухъ Падшаха и усыпляютъ его; они шакже возвѣщаютъ часъ молишвы съ высоты серальскихъ

минарешовъ. Многіе изъ нихъ слѣпы, и лучшія мечети въ Турецкой Имперіи, особенно въ Азіи, гдѣ правовѣріе имѣетъ болѣе причудъ, щеголяющъ слѣпопою своихъ пѣвцевъ; попому ли эшо чшо ничшо земное не должно развлекать муэзима въ завѣшнѣй часъ призыва къ молишвѣ, или чувство невольной грусти, копорая ошзывается въ голосъ слѣпца, лучше согласуешся съ Турецкимъ пѣніемъ, обыкновенно унылымъ и печальнымъ и въ любовной пѣснѣ и въ духовномъ гимнѣ? Говорящъ, чшо всшарину въ Азіяшскихъ городахъ Халифапа спали выбирашъ слѣпцевъ въ муэзимы, чшобы не могли они съ висошы минарешовъ смотрѣшъ на женщинъ, сидѣвшихъ на перассахъ домовъ. Слѣпыя опъ рожденія дѣши — эшо находка для родителей, копорые продающъ ихъ за высокую цѣну мечешямъ; нерѣдко даже сами родители ослѣпляютъ малолѣшнихъ дѣшей, чшобы обезпечить имъ средсва существованія, опредѣливъ въ муэзимы, шакъ какъ другіе гошовашъ ихъ въ евнухи; эшо родъ промышленности, какъ и всякій другой.

Нашъ муэзимъ впрочемъ не першѣлъ подобной операціи: онъ попалъ въ эшо званіе един-

снвенно по прїятности своего голоса, по прїроднымъ музыкальнымъ способностямъ, по удивительному искусству въ дрожащихъ шреляхъ музыкальной гаммы Мусульманъ, и по выразительности глубькихъ и пьжкихъ вздоховъ, которые сосзвляють вѣчно повпоремый припѣвъ Турецкихъ любовныхъ пѣсень.

Сперва пропѣлъ онъ извѣстную элегическую пѣсню, сбчиненную Султаномъ Селимомъ III во время его заключенія и не задолго до его прагической кончины; въ ней опзывается вся философія несчастія; мошивъ ея — *vanitas vanitatum*; эшо любимая пѣсня Мусульманъ привязанныхъ къ памяти злополучнаго Селима. Нынѣшнія обстоятельсшва Турціи придають ей болѣе интреса; можешъ быть связанная съ нею воспоминанія, можешъ быть самый голосъ ея, невольно прогають слушателя, даже не привыкшаго къ Мусульманскому припѣву, котораго неподдѣльная грусь пакъ соглашается со спсхами Селима. Безъ сомнѣнїя покажешся удивительнымъ, что въ день свадебнаго пира намъ пѣли меланхолическія пѣсни; но въ Турціи эшо пакъ водишся; Мусульманская музыка вѣчно одыпа въ шрауръ; врядъ ли еспъ у Турокъ одна

веселая пѣсня; и въ радости и въ печали ихъ муза издаешь звуки унылые; даже винные пары не могутъ извлечь у правовѣрнаго веселаго звука, и когда пьяный Османлы спанещъ пѣшь, онъ вздыхаетъ до слезъ. Если по нашимъ понятіямъ пѣніе у первыхъ людей выливалось изъ души какъ избытокъ радости и счастья — у Турекъ оно было голосомъ поски и спраданія.

Послѣ Султанской элегіи музѣимъ пропѣлъ нѣсколько любовныхъ мелодій; слушатели дошолъ внимали съ благоговѣніемъ и съ задумчивостію; ничего нельзя предсавивъ себѣ живописнѣе эффекта, произведеннаго на нихъ спрашными пѣснями музѣима. Плоскія, неподвижныя фигуры Османлы подъ шайнымъ вліяніемъ звуковъ поспешенно оживились; ихъ глаза по открытые блуждали судорожно и дико, по горѣли огнемъ спрашпей, по въ сладоспрашной усталости пошухали и закрывались; у многихъ слезы лились ручьями, и за каждымъ вздохомъ пѣвца тяжкій невольный вздохъ вырывался изъ груди ихъ. Больше всего меня удивило по, что музыка дѣйствовала на слушателей соразмѣрно ихъ возрасту; чѣмъ старше былъ Османлы, чѣмъ безспрашнѣ казался онъ въ обыкновен-

престанно повпорялись, и каждый куплетъ оканчивался продолжительнымъ *аманъ, аманъ, ахъ аманъ*, и вздохами, которые находили эхо въ груди слушаемыхъ; послѣ нихъ пѣсней восторгъ усиливался болѣе обыкновеннаго; спарые Османлы рыдали какъ ребячки, обвиняли и цѣловали пѣвца, и со слезами молили его повпорить еще разъ волшебный куплетъ.

Я видѣлъ Турокъ, которые имѣли случай слышать славныхъ пѣвицъ Европы, во всегда опзывались о нихъ съ равнедушіемъ, и даже съ презрѣніемъ, когда сравнивали ихъ съ своими пѣвцами. Съ того времени какъ Сулпанъ заставилъ правовѣрные полки маршировать подъ Ипаліанскую музыку, увертюры Россіи, разыгрываемыя весьма удачно гвардейскими музыкантами, полюбились многими Туркамъ, и ихъ спали предпочитать по крайней мѣрѣ дикому гуденію прежнихъ войсковыхъ оркестровъ; но пѣніе Ипаліанское имъ кажется холоднымъ, безчувственнымъ бореніемъ голоса съ трудностями нотъ, и ничего не говоритъ ихъ спрашямъ. Припишемъ это папріотической привязанности Мусульманъ къ народнымъ своимъ мелодіямъ, но если нѣсколько привыкнете къ ихъ пѣнію, оно

можешъ поправиться преобладающимъ въ немъ чувствомъ унынія и грусти. Въ этомъ я убѣдился въ ночь проведенную мною въ Скупари; мой сонъ былъ пріятно прерванъ полуночнымъ пѣніемъ муэзима, какъ гармоническимъ сновидѣніемъ; въ немъ выражалось какое-то меланхолическое, шамисхенное благоговѣніе, которое казалось шоржешвеннымъ изліяніемъ чувствъ чловѣка среди безмолвія ночи, одѣшой всей прелестію ^{чу}ткѣ, подъ темною синевою безлуннаго неба, при мерцаніи звѣздъ, шускло отраженныхъ въ морѣ, которое не спруилось дыханіемъ въпра и не возмущалось кайками. Я дышалъ шеплымъ воздухомъ благодашной ночи юга, и изъ моего окна искалъ глазами шамисхеннаго пѣвца; онъ былъ невидимъ; одинъ только минаретъ сомнительно рисовался въ сумракъ исполнскою шѣнію, отъ коей лился воздушный концертъ молишвы; это неусыпный часовой, спонцій надъ усыпленнымъ городомъ, чшобы ночью молился за него, а днемъ повпоряшь смершнымъ свое завѣшное *слушай*, напоминающее о небѣ среди заботъ и преволненій жизни.

Возвратимся къ почтеннымъ посшямъ Абдаллахъ-эфендія; отъ любовныхъ пѣсень муэзима

разчувшвовалось все общество; мудрый хозяинъ для пріятнаго развлеченія поспѣшилъ открывать предспавленіе карагѣза. Уже наспунила ночь. Дюжій Армянинъ съ двумя помощниками усѣлся на полъ въ одномъ изъ угловъ комнашы; развѣсилъ предъ собою занавѣсъ изъ бѣлой пресыны, и послѣ нѣкоторыхъ пригошвленій за занавѣсью зажглись свѣчи, а оспальная комнаша покрылась шемною. Тогда началось грубое предспавленіе Кишайскихъ пріемей: на проспѣнѣ показались шѣни фигуръ, уродливо вырѣзанныхъ изъ картона и управляемыхъ Армянскимъ арписпомъ. Конспаншинопольскіе Армяне, самые шяжелые изъ подданныхъ Султана, исключительно занимающаися искусствами, служащими къ пріятному препровожденію времени и къ развлеченію правовѣрныхъ общества; они обучающъ ченки, играющъ карагѣза и служатъ *пешманами* или шушами; кто-шо замѣшилъ, что они способны къ шушовспву пошому собственено, что надо самому не смѣяться, чтобы смѣшались другихъ. Нашъ Армянинъ вывелъ на сцену при главныя дѣйствующія лица: красавицу, карагеза и хаджи-айвапа; два послѣднія соопшвѣшспвуютъ Арлекину и Піеро національ-

ныхъ предсавленій Ишалиянцевъ. Арписпъ перемвняя голось говорилъ за всѣ свои лица; по красавица *Дуду* показывалась у окошка, и дѣлала глазки карагезу, по хаджи-айвапъ хриплымъ голосомъ пѣлъ ей свою любовь и подсымалъ къ ней горбашую спаруху, по карагезъ подшучивалъ надъ соперникомъ. Варварскій цинизмъ эшой пѣсы, и въ содержаніи и въ разговорѣ и въ различныхъ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, превосходилъ всякую мѣру. Зришели были внѣ себя ошъ восхищенія; османлы, кошорые предъ шѣмъ шолько спонали и рыдали ошъ любовной пѣсни, шеперь во все горло хохопали ошъ грубыхъ неблагоприспойности карагеза. Невозможно согласишь писанной нравспвенности эшого народа, имѣющаго особенное уложеніе о благоприспойности и приличіи, со вкусомъ его къ подобнымъ зрѣлищамъ. Но если и въ шомъ народѣ, въ кошоромъ образованіе было шакъ обильно разлишѣ по всѣмъ классамъ, опчужденіе женщинъ лишало общеспво шой спрогой разборчивости вкуса и приличія, кошорая составляетъ лучшую черпу новѣйшаго образованія — по чего ожидашь ошъ бесѣды правовърныхъ и ошъ ихъ увеселеній?

Замѣтимъ здѣсь особенную черту карагеба, попому что карагезъ есть народный Мусульманскій водевиль, и въ немъ отражается народный характеръ и современная полишика. После натихъ его цинизмовъ ничто пакъ не возбуждало всеобщаго веселія, какъ инья двусмысленности касашелью преобразованій, насмѣшки надъ переменами коспомовъ и косвенные саркасы надъ извѣстными лицами Дивана. Карагезъ всегда игралъ важную ролю въ Сшамбульской полишикѣ, вмѣшивался въ дѣла Дивана, даже въ шайны Серала, и его шѣни нерѣдко представляли каррикатуру совѣщаній Пашей, и даже домашнюю жизнь и гаремныя интриги Султановъ. Онъ часно дѣлался орудіемъ недовольныхъ, и въ рукахъ Янычаръ служилъ для направленія общественнаго мнѣнія; словомъ сказать карагезъ въ Константинополь по же самое что журналы въ Парижѣ. Махмудъ запретилъ публичные его представленія въ кофейныхъ домахъ, гдѣ праздные звѣжи проводили большую часть своей жизни. Карагезъ упалъ при новомъ порядкѣ вещей; лучшіе артисты пріяли холодную ванну Босфора; шеперь только ирѣдка можно видѣть его фарсы, и то въ домахъ частн-

ныхъ людей въ Скушари, котораго Азіяшскій характеръ лучше сохраняется на Азіяшской землѣ, и въ которъи укрываются старыя османлы опъ повѣстрія Спамбульскихъ преобразованій; вѣрные обычаямъ и вкусамъ своихъ опцевъ, они съ благоговѣніемъ живутъ въ шѣни кипарисовъ безконечнаго кладбища, въ коемъ уснули прежнія поколѣнія.

Такимъ образомъ праздновалась свадьба молодого офицера въ *Селамикль*, или мужской половинѣ дома; женщины съ своей стороны дѣлали поже въ гаремъ; у нихъ были шанцовщицы и пѣвицы и всѣ удовольствія въ женскомъ родѣ; но главный ихъ семейный праздникъ и лучшее препровожденіе времени были наканунѣ въ банѣ, гдѣ онѣ провели цѣлый день. Опправление невѣсшы въ баню наканунѣ брака — эшо первое шоржешшо въ гаремъ; оно называется *кинна-геджессы*, ш. е. кинное сходбище, пошому что и невѣспа и всѣ ея подруги должны выкрасить ногши красно-желшою краскою, которая называется *кинна*, и въ весьма большомъ употребленіи въ гаремахъ. Впрочемъ я забылъ, что будешъ крайне оскорбительно для почшеннаго Абдаллахъ-эфендія, если я спану говоришь здѣсь о

его гаремъ; и пакъ какъ онъ не приглашалъ меня переступить завѣсный его порогъ, и не общалъ мнѣ о происходившемъ въ немъ, по во- все неприлично поднимаешь шайнспвенную его завѣсу.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СТР.

ГЛАВА I. Прощаніе съ Архипелагомъ. — Троянское поле. — Милорды. — Скамандръ и жашва. — Аиспы. — Фоншаны. — Миеологія водъ. — Визитъ Дарданельскому Паши. — Привѣтствіе мира. — Вечерняя молишва. — Ерьс воровъ. — Потѣдка въ седьмое небо. — Мусульманскій богословъ. — Евреи. — Геллеспоншъ. — Гомеръ и Данше. 1

ГЛАВА II. Плаваніе по Геллеспоншу. — Замѣчаніе Англичанина. — Дорога завоеваній. — Музей и Байронъ. — Оргіи и ослы Лампсака. — Капаланы и подвиги женщинъ. — Аргонавты. — Гробница Аннибала. — Селиврея. — Первый видъ Константинополя и приспанъ мерпшецовъ. — Башня Сераскира. — Сераль и кипарисы. — Босфоръ. — Румели-Иссаръ. — Ночная казнь . . . 21

ГЛАВА III. Отправленіе Русскаго флота и войска изъ Босфора. — Два Ибрагима и Мехмедъ-Алія. — Рекруты и верблюды. — Памятникъ нашего лагеря. — Праздникъ, балъ и рассказы. — Встрѣча съ Махмудомъ. — Переѣзды въ его наружности. — Александръ Грозный. — Его взглядъ. — Коспюмъ. — Эпикешъ плащей. — Успѣхи моды. — Наслѣдникъ Махмуда. — Просьбы. — Рѣчь имама. — Дочери Махмуда. — Разлука съ супругами. — Судьба Османова племени. — Рышешка. — Султанское стремя. — Воспишаніе и юность Махмуда. — Селимъ. — Мустафа. — Мустафа-Байракшаръ. — Первое ушро. — Кровопротія и пожаръ. — Твердосъ Султана. — Чудесныя преданія 36

ГЛАВА IV. Начало преобразованій. — Очеркъ исторіи Янычаръ. — Хаджи-Бекшашъ и дервиши. — Обрядъ по-

ХVIII

СТР.

боевъ. — Дисциплина Янычаръ. — Ихъ буншы. — Ихъ присяга и селамъ. — Привиллегіи и угнѣшенія. — Султанскія ласки. — Предусмотрительность Махмуда. — Поединки. — Гербы и Кошлы. — Торжественный выносъ пилава. 69

ГЛАВА V. Левенды и Калюнджи. — Низамъ-джедипъ. — Халепъ-Эфенди. — Просьба Янычаръ. — Смерть Халеша. — Его жена. — Аллеи изъ разбойниковъ. — Первое совѣщаніе. — Рѣчь Визиря и ешевы Мушшя. — Положеніе объ эшкенджи. — Хашшерифъ. — Низамъ-ашпикъ. — Раздача оружія. — Ученіе. — Опрокинутые кошлы. — Неисповѣстна Янычаръ. — Спокойствіе Сулшана. — Вельможи и распорядженія. — Магомешово знямя. — Сила прерасудковъ. — Глупость Янычаръ. — Молишвы и ашшака. — Аршилмерійскій офицеръ. — Мясная площадь и побойще. — Трупы. — Плашанъ и пѣсня. 94

ГЛАВА VI. Уничтоженіе Янычаръ. — Милосши. — Серальскій лагерь и конклавъ. — Улемы. — Сераскиръ. — Вода Апрельскаго дождя. — Великолѣпіе Махмуда. — Спарыя одалыки и побѣдоносныя Магомешовы войска. — Трупы въ заливъ. — Янычарскія жены. — Еще казни. — Государственныя исторіографы. — Обвиненія Янычаръ. — Анекдоты. — Негодованіе и проклятіе. 124

ГЛАВА VII. Ссылки. — Прогулки Гуссейна. — Ссылки собакъ. — Астрологи. — Дервиши Бекпаша. — Ихъ обряды. — Шаманства и палисманы. — Ожиданіе Мегдія. — Видимость Халифа. — Дервишская шапка. — Казнь дервишей. — Фонари. — Пожаръ. — Заговоръ. — Новыя казни. — Любопытный фирманъ. 141

ГЛАВА VIII. Законы лагеря. — Конфискаціи. — Подача изъ сосраданія. — Наслѣдство Султанскихъ чиновниковъ. — Позволительность лихонимства. — Дузоглу. — Новое кругообращеніе капиталовъ. — Предвѣчная казна. — Добродѣтельный Еврей. — Вакуфы. — Мусульманскія индულгенціи. — Союзмы. — Пользгосударства собственности неба. — Слѣдствія благотворительности. — За-

XIX

СТР.

дашокъ вѣчнаго кейфа. — Табачное знакомство. — Лондонскіе парикмахеры. — Систематическое нищенство. — Оштрафованные встрѣчи. — Великолѣпныя больницы безъ врачей. — Жареные соловьи. — Подтверженіе должностей. — Право смершной казни. 153

ГЛАВА IX. Предназначеніе Махмуда. — Чудесныя признаки. — Фанатизмъ. — Сила спарини. — Замѣчаніе Ле-ди Монтегю. — Астрологи и пѣшухи. — Толки о Махмудѣ. — Спашьи журналовъ. — Характеръ и образованность Султана. — Его почерки и слогъ. — Липерапори. — Эмаль. — Спрѣвляніе изъ лука. — Воспоминанія Окъ-Мейдана. — Джеридъ. — Паршіи двора и древнія распри гипподрома. — Пляска Наядъ. — Волненіе гарема. — Маневры и объѣды. — Неизмѣнный фейерверкъ. — Принятіе Баварскаго Принца. — Законы на покрой плащей. — Запрещеніе прогулокъ. — Анекдотъ объ Абдуль-Хамидѣ. — Казни требуемыя эшикешомъ 194

ГЛАВА X. Верховный Визирь. — Его немилость. — Хозрефъ-Паша. — Его наружность. — Его жизнь. — Средство возстановлять репутацию. — Полицейская мѣра. — Любезность Хозрефа. — Его страсти. — Сшаринная хитрость. — Кюскъ. — Ахметъ-Паша. — Вьюкъ шубъ и кафшановъ. — Халиль-Паша. — Его мундиръ. — Капишанъ-Паша. — Казнь жены. — Вооруженіе флота. — Рѣпа и капуста. — Земля и море. — Американскій инженеръ. — Неудача Англійскихъ офицеровъ. — Презрѣніе къ нимъ Турокъ. — Забавныя черты морской шактики. — Колдовство. — Флоты Турецкій и Египетскій. — Регулярное войско. — Кавалерія. — Запрудненія съделъ и спременъ. — Сшамбульскіе дяди, прежніе и нынѣшніе. — Чины. — Тѣлесныя наказанія офицеровъ и Пашей. — Арпиллерія. — Ученіе въ долинѣ прѣсныхъ водъ. — Лошадки. — Ушопленница 194

ГЛАВА XI. Турчанки. — Покрывала. — Кокешство глазъ. — Спрогосъ Пророка. — Ночная сцена. — Добродѣтели женщинъ. — Ихъ вольнодумство. — Любовь и ревность. —

XX

СТР.

Многоженство. — Бракъ. — Разводъ. — Опасность взгляда. — Воспитаніе Султаншъ. — Сестра Махмуда. — Непонятіе романовъ. — Коробочное объясненіе въ любви. — Случай. — Маперивское чувство. — Дисциплина гаремовъ. — Серальскій пансіонъ. — Жизнь одалыкъ. — Ихъ забавы. 224

ГЛАВА XII. Свадьба. — Абдаллахъ-Эфенди. — Необходимость шрубки. — Ловкость и воспитаніе молодого Турка. — Французы любители Турецкой бесѣды. — Розы. — Неудобство шпоръ въ Турціи. — Выборъ шпоръ. — Досада старыхъ Турокъ. — Ходжа. — Разказы о Пешербургъ. — Талисманы извозчиковъ. — Фарфоровый Кипаецъ. — Мысліе Турокъ о Парламентшъ. — Патриотизмъ Азіятцевъ. — Сани и кайки. — Должность солнца. — Счастливыя ночи и гаспрономическія ночи. — Менекраповскій пиръ. — Обѣдъ. — Представитель невѣсты. — Мусульманская любезность. — Вино и шербетъ. — Пилавъ. — Посуда. — Турецкій балетъ. — Чевки. — Бахчишъ. — Мыслія ходжи. — Пивіе. — Выгода слѣпошы. — Спраспи и лѣша. — Ночь въ Скушари. — Минарешъ. — Турецкій водевилъ. — Его наглоспи. — Гаремъ и крашеніе ногшей . . . 242

ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА БАЗИЛЕ.

Le seul moyen de voir un pays
tel qu'il est, c'est de le voir
avec ses traditions et ses sou-
venirs.

Chateaubriand.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 16 Ноября, 1835 года.

Цензоръ *Петръ Корсаковъ.*

иъ
ду

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

- стр.
- ГЛАВА I.** Приличивость лвин. — Очеркъ Леванта. — Песчароша. — Древній Грекъ и современный Ишадлинецъ. — Неоприятность. — Слѣва: Генуэзецъ — Судьба Кесарей. — Сѣлка и шабакъ. — Оспрогъ и картина Гонла. — Спаросъ и коность. — Албанцы. — Архивскрашя въ оспрогъ. Релиція и прозелитизмъ. 1
- ГЛАВА II.** Рѣшимость. — Приспашъ. — Преобразование Турецкихъ головъ. — Археологическія погрѣшности Турокъ. — Посуда, оружіе и надгробный камень. — Табачная промышленность и народное сочувствіе. — Очеркъ базаровъ. — Дерзость Турчанокъ. — Маленькіе фанатики и урокъ благочинія. — Книги и богословскія прѣнія. — Судьба шипографин и манифестъ о ней. — Силлогизмъ улемъ. — Государственная газетша. — Бумага. — Сабля, ножъ палача и книжалъ. — Кабалвиническая надпись. — Ханы. — Экипажи. — Разносчики и закодированный шкапъ. 19
- ГЛАВА III.** Невольничій рынокъ. — Арапы. — Женщины въ клѣткахъ. — Возвышеніе цѣвъ. — Греческія пѣвницы. — Впечатлѣнія двѣшства и религій. — Ангелика. — Ея приключенія. — Черешечки и ихъ надежды. — Нѣжность купцевъ. — Кавказская красота. — Происхожденіе Турецкихъ вельможъ. — Евнухъ полководецъ и евнухъ въ Сенапъ. — Рабство въ Турціи и его преимущества. . . . 48
- ГЛАВА IV.** Выгоды сумасшествія. — Воспороженный деришъ и ругательства. — Излеченіе безумія побоями. — Безуміе ожиданія, безуміе логики и безуміе вора. — На-

ходка для черепослововъ. — Опасность двухъ Султанить. — Народная черта въ безуміи. — Лиціи и шюрмы. — Арменепическое правосудіе. — Тюремная промышленность. — Съезные припасы. — Улучшенія хлѣбниковъ. — Привилегированныя казни. — Ступка для Улемъ, и преданіе о ней. — Пыпки. — Живосць Турецкаго правосудія. — Балконы-висѣльцы. — Слѣды прогулокъ. . . 89

ГЛАВА V. Тюрьма преданная проклятію. — Братья Мурузи и ихъ судьба. — Географическія познанія Турецкихъ Министровъ. — Фанатизмъ честности. — Рокосовъ и мачо. — Оружіе и столовые ножи. — Обвиненіе архидіакона. — Радости Пасхи, и Пасха 1821 года. — Патриархъ Григорій. — Его казнь. — Евреи. — Ихъ нестерпимость. — Тѣло Патриарха. — Эмираташи. — Ошибка Поршы. — Флотъ. 117

ГЛАВА VI. Четыре народа. — Взаимная ненависть. — Лютая спойнка. — Союзъ величій. — Упадокъ Фанатизма. — Патриархъ Константинъ. — Его соборъ и Греческія дѣржавы. — Типографія и посвященіе Музъ. — Армяне, военныя Англичане. — Религіозныя распри. — Голеніе Каполикъ. — Веронка Тенкиръ-Оглу и Князь Г***. — Ихъ приключенія. — Турецкій Кади. — Чары. — Столица Израіля. — Разказы объ Евреяхъ. — Книга Раббина. — Кладбище Евреевъ и долина Юсафата. . . . 145

ГЛАВА VII. Разряды Путешественниковъ. — Искатели приключеній. — Медики. — Медицина дервишей. — Докторъ Балъ. — Кривншельныя. — Медицина въ гаремахъ и язьки Турчакъ. — Приключенія двухъ мичмановъ. — Министръ медицины, и его вліяніе на полянку. — Анапомическія свидѣнія Турокъ. — Удивительный рыбакъ. 181

ГЛАВА VIII. Поприще искателей приключеній. — Калосо, пивоварня и Султанская лошадь. — Пера и ея населеніе и ея нація. — Каполики-изувтры и аббашъ Жаксонъ. — Лѣтніе вечера и кладбище. — Дервиши Мевлеви. — Ихъ религіозныя пляски. — Ихъ попойки. . . 215

III

СТР.

ГЛАВА IX. Спарина. — Сила воспоминаній. — Колонна Констанциана и геій искуссва въ плѣну. — Колонна дѣвы и предаіе. — Колонна въ Серагь. — Феодосіева колонна. — Спашуя Юстиніана и выставка головы. — Дворецъ Велиссарія. — Вуколеонъ и элегическое воспоминаніе. — Влахеры. — Богословское совѣщаніе. — Обувь Св. Софія и предаіе. — Архитектура религіи. — Торжество Юстиніана и послы св. Владимира. — Нагоша мечешей. — Теашральное освѣщеніе — Конь Магомета. 245

ГЛАВА X. Древніе храмы. — Гробъ Анны Комниной. — Зверинецъ, и леопарды защитники Визаншіи. — Арсеналь, Римскіе орлы и знамена Крестоносцевъ. — Церковь Крови. — Гипподромъ. — Обелискъ. — Дельфійская колонна. — Колонна Порфирогенета. — Венеціанскіе кони. — Мідныя спашун и ихъ судьба. — Воспоминанія. — Гладиаторъ. . . . . , 268

О Ч Е Р К И

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Г Л А В А I.

Приличность льви. — Очеркъ Леванта. — Пестроца. — Древній Грекъ и современный Италианецъ. — Неопрятность. — Стѣна Генуэзцевъ. — Судьба Кесарей. — Скука и табакъ. — Острогъ и картина Гоппа. — Старость и юность. — Албанцы. — Аристократія въ острогъ. — Религія и прозелетизмъ.

Есть Европейцы, которые живутъ по нѣскольку лѣтъ въ Перъ, и не рѣшаются переправиться чрезъ заливъ *золотога рога* и посѣтивъ Спамбуль. Царственные его холмы лежатъ предъ ними величественнымъ амфитеатромъ, широкіе куполы, башни и минареты вычашаютъ Мусульманскій городъ каменнымъ вы-

Часть II.

цемъ Цибеллы, и эта чудная мозаика мелкихъ и колоссальныхъ зданій, древнихъ спѣнь и водопроводовъ обросшихъ садами, массивныхъ базаровъ и легкихъ азіятскихъ дворцовъ, спелется предъ ними на необозримое пространство, и они каждое упрю любуются эшимъ видомъ съ высошы Перскаго холма, и съ истинно Турецкимъ безспрастїемъ не рѣшаются заглянуть въ паняшвенную внуспренность Сшамбула. Можеть быть воздухъ Воспока внушаетъ въ посьшпшпелей Воспочное равнодушїе ко всему, можеть быть Турецкое безспрастїе прилипчиво, какъ Турецкая чума. Удивительное явленїе! Европейцы въ Азіятскихъ городахъ почти всегда представляють чудныя крайности: или мечутся съ предприимчивоспїю и неушомимоспїю искашелей приключенїй, или предались глупой лѣни Азіятца. Въ Галашъ увидите песпрую толпу со всѣхъ концевъ Хрїспїянскаго Міра, кошорая съ меркантильной заботливоспїю на лицахъ, съ безпокойнымъ взоромъ, усталая шолпншя въ грязныхъ улицахъ, базарахъ и приспаняхъ, шепчешся на двадцати языкахъ штолпшворенїя, шоргуешся съ шкиперами, браншя съ факшорами, нагружаетъ, выгружаетъ съ какою шорсудорож-

ною шоропливостію, со всею мелочною дѣлательностію челоуѣка въ жишейскихъ его заботахъ. Эпа часть города сохраняешъ, во всей первоначальной песпоршъ своего древняго населенія, суешно предприимчивый духъ шорговыхъ республикъ Ипаліи. Эпо не Воспокъ, не Му-сульманскій городъ, а то что Европа назвала *Левантомъ*; — случайный сбродъ Ипаліянецвъ, Нѣмцевъ, Славянъ Адриатическаго залива, Грековъ съ Іоническихъ острововъ, Французовъ, Испанцевъ, Англичанъ, Шведовъ и Американцевъ; между ними исчезающъ почти коренные жише-ли Востока, или служащъ только для живописной обспановки разнонародныхъ группъ на все-мірной биржѣ Галапы. Потому что вся Гала-па, душная, темная, крикливая, предспавляешъ въ огромномъ размѣрѣ шорговую биржу, предъ ко-ею споящъ двѣ тысячи кораблей, подъ флагами всѣхъ возможныхъ цвѣшовъ, гошовые опшльпшъ во всѣ концы земнаго шара.

Я любилъ въ моемъ воображеніи сравнивать эшу карпину съ колоніями древняго Міра, рас-положенными на сихъ же берегахъ отъ Геллес-понша до Авриды. И въ тѣ вѣки какъ и те-перь не бы- суждено кореннымъ ихъ жише-

ламъ бытъ дѣйствовашельми собсвенной сво-
 ей промышленности. Здѣсь сходились народы
 предприимчивой Греціи, мореплаватели Фиикін,
 Кароагена и Сицилии съ народами внупренней
 Азии, на непрерывную ярмарку. Промышленный
 рой чужеземцевъ жужжалъ среди колоній на
 всѣхъ нарѣчіяхъ древняго міра; гармонической
 языкъ Іоніи сливался съ горшаннымъ выгово-
 ромъ Африки и съ языками Азіяскихъ племенъ;
 стога Аѳинянина красиво драпировалась среди
 яркихъ цвѣтовъ воспочныхъ костюмовъ; жи-
 вость Элленическихъ племенъ представляла ра-
 зительную противоположность съ наследствен-
 нымъ спокойствіемъ Азіянца; такъ и теперь
 въ базарахъ Галапы узнаете но быспрымъ шло-
 движеніемъ, по выразительности жестовъ, по
 разговору подобному речисашивамъ Италіян-
 ской оперы, жительства Неаполя или Венеціи, ког-
 да онъ, въ куршкѣ моряка, въ широкой соломен-
 ной шляпѣ, толкуеть, на испорченномъ нарѣчіи
 своего поэпического языка, о цѣнѣ сала и сель-
 дей съ тучнымъ Армянскимъ факторомъ, кошо-
 раго каменная недвижность представляеть ра-
 зительный контрастъ съ гримасной живоспійю
 Италіянца.

Не знаю впрочемъ были ли въ древности города энихъ колоній такъ неопрятны какъ нынѣшняя Галапа. Тѣсноша улицъ, которыя со времени взятія Конспантинополя не были ни перемощены ни вычищены, и безъ проливныхъ дождей были бы совершенно непроходимы, опшрашипельное зловоніе многихъ узкихъ переулковъ, за коими рѣжущъ барановъ, или выдѣлывающъ кожи, и среди коихъ расположились семьи собакъ кругомъ падины, длинный крикливый рынокъ, наваленный овощами, рыбою и грязною помятою народа — вопшь первалъ каршина васъ ожидающая, когда по прибытіи въ Конспантинополь ваша шлюбка причалитъ къ приспани Галапы, и ваше воображеніе, еще сохраняя роскошныя впечатлѣнія панорамы Сшамбула и Босфора, коею любовались съ палубы корабля, представитъ вамъ эшу спрану подобною плодамъ береговъ Мершваго Моря, прекраснымъ снаряжи — и наполненнымъ гадинами. Не одинъ путешественникъ, проходя въ первый разъ зловонную Галапу, опшь души жалѣлъ, зачѣмъ не присился съ эшою спраною послѣ перваго взгляда на нее съ корабля, и не уѣхалъ съ Босфора, какъ шопшь Англичанинъ, который бывъ преду-

вѣдомленъ о картинахъ ожидавшихъ его на берегу, остался безвыѣздно нѣсколько дней на корабль, въ ожиданіи попутнаго вѣтра, и поплылъ обратно, чтобы сохранить такимъ образомъ несравненное впечатлѣніе панорамы Константинополя и Босфора въ ея магическомъ совершенствѣ. Послѣ роскошнаго простора видовъ и картинъ, среди коихъ разгульно блуждали ваши взоры отъ пейзажа въ пейзажъ, отъ причудливой архитектуры кіосокъ, отъ свѣжести садовъ и отъ необъятныхъ мраморныхъ массъ мечетей въ дрожащее ихъ отраженіе въ волнахъ, и въ глубокой куполъ неба — вы спѣснены въ узкихъ улицахъ, ваше зрѣніе спадаетъ отъ пасмурнаго цвѣта уродливыхъ зданій, вашъ слухъ отъ крикливыхъ продавцевъ, и болѣе всего ваше дыханіе, ваше обоняніе отъ духоты, которая какъ зараза впиалась въ улицы Галапы. Всѣ ваши впечатлѣнія безжалостно убиши; вы хотите утѣшиться блестящимъ колоритомъ неизмѣннаго неба, и спросить: ужели это та самая страна, которую обѣгали недавно ваши очарованные взоры! — чтоже? — такъ какъ живительное дыханіе Босфорскихъ зефировъ не долетаетъ до этихъ мѣсяцъ, такъ какъ виды бере-

говъ и моря закрылись вѣшкими кучами домовъ въ извивистыхъ улицахъ, шакъ и небо заслони-лось высокими зданіями, и едва просвѣчивается его узкая полоса въ изломанной рамѣ широкихъ карнизовъ, далеко выдавшихся надъ домами.

Мѣспами среди домовъ показывается старинная крѣпостная стѣна, построенная Генуэзцами, и вы проходите подъ ворохами копорья никогда не запирающа. Она оспаея дряхлымъ, разорваннымъ памяшникомъ мореходной республики; въ одномъ изъ ея угловъ поднимается плѣзкая башня, на коей во времена владычества Генуи развивался ея алыи крестъ на супрошивъ устарѣлыхъ орловъ Византіи. Мѣспами стѣна совершенно развалилась; ея матеріялы послужили для построенія новыхъ домовъ и мечетей; каждая развалина, оспавленная какъ слѣдъ прешедшихъ народовъ, служитъ каменоломнею для народовъ заступившихъ ихъ мѣсто. Большою частію прилѣплены къ стѣнѣ въ обѣихъ сторонахъ дома, коихъ кровли составляютъ надъ нею песпрыи вѣнецъ.

Было время когда эша грязная, мерканшиль-ная Галапа, составлявшая вмѣстѣ съ холмомъ Перы XIII и послѣдній регионъ Константинополь-

ля, предписывала законы *Всемирной столицѣ*. Купеческое племя Генуэзцевъ и Венеціанъ успѣло выпросить, потомъ купить, потомъ завоевать привилегіи, копорыя давали имъ въ полное владѣніе эпо предмѣстіе. Правда, они признавали себя вассалами Императорской короны, такъ какъ Венеція вспарину признавала себя подъ безсильнымъ скипетромъ Кесарей; но когда ихъ метрополіи располагали судьбами Имперіи, повиновеніе коммерческихъ колоній соспояло въ пущихъ обрядахъ, коими могущеспвенное племя купцовъ льстило Византійской гордостии. Когда Михаилъ Палеологъ изгналъ изъ Константинополя Балдуина II, послѣдняго изъ Французскихъ Императоровъ дома Курпеней (1264), онъ, въ ознаменованіе своей признательности Генуэзцамъ, за оказанное ему пособіе, подарилъ имъ Галапу, разрушивъ прежде ея укрѣпленія. Въ эту эпоху глашатаи и возвѣщали народу, что одни Императорскіе эдикты внушали врагамъ Имперіи больше страха, нежели самыя многочисленныя войска; а Императоры искали золота у торговыхъ республикъ, и воиновъ для защиты престола — въ сбродѣ искашелей приключеній; для удовольствіи первыхъ — своихъ адчныхъ заимодав-

цевъ, они дарили и продавали участки своей Имперіи, и рвали лоскутья распадавшейся порфиры; а наемные пѣлохранители сами, какъ хищные звѣри, шерзали злополучную Имперію. Византійское щщеславіе ушщшалось призракoмъ древняго величія; Палеологъ шребоваль у Генуэзцевъ шолько, чшобы ихъ *Подеста*, или правитель колоніи назначенный опъ Республики, по прибышши въ Конспаннинополь дважды преклоняль колъно въ Аудіэнцъ-залъ, и попомъ цѣловаль руку и ногу Кесаря; сенаторы Генуэзскіе должны были соблюдать пошъ же обрядъ при своемъ предшавленіи, а Генуэзскіе корабли, проходя подъ окнами дворца, должны были привѣщспивовашъ восклицаніями.....*

Вскоръ попомъ ударили новыя шревоги, и междуособіе' двухъ Андрониковъ, коимъ воспользовались Венеціянцы, чшобы вмѣшашъ въ шапкія судьбы Имперіи, подало поводъ Генуэзцамъ обвестпи спѣною Галашу; шогда дерзoстшъ эшихъ купцевъ скшнула личину; они вели войну съ вѣч-

* Эшотъ любопытный шракташъ, кошорый болѣе говоритъ о сосшояшш Имперіи въ шу эпоху и о духъ Императоровъ, нежели цѣлые шомы комментарій, сохраненъ у Пахимера и у Грегораа.

ными своими соперниками Венеціанцами въ глазахъ Греческаго Императора, въ его столицѣ; однажды даже хотѣли арестовать самаго Императора за долги. Но нѣсколько Генуэзцевъ съ храбрымъ Джуспиніани были единственными представителями Христіанской Европы при великой драмѣ, копорая рѣшала судьбы Воспока.

Самыя историческія воспоминанія Галацы внушаютъ мрачное впечатлѣніе; я спѣшилъ на холмъ Перы, чтобы съ высоты его насладиться вновь видомъ Стамбула, копорый открылся моимъ усталымъ взорамъ въ рамѣ могильныхъ кипарисовъ и развалинъ, оспавленныхъ недавнимъ пожаромъ. Другихъ впечатлѣній я въ Перѣ не искалъ; лѣпшее пребываніе здѣсь наводитъ убійственную скуку; лучшее общество — Европейскія миссіи проводятъ лѣшо на Босфорѣ; оспаешся одинъ торгующій классъ; немногіе Европейцы поселенные здѣсь такъ свыклись съ празднымъ спокойствіемъ Азіяшца, такъ довольны вечернею прогулкою на кладбищѣ, что не чувствуютъ ни скуки ни лишенія общества. Когда я спрашивалъ: гдѣ вы проводите вечеръ? — всегдашній отвѣтъ былъ: просижу у себя, выкурю трубку табаку; и совѣщавали мнѣ дѣ-

лашь поже. Въ продолженіе немногихъ дней проведенныхъ мною въ Перть, послѣ долгихъ моихъ прогулокъ въ Сипамбуль и въ окрестностяхъ, я былъ въ необходимости довольствоваться однимъ вечернимъ развлеченіемъ шрубки, и какъ говоряшь Османлы «разгоняшь облако скуки облаками дыма».

Я осмошрѣлъ арсеналь, и за умѣренную плату получилъ позволеніе войти во внутренность адмиралтейскаго оспрога, объ которомъ носилъ въ Европѣ сполько ужасныхъ слуховъ. Мое воображеніе живо хранило еще мрачное описаніе эшихъ мѣстъ въ прекрасномъ романѣ Гоппа. Высокія спѣны, мрачные своды и башни, подземные ходы, и среди всего эшаго поражающій звукъ цѣпей и спонъ спрадальца — вопшь картина, оспавленная въ моей памяти но прочшеніи *Анастасія*, и шеперь получившая новую жизнь, когда я гоповился всшунить въ эпо жилище спраданія. Но вообразите себѣ спѣны, не многимъ выше того забора, чрезъ которъ въ дѣшшѣ случалось вамъ украдкою перепрыгнуть за грушами, деревянныя ворота, подъ ними на цыновкѣ нѣсколько грязныхъ солдатъ, пошомъ обширный дворъ, и въ немъ сошни двѣ пли три

пресшупниковъ. Не знаю что я почувствовалъ при видѣ эпои прозаической шюрмы, кошорая подала поводъ къ прекраснымъ описаніямъ Англійскаго романиста, и не спойшь ни одной изъ шюремъ оставленныхъ Венеціанцами въ крѣпостяхъ, и напоминающихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ пресширалось владычество республиканской инквизиціи, *свинцовые чердаки и колодцы* Св. Марка*. И здѣсь меня ожидали каршины несчастія, спраданія и порока, но онѣ не носили на себѣ печати поэтического ужаса.

Пресшупники употребляютъ въ арсенальскихъ работахъ; въ эпо время они гуляли, или лежа на солнцѣ ошдыхали. Всѣ были въ кандалахъ, и даже нѣкоторыя изъ нихъ связаны попарно тяжелыми и корошкими цѣпями; одинъ не могъ сдѣлать малѣйшаго движенія, не шревожа шоварища своихъ спраданій. Въ одной по-

* I riombi, i rozzi — такъ назывались шюрмы Инквизиціи; первыя были ничто иное какъ шѣсныя чердаки, покрышыя свинцомъ, въ кошорыхъ мучились заключенники ошъ солнечнаго зноя; вторыя — узкія, сырыя подземелья. Я видѣлъ подобныя шюрмы, въ кошорыхъ едва могъ помѣститься человекъ; въ гниломъ ихъ воздухѣ спраданія несчастныхъ оканчивались только съ жизнью. Были люди, кошорые прожили въ эпоихъ шюрмахъ 40 лѣтъ.

добной группѣ поразило меня соединеніе спарика, съ длинною бѣлою бородою, съ яснымъ лицомъ, цвѣшущимъ подъ румянцемъ здоровія, и съ взглядомъ, въ коемъ изображалась спокойная вѣра въ предопредѣленіе, презирающая всякое земное утѣшеніе, и молодаго спрадальца, измученнаго долгою неволею, одержимаго сильною лихорадкою, и убишаго подъ бременемъ своихъ спраданий нравственныхъ и физическихъ. Двѣ эпохи спрадальческой жизни сближались здѣсь между цѣпами въ разительной противоположности; старость въ самой неволѣ проявлялась во всей своей величественной красотѣ, исполненная жизни и утѣшенная вѣрою, а юность — изнеможенная, блѣдная, и лишенная даже поддержки мусульманскаго фашизма. Это были Янычары, осужденные кончить жизнь въ неволѣ адмиралшейскаго оспрога; почти половина преступниковъ принадлежала къ разрушенному оджаку. Большая часть изъ нихъ, казалось, свыклись съ новымъ родомъ жизни, и преспокойно курили шрубки; ибо въ Турціи нѣтъ мѣста, въ которое не проникла бы благодѣтельная выдумка дикихъ Американцевъ, для утѣшенія человѣчества.

Болѣ всѣхъ преступниковъ заключенныхъ въ острогъ меня поразили своими физиономіями Албанцы, посланные изъ Румелии Верховнымъ Визиремъ за бунты, и за то что не хотѣли промѣнять свою красивую фуспанелу, классическую драпировку Гомеровыхъ героевъ, на прозаическій костюмъ *Магометовыхъ побѣдоносныхъ воиновъ*. И въ кандалахъ силились они сохранить гордую поступь горцевъ; ихъ сухая улыбка напоминала воиновъ Аларика, привыкшихъ услаждать взоры видомъ областей усѣянныхъ развалинами.

Посреди острога поднимается старое, уродливое зданіе, въ которомъ проводятъ ночь преступники; верхній этажъ назначенъ для Музульманъ, нижній для другихъ народовъ подвластныхъ Порты; привилегированная нація и въ цѣпяхъ не распадется съ аристократическими своими припязаніями. — Черезъ все зданіе проходитъ узкій корридоръ; одно это мѣсто покрыто вѣчнымъ мракомъ, и внушаетъ нѣкошорый ужасъ, согласный съ впечатлѣніями шюрмы. Но этотъ корридоръ служишь рынкомъ, и въ его пошьямахъ при блѣдной лампадѣ, преступники покупають свои провизіи; правительство даетъ имъ по

фуншу хлѣба и по кружкѣ воды; часпныя подаванія и пособія, посылаемыя въ особенноспи Хриспіанамъ опгь ихъ церквей, доспавляющъ имъ средспва сущеспвованія; болѣе доспашочныы изъ нихъ могушъ за нѣсколькы паръ услаждашъ свою неволю чашкою Аравійскаго нексара.

Въ глубинѣ черной преспективы корридора падаешъ сомнишельная полоса свѣла, какъ лучъ надежды среди печалей и спраданій; шамъ укрылась небольшая Греческая церковь, и эпощъ свѣшъ — небесный свѣшъ шой религій, кошорая не покидаешъ несчастливца опчужденнаго опгь общеспва, и приносипъ ему свои чпсшыя ушѣшенія, и подкрѣпляетъ его вѣру, и внушаетъ ему лучшія надежды. Старый священникъ читалъ молишвы по усопшемъ; около сорока челоувкъ Грековъ, Албанцевъ, Босняковъ, Болгаръ — всѣхъ народовъ, соединенныхъ у олшара православнои Церкви и свлзанныхъ узамн нещаспія и неволи въ одно семейство, окружали гробъ почившаго спрадальца. Не знаю были ли эши люди преспупники — но предъ величіемъ скорби и молишвы я видѣлъ въ нихъ толькы спашо Хриспіанъ, и принялъ участіе въ ихъ молишвѣ. Я

говоришь попомъ съ священникомъ, копорому Греческій Пашріархъ ввѣрилъ, по собспвенному его вызову эшо высокое и испино Хрисианское мѣсто. Чшо можешъ быть прекраснѣе и благороднѣе самоопверженія челоуѣка, копорый рѣшился поселишья въ эшо жилище спраданія и порока, раздѣляшь неволю пресшупниковъ, бышь поспояннымъ свидѣтелемъ явленій, копорыя приводяшь васъ въ содроганіе при одномъ воспоминаніи, шерпѣшь ошъ варварспва и фанатизма Турецкой спражи — и эшо все безъ всякой земной цѣли, безъ всякаго земнаго возмездія! Такъ какъ въ полишическомъ мірѣ, въ эпохи народныхъ бѣдъ и скорбей, обыкновенно являющся великіе характеры и высокія призванія, шакъ и въ жизни народа, подлѣ каршины порока и спраданія, свѣщшся ушѣшишельная каршина добродѣтели.

Здѣсь и Каполики имѣли прежде свою капеллу; но духъ прозелитизма, одушевлявшій ихъ миссіонеровъ, нарушалъ даже могильное спокойствіе эшой шемницы, и Турки наконецъ ихъ выгнали. Турки не имѣють мечети въ оспрогѣ; чшо можешъ сказашь спрадальцу религія, Магомета? какое ушѣшеніе дашь челоуѣку, копорый

прежде всего долженъ вѣрнись, что часть его заключенія и его освобожденія, и все что опъ шерпнись давно начертаны въ книгъ судебъ, а онъ — одно слѣпое орудіе неизмѣннаго рока?

Если Адмиралпейскій оспрогъ обманываетъ ваши ожиданія въ отношеніи къ ужасу, за то съ другой стороны отвращительная неопрашность, царствующая во всѣхъ углахъ, превосходитъ всякое описаніе. Здѣсь свирѣпствуютъ многія болѣзни; я видѣлъ несчастныхъ, копорые въ сильномъ пароксизмѣ лежали въ грязи и грѣлись на солнцѣ, едва прикрывая лохмошьями свою наготу; многіе были заняты испребленіемъ гадннъ, копорыя ползали на живыхъ ихъ прупахъ; иные просягивали руку, прося подаанія; я просилъ священника раздашь нѣсколько серебряныхъ монешъ болѣе достойнымъ соспраданія между ними.

Адмиралпейскій оспрогъ замѣняетъ въ Констанцинополѣ ссылку на галеры; сюда посылающся преступники всѣхъ народовъ подвластныхъ Поршѣ, и даже Европейцы, въ особенношпи Италіанскіе моряки осужденные консулами своихъ націй; въ разномародной шолпѣ пресшупниковъ показывалось нѣсколько бродягъ въ кру-

глыхъ шляпахъ. Духовные Главы Грековъ, Армянъ и Евреевъ, облеченные въ Турціи и гражданскою власшію надъ своимъ шпадомъ, посылающъ также въ острогъ за важныя пресупленія, иногда на опредѣленное время, иногда на всю жизнь.

Г Л А В А П.

Рѣшимость. — Приспань — Преобразование Турецкихъ головъ. — Археологическія погрѣшности Турокъ. — Посуда, оружіе и надгробный камень. — Табачная промышленность и народное сочувствіе. — Очеркъ базаровъ. — Дерзость Турчанокъ. — Маленькіе фанатики и урокъ благочинія. — Книги и богословскія прѣнія. — Судьба типографіи и манифестъ о ней. — Силлогизмъ улемъ. — Государственная газетта. — Бумага. — Сабля, ножъ палача и кинжалъ. — Кавалистическая надпись. — Ханы. — Экипажи — Разнощики и заколдованный шкафъ.

Когда я намѣревался посѣпить базары Конспаншинополя, меня пугали опасеніями чумы. Она не свирѣпствовала въ эту эпоху въ Спамбуль опкрыто и разгульно, какъ въ прошедшемъ году, но опъ времени до времени неожиданно появлялась въ разныхъ кваршалахъ, и какъ шапъ поражала одинокія жертвы. — Я не намѣревался проспиться съ Конспаншинополемъ, не посѣпивши еще разъ шъ мѣста, кошорія при всѣхъ преобразованіяхъ Махмуда сохраняющъ еще свой Воспочный характеръ, среди коихъ въ обѣднѣвшей споліцѣ Турецкой Имперіи, видя оспашки ея спаринной азіяшской роскоши, вы можете вообразить себя на рынкѣ Багдаша и древней

Испагани. Припомъ въ Турціи надо непременно бышь фашалишпомъ; начиная ошь въспрѣчи съ гробомъ на улицъ до легкой головной боли—все будешъ васъ превожись и мучись, во всемъ будешъ являшься ужасающій призракъ смерти. И попому я, со всею рѣшимостію спараго Дервиша, съмъ въ кайкъ у Топханы, и вмѣстѣ съ Армяниномъ моимъ провожаемымъ опсправилъ ся къ приспани Бакче-Капысы, недалеко ошь Сераля. Эшо самая многолюдная изъ Спямбульскихъ приспаней; въ раннее ушро сюда причалишь въ взяпномъ кайкъ вельможа, идущій въ засѣданіе Дивана, и просишель съ челобитнею; Армянскій банкиръ, служащій въ монешномъ дворѣ, купецъ, кошорый провелъ ночь въ загородномъ домѣ и возвращаешся къ своимъ дневнымъ занятіямъ, призванный къ Поршѣ за консприбуціею или посланный въ шюрѣму опальный богачъ, и иногда Франкъ, кошорого привлекаешъ одно любопытство въ эшу разнохарактерную шолпу.

Впрочемъ если вы въ Европейскомъ плашьѣ, у приспани непременно привѣшспвуешъ васъ слово *Базирьянъ*, купецъ; попому чшо Турокъ никогда не поймешъ, чшобы изъ далекой земли Франковъ вы шли къ нему съ другою цѣлію,

кроме надежды обогатишься на щепь правоверных кармановъ; любопытство, которое бросаетъ Европейскаго путешественника въ раскаленные сени Африки, въ глушь Американскихъ лѣсовъ и въ спрану непающего льда, останется всегда непонятнымъ для Азіятца.

Первая вещь, которая поразила васъ въ шопъ на площади, между пристанію и крѣпостными вратами Бакче-Капысы, первая перемѣна преобразованнаго Спамбула ша, что вмѣсто безконечнаго разнообразія фаннашической чалмы, вмѣсто кавуковъ, коллаковъ, коллафовъ, по коимъ узнавались всѣ классы Спамбульскихъ жишелей, найдеше одни алые фесы подѣ шелковыми синими киспями. Не одни только военные, но всѣ сословія Спамбула кроме Улемъ должны были опказаться опѣ спариной чалмы, подѣ копрою согрѣвался фаннашизмъ правоверныхъ головъ; даже Греческіе и Армянскіе купцы разлучились съ своими огромными шапками въ видѣ пузырей изъ Крымскихъ барашекъ, и надѣли фесы. На одни головы Евреевъ еще не подулъ въшеръ преобразований.

Я опѣ души досадовалъ на эту спорону преобразований, копорья совершенно испортили

живописный эффектъ Шамбульскихъ головъ; было прежде до шестидесяти различныхъ образовъ ношенія причудливой чалмы; тонкая Английская кисея, узорчатые шкани Малой Азии и богатые шкани Кашемира — все служило для красивыхъ складокъ и граціозныхъ круговъ на головѣ правобѣрнаго; яркіе ихъ цвѣта зашавили кого-то сравнить собраніе Музульманъ, когда на нихъ смоприте съ высокаго мѣста, съ цвѣтникомъ, въ коемъ рука садовника небрежно разбросила весь богатства Флоры. Теперь удачно сравниваютъ шолпу Мусульманъ, подъ красными фесами и синими кисьями, съ полемъ усьяннымъ василькомъ и краснымъ макомъ. Не знаю останешся ли на всегда этою досадной фесъ единственнымъ головнымъ уборомъ въ Турціи; но, не говоря уже о томъ, что онъ некрасивъ для фронта и портитъ введенный Султаномъ костюмъ, онъ не можетъ полюбиться Туркамъ болѣе всего потому что въ странѣ, гдѣ лучи солнца падаютъ почти вертикально на голову, онъ не предохраняетъ зрѣнія; а на шаринныхъ чалмахъ въ пору лѣтняго зноя прибавлялись складки, и составляли родъ козырка. Говорятъ даже, что самъ Султанъ въ 1828 году, когда

былъ занявъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду войсками въ лагерь въ Даушъ-Паша, гдѣ во время войны съ Россією спояло знамя Пророка, сильно страдалъ главною болью. Но онъ въ швердомъ намѣреніи преобразовать свой народъ, началъ съ его головъ, или лучше сказать съ головныхъ уборовъ; злые языки даже говорящъ, что пока мѣстъ преобразование большей части Турецкихъ головъ ограничилось фесомъ; можешь бышь это пошому что и шеперь подъ фесомъ, какъ прежде подъ чалмою, скрывается бришая голова, съ однимъ шолько клочкомъ волосъ посрединѣ, немногихъ волосъ, копорые Мусульманину всего дороже, пошому что за нихъ ангелъ смерти долженъ попаципъ его въ Магомешовъ рай.

Бакче-Капысы, или садовыя воропа, назывались во время Греческой Имперіи *прекрасными вратами*; и шеперь въ нихъ проглядываетъ спаринная ихъ красота, хопя Турецкія надписи ихъ покрываютъ. Турки весьма мало свѣдуци въ Археологіи, и безъ зазрѣнія совѣспи на памятникъ другаго народа часно выславляютъ какой нибудь годъ своего лѣтосчисленія, какую нибудь надпись изъ своего корана, имя какого нибудь Сулпана; я опъ души прощаю имъ эти

оскорбленіе святыни, каждый разъ, когда оно выкупаешся живописнымъ эффектомъ мрамора и позлопы. Недалеко опть воропъ, въ уютномъ баливъ, спояшъ парадныя шлюбки Серала; красивыя ихъ формы и роскошныя убранства, зеленый кіоскъ на берегу, огромный мраморный фонпанъ, мавришанской архипекшуры, попомъ набережная Серала и дряхлыя спъны Конспанпинополя — все это соединилось въ одну очаровательную каршину.

За ворошами самая многолюдная часпъ города и ценспрь Спамбульской шорговли; все роды Спамбульской промышленности соединились въ шпъсныхъ улицахъ, копорыя выюпся между домовъ, прилпленныхъ къ спънъ, и длинныхъ рядовъ деревянныхъ лавокъ, или ползаюпъ по скапшу первого холма Конспанпинополя до Гипподрома. Въ огромномъ дворъ каменщики изскаюпъ изъ блага мрамора памяшники различныхъ формъ для Мусульманскаго кладбища, вырзываютъ надписи и узоры, и покрываютъ позолопюю; далъе оружейные маспера гнунтъ въ дугу Дамасскую саблю, и выдълываютъ перламушпровыя и серебряныя украшения на Турецкихъ пищолесахъ; далъе производяпся шумныя рабо-

пы мѣдной посуды. Здѣсь вся жизнь въ прехъ карпинахъ: средства кормишь людей, ихъ убиваешь и камни для ихъ гроба. Спукъ молота о, мѣдь, о сталь, о камень, слился въ оглушающій концертъ; и не смотря на то, что въ Спамбуль нѣтъ ни экипажей ни колоколовъ, но спеченіе сполькихъ шумныхъ промышленостей почти замѣняетъ колокольні Христіанскаго міра, и мостовыя Европейскихъ столицъ.

Но я забылъ упомянуть о другомъ родѣ работъ; онѣ не оглушаютъ васъ; онѣ не наводятъ ни шраурагна впечатлѣнія надгробныхъ камней, ни кровавыхъ впечатлѣній Азіяшскаго оружія, ни гастрономическихъ идей Мусульманской кухни. Онѣ напоминаютъ вамъ только услажденіе Турецкаго кейфа и его воспорженную лѣнь; потому-то эти работы производятся тихо, людьми, которыхъ можете принять за Восточныхъ мудрецовъ, смотря на спокойствіе ихъ фізіономіи, на старинные ихъ костюмы, на длинный рядъ лавочекъ, въ коихъ сидятъ они съ очками сжимающими ихъ носы, сложивъ ноги и сгорбившись въ недвижную дугу, и въ пространствѣ двухъ квадрашныхъ аршинъ помѣстились со всею своею шорговлею со всѣми инструментами сво-

его миролюбиваго занятія. Вы безъ сомнѣнія угадали, что эши мудрецы заняты выдѣльваніемъ яншарныхъ мушпуковъ, прубокъ изъ черешневыхъ и жасминныхъ простей и всѣхъ принадлежностей дымныхъ наслажденій Турка. Это самая цвѣтущая промышленность Стамбула; ей вся природа плапшитъ дань своихъ произведеній: волны усердно выносятъ сокровище морскаго дна — лимонный или молочный яншаръ для мушпуковъ; кораллы южныхъ морей и алмазы Калькушы служатъ для ихъ украшеній; черешня и жасминъ Алепа доспавляютъ садовнику прямыя и гладкія просни, копорыя Армянскимъ художникомъ невидимо связываются въ ариспокрапически длинныя чубуки, или покрываются чехломъ изъ шонкой шелковой пкани, съ шелковыми кишями; глина Богеміи и Венгріи обращается въ прубки безконечно разнообразныхъ формъ, копорыя подъ блестящею позолошою издають облака дыма, какъ языческіе олшари; самый шабакъ, эшо невинное жершвоприношеніе, эшопъ предметъ лучшихъ думъ и лучшихъ наслажденій Стамбула, провзрастаетъ обильно въ поляхъ Фессаліи и Малой Азіи, и нигдѣ въ спаромъ свѣпъ не бываетъ споль хорошихъ качествъ.

Присоедините къ этому неоцѣненное искусство Стамбульскихъ аршисовъ, вкусъ, съ которымъ выдѣлываютъ они янтарь въ самыя счастливыя формы, числоту ихъ работы, даже въ эмали, копорая ни въ какомъ другомъ издѣліи не усовершенствована до такой степени въ Турціи, и вы увидите что и Природа и чловкъ соединили свои усилія, чтобы усовершенствовать эпошъ инструментъ Турецкаго благополучія. Можеть быть это доказываетъ, что безъ народнаго сочувствія ни одна отрасль промышленности не можеть достигнуть высокаго развитія. Издревле Англія усовершенствовала свой любимый напитокъ портеръ, Голландія джинъ, Испалія соломенные шляпы—эти воздушные щиты отъ снрѣль пропическаго солнца, а Россія мѣха, какъ панцыри въ настойчивой борьбѣ богатырскаго народа съ дыханіемъ злыхъ колдуновъ, засѣвшихъ подъ полюсомъ; весьма естественено что Турки занялись усовершенствованіемъ курительныхъ потребностей, какъ перваго условія своего счастья.

Пожары, случившіеся въ началѣ царствованія Махмуда, и повпорившіеся въ началѣ его преобразованій, обратили въ пепель эту часпъ го-

рода; многіе базары сгорѣли со всѣми прихопями воспочной роскоши; купцы успѣли выспроишься вновь; жизнь и дѣятельность эпохи чапши города давно уже сперли слѣды пламени. Я посѣдилъ безсметнь и другіе богашые базары. Эпо огромныя каменные зданія, иногда весьма счастливой архипекшуры, причудливой, самобышной, съ легкими порпиками съ широкими куполами, но большею частію массивныя и шяжелыя. Хопя я нашель базары въ эту эпоху гораздо бѣдѣе нежели въ спарые годы, но подѣ широкимъ куполомъ, при слабомъ освѣщеніи чрезѣ ошверспіе продѣланное въ немъ, выспавка дорогихъ шоваровъ имѣетъ чшо-шо очароващельное. Персидскія шали, Сибирскіе мѣха, Кипайскій фарфоръ, драгоцѣнные камни Индіи, коралы Африки, перлы Персидскаго залива, лншарь Пруссіи, дорогое Турецкое оружіе, воспочныя издѣлія изъ золопа и серебра, ковры и шкани Малой Азіи, богашые спаринные костюмы—все эпо или перемѣшанное, или расположенное системапическими группами, со всѣмъ умѣніемъ купца привлекаетъ ваши взоры, производишь самый живописный эффектъ. Яркость и блескъ красокъ напоминаетъ вамъ Воспокъ »штысячи од-

ной ночи, « Воспокъ вашихъ дѣпскихъ фантазій.

Здѣсь всегда толпа посьшипелѣй и покупашелей; въ пѣсношѣ любяшъ прогуливашъся шакже группы Турчанокъ, между коими должно проходитьъ очень оспорожно, чшобы не навлечь на себя гнѣва прекрасныхъ посьшипельницъ; случается иногда, чшо среди базарнаго многолюдія не шолько разбраняшъ, но даже и поколошашъ весьма исправно франка, кошорый неучпиво ихъ шолкнепъ; эши воспочныя дамы весьма сердпшаго нрава, и если шерпяшъ униженіе въ правовѣрномъ общеспвѣ, но знаютъ свои права и свою неприкосновенность. Должно впрочемъ согласпшъся въ шомъ, чшо вообще Сшамбульскій народъ спалъ гораздо учпивѣе послѣ Султанскихъ преобразованій, и горзздо лучше обходпшъся съ франками и въ частной бесѣдѣ и на улицахъ, особенно послѣ Забалканской войны. Во всѣхъ моихъ прогулкахъ по Сшамбулу ни разу не случилось мнѣ слышашъ за собою эпшпешы *гяуръ*, *френкъ-кшопекъ* (п. е. франкская собака), и другія еще болѣе выразпшельныя учпшшности, кошорыя еще недавно навлекала на себя во вшупреннихъ кваршалахъ горба, круглая шляпа

Европейца. Однажды даже встрѣчилась мнѣ полпа маленькихъ фанашиковъ, которые возвращались изъ школы; одинъ изъ нихъ вздумалъ поспаринному обыкновенію, которое сохранилось еще въ провинціяхъ, въ деревняхъ, бросить на меня камнемъ, но проходящій Турецкій офицеръ спалъ, послѣ урока о благонравіи сараго ходжи, давалъ ему на улицѣ чувствительный урокъ благочинія, доколь мое посредничество не избавило маленькаго Османлы.

Такъ какъ многіе базары открыты только въ извѣстное время, торговля производится въ нихъ съ необыкновенною дѣятельностью и шумомъ; въ каждомъ углу купецъ хвалитъ громко свои товары; на иной эспрадѣ стоишь Турокъ въ шапальной позѣ въ шапальномъ костюмѣ, держитъ въ рукѣ, кинжалъ, и чтобы вы не подумали что это герой какой-нибудь трагедіи — онъ предлагаетъ вамъ его купить. Такъ какъ шумъ мѣталлическихъ и мраморныхъ работъ оглушилъ меня прежде, такъ въ эшихъ базарахъ разговоры, крики, споры нѣсколькихъ тысячъ людей сливались въ упоминательное жужжаніе; при этомъ воздухъ здѣсь упитанъ любимымъ ароматомъ Турціи, розовымъ

масломъ, кошораго птяжелый запахъ спрудно перенести безъ головной боли.

Для опдохновенія я посъвилъ базаръ книгъ и рукописей; эшо обласпъ науки и молчанія; писцы, сидя на эспрадахъ лавочекъ, съ благоговѣнїемъ писали копіи корана; другіе вырисовывали красными чернилами заглавія, другіе спудились надъ узорчашпыми надписями, и для всѣхъ эшихъ работъ правое колено служило единспвеннымъ письменнымъ сполникомъ.

Вспарину франкамъ не былъ позволенъ входъ въ эшо святилище науки, чпобы нечеспивые ихъ взгляды не оскорбили свяшоспи коллекцій корана. И въ чиспомъ деизмъ Магомешова ученія, его послѣдовашели не совсѣмъ освободились опъ древняго идолопоклонспва, и оно сосредошчилось въ пошипаніи книги, кошорой листы были предвѣчно писаны въ небъ; въ XVII вѣкѣ еще происходили въ Сшамбуль богословскіе споры о нерукосопворенности ея, и кровавья преслѣдованія, казалось, возобновили въ плѣнной сполницѣ Хриспїанскихъ Имперашоровъ эпоху иконокластповъ*. Но Исламизмъ во многомъ опспалъ опъ

* Такое же языческое уваженіе пишашотъ Мусульмане къ слову *Аллахъ* и къ буквамъ его составляющимъ. Селїмъ I

прежнихъ спрогоспей; шеперь не шолько позволяешя входъ въ базаръ книгъ, но можеше даже купишь за нѣсколько сошь рублей полную коллекцію печатныхъ Турецкихъ книгъ, и даже *нерукоотворенный* коранъ, котораго рукописи соспавляютъ главный шоваръ эшаго рынка. Должно впрочемъ увѣдомишь чшашапеля, чшо число Турецкихъ книгъ весьма невелико, и чшобы вполне удовлетворишь его любопытшпству, я долженъ упомянушь о судьбѣ Гупшенбергова изобрѣшенія въ Турціи.

Какой шо ренегашъ, прозванный у Турокъ Басмаджи-Ибрагимъ, ш. е. печатникъ Ибрагимъ, предспавиль Ахмешу III проекшъ, въ кошоромъ онъ излагалъ выгоды книгопечатанія. Просвѣщенный Визиръ и Сулшанъ, оцѣнивъ всю пользу эшаго искусствва, должны были однакожь уважишь народные предразсудки, и подвергнушь дѣло рѣшенію Улемъ. Улемы не опыскали въ Коранѣ ни одного спиха запрещающаго книгопечатаніе, и пошому изъявили свое со-

хашпшерифомъ объявилъ народу, чшо онъ идешъ войною на Египетскаго Халифа для защиты вѣры, пошому чшо на Египетскихъ монешахъ было имя Аллаха, и эши монешы ходили по рукамъ невѣрныхъ, и бывали во всякихъ мѣспвахъ.

гласіе на введеніе его въ обласпъ правовѣрія, но полько съ шѣмъ, чшобы никогда не могли печашашься коранъ и книги религіи и законодательсшва; ибо, сказали они, будеть явнымъ оскорбленіемъ свяпыни, чшобы предвѣчныя слова корана и свяпыя изрѣченія Магомешанскаго закона опшлывались въ мешалль, шерлись нечиспоу краскою, и спрадали подь гнѣпомъ пшсковъ.

Основываясь на эшомъ заключеніи, Ахметь III издалъ весьма длинный Хапшшерифъ, въ кошоромъ изчислялъ всѣ выгоды письма, передающаго опъ поколѣнія въ поколѣніе великія испины Исламизма; говорилъ, попомъ о поперъ многихъ драгоцѣнныхъ рукописей древнихъ законниковъ, въ эпоху Чингисъ-Хана и изгнанія Магомешанъ изъ Испаніи, о шрудности распросшраншпъ и сдѣлашь доступными каждому сокровища науки и премудрости, кошорыя хранились въ рукописяхъ, и о несомнѣнной выгодѣ новаго способа получашь однимъ шрудомъ большое количество экземпляровъ, способа одобреннаго Улемами; онъ оканчивалъ благодареніемъ Аллаху, чшо его царшвованію была предназначена слава опкрышь подобное заведеніе, и заслужишь благословеніе правовѣрныхъ. Эшо была цѣлая диссер-

пація о книгопечатаніи; одно только не было упомянуто въ ней, что это изобрѣшеніе, служащее къ славі Исламизма, принадлежало глаурамъ, а это обспояшельство сдѣлало бы книгопечатаніе враждебнымъ въ умахъ народа.

Ренегатъ Ибрагимъ, начальникъ новаго заведенія, напечаталъ нѣсколько книгъ историческихъ и географическихъ и словари Арабскій и Персидскій; но со смертію его шипографія пришла въ упадокъ, попому что, послѣ сполькихъ лѣтъ шрудовъ его, не нашлось ни одного Турка, способнаго управляшь ею. Первое введеніе ея было въ 1727 году; она существовала восемнадцать лѣтъ.

Опець Махмуда Абдуль-Хамидъ, по побужденію своего Визиря, издалъ Хапшерифъ о возобновленіи забытаго книгопечатанія, и плодомъ усилій его было изданіе еще нѣсколькихъ книгъ. Со смертію Визиря шипографія опять пришла въ упадокъ. Она вошла попомъ въ число преобразованій Селима, и, какъ всѣ другіе его замыслы, была ниспровергнута Янычарскимъ бунномъ.

Изъ эшаго видно только, что всѣ улучшенія вводимыя въ Турціи бывають личными побуж-

деніями одного вельможи, одного Султана; народъ пребываетъ безстрашнымъ ко всему, и неподвижный въ своихъ понятіяхъ, не хочеть постигнуть къ чему ведутъ всѣ новыя изобрешенія. Европа была кажется на нѣсколькихъ степеняхъ образованія, нежели современная намъ Турція, когда выдумка шемнаго моната первая разбудила ея спавшій геній. А въ Турціи уже цѣлый вѣкъ существуетъ книгопечатаніе, нѣсколько разъ безвѣстно перялось оно, и его вліяніе доселѣ такъ вяло такъ безжизненно. Можеть бытъ причину этаго найдемъ и въ запрещеніи печатанья все относящееся до религіи. Такъ какъ, по старинной поговоркѣ, Турція есть спротивуположностей, по и въ этомъ отношеніи, въ спротивность Христіанской Европы, которая шѣмъ болѣе полюбила книгопечатаніе, что оно распроспраняло въ народѣ молитвенники и святое Евангеліе — предрасудки Турокъ не позволили печатанія Корана.

Можеть бытъ причиною запрещенія было шайное опасеніе Улемовъ сдѣлать доступными каждому истины Исламизма и его законы, и перемѣнить систему ученія, которая очерпываетъ ихъ сословіе магическимъ кругомъ древ-

нихъ жрецовъ Египта; можетъ быть дошли до нихъ слухи о переворошъ сдѣланномъ въ Западной Церкви книгопечатаніемъ.

Я говорилъ объ эшомъ предметѣ съ Туркомъ, свободнымъ отъ многихъ предразсудковъ своихъ единовѣрцевъ; онъ предсавилъ мнѣ и другую причину. Нисніе классы Улемъ сущесвующъ уже сполько вѣковъ списываніемъ копій съ Корана, съ собраній *фетва*, и съ другихъ богословскихъ и юридическихъ книгъ; еслибы эши книги печашались, многія тысячи *кіатибовъ*, ш. е. писцевъ, ошались бы безъ средшва сущесствования. Эшо напоминаешъ запрудненія Англійскихъ фабриканшовъ, каждый разъ когда ошкрываешся новая машина, уменьшающая число работниковъ.

Списываніе Корана соспавляешъ также самое богоугодное занятіе для Турокъ; эшо родъ религіознаго объша; Султаны и вельможи спавяшъ себѣ иногда въ обязанность списать его, и ешъ при мечешяхъ цѣлыя библіошеки, соспавленные изъ приношеній однихъ рукописныхъ Корановъ.

Махмудъ, хопя болѣе занятый военными преобразованіями, не забылъ впрочемъ книгопеча-

шанія; новыя весьма красивыя липеры ошлипы для Султанской пинографіи у Дидота въ Парижѣ, и новаго изобрѣшенія спанки выписаны изъ Англіи. Книги напечатанныя въ нынѣшнее царствованіе ошзываются эпохою; эпо нѣсколько опышовъ о должностяхъ офицера въ регулярномъ войскѣ, о Европейской шактикѣ, и испорія испребленія Янычаръ, о коей мы упоминали. Но вещь, копорая болѣе всего возбудила удивленіе и Турціи и Европы, ешь появленіе государственнoй газешы, въ кошорой помѣщаются акшы правительсшва. Восшокъ какъ будшо хочешъ сбросишь съ себя покрывало шайнственности, коимъ окушанъ, какъ саваномъ.

Въ Султанской пинографіи болѣе всего поправилося мнѣ удобсшво, съ кошорымъ работающъ Турецкіе наборщики; они сядяшъ на ковръ, обставленные со всѣхъ споронъ ящиками для липеръ, и въ поже время куряшъ свою шрубку.

Ешь особенный базаръ для бумаги, чернилъ и прочихъ пошребностей шурецкаго *катиба*; всѣ эши вещи совершенно особеннаго рода; наши чернила, наша бумага, наши перья не годятся для Азіашскаго письма. Бумага полируешся дол-

гимъ нашіраніемъ какою-то кошпю; извѣсно что вмѣсто перьевъ употребляютъ въ Азіи камыши, какъ было въ древности въ Египтѣ и въ Греціи. Чернила Турецкія густы и блестящи, а чернилицы большею частію мѣдныя съ продолговатою ручкою; кіашбы продѣваютъ ихъ въ поясъ какъ кинжалы. Судьба бумаги въ Турціи подобна судьбѣ книгопечатанія; нѣсколькѣ разъ основывались фабрики для писчей бумаги по въ долинахъ *сладкихъ водъ*, по на Азіяцкомъ берегу; но опѣ нихъ оспалось только наименованіе энихъ мѣспѣ *каатъ-хане*, домъ бумаги, и энопѣ предметъ выписывается изъ Франціи и Испаніи.

Если хотише видѣшь каршину прежней Турціи, въ ея первобытномъ Азіяцкомъ характерѣ, посѣщише базаръ оружій. Здѣсь найдете вы и извивистую саблю Дамаска, копорой клинокъ предснавляешъ рядъ округленныхъ зубцовъ въ видѣ пилы, и яшаганъ съ лезвіемъ согнутымъ внутрь, и кривую саблю разширенную въ концѣ, и кинжалы всѣхъ формъ. Старый Турокъ объяснишъ вамъ всѣ свойства *Кара-корасана* и двадцати другихъ родовъ желѣза, копорымъ славяшся оружейные мастера Малой Азіи; онъ съ одина-

ковою ловкостію перерубишь гвоздь и пуховую подушку саблюю, копорая въ неопышной рукѣ при первомъ ударѣ разлепнися въ дребезги. Здѣсь вы плѣнишесь красотою и богатствомъ Азіятскаго оружія; серебро и золопо, Египешская яшма, коралы, слоновая кость, изумрудъ, рубинъ, алмазь и жемчугъ, всѣ драгоценности Воспока сіяють на рукояши, и всѣ эши прихотливья украшенія подвержены самому изборчивому вкусу.

Спихи изъ корана и разныя надписи выдѣланы изъ золоша на дорогихъ клинкахъ; мнѣ перевели многія изъ нихъ: »Съ кѣмъ я, пощѣ не боишя вражьяго булаша«, или »Дарую шебѣ побѣду надъ невѣрнымъ«, или »На защишу друзей, на гибель враговъ«, а чаще всего »Нѣтъ бога кромѣ Бога«. Естѣ надписи длинныя и замысловатыя, копорыя покрывають какъ узоры верхнюю часть клинка, но никшо не могъ мнѣ ихъ располковать; можешъ бышь онѣ были Персидскія, можешъ бышь родъ письма былъ неизвѣстенъ и купцу и моему переводчику*.

* Чипашель вспомины, что въ Турціи употребляються различныя формы письма, и каждая форма исключительно присвоена чему нибудь: Султанскимъ фирманамъ, частной перепискѣ, юридическимъ книгамъ, надписямъ и пр.

Болѣ заняла мое любопытство старинная сабля съ Греческою надписью, подѣ девизомъ креста св. Константина и словами *ἐν τούτῳ νίκα*. Я съ трудомъ могъ разобрать, что она сдѣлана мастеромъ Анаполиемъ въ Трбизондѣ для «благочестиваго Ласкариса». Кто эшотъ Ласкарисъ? ужели Императоръ? Вся моя археологія не могла мнѣ пояснить къ какому вѣку принадлежишь надпись. Турокъ смѣялся надъ моими усиліями прочитавъ ее, и надъ моею увѣренностію, что я ее понялъ. Онъ показывалъ ее многимъ оружейнымъ мастерамъ, и никто не могъ разобрать; показывалъ и ученому ходжѣ, копорый увѣрилъ его, что старинныя письма, походившія въ самомъ дѣлѣ на кабалистическіе знаки, составляли таинственный шалиманъ, понятный развѣ для того, кто владѣеть Соломоновымъ перстнемъ и сопымъ именемъ Аллаха. Можешь бышь по эшому онъ не охотно мнѣ показывалъ саблю, и запросилъ за нее 15,000 піаспровъ, хотя она была оправлена весьма просто.

Въ споронѣ опъ сабель и яшагановъ висѣлъ ножъ особеннаго рода, коропкій въ при четверти аршина, и широкій почти въ четверць;

я съ содроганіемъ узналъ ножъ Спамбульскихъ палачей, уже бывшій въ употребленіи; можетъ быть одинъ изъ шѣхъ, копорые звѣрски сверкали въ 1821 году подъ моими окнами, и оспавили во мнѣ сполько ужасныхъ воспоминаній. Самъ Турокъ совѣспился показывать эшо опврапшительное орудіе казни, на коемъ широкія пашна ржавчины замѣнили илшна крови; можетъ быть рыцарскія понятія Азіяшца о свяшоспи военнаго оружія не позволяли купцу осквернишь красивые ряды своихъ сабель соприкосновеніемъ ножа палачей; и Турки, при всемъ своемъ равнодушіи къ челоѡческой крови, пишающъ опвращеніе къ исполнителямъ пыпокъ и смершной казни: Только значительный доходъ эшой должноспи, и право обирашъ казненнаго и продавашъ его шрупъ родспвенникамъ, даже награда обѡцаемая мученикомъ за скорое исполненіе приговора, заманиваешъ Турокъ въ эшу должносшь. Въ Констаншинополѣ считаешся до 40 *джелатовъ*, или палачей, и въ каждой обласпи Паша имѣешъ при себѣ одного или многихъ. Не знаю, позволяешся ли имъ входишь въ мечеши, но они опчуждены опъ общесшва; мнѣ разсказывали объ одномъ изъ нихъ, копорый оспа-

влялъ своей дочери огромное сословіе, и не могъ найсти ей жениха въ своего сословія.

Но корешкій кинжалъ, кошораго алмазы блестящъ на поясъ стараго Паши и молодой зашворницы гарема, кошорый приводишь къ развязкѣ кровавья драмы шайной меспи, или гаремныхъ ивпригъ, измѣнически висель между гордымъ оружіемъ Мусульманскаго воина. Старый Турокъ мнѣ предлагалъ даже, дорогой кинжалъ весьма красивой формы, и кошораго лезвіе было напершо надежнымъ ядомъ.

Въ другомъ мѣспѣ базаръ предспавиль мнѣ собраніе оружій всѣхъ вѣковъ. Спальный лукъ, Черкесская кольчуга, Албанскіе *чепразы**, старипные Турецкіе щипсы, ружья и писполешы всѣхъ возможныхъ формъ и размѣровъ—все эшо было перемѣшано какъ въ Музеѣ. Были ружья оправленные въ золото, въ серебро и въ перламушръ, другія съ фишилемъ вмѣспо замка, напоминающія древніе самопалы, другія длиною въ три аршина; изъ нихъ, Албанскій паликаръ спрѣляешъ сидя за камнемъ, Майношъ изъ бойницъ своего укрьпленнаго жилья, Кандіонскій горецъ Сфакіюшъ, лежа навзничъ, и опирая шя-

* Родъ кирасъ, кошорыя выходящъ изъ употребленія.

желое ружье на выпянушыя свои ноги. Но подобныя ружья въ большомъ количествѣ можно видѣть и у насъ въ Россіи послѣ каждой войны съ Турками.

Я прежде не видалъ эпого базара, самаго занимательнаго изъ Стамбульскихъ базаровъ, но мнѣ сказывали, что прежде онъ былъ несравненно богаче и пестрѣе, что Турки особенно гордились имъ, и что Христіанамъ не позволялось покупать въ немъ оружіе.

Кромѣ этихъ базаровъ, чтобы имѣть полное понятіе о Стамбульской торговлѣ, должно посѣтить такъ называемыя *ханы*, Валиде-ханъ, Гени-ханъ и другіе. Это огромныя каменные зданія, въ родѣ Московскаго госпинаго двора; въ нихъ имѣютъ свои конторы и свои магазины Греческіе и Армянскіе купцы, которые производятъ болѣе значительную торговлю мануфактурными произведеніями Европы и Азіи. А такъ какъ всѣ эти *ханы* и базары находятся въ одной части города, то здѣсь сосредоточилась вся торговая дѣятельность Стамбула; здѣсь шлопится разнонародное, пѣшее его населеніе; здѣсь весь шумъ, все движеніе города, здѣсь только вы видите *многолюдную столицу Сул-*

шановъ. Всѣ повары переносятъ на носильщиками на плечахъ; въ иномъ углу увидишь цѣлую гору хлопчатой бумаги, которая кое-какъ передвигается по пыльной улицѣ, и подъ нею, въ видѣ шарика Апласа, согбеннаго подъ ношею, едва замѣненъ колоссальной конспрукціи Армянинъ, съ физиономіею почпи окаменѣлою, хоша онъ не видалъ ни Персея ни Медузиной головы, какъ славный носильщикъ баснословнаго неба.

Въ опдаленныхъ часняхъ города царспвуетъ пышина, и даже въ многлюдныхъ кваршалахъ нѣтъ движенія и дѣшельности огромнаго города. вмѣсто шумнаго движенія экипажей, какіи неслышимо скользятъ по морю; изрѣдка раздаются по улицѣ однообразный спукъ пряскаго *кочи*, покрышаго алымъ сукномъ, украшеннаго внутри позолошою и зеркалами, и въ коноромъ за непроницаемою рѣшешкою укрылся Турецкій гаремъ, опправляясь въ загородное гуляніе; изрѣдка кашится огромная повозка называемая *араба*, упряженная парюю буйволовъ, и въ коей помѣстились двѣ при семьи, съ провизіями на цѣлый день. На всѣхъ лицахъ пышеходовъ, вспрѣчаемыхъ на улицахъ, нарисована какая-шо дума; всѣ озабочены жишейскими нуж-

дами. Можете подслушать Еврейскаго фактора, копорый поспѣшно идучи въ разсѣянности, махая руками и качая головою, громко вычисляешъ сколько пѣспровъ принесетъ ему такая-то спекуляція; далѣе Армянинъ медленно шагаешъ, дѣлая какіе-то щепы на своихъ чешкахъ; попомъ встрѣпишесь съ Греческою семьею, кошорая набожно идешъ къ вечернѣ, услышавъ голосъ церковнаго глашатая*, попомъ съ Турецкимъ чиновникомъ, возвращающимся съ послѣднимъ лицомъ опть засѣданія, гдѣ просидѣлъ цѣлый день на коврѣ, согнувшись въ дугу.

Это предспавишели коренныхъ жипелей Спамбула; между ними попадающся кое-гдѣ люди, копорыхъ по наряду и по языку не знаете къ какой націи опнесши: на головѣ круглая шляпа, на плечахъ старинный Турецкій плащъ, подъ плащемъ Италіанская курпка и широкій Архипелажскій шароваръ; ноги въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Таковы большею частію Леванпійскіе разнощики; съ аршиномъ въ рукахъ, съ небольшимъ ящи-

* Такъ какъ въ Турецкихъ городахъ христіанамъ не позволено звонить въ колокола, церковные глашатаи, обходя улицы своего прихода, созываютъ народъ въ церкви.

комъ за спиною, они обходящъ улицы Спамбула, припывая гнусливымъ голосомъ galantaries venetiches, что на языкъ ихъ значить *Венеціанскія галантерейныя вещи*; въ воспоминаніе торговой монополіи Венеціи по всему Леваншу. Даже фізіономіи эпитхъ людей сперлись въ кочевой ихъ жизни между племенами Леванша, шакъ какъ на шарой монетъ Сулшана сперлось клеймо опть долговременнаго обращенія. Но вообще эшо люди геніяльные; не зная ни одного языка, умъющъ объясняшься со всеми разноязычными племенами Спамбула, и даже съ Европейцами Перы, на какомъ-шо побочномъ нарѣчїи Ишаліянскаго языка, съ примѣсью Турецкихъ, Греческихъ, Армянскихъ и даже Испанскихъ и Французскихъ словъ; эшо одно изъ шысячи измѣненій Леваншійскаго языка, названнаго Европейцами lingua franca. Приноравливаясь ко всемъ народносшямъ, они помѣщающъ въ своемъ подвижномъ магазинѣ всѣ ухищренія Европейскаго дамскаго шуалеша, кошорыхъ употребленіе вводишся и въ шуалешы Восточныхъ дамъ. Они раздѣляютъ съ шарыми Армянками и Жидовками привиллегію снабжащъ разными пошребностями Турецкіе гаремы; но не думайше чшобы

они раздѣляли также право входить въ гаремы. Торговля ихъ съ Турчанками производится слѣдующимъ образомъ: изъ за-рѣшешки зазываетъ ихъ невидимое лице; дверь въ тоже время опирается невидимо къмъ; разнощикъ входитъ въ переднюю, гдѣ никого нѣтъ; предъ нимъ шкапъ, называемый въ Турціи *долабъ*, и въ эшомъ шкапѣ также ничего нѣтъ; изъ за шкапа женскій голосъ спрашиваетъ у *базирьяна* ш. е. купца, есть ли у него такая то кисея, такія-то леншпы; базирьянъ кладетъ требуемый предметъ на полку шкапа; шкапъ поворачивается, и повары въ рукахъ невидимыхъ покупателямъ; при всякомъ новомъ требованіи, при всѣхъ капризахъ Турчанки, при всякой успукъ разнощика, заколдованный шкапъ поворачивается то въ ту то въ другую сторону, и наконецъ переносятъ деньги купцу, который выходитъ изъ предвѣрія храма, не выдавъ его шаиншвеннаго божества.

Г Л А В А ІІІ.

Невольничій рынокъ. — Арапы. — Жевщины въ кѣткахъ. — Возвышеніе цѣвъ. — Греческія пѣвниці. — Впечатлѣнія дѣтства и религіи. — Ангелика. — Ея приключенія. — Черкешенки и ихъ надежды. — Нѣжность купцевъ. — Кавказская красота. — Происхожденіе Турецкихъ вельможъ. — Евнухъ полководецъ и Евнухъ въ Сенатѣ. — Равство въ Турціи и его преимущества.

Недалеко отъ мечети Сулпана Солимана находился базаръ, единственнѣй въ цѣлой Европѣ, и преимущественно возбуждающій любопытство пупешественниковъ; это базаръ невольниковъ. Въ старыя времена послѣ каждой войны Турокъ, Европейской или Азіяпской, онъ былъ заваленъ толпою военнопленныхъ; Турки не знали разницы между пленнымъ и невольникомъ, доколѣ претерпѣнные ими пораженія, и шрапшы, вынужденные великими державами, не послужили имъ уроками въ народномъ правѣ. И въ наше время была эпоха, когда Султанскіе флоты выгружали сюда многія тысячи женщинъ и дѣшей съ Архипелажскихъ острововъ и изъ Пелопонеза; но должно надѣяться, что Греческая война была послѣдняя война, снабдившая невольниками эпошъ варварскій рынокъ.

Прежде былъ запрещенъ Христіанамъ входъ въ базаръ невольниковъ; теперь хотя и позволено его посѣщать, но право покупать въ немъ людей принадлежитъ однимъ Мусульманамъ. Воображеніе путешественниковъ представляло эпошъ рынокъ разсадникомъ всѣхъ гаремовъ, но давно уже онъ потерялъ свою поэзію; только предъ входомъ въ него продающія въ клѣпкахъ пшеница, пшеница, и Турки соблюдаютъ старинный поэтический обычай возвращать имъ свободу, предъ тѣмъ какъ идутъ покупать въ неволю людей.

Я вошелъ въ широкій неправильный дворъ; кругомъ вдоль стѣнъ построены лавочки или лавки закрытыя рѣшеткою, въ коихъ заперты женщины какъ въ курятникъ; посреди огромный навѣсъ, и подъ навѣсомъ сидятъ на цыпочкахъ прозаическія фигуры купцевъ, и нѣсколько группъ маленькихъ араповъ, бронзоваго, грязно-чернаго и чернаго какъ смоль цвѣта. Это дѣти проданныя родителями въ Нубіи, въ Абessinіи и въ неизвѣстныхъ странахъ внутренней Африки. Они были еще недавно привезены; не могли объясниться ни съ кѣмъ; имъ было весьма неловко въ одеждѣ, коею купецъ покрылъ

ихъ нагошу; бормошали между собою на языкъ, въ кошоромъ почпи не былъ замѣненъ человѣчскій голось, и когда играя между собою бѣгали начешверенькахъ, предспавлялись мнѣ семьею маленкихъ звѣрей, вывезенныхъ напоказъ изъ Африканской спепи. Этно послѣдняя спепень моральнаго и физическаго униженія царя созданія. Но можешъ бышь между эпими ошверженцами своихъ семей, въ лохмошьяхъ и въ грязи, валялся какой нибудь будущій Кызларь-Агасы, начальникъ дъвушекъ, а по нашему начальникъ черныхъ евнуховъ, и первый сановникъ Сераля..... Малолѣтнія арапки, полунагія, грѣлись на солнцѣ, жалтя можешъ бышь въ своей неволѣ шолько объ Африканскомъ солнцѣ. Каждая группа принадлежала одному купцу, получала опдѣльно свою пищу, и если судьба шорговли раздѣляла двухъ брашьевъ или двухъ сесшеръ — узы родспва болѣе не сущесшвовали между эпихъ обиженныхъ созданий.

Не воображайше что въ клѣпкахъ кругомъ базара хранятся плѣнныя красавицы; я обошелъ эту шайншвенную галлерей, кошорой рѣшешка довольно широка, чтообы покупашель могъ видѣшь предлагаемый ему шоварь. Хошя

спрого запрещено смопрѣшь въ лице женщины, но здѣсь должно дѣлаться опшшупленіе опъ закона, чшобы содѣйспвовашь сбыту продаваемыхъ женщинъ; Турокъ покупашель имѣешь даже право пребовашь, чшобы ему опкрыли рѣшешчашую дверь, и осмопрѣшь получше невольницу, заспавишь ее ходишь, судишь о ея здоровьи, о ея шѣлосложеніи; а для подробнѣйшаго осмопра ешть женщины, кошорыя даюшть самый почный опчешть о скрышыхъ совершенсвахъ или недоспапкахъ невольницы.

Сколько я могъ видѣшь сквозь рѣшетку, женщины были спары, большею часпію арапки; а если были между ними молодыя, по весьма дурны собою и немогли бышь представишельницами Турецкой красошы. Я узналъ опъ моего проводника и опъ Турокъ, заняшыхъ эпою промышленности, чшо женщины въ рынкѣ были большею часпію гаремныя служанки, продаваемыя обѣднѣвшими своими господами, наслѣдниками послѣ умершаго Турка, людьми кошорые ихъ выписали для себя, пошомъ обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, пошому ли чшо невольница по дурнѣла, или испоршилась опъ оспы, или была слишкомъ глупа, или дурнаго нрава. Инымъ не

вольницамъ случается по нѣскольку разъ въ году бытъ на этой выставкѣ, и перемѣнять свою судьбу и господъ. Онѣ не обращали никакого вниманія на проходящаго Франка, но когда Турокъ или Турчанка обходили ихъ клѣшки, онѣ, казалось, силились угадать на ихъ лицахъ какъ вы могли бытъ эти покупатели, и какого обхожденія можно было ожидать опъ шакихъ господъ. Большею частію онѣ сидѣли спокойно на полу, разговаривали между собою, даже смѣялись и играли; въ одной ложѣ я замѣшилъ женщину, которая не принимала участія въ разговорахъ, сидѣла въ сторонѣ печальная и заплаканная; купецъ рассказалъ мнѣ, что она принадлежала богатому Эфендію, у котораго она жила съ малолѣтства; кромѣ дѣти рабства, дѣти любви привязывала ее къ опцу двухъ ея дѣшей. Недавно дѣти ея умерли опъ чумы; Эфенди, соскучившійся ея плачемъ и увядшею ея красою, можетъ бытъ также по желанію другой невольницы, привязавшей его къ себѣ, послалъ несчастную мать на рынокъ. гдѣ она уже дѣлую недѣлю плачетъ неуспѣшная. Турокъ прехладнокровно рассказывалъ, что онѣ думалъ сначала ее купить, пошому что Эфенди

уступалъ ее дешево (за 2,000 піаспровъ или 500 рублей), а она умѣла вышивать, игралъ на шамбуринѣ, пѣнь, даже чиналъ коранъ, и имѣла многіе таланты, которые, будь она десятью годами моложе, сдѣлали бы ее самымъ дорогимъ товаромъ въ цѣломъ рынкѣ; и теперь даже она могла быть выгодно продана въ училельницы; но ея печаль и опасеніе, что она заболѣетъ или даже умретъ, заставили купца отказаться отъ эя. и спекуляціи, и онъ согласился взять ее только на комиссію. Можетъ быть Эфенди, продолжалъ онъ, и отпустилъ бы ее на волю, но новая его невольница пребудетъ нарядовъ, и чтобы купить ей шаль, онъ рѣшился продать женщину, съ которою жилъ десять лѣтъ.

Цѣны на невольницъ значительно возвысились съ нѣкотораго времени; уродливая арапка, которая только могла годиться для черной работы въ гаремъ, цѣнились около тысячи піаспровъ; маленькія дѣти продаются по двѣ и по три тысячи; но лѣтъ десять тому назадъ дѣти продавались по сороку и по пятидесяти піаспровъ, а пятнадцати лѣтнія дѣвушки по сту и по двѣсти. Тогда была ужасная эпоха; народонаселенія цѣлыхъ городовъ были распроданы на

эпомъ рынкѣ; въ Хіосѣ, въ Айвали всякій солдатъ Турецкаго флота бралъ сколько могъ привести съ собою на корабль въ Константинополь женщинъ и дѣшей; на корабляхъ солдаши перепродавали своихъ невольницъ одинъ другому, мѣнялись; происходили между ними сцены ужасныя и опшрашительныя; часно кровь палачей мѣшалась съ кровію невинныхъ жершвъ, и когда наконецъ эпомъ флотъ, убѣжавъ опш мспшительнаго огня Греческихъ моряковъ, возвращался въ Константинополь, всякій солдатъ сбывалъ своихъ невольниковъ на рынкѣ за безцѣнокъ. Малолѣшнія дѣши были воспшшаны въ Магомешанскомъ законѣ, въ серальскихъ казармахъ, и шеперь служатъ въ гвардіи Султана, а Турецкіе гаремы населены Гречанками.

Я былъ свидѣтелемъ многихъ случаевъ, доказывающихъ силу первыхъ впечатлѣній, опшавленныхъ въ дѣшской душѣ родиною и семьею. Часно впечатлѣнія дѣшшва замирають надолго въ нашей душѣ; образы и радости другаго возраста невѣдомо ихъ замѣняютъ, плѣняя юношескую душу, всегда жаждущую новаго; но они пробуждаются въ урочный часъ, съ своею первою свѣжестью, со всѣмъ очарованіемъ дѣвы,

вспающей опть вѣковаго сна, въ глуши, въ пещерь, когда рыцарь съ шайнспвенною вѣшвию коснешся ея хрустальнаго гроба.

Въ 1832 году, въ Греческихъ моряхъ, явился къ нашему Адмиралу какой-то богашый Констаншинопольскій Турокъ Мусшафа-Ага, жалуюсь на побѣгъ изъ Констаншинополя въ Грецію своей жены Зелихи съ малолѣшнымъ сыномъ Мехмешомъ, говоря, что она пребывала въ Идрѣ подъ покровишельспвомъ оспровипянь, и прося, чшобы чрезъ наше посредничеспво возврапили ему покрайней мѣрѣ единороднаго сына. Въ поже время нѣсколько семей оспровипянь припили съ мольбою, чшобы жена и сынъ Мусшафы были вышребованы изъ Идры, пошому чшо по жалобѣ Турка былъ схваченъ въ Турецкомъ портѣ Капипанъ Леоншій, шкиперъ шой шкуны, кошорая увезла Зелиху, и со всѣми своими мапросами посаженъ въ крѣпосшь на островѣ Хіосѣ, а родспвенникамъ его и его мапросовъ мѣспное начальспво дало знашь, чшо если по испеченіи шеспи мѣсяцевъ не будешъ сдѣлано полное удовлешвореніе Мусшафа-Агъ, моряки будущъ повѣшенбы, а шкуна пошоплена. Греція была шогда въ совершенной анархїи; ея безспильное прави-

пелъство запертое въ спѣнахъ Навплии, безъ флота, не имѣло никакой власпи въ Идрѣ, и потому всѣ обратились къ намъ. Я поспѣшно поѣхалъ въ Идру, чтобы предупредить кровавую развязку эшаго романа. Примачпы, копорыхъ одно моральное вліяніе на ихъ согражданъ содержало нѣкоторый порядокъ на оспровѣ, предложили мнѣ видѣться съ героинею, узнать опгъ нея всѣ подробности, и согласишь ее на мировую, потому что сами они не могли въ эшомъ успѣшь; одни изъ нихъ спояли за моряковъ ареспованныхъ въ Хіосѣ и за Турка, другіе ей покровительствовали; но никто не могъ думать о средствахъ насильственныхъ, и кажешся никогда челоувколюбіе и правосудіе не находились въ такихъ запруднительныхъ обстоятельствахъ.

Къ намъ вошла женщина лѣтъ двадцати, красоты совершенной, стройная, высокая, держа за руку чепырехлѣпняго сына; въ пламенномъ, безпокойномъ ея взорѣ горѣлъ одинъ огонь материнской любви, и взглядъ ея и ея поспупъ выражали гордость оскорбленной матери.

Она не встревожилась, узнавши цѣль моего посѣщенія; когда я ей сказалъ, что на совѣспи

ея будешь смерть десяти чловѣкъ и прауръ десяти семей, она мнѣ опвѣчала: знаю угрозы Турка, и хопя бы онъ былъ въ сосполніи ихъ исполнишь, я рѣшилась быть мученицею своей совѣсти во всю жизнь, но для меня важнѣе и свяшѣе спасти моего сына; безъ него Турокъ получилъ бы въ свои объятія холодный прупъ своей жены; безъ него, можетъ быть, я бы кончила жизнь въ его гаремѣ. — Голось ея дрожало; она говорила опривиспо, съ прудомъ объяснялась по-Гречески, въ ея произношеніи опзызался Турецкій выговоръ, но пламенное краснорѣчіе чувства одушевляло ея рѣчи. Вопъ ужасная повѣсть, которая спановишся еще болѣе занимательною, среди воспоминаній наводимыхъ эпимъ ужаснымъ рынкомъ.

Ее звали Ангеликою; она была едипородная дочь у богатыхъ родителей, на оспровѣ Хіосѣ; ей было десять лѣтъ, когда Сулпанскій флощъ исполнилъ кровавый приговоръ надъ цѣлымъ народонаселеніемъ цвѣтущаго Хіоса. Во многихъ деревняхъ оспрова тогда только узнали о прибытіи испребишельнаго флоса, когда зарево пожаровъ и плачь бѣгущаго народа вспревожилъ мирныхъ поселянъ. Десятилѣтняя Ангелика съ

своими родителеми бѣжала въ горы; острые камни изранили ноги дыпяши; опецъ изнуренный болѣзнію не былъ въ состояніи ее нести на рукахъ; они опспали, и шолпа кровожадныхъ каліонджи ихъ заспигла; опецъ палъ на колѣна, и подѣ яшаганами молилъ о помилованіи; но его кровь брызнула на жену и на дочь; онѣ были опшведены въ плѣнъ на Турецкій корабль, добычею перваго Турка, который наложилъ на нихъ руку, дымящуюся опъ крови. Турокъ привязалъ ихъ вмѣстѣ къ одной пушкѣ, и чрезъ нѣскольکو дней, не зная куда дѣвашься съ множествомъ своихъ плѣнныхъ, промѣнялъ дочь на пару пшшолошовъ, а машь хотѣлъ опшавишь для себя; но когда пришелъ вмѣстѣ съ покупашелемъ, чшшобы опшняшь дыпя у машери, машь судорожно обняла свое дыпя, и ея объяшїа замѣнили узы ихъ соединявшїе въ плѣну. Турки не могли ихъ разняшь; разозленный варваръ изранилъ машь кинжаломъ, и еще живую вѣбросилъ заборшгъ въ море, въ глазахъ обомлѣвшей дѣвушки. Ангелику опшвели къ другимъ плѣннымъ дѣшамъ, и когда флощъ пришелъ въ Коншаншшинополъ, Турокъ посадилъ въ кайкъ своихъ плѣнныхъ, связалъ ихъ одною веревкою, и держа за конецъ

повелъ въ рынокъ, наполненный въ эту эпоху дѣшными и женщинами; онъ въ понедѣль же день продалъ шрехъ мальчиковъ и двухъ дѣвушекъ; за Ангелику и за другую ея сверстницу просилъ дорого, и не находя покупателя, рѣшился ихъ воспитывать, чтобы попомъ выгоднѣе ихъ сбыть. Онъ ошдалъ ихъ спарой Турчанкѣ, кошорая занималась пріугошвлениемъ молодыхъ дѣвушекъ для знашныхъ гаремовъ. Здѣсь онъ оспавались шри года; съ ними обходились ласково, шолько заспавляли ихъ молишься по магомешански, учили говоришь по-Турецки, пѣшь, плясать, вышивать узоры. Каждый разъ когда Турокъ къ нимъ приходилъ, онъ должны были показывать ему свои успѣхи, и когда онъ былъ доволенъ, дѣлалъ спарухѣ подарки, просилъ ее; чпобы она берегла ихъ здоровье, и какъ самый нѣжный ошець забошился о нихъ; надежда на барышъ замѣняетъ иногда нѣжное родителъское чувство, шакъ какъ надежда сдѣлать хорошаго зятя заспавляетъ иногда родителей хлопотать о воспитаніи дочерей, и въ цѣхъ спранахъ, гдѣ женщины не продають. По испеченіи шрехъ лѣтъ онъ спалъ приводилъ къ нимъ покупателей, и при нихъ шорговался о цѣнѣ. Предъ подобными

посѣщеніями водили дѣвушекъ въ баню, красили ихъ пальцы *кишою*, брови сурмою; румянили ихъ, одѣвали нарядно, и приказывали имъ, чтобы онѣ спарались понравиться. Опышная спаруха совѣтовала имъ плѣнить какого нибудь спараго и заживочнаго Агу, ласкала дѣвическое ихъ воображеніе блестящею перспективою богатаго гарема, полпою невольницъ и дорогими нарядами, и всемогуществомъ молодой любимицы надъ спарымъ мужемъ. Но видно что другіе образы занимали тогда принадлецашилѣтнихъ дѣвушекъ; однажды предъ спарымъ Агою онѣ пѣли хриплымъ голосомъ, плясали дурно, и когда онѣ ушелъ, не согласившись заплатили 20,000 піаспровъ за ихъ красоту и ихъ таланты, купецъ наказалъ обѣихъ палками по пятамъ.

Однажды ихъ нарядили лучше обыкновеннаго, и повели къ Султаншѣ сеспрѣ Махмуда, въ ея дворецъ въ Эюбъ. Ей показывали всегда лучшихъ плѣнницъ въ Спамбуль. Она, заслуживъ въ молодости громкую извѣстность въ романической хроникѣ Спамбула своими похождениями, всегда любила окружать себя красотою при посѣщеніяхъ своего брата, иногда манила его ими къ себѣ и заставляла лучше принимать ея просьбы,

иногда — новая Ливія — дарила ихъ ему въ Сераля. Сипарая Сулпанша ласково говорила съ плѣнницами, заставила ихъ показать всѣ свои таланты, и выбрала сверстницу Ангелики, которая была попомяте, и лучше согласовалась съ идеаломъ Турецкой красоты.

Ангелика оспавалась еще полгода въ домъ спарухи; наконецъ купилъ ее Мустафа-ага за 20,000 піастровъ. Здѣсь начинается новая эпоха ея жизни, споль богатой приключеніями. Ангелика вступила въ гаремъ, состоящій изъ одной супруги, женщины лѣтъ двадцати пяти, красоты посредственной, злой, ревливой, бездѣпной, двухъ молодыхъ невольницъ, принадлежавшихъ ей и недоступныхъ для мужа и нѣсколькихъ старыхъ служанокъ, бѣлыхъ и черныхъ. Появленіе новаго свѣтила на этомъ небѣ, гдѣ, какъ луна, одинокая величалась дошоль гордая Фатиме, произвело въ немъ революцію. Должно предварительно знать, что Мустафа былъ женатъ на дочери спараго Турка, любимца Халешъ-Эфендія, и женатъ по расчету, хопя это въ Турціи не шакъ обыкновенно какъ у насъ. Онъ былъ самый несчастный мужъ, рабъ капризовъ своей ревливой половины; жилъ съ нею бездѣ-

пень уже восемь лѣтъ, не смѣлъ ни жениться на другой, ни взять въ свой гаремъ хорошенькую невольницу, пошому что Фатиме сдѣлала такое условіе, всупая съ нимъ въ бракъ, и была всемогущая надъ своимъ опцемъ, копорый въ свою очередь былъ всесиленъ у Халешъ-Эфендія, а Халешъ однимъ мановеніемъ могъ сослать спрощиваго мужа въ глушь Малой Азіи, на вѣчное започеніе. Можешъ бытъ эпи семейныя обспояшельсшва заспавили Мусшафу сполько же обрадовашься при выспавкѣ Халешовой головы сколько обрадовались Янычары. Онъ еще шерпѣлъ нѣсколько времени супружеское иго; наконецъ спалъ ходишь по базарамъ искашь женщины, въ копорую бы могъ влюбишься, въ швердомъ убѣжденіи, что женщина купленная лучше соспавишь его семейное щаспіе, нежели феникъ законныхъ женъ.

Жена Мусшафы замѣшила перемъну въ обхожденіи своего мужа съ эпохи паденія Халеша и перемъны Турецкаго Минисперсшва; полишника Дивана имѣла сильное вліяніе на ея домашнюю жизнь; почшишельность и пришворная любовь къ ней мужа были замѣнены равнодушіемъ и суровосшію. Она нѣсколько мѣсяцевъ была въ

мучительномъ ожиданіи, когда въ одинъ вечеръ приспалъ къ ея Босфорскому дому въ *Куру-честе** наемный кайкъ, въ кошоремъ спарая Турчанка привела къ ней въ гаремъ красивую невольницу. Фашиме все поняла; при входъ въ покои своего господина и обожашеля, несчастная Ангелика услышала, вмѣсто привѣтствій, брань и прокляшій; въ припадкѣ ревности, изспуленная Фашиме въ шопъ же вечеръ нашла предлогъ бить ее по щекамъ и рвать за волосы. Мусшафа не замедлилъ самъ прѣхашъ изъ Спамбула; онъ заспалъ Ангелику въ слезахъ и въ опчаяніи; хопъль ушъшишъ свою невольницу, но явилась грозная Фашиме, разбранила его, и выгнала изъ гарема. Такъ какъ всѣ гаремныя женщины принадлежали ей, шо мужъ не имѣлъ никакой власпи въ женской половинѣ дома, гдѣ она бушевала, и долженъ былъ со спыдомъ опспушишъ. Онъ долженъ былъ предвидѣшъ бурю, но по неопытноспи не былъ пригошвленъ ее вспрѣшишъ. На другой день онъ поправилъ свою оплошность; опсправился къ своему пешпо, кошорый, пошерявъ свое мѣспо, и радуясь шому, чшо не былъ

* Въ древности называлось Вноетемъ. Одно изъ Босфорскихъ предмѣстій.

сосланъ въ ссылку по паденіи Халепа, жилъ въ неизвѣстности въ Спамбулъ; Мустафа предложилъ ему взять обратно дочь, которая болѣе ему не годилась въ жены; попомъ купилъ разныхъ качесивъ женщинъ на 10,000 піаспровъ, и съ эпою армією взялъ присупомъ свой гаремъ, въ которомъ еще защищалась разжалованная его царица.

Чрезъ нѣсколько дней все было преобразовано въ домъ Мустафы; не оставалось ни одной изъ прежнихъ его обипашельницъ; молодая невольница сдѣлалась повелишельницею нѣсколькихъ невольницъ, и сердца счастливаго Мустафы. Любовь Мустафы выражалась со вѣсмъ жаромъ челоука, который послѣ восьмилѣтняго несчастнаго супружества, въ первый разъ наслаждается семейнымъ счастіемъ. Ангелка была довольна своимъ сосцояніемъ; можетъ, бышь она забыла въ эту эпоху и опца и машь, и лимонныя роци Хіуса, гдѣ она играла въ дѣшспвѣ, и приходскую церковь, принявшую дѣшспкія ея молишвы. Челоука, который предспавился первый ей въ ту раннюю эпоху, когда полуденная женщина чувспвуешъ поспребность любивъ, былъ ея покровителемъ и благодѣше-

лемъ, окружилъ ее любовью и роскошію — двумя палисманами, шакъ живо дѣйствующими на воображеніе женщинъ всѣхъ климатовъ.

Когда она сдѣлалась маперію, еще болѣе усилилась привязанность ея къ опцу того существа, которое напоминало можетъ быть ей первую привязанность дѣтства и ласки мапери и ея послѣднее судорожное обниманіе, запечашливное кровію. Но вмѣстѣ съ пробужденіемъ маперинскаго чувства, другое чувство, неразлучное съ нимъ, пробудилось въ ея сердцѣ; религія, забытая малолѣпною дѣвушкою и женщиною преданною первымъ воспоргамъ спраши, воспріяла свои свящныя права надъ сердцемъ мапери. Въ праздникъ Богородицы, въ Августѣ, гуляя въ одномъ изъ предмѣстій, гдѣ опсущствіе Турокъ внушало болѣе веселія Христіанскому празднику, она увидѣла Греческія семьи, которыя выходили изъ церкви; она узнала что въ этотъ день дѣти пріобщались свящымъ дарамъ, и вспомнила радость семейнаго праздника, когда въ дѣтствѣ она принимала въ немъ участіе. Она поняла, что она не переспала бытъ Христіанкою; набожныя повѣрія дѣтства, закоренялая привязанность ея племени къ Греческой Церкви,

привязанность, которую сосала она у груди своей матери, и наследственный ужасъ ко всему Магомеданскому боролись въ ея душѣ съ привязанностію пльнной сиротки къ цвпямъ, золоченымъ, и обвпшымъ любовными миртами. Съ эщой минушы смушилось ея семейное щасціе, хотя любовь Мустафы съ каждымъ годомъ возрастала, и хотя онъ сдѣлалъ невольницу своею женою. Одна молитва оставалась въ ея памяти, неизгладимая ни нещасціемъ ни продолжительнымъ невтріемъ; эшо ща просая молитва, которую молился Спаситель, и которую завѣщалъ онъ міру, какъ чистое жертвоприношеніе сердце Небесному Отцу.

Прошло нѣсколько лѣтъ; у одной изъ своихъ пріятельницъ Ангелика увидѣла старую Гречанку, которая продавала узорчатые плашки въ гаремы. Она призвала ее къ себѣ, и оставшись съ нею наединѣ, заговорила въ первый разъ на языкъ дѣшсва. Старуха обрадовалась; подъ видомъ шорговки она входила въ гаремы искашь двухъ своихъ дочерей, увезенныхъ въ плѣнъ изъ Хіоса, а уже два года всѣ поиски ея были безплодны. Ангелика соболѣзновала ей, и общала содѣйствовать, прося ее только, чтобы она

тайно доставила ей образъ Богородицы и молишвенникъ. Какія чувства волновались въ ея возрожденной душѣ, когда, уже супруга и мать, она молилась какъ дитя у святаго образа, и благословляла имъ свое рожденіе! Посѣщенія шорговки сдѣлались чаще, и каждое посѣщеніе открывало въ ея сердцѣ новую струну, кошорой сопрясеніе было ушѣшишельно и болѣзненно. Она ужасалась мысли, что ея сынъ будетъ воспианъ въ Магомешанскомъ законѣ, что она съ нимъ разлучится, и когда уванепъ ея красота, когда насигнешъ ее судьба Фашиме, она не найдешъ убѣжища въ родипельскомъ домѣ.

Между шѣмъ приближалась эпоха, когда древній обычай, успановленный Моисеемъ, долженъ былъ посвяшпть маленькаго Мехмета въ брашство правовѣрныхъ. Ангелика гнушалась эшимъ, и послѣ шяжкой борьбы между долгомъ супруги и долгомъ Хриспianки и мапери, рѣшилась бѣжашъ съ своимъ сыномъ, когда дитя не имѣло еще другой религіи кромѣ машеринской любви.

Но это было шрудно; она давно пользовалась всею свободою, кошорюю можешъ пользоваться Турчанка, и зная что мужъ имѣлъ къ ней неограниченную довѣренность, она съ

*

двумя невольницами спала чаще посѣщать Перу и Галашу, чтобы узнать запушанныя улицы эшаго кваршала Франковъ; но она знала, что Турчанка ни подъ какимъ видомъ не могла войти въ домъ Франка, не возбудивъ сильныхъ подозрѣній, и никакъ не могла опшдалишь опъ себя своихъ невольницъ. Смѣлосшь маперинскаго сердца и изобрѣшашельносшь женскаго ума ее спасли. Она слышала о какой-шо Жидовкѣ, которая принимала у себя въ Перѣ Турчанокъ, продавала имъ румяны и уборы, а болѣе всего занималась любовными ихъ иншпригами, и досшавляла имъ свиданія. Ангелика рѣшилась на все униженія; она съ большими предоспорожноспями развѣдала объ эшой Жидовкѣ, зазвала ее къ себѣ, купила разныя вещи, и подарками приобрѣвъ ея довѣренносшь, объявила ей, что она безъ ума влюблена въ одного Греческаго капитана, кошораго корабль споялъ на рейдѣ, гошовой опшплышь въ Грецію. Жидовка взялась досшавишь ей свиданіе въ своемъ домѣ съ сшпливымъ морякомъ, но оспавалось еще узнать предметъ ея спрасни, пошому что Греческихъ капитановъ вѣрояшно было много въ гавани. Ангелика давала ей все признаки корабля, какъ

будто бы была влюблена въ корабль; «легкій, хорошій корабль, спойшъ со вѣсьмъ гошовый оппльшь, ожидаешъ полько вѣпра.» Объ особѣ капишана говорила полько, что у него добрая фizioномія и благородное лице, а чтобы облегчить вѣсь запруденія Жидовки, дала ей 200 пiасшровъ, и показала крупный алмазъ на своемъ пальцѣ, говоря, что если она будетъ довольна свиданіемъ, алмазъ перейдетъ изъ нѣжной ея ручки въ кошнянистую руку спарухи. Жидовка гошова была за 200 пiасшровъ обѣгашъ вѣсь Сшамбуль, а за алмазъ опправишъся хоть въ самую Грецію, и вывѣспи оппшуда любого моряка. И пакъ условились, что Жидовка зазовѣшъ къ себѣ подъ какимъ нибудъ предлогомъ капишана, котораго наружность и корабль согласяшъся съ описаніемъ Ангелики, что въ назначенный часъ Ангелика придетъ къ ней за покупками, и изъ-за рѣшешки увидишъ, не ошиблась ли Жидовка въ выборѣ.

Спаруха немедля опправилась къ пристани *Мумхане*, куда обыкновенно съѣзжаются шкипера кораблей споящихъ на рейдѣ; шлюбка съ Греческаго корабля, которую она узнала по широкимъ шароварамъ гребцевъ, ожидала у приста-

ни; она спросила у гребцевъ: съ чего ли корабля они, кошорый гошовъ опплышь въ Грецію; узнавъ, что дѣйствительно ихъ корабль сплывъ на рейдѣ, гошовый вспунишь подѣ паруса, она спросила, какъ зовушь капишана. — Капишанъ-Леоншій, ошвѣчали они. — Его-шо мнѣ и надо, сказала Жидовка; мужъ мой, у кошораго покупалъ онъ прежде соленой рыбы, пригошовилъ ему въ подарокъ боченокъ опличной рыбы, а шакъ какъ онъ шяжело боленъ; шо велѣлъ мнѣ ошыскашь капишана, и ему опдашь. Капишанъ былъ въ кофейномъ домѣ; машрозѣ извѣстилъ его, что его ищеть женщина съ подаркомъ. Когда капишанъ вышелъ, шаруха попросила его за нею слѣдовашъ, чтобы получить подарокъ, и поговорить съ ея мужемъ о важномъ шорговомъ дѣлѣ. Еще онъ сомнѣвался, его ли дѣйствительно ищуть, но Жидовка, посмошрѣвъ на добрую его физиономію и на красивую наружность, сказала что именно его. Капишанъ Леоншій слѣдовалъ за нею въ нѣкошоромъ разшояніи, пошому что ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ былъ ходишь вмѣстѣ съ женщиною по улицѣ. Жидовка запушанными переулками повела его въ Перу, къ своему домику, и когда онъ

вошелъ, и оспорожно заперлась калыпка, она ему объявила безъ обиняковъ цѣль своего приглашенія. Чипашель подумаетъ, что морякъ былъ въ воспоргъ при извѣстїи объ ожидающемъ его щасїи, и просилъ Жидовку ускоришь свиданіе. Но въ Констаншинополѣ разскадьтвающа случаи, кошорые могутъ ошибишь охоту ошь подобныхъ романшическихъ приключенїи убамаго спрасшнаго любишеля. Не говоря уже объ опасносши попасъ въ руки гаремнаго правосудїа, и заплашишь жизнию крапкїи мигъ наслажденїа — опасносши, кошорая увеличиваетъ, можетъ бышь, цѣну любовныхъ воспорговъ; будучи раздѣлена съ пайнспвенною зашворницею гарема — сами даже Турчанки иногда, для собспвенной безопассши, приносятъ въ жершву людсї зазванныхъ ими; пошому что въ Турциї окровавленный кинжалъ оканчиваетъ всякую любовную драму. Часшо пропадаетъ безъ вѣспи видный собою *каикчи*, или лавочникъ какого нїбудь кваршала, и чрезъ нѣсколькo времени обезображенный шругъ попадается въ сѣщи рыбака, или человекскїе члены опыскиваются въ спочной шругѣ. Соблазнишельная лыпопись Спамбула шепчетъ попомъ, что онъ ошь приспани

или изъ лавки былъ заванъ въ такой-то гаремъ, и уже не возвращался. Такъ какъ никакая полиція не имѣешь входа въ гаремы, они бывають иногда пешрами самыхъ ужасныхъ злодѣяній. Щасливъ пошъ, кому неоспорожность Турчанки или ея соспрананіе позволили перескочить чрезъ заборъ, или спасись по крышамъ сосѣднихъ домовъ, и изъ ея объашій не былъ выброшенъ шуда, куда бросился покойный Иліогабала.

Кашипанъ-Леоншій наслышался эшихъ разсказовъ, и пошому вовсе не имѣлъ желанія сдѣлаться героемъ гаремнаго романа. Жидовка поняла его опасенія, и предупредила его, что ему назначалось свиданіе въ ея домъ, что онъ могъ даже прійти съ поварищемъ, и имѣть при себѣ оружіе; пошомъ съ такимъ жаромъ спала описывашъ черные глаза Зелихи, что морякъ, очерпя голову, рѣшился пусшиться въ эшо приключеніе, и далъ слово бытъ въ ея домъ на другой день въ назначенный часъ.

Ангелика съ двумя невольницами пришла къ Жидовкѣ за покупками; невольницы оспались съ покупками въ передней, а Зелиха пошла во внушренніе покои выпить спаканъ шербеца. Жидовка повела ее къ темной рѣшешкѣ, и показавъ

человѣка, кошорый въ раздуміи сидѣлъ въ другой комнашѣ, спросила: онъ ли эпо, и успокоила ее увѣреніемъ, что если она ошиблась, его можно будешъ выпроводить, и она бралась описать во что бы то ни спало щаспливаго капишана. Ангелика внимашельно всмапривалась въ него, и хошѣла прочиташъ приговоръ своей судьбы на его чертахъ. Она рѣшилась; выпроводила Еврейку, давъ ей дорогое кольцо, и удосновѣрившись, что никто не подслушивалъ, опворила пошпенную дверь, и смѣло вошла къ капишану.

Каково было удивленіе человѣка, кошорый нѣсколько минушъ уже съ неперпѣніемъ ожидалъ влюбленной пошпишельницы, кошораго воображеніе, разыгравшись опъ шайнспвенности эпихъ пригоповлений, опъ шопоша женщинъ въ ближней комнашѣ, создавало попеременно идеалы совершенствъ своего невидимаго божества — когда молодая и прекрасная женщина, обливаясь слезами, бросилась къ его ногамъ, заклиная его именемъ Спасителя спасти ее и ея сына.

Она объяснила капишану свое положеніе, рѣшимость, кошорая заспавила ее прибѣгнушъ къ презрѣнной Еврейкѣ, прикрышъ личиною разврата свое благородное поведеніе, и искашъ из-

бавишеля въ распушномъ домъ. Капитанъ былъ пронуть слезами своей соотечественницы; безкорыстная преданность замѣнила въ его сердце обманушыя любовныя восторги, и онъ клялся ее спасти, и уважить ея несчастія. Смѣлый планъ былъ уже составленъ въ умъ Ангелики, и капитанъ рѣшился привесть его въ исполненіе.

Ангелика, выходя отъ Жидовки, должна была еще вышерпѣть ея отвращительныя привѣщанія, и даже недовѣрчивыя взгляды своихъ невольницъ, копорыя начинали подозрѣвать, что посѣщенія ея въ этотъ домъ имѣли какую нибудь скрытную цѣль. А капитанъ Леоній долженъ былъ съ принужденною улыбкою слышать упреки Жидовки за долгую нерѣшимость, и вопросы о томъ, какъ ему понравилась чернобровая любовница; когда старуха просянула ему свою изсохшую руку, прося награжденія за свои продажныя услуги, капитанъ далъ ей нѣсколько цехиновъ, и она оспалась въ увѣренности, что онъ былъ вполне щасливъ. Съ тѣмъ довольствомъ, копорое, какъ капля небесной, благодапной росы, ложится на сердце послѣ безкорыснаго и великодушнаго поступка, капитанъ

оставилъ эпошь домъ, не испытавъ даже того чувства опвращенія, которое все въ немъ внушало; онъ былъ занятъ одною мыслію — спасти Хрисіанку опъ невѣрныхъ.

Въ эпошь же день онъ узналъ домъ Мусшафа-Аги, на Босфорской набережной въ Куру-чешмѣ. После полуночи онъ опыскалъ въ шемношь снурокъ, висѣвшій опъ окна вшораго эшажа, и привязалъ къ снурку свой першень; першень былъ поднятъ для узнанія, и чрезъ минушу безъ шума опворилась спавня, и на надежной веревкѣ спушилась шяжелая ноша. Въ эпой ношъ были все надежды Ангелики, эпо былъ ея чешырехлѣпній сынъ, усыпленный опіумомъ; въ лешаргіи, между жизнио и смершію, дшпя Турка переходило на всегда въ руки Хрисіанъ. Машъ просила кашипана, если она не постѣешъ вслѣдъ за сыномъ спасшсь, если усыпшпельное, кошорымъ она успѣла напоишь въ шербетъ или въ вечерней чашкѣ кофе всѣхъ своихъ домашнихъ, измѣнишь ей — бѣжашъ съ дшпяшью, и оставишь машъ на произволъ судьбы. Но судьба ей благопріятшспивовала; она вшацила принесенную кашипаномъ веревочную лѣспницу, задѣла веревку за раму окна, бросила другой конецъ

къ морякамъ, копорые такимъ образомъ снизу выпянули лѣспницу, и спустилась къ нимъ. Пономъ, опдавъ конецъ веревки, они взяли обратнo лѣспницу; въ нѣсколькихъ шагахъ ожидала ихъ вѣршая шлюбка, и когда разсвѣло никакого признака ночныхъ происшествій не увидѣли сосѣди, кромѣ полуопворенной спавни.

Не знаю, что сдѣлалъ Муспафа-Ага, вспавни на другой день, съ головою шяжелою опъ усыпишельнаго шербепа, безъ жены и безъ сына. Можешъ бышь сначала думалъ онъ, что злые духи ночи подшупили надъ нимъ, и изъ окошка умчали его семейство на воздухъ; попомъ родились въ его умъ болѣе прозаическія подозрѣнія, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ по всему Спамбулу, по всѣмъ окресносшямъ, искалъ жены и сына. Капипанъ Леонпій распорядился очень ошпорожно; кромѣ шого, что весла его шлюбки у уключицъ были окупаны соломою, чтообы малѣйшій шумъ не измѣнилъ ему, и что никшо не видалъ и шѣни его вѣрныхъ моряковъ въ ночномъ ихъ предпріятіи, но даже, окончивши поспѣшно наканунѣ дѣла свои въ Констаншинополѣ, и задержанный безвѣпріемъ еще однѣ сѣпки на рейдѣ, онъ не позволилъ ни одному изъ

своихъ моряковъ съѣхашь на берегъ, и не принялъ никого на своемъ корабль.

Черезъ нѣсколько дней онъ высадилъ Ангелику съ ея сыномъ въ карантинъ острова Сиры, и продолжалъ свое плаваніе по коммерческимъ дѣламъ. Но изъ Сиры молва разгласила о спасенной плѣнницѣ. Турку были сообщены всѣ примѣпы корабля, въ кошоромъ бѣжала его жена, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда капитанъ Леоншій, думая что все забыто, зашелъ въ Турецкій портъ въ Хіосъ, онъ былъ схваченъ съ своимъ экипажемъ, и посаженъ въ крѣпость, а самъ Мусшафа-ага поѣхалъ въ Грецію, чтобы шракшовашь съ родственниками арештованныхъ моряковъ о возвращеніи ему жены и сына, а въ прошивномъ случаѣ, какъ мы уже сказали, онъ давалъ имъ слово повѣсипь похищителей его семейства.

Положеніе молодой и прелеспной женщины, кошорая бѣжала отъ своего мужа не по спрасши, но по чувспву религіи и машеринской любви, внушало самое живое учаспіе въ ея судьбѣ. Но судьба очерпила кровавымъ кругомъ всю ея жизнь: еще въ дѣтствѣ бывъ причиною мученической смерти отца и машери, и шеперь она должна

была искупить свое спасеніе и спасеніе своего сына опть исламизма смертію своихъ избавишелей. Она призналась, что послѣ сполькихъ лѣтъ семейной жизни, и можно сказать счастливой, если положеніе женщины въ Турціи можешъ бышь счастливымъ, она не могла безъ горести покинуть своего мужа. Преслѣдованія Мусхафы, учашъ несчастныхъ, подверженныхъ его мести, и угрызенія совѣсти не поколебали ея швердости, но обрашили въ глубокую ненависть всю прежнюю ея привязанность къ мужу. Она сперла съ своего лица, какъ румяны, его лобзанія, и съ всемогущесвомъ мащери перелила и въ сердце малолѣшняго сына всю свою ненависть къ его опцу. Первымъ ея попеченіемъ, какъ только спунила она на Христіанскую землю, было крепить сына, и тогда, успокоенная увѣренностію, что никто не употребитъ насилія, чтобы вырвашъ его изъ объятій церкви и мащери, она предложила мнѣ его уговорить, чтобы онъ возвратился къ опцу; но дитя, едва услышавъ о цѣли моего посѣщенія, прижалось къ мащери, смотрѣло на всѣхъ съ боязнію, и мнѣ спойло большихъ усилій призвашъ его къ моимъ ласкамъ. Оно едва могло говорить нѣсколько словъ по-

Гречески, и первыя фразы, запверженныя имъ, были прокляшя на всѣхъ Турокъ и на своего ошца, кошорый хотѣлъ его сдѣлать Туркомъ.

Когда увѣдомили Мусшафа-Агу, что никакой надежды не было возвращишь ему сына, онъ хотѣлъ исполнишь свой приговоръ надъ несчастными моряками, но въ послѣдспіи большой выкупъ, предложенный родспвенниками, ихъ выручилъ.

Эпопъ эпизодъ воспоминаній вевольничьяго рынка отвлекъ меня опъ моего предмета; можно написатъ цѣлыя томы подобныхъ приключеній, собирая, безъ всякихъ прикрасъ романпического вымысла, одни свѣжіе рассказы объ той эпохъ, когда сполько тысячъ семей обратились въ пльнъ, когда судьба Мореи, Кандіи, Хиоса представила ужасныя каршины семейной горести и насилія, безчеловѣчія и самоопверженія, униженія женщины и женскаго геройства, и все эпо облипное волнами крови и освѣщенное пожарами.

Съ сердцемъ спѣсеннымъ опъ груспи я

оставилъ рынокъ; я не любопытствовалъ видѣть другой дворъ находящійся у Семи башень, въ кошоромъ продають взрослыхъ невольниковъ и евнуховъ. Чшо же касается до красавиць, посылаемыхъ изъ Кавказскихъ странъ, онѣ недоступны взору гяуровъ, продающа въ частныхъ домахъ, въ кошорые имѣють, входятъ одни Османлы. Торговая ихъ биржа—это кофейный домъ въ Топханъ, въ кошоромъ просиживають цѣлый день купцы, кура шрубку и разговаривая объ удачахъ и неудачахъ своихъ предпріятій. Никого въ цѣломъ Сшамбуль не огорчаешъ до такой степени чума, кошорая можешъ въ нѣсколько дней похищать всѣ ихъ сокровища.

Мнѣ нѣсколько разъ случилось видѣть молодыхъ невольницъ, когда ихъ водили въ баню, или къ кому нибудь на показъ; покрывала ихъ ошкрышы болѣе обыкновеннаго, вѣроятно потому чшо нѣтъ надъ ними бдительнаго надзора ревнивца-мужа, или потому, чшо купецъ тайно желаетъ, чшобы молва превозносила его продажныхъ красавиць. Верхнее покрывало позволяешъ любопытному взору видѣть брови, часть лба и даже цвѣтъ волосъ, а другое опускаешся иногда ниже носа, пакъ чшо лице женщины рисуеш-

ся кабалистическимъ шреугольникомъ среди паншвенныхъ завѣсъ.

Иногда свѣшлорусые волосы Черкешенки напоминають ея сѣверное происхожденіе, и подь солнцемъ юга кажутся опраженіемъ его лучей; но большею часшю онѣ имѣють глаза, брови и волосы совершенно черные, и это еще болѣе выказываетъ бѣлизну ихъ лица, подобнаго главѣ Эльборуса, когда на ней блуждають розовое облако вечера, или шуманно-блѣднаго, какъ влюбленная звѣзда. Красоша эшихъ женщинъ представляють особенный шигъ; она не имѣетъ шой скучной суровости древняго, классическаго идеала, и не выражаетъ успалости и помненія, кошорья придають сполько прелести Европейской женщинѣ: ихъ красоша, красоша собшвенно Азіяшская и болѣе женская, нежели красоша Гречанокъ; ихъ чершы исполнены жизни и спраши, но рѣдко бывають спрогой правильности; можеть бышь въ нихъ нашель бы Гогаршь осуществленный идеаль своей красошы, кошорая не першишь прямыхъ линій и угловъ, и имѣетъ девизомъ и пропошипомъ своимъ змѣеобразно изогнушую линію. Ихъ спанъ оспанется загадкою, доколь онѣ будущъ окружають его неуклю-

жимъ *фередже*; говоряшь однако, что и спанъ ихъ напоминаетъ легкій и граціозный спанъ горцевъ, и эшо единственный ихъ недоспашокъ въ глазахъ Турокъ, любящихъ въ женщинъ льни-выя формы, приличныя сидячей, или лучше ска-зашь, вѣчно лежащей жизни Воспочныхъ жен-щинъ.

Человѣколюбивыя мѣры нашего Правитель-ства въ скоромъ времени навсегда уничтожатъ шоргъ Кавказскими плѣнниками, и наши крей-серы въ Черномъ морѣ строго соблюдаютъ, что-бы ни одно судно съ плѣнниками не плыло вдоль эшихъ измѣническихъ береговъ. Должно надѣ-яться, что видѣнный мною въ Константино-полѣ въ 1830 году корабль, послѣдній обрадо-валъ Турецкіе гаремы данію Кавказа; до шого ежегодно приходилъ въ Константинополь ко-рабль съ грузомъ молодыхъ Черкешенокъ. Эшопъ обычай освященъ классическою стариною; пер-вый корабль, прорвавшійся промежъ Симплегадъ въ *Гостеприимный Понтъ*, возвратился въ Гре-цію съ добычею Черноморской красавицы. Но въ наше прозаическое время соопечественницы Меды увозящя не рыцарями-Язонами, не лю-бовниками, а просто купцами. Купцы, узнавъ

предварительно биржевые цены Спамбула на женщинъ, отправляющіяся къ Кавказскимъ племенамъ, и выпорговываютъ у родителей пригрозивъ дочерей отъ 10 до 14 лѣтъ, или мѣняютъ ихъ на порохъ, на оружіе, на плащье. Не думайте, чтобы молодыя невольницы съ грустью покидали родителей и родину; всякую изъ нихъ заблаговременно увѣряютъ, что она попадетъ въ Сераля великаго Султана, что она будетъ Султаншею; при томъ купецъ, взявъ ихъ съ собою, бережетъ какъ зеницу ока; потому что все его расчеты основаны на ихъ здоровьи, на ихъ красотѣ, и если болѣзнь похититъ многихъ изъ нихъ, онъ можетъ обанкротиться. Въ настоящее время хорошенькая Черкешенка цѣнится въ Константинополѣ отъ 15 до 25,000 піасровъ (отъ 3 до 5000 рублей); но если она совершенство красоты, если къ тому успѣла получить хорошее воспитаніе, цѣна возвышается до 40 и до 50,000 піасровъ, а такъ какъ торгъ этотъ прекращается, то вѣроятно цены еще значительно возвысятся.

Черкешенки высшихъ сортовъ обыкновенно покупаются для подарковъ вельможамъ, или даже Султану; и потому шъ, которые купили ихъ съ

такою цѣлю, спараюся всѣми средствами привязать ихъ къ себѣ, чтобы потомъ имѣть усердныхъ заступницъ въ гаремахъ. После этого не удивительно, что ни одна изъ этихъ цѣлницъ не жалѣетъ о своей родинѣ, о родителяхъ ее продавшихъ, и о льзахъ дѣйства, проведенныхъ въ нищету горныхъ племенъ. Припомъ образованная Европейская дама, Англичанка высшаго круга, Леди Моншегю въ своихъ обворожительныхъ письмахъ изъ Турціи, находить судьбу Турчанокъ невольницъ почти завидною; изчисливъ все преимущества неволи женщинъ, она прибавляетъ: »Вы мнѣ замѣтите можете быть, что мужчины покупаютъ женщинъ съ дурными помышленіями; но, по моему мнѣнію, во всѣхъ большихъ городахъ Христіанскихъ земель, ихъ продаютъ и покупаютъ съ такимъ же безспысвомъ, и почти также публично.« Прошу замѣтите въпрочемъ, что это говоритъ Леди Моншегю а не я; и что это было сказано за 120 лѣтъ предъ симъ; можете быть съ того времени въ Христіанскихъ городахъ обычаи измѣнились, и въ наше время сравненіе можете быть невѣрнымъ.

Во все продолженіе двухъ блистательныхъ

въковъ Турецкой Имперіи, послѣ каждой войны, каждаго опустошительнаго набѣга въ Грецію, въ Венгрію, въ Польшу, многія тысячи плѣнницъ привозились для населенія гаремовъ; Кавказъ доселѣ продолжалъ посылать ежегодно въ Сшамбуль цѣлые ихъ грузы; при такомъ поспешномъ привозѣ женщинъ нельзя не удивляться чувствваемому во всей Турціи недоспадку въ нихъ, и поспешенному уменьшенію Турецкаго народонаселенія, между цѣмъ, какъ другія племена ему подвластныя, въ особенности Армянское и Еврейское, значительно умножаются. Безъ сомнѣнія ничему другому нельзя приписать это, какъ многоженству.

Мы видѣли уже, что многіе Турецкіе вельможи вывезены также изъ Кавказа; малолѣтныя дѣти были проданы или своими родителями, или наѣздникомъ, захватившимъ ихъ въ плѣнъ въ непрерывной войнѣ, которая свирѣпствуетъ между Кавказскими племенами. Одни изъ нихъ поступаютъ въ Сераль въ корпусъ Ичоглановъ или пажей, и шѣ, которые способностями или красотою обращаютъ на себя милосливое вниманіе Падишаха, могутъ со временемъ сдѣлаться Визирями и управлять Имперією. Другіе посту-

паюшъ въ корпусъ бѣлыхъ евнуховъ, и на поприщѣ гаремной службы могутъ дослужиться до важнаго сана Капы-Ага-сы, п. е. начальника дверей, или начальника спражи бѣлыхъ евнуховъ. Замѣтимъ здѣсь, что въ Турціи число евнуховъ не такъ велико, какъ въ Европѣ вообще думаютъ; евнухи составляютъ предметъ роскоши, принадлежащей только Сералю и весьма немногимъ важнымъ лицамъ. Припомъ вліяніе ихъ ограничивается въ кругу семейной жизни и гарема; власпъ Кизляръ-Ага-сы и Капы-Ага-сы рѣдко простирается далѣе Серала, и врядъ ли эти вельможи имѣли когда-нибудь въ Турціи какое вліяніе на государственный дѣла, какъ въ Императорскомъ Римѣ и въ Византии, гдѣ даже одинъ изъ нихъ былъ величайшимъ полководцемъ, а другой предсѣдалъ въ Сенатѣ. За то въ Турціи званіе раба вовсе не такъ унижительно, какъ было въ древности; если рабъ не разлученъ религіею или цвѣтомъ своей кожи отъ своего господина, если онъ успѣлъ пріобрѣсти его довѣренность и благосклонность, онъ можетъ считать себя почти членомъ семейства. Рабамъ, такъ какъ и гаремнымъ невольницамъ, дается тщательное воспитаніе, и никогда неволя не заградила пути къ

достоинствамъ и къ почестямъ, при умѣ и при способностяхъ. Эгоизмъ Азіянца любитъ окружать себя своими пшварями, людьми, конхъ судьба неразлучно связана съ судьбою подозрительнаго деспота. И въ древности какъ и теперь мы часпо видимъ въ Азіи все бремя государственнаго правленія въ рукахъ раба. Еще недавно обширное и богатое государство освобождено опъ власни Мамелюковъ, которые, какъ извѣстно, были невольники, вывезенные изъ Кавказа.

Греція и Римъ были въ вѣчной борьбѣ съ штъмъ поколѣніемъ, которое судьбою войны было обречено наслѣдственному рабству; всѣ средства нравственнаго уничтоженія челоука, всѣ жестокости, которые кровавыми пятнами лежатъ на прекрасныхъ страницахъ исторіи цвѣшущаго ихъ вѣка, казались позволишельными, даже необходимыми для обезпеченія правъ привилегированной половины народа. Во времена величія Рима варварство простиралось до того, что рабовъ бросали въ пруды на кормъ рыбамъ, предназначеннымъ усладить чудовищное гастрономическое безупсство Римскихъ богачей. Въ Американскихъ республикахъ еще и теперь раб-

ство сохраняешь безчеловѣчный характеръ рабства древнихъ республикъ; можешь бышь оно необходимо при республиканскомъ правленіи, чшобы предшавляшь бѣдспивенную каршину чешовѣчества, попрагнаго и уничиженнаго, подлѣ судорожнаго спремленія чешовѣка къ призраку свободы.

Г Л А В А IV.

Выгоды сумасшествия. — Восторженный Дервишъ и ругательства. — Излечение безумія побоями. — Безуміе ожиданія, безуміе логики и безуміе вора. — Находка для черепослововъ. — Ошибка двухъ Султаншъ. — Народная черта въ безуміи. — Полиція и тюрьмы. — Арифметическое правосудіе. — Тюремная промышленность. — Слѣствыя припасы. — Ухищренія хлѣбниковъ. — Привилегированныя казни. — Ступка для Улемъ, и преданіе о ней. — пытки. — Живость Турецкаго правосудія. — Балконы-висялицы. — Слѣды прогулокъ.

Ни въ одной странѣ сумасшедшіе не пользуются такимъ уваженіемъ какъ въ Турціи; извѣстно, что Магомешане смѣшивающъ въ своихъ понятіяхъ религіозный воспоръ съ сумаспешвіемъ, думаютъ, что вышній духъ выпѣсняетъ изъ головы обыкновенный человѣческій разумъ, и что чѣмъ меньше ума въ человѣкѣ, тѣмъ чаще посѣщаетъ его вдохновеніе. Во всякомъ Турецкомъ городѣ найдете бродягъ, копорые съ безуміемъ во взорѣ ходящъ по улицамъ, бормочащъ всякій вздоръ, входящъ за подавніемъ въ имарепы и въ часпные дома, могутъ даже оскорбить васъ, но не смѣете ихъ коснушся, чпобы не раздражить фанатической шолпы, копорая видитъ въ нихъ избранниковъ Аллаха,

исполненныхъ вдохновеній. Это родъ бывшихъ вспарину въ Россіи юродивыхъ. Въ особенності Дервиши играютъ подобныя роли; можетъ бытъ и въ самомъ дѣлѣ опъ посюяннаго болѣзненнаго напряженія ихъ физическихъ и умственныхъ способностей суевѣрными обрядами ихъ словія, и опъ большихъ приемовъ опиума, они приходяшъ въ состояніе посюяннаго воспора, лишающаго ихъ употребленія разсудка.

Даже безумные другихъ религій пользующіея благосклонностію Оппоманъ, и если ихъ безуміе бываетъ характера пихаго, безъ прищадковъ буйства, они совершенно свободны, живущъ ли подъ присмотромъ родспивенниковъ, или бродяшъ по улицамъ.

Я посѣщилъ сумасшедшій домъ Турокъ, состоящій при мечети Солиманіэ. Среди двора, въ кругу плашановъ, бьешъ фоншанъ, и кругомъ построена галлерей изъ маленькихъ ложъ, въ коихъ за желѣзными перилами содержащяся безумные. И здѣсь, какъ въ базарѣ невольницъ, мнѣ представилась картина звѣринца; шамъ неволя, здѣсь безуміе унизили челоуѣка до состоянія живошпаго; и какъ въ адмиралшейскомъ ошпрогѣ, и здѣсь, поразилъ меня звукъ цѣпей; безум-

ные привязаны цѣпю къ желѣзнымъ периламъ, потому что ихъ безуміе буйно и опасно. Все убранство ихъ шѣсной комнаты состоишь въ циновкѣ, на которой они лежатъ, и въ простомъ коврѣ, которымъ покрываются; весь при-смотръ — въ кружкѣ воды и въ кускѣ хлѣба, или въ блюдѣ пилава, которые приносятъ имъ надзирашель; а что касается до пользованія — они вымечатся, когда будетъ угодно Аллаху и его Пророку посылать имъ менѣе вдохновеній.

Одинъ изъ нихъ, дервишъ, въ грязныхъ лохмотьяхъ, съ обнаженною грудію, съ лицомъ, котораго блѣдность еще увеличивалась при огненномъ его взглядѣ и при черныхъ волосахъ, расщепанныхъ и выпадавшихъ изъ подъ его длиннаго кюлафа, изрыгалъ проклятія на все племя гяуровъ, когда мы предъ нимъ проходили. Мнѣ сказали, что онъ всегда былъ неугомоннымъ изувѣромъ, врагомъ Христіанъ, и что соупспивовалъ Султанскимъ войскамъ въ войнѣ съ Россією, и послѣ препертѣннаго ими пораженія, возвратился въ Сшамбуль въ этомъ состояніи; впрочемъ онъ всегда былъ набожно уважаемъ солдатами, и по возвращеніи своемъ немедленно отправился въ Галапу, чтобы вымеспить на пер-

вамъ вспрыгнувшемся ему Франкъ несчастія своего похода; онъ успѣлъ поколошиться безъ милосердія нѣсколькихъ Сардинскихъ мажросовъ, покуда его связали и принесли въ эпопъ домъ. Мы должны были прехладнокровно выслушать его ругашельства, видя на лицахъ сопущивовавшихъ намъ Турокъ глубокое уваженіе къ особѣ Дервиша, копораго, по силѣ его вдохновеній, они гоповы были включили въ число своихъ 120,000 пророковъ.

Болѣе возбудилъ мое любопытство сумашедшій совершенно другаго рода; при бунтѣ Янычаръ опецъ его былъ обезглавленъ въ его глазахъ; онъ со спреха упалъ въ обморокъ; пришедши въ чувство онъ былъ увѣренъ, что онъ самъ также обезглавленъ, и что онъ долженъ быть въ кладбищѣ; его безуміе было шихо, но его были принуждены посадить въ эпопъ домъ, попому что никакъ не могли убѣдить его удалиться изъ кладбища, гдѣ онъ непременно хотѣлъ выкопать себѣ яму. Онъ не имѣетъ никакихъ воспорговъ, не приходишь нивогда въ неисповство, совершенно помнитъ все что съ нимъ случилось, и раздѣляетъ приключенія своей жизни на двѣ эпохи — первую, когда онъ

былъ въ живыхъ, и вшорую, когда силою его задерживаюшъ между живыми, хошя онъ давно умеръ.

За симъ пошшилъ я сумасшедшій домъ Грековъ, соспоющій при церкви Божьей Машери въ Эгри-Капы*. Здъсь зрѣлище еще болѣе плачевное; несчастные шакже окованы цѣпями, и ихъ не ограждаетъ суевѣрное почитаніе Турокъ. Напрошивъ шого ихъ единовѣрцы думаютъ, что въ нихъ поселился злой духъ, самъ Сашана, и вмѣсто всякаго другаго пользованія, спараюшя шолько изгнашъ изъ нихъ Сашану чпеніемъ молишвъ и побоями. Священникъ вполнѣ раздѣляетъ это убѣжденіе проспаго народа, и не хотѣлъ мнѣ вѣршъ, когда я ему рассказывалъ, что у насъ въ Россіи упошребляюшя другія средства для излеченія безумныхъ; онъ не входилъ въ богословскія шонкосши, и вмѣсто всякаго другаго доказашельства, сказалъ мнѣ, что настушаетъ часъ чпенія молишвъ, повелъ меня къ сумасшедшимъ, спалъ чшашъ имъ молишвы, и сказалъ мнѣ, замѣчайте, какъ будетъ въ нихъ

* Эгри-пы, косыя ворота, недалеко отъ Пръсныхъ водъ; это одни изъ 36 воротъ Констаншинопольской крѣпости; у Грековъ назывались шакже *karôa pûlu*.

порывашся нечистый при всякой молишвѣ, при всякомъ словѣ изъ Евангелія. Дѣйствительно между сумасшедшими поднялся плачь, крикъ, дикій хохотъ безумія, раздирающіе вопли; они мешались какъ могли, спучали цѣпами, и представили ужасное зрѣлище. Тупъ вошелъ спорожъ съ огромною палкою, и спалъ бить безъ пощады тѣхъ, кои болѣе бѣсновались, чшобы выбить изъ ихъ тѣла нечистаго. Я осмался въ швердомъ убѣжденіи, что эти несчастные или предчувствуюшъ приходъ спорожа съ палкою, когда чшщаются молишвы, и безуміе ихъ выражаешъ свой, спрахъ воплемъ опчаянія, или увѣрились сами, что въ нихъ обитаешъ нечистый духъ, и думающъ что эшотъ духъ непременно заспавляетъ ихъ бѣсновашся. Для чего суевѣріе, всегда прилипчивое въ людяхъ при здоровомъ состояніи разсудка, не могло бы сообщиться и несчастнымъ, коихъ разсудокъ затмился?

Въ другомъ отдѣленіи были тѣ, коихъ безуміе не доходило до нешповспва; имъ позволялось ходишь на свободѣ и гуляшь на церковномъ подворьи. Всъ роды безумія соединились здѣсь, и на каждомъ шагу сближались самыя прогашельныя карпины, съ самыми смѣшными.

Спарикъ почтенной наружности, съдой какъ лунь, игралъ въ куклы, разговаривалъ съ ними, одѣвалъ ихъ со всею заботливостію прехлѣпной дѣвушки; когда я къ нему приблизился, онъ спрашивалъ у меня, скороли придешь его *Зафира*; надзирашеть сказалъ мнѣ, что эша *Зафира* была его внучка, единственна опрада его спаросши, и что лѣтъ шесть тому назадъ она безъ вѣспи пропала; спарикъ послѣ долгихъ поисковъ помѣтался, сберегъ однѣ дѣтскія игрушки своей внучки, привязался къ нимъ, какъ къ утѣшительному воспоминанію о ней, и уже цѣлыя шесть лѣтъ играетъ съ куклами и спрашиваетъ у всѣхъ о своей *Зафирѣ*. Положеніе спарика спановишя еще болѣе несчастнымъ опъ временныхъ возвращеній разсудка; онъ погда чувспивуешъ, что дияя невозвратно пропало, что онъ оспался одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ чувспивуешъ свое сумашествіе, и горько плачешъ, доколѣ запмѣніе разсудка не принесешъ ему вновь утѣшительныхъ ожиданій; но и въ самой любви безумнаго къ призраку, что можешъ быць прогашельнѣэ этой поспоянной привязанности съдовласаго спарика къ малолѣтнему дияяпи, эшихъ двухъ крайностей жизни, кошо-

рыя опъ могилы до колыбели подаюшъ одна другой руку?

Другой сумасшедшій сидѣлъ съ выраженіемъ непришворной грусти, и вида, что я принималъ въ немъ участіе, со слезами просилъ меня, что-бы я съвздилъ на гору Синай, привести опшуда его шѣнь, копорая была заложена за долги въ монашырской казнѣ; а ему безъ шѣни было скучно и грустно, ему шѣнь была всего дороже; онъ совѣспился показывашься безъ своей шѣни, и припомъ боялся, что если Турки узнаюшъ, что онъ безъ шѣни, сочпушъ его своимъ нечеспивымъ Пророкомъ, и заспавяшъ дѣлашъ намазъ. Это опасеніе, говорилъ онъ, принуждало его пришворяшъся сумасшедшимъ, и онъ всегда пащилъ за собою разорганный плащъ, что-бы никпо не замѣшилъ, что у него нѣшъ шѣни. Онъ былъ самага шихаго нрава, и въ своемъ сумасшесшвіи велъ себя весьма умно; его пошому полько посадили въ эшопъ домъ, что въ самомъ дѣлѣ какой нибудь Турокъ изувѣръ, могъ бы оскорбшъся шѣмъ, что нечиспный Гяуръ приписывалъ себѣ свойство, принадлежащее одному Магомешу — не имѣшъ шѣни.

Еще возбудилъ мое любопышство человекъ

помѣшанный на воровствѣ. Онъ служилъ сперва сидѣльцемъ въ какомъ-то магазинѣ, и былъ замѣченъ въ ушайкѣ незначительныхъ товаровъ, между тѣмъ какъ во всемъ прочемъ былъ самой строгой честности. Онъ до того увлекся природною склонностію къ воровству, что наконецъ спалъ воровать самъ у себя, и на этомъ помѣшался. Онъ подошелъ къ намъ съ жалобою, что ему не дають ѣсть, между тѣмъ какъ всѣ прочіе давно уже опобѣдали; я узналъ отъ надзирашеля, что онъ во-время получилъ свою порцію, но имѣешь обыкновеніе похищать ее, и съ большими предосторожностями, чтобы никто не подсморгнулъ, спрячь въ какомъ нибудь углу, или въ ямѣ нарочно выкопанной, попомъ спрадаешь онъ голода, доколь не удался ему опять тайно унести спряпанное имъ, какъ будто чужое, и съ поспѣшностію скрытно пожрать. Я увѣрился въ этомъ, когда прошелъ часъ гулянія, и всѣ больные заперлись въ своихъ покояхъ; я подсморгнулъ въ щель презабавную сцену: эшошъ оригинальный воръ накопилъ въ своей кануркѣ разныхъ лохмошьевъ, кирпичей, разбишыхъ склянокъ и всякой всячины, и съ большимъ шщаніемъ успроилъ изъ всего эшаго

родъ безестенской лавочки; но среди шоваровъ посадилъ деревянное чучело, накрывъ его своимъ халашомъ, и надѣлъ на него свой колпакъ; потомъ началъ свое представленіе: вошелъ самъ въ лавку, сталъ торговать разныя вещи, претовалъ по шого по другому, отвлекалъ такимъ образомъ вниманіе чучела, и съ удивительною проворностію кралъ разныя вещи и набивалъ ими свои карманы; между шѣмъ съ принужденнымъ хладнокровіемъ разговаривалъ съ чучеломъ; глаза его выражали величайшее внутреннее волненіе, голосъ дрожалъ иногда отъ боязни, и пошъ градомъ катился съ его лица. Подобныя явленія каждый день повшорались; ничшо не могло его отвлечь отъ любимаго упражненія, и эта спрасъ владѣла имъ какъ лихорадка, держала его въ постоянномъ, мучительномъ напряженіи, и имѣла гибельное вліяніе на его здорвіе. Подобное помѣшательство представляетъ любопытную психологическую задачу, и всякій кранологъ дорого заплашилъ бы за черепъ эшаго челоуѣка, чтобы точнѣе опредѣлить выпуклость воровскихъ наклонностей, развишихъ у него до безумія. Такъ какъ по наблюденіямъ Германскихъ ученыхъ эша выпуклость есть въ

поже время и выпуклость способностей завоевателя — можешь бышь, нашлись бы соотношенія между черепомъ чловѣка помѣшеннаго на воровствѣ и черепомъ, въ коемъ обиталъ гоній нашего вѣка, помѣшанный на завоеваніяхъ.

Изъ всѣхъ родовъ сумасшествія, собранныхъ въ этомъ домѣ, самое смѣшное, самое болтливое и евинное, было сумасшествіе одного школьнаго учителя; жертва классицизма, онъ рехнулся надъ логикою Аристотеля и не знаю еще надъ какими древними риториками; бредилъ софизмами, полковалъ своимъ поварницамъ правилами силлогизмовъ, и со всѣмъ учительскимъ перцѣніемъ слушалъ ихъ бреды, и хотѣлъ учить сумасшедшихъ логикѣ. Онъ съ улыбкою самодовольствія сообщалъ мнѣ тайнымъ образомъ, что онъ выдумалъ новыя формы силлогизмовъ, коими, при случаѣ могъ бы доказать самому Султану, что безъ Аристотеля не одобровать новообразованныхъ войскамъ его; но въ поже время жаловался на невѣжество Турокъ, копорые лучше понимали силлогизмъ палочныхъ ударовъ и посылку въ капоргу, нежели посылки Аристотелевой логики.

Въ такомъ многочисленномъ собраніи сума

сшедшихъ могли ли не быть сумасшедшіе отъ любви? — Одинъ изъ нихъ въ особенносги занимашеленъ предлиннымъ разсказомъ о томъ, что онъ влюбленъ въ дочь Сулшана, а въ него влюбилась по ошибкѣ сшарая сеспра Сулшана, героиня многихъ романовъ, и онъ не знаетъ куда дѣваться отъ Сулшаншъ, и какъ согласишь эти двѣ спраспи.

Еще одно замѣчаніе о сумасшедшихъ домахъ Спамбула: и въ эпомъ послѣднемъ убѣжищъ человека, когда безуміе спермо межевую черпу, ошдѣляющую царя созданія отъ живошнаго, сохраняешся еще характеръ племени; въ сумасшедшемъ домѣ Турокъ раздавался только свирѣный голось фанашизма; всѣ другія спраспи зашихли, или выражались мрачнымъ молчаніемъ; въ Эгри-капы сумасшедшіе предспавляли самое одушевленное зрѣлище: шумѣли, говорили, спорили, и кромѣ шѣхъ, копорые были въ цѣпяхъ, оспальные проводили время довольно приапно: или забавлялись, или печаль ихъ была пиха, и находила какъ будпо ушѣшеніе въ своемъ безуміи.

Въ шомъ же день посѣпилъ я шюрмы Спамбула, а шоремъ въ эпомъ городѣ сполько же,

сколько и лицъ имѣющихъ право сажашъ въ шюрму. Сераскирь, Верховный Визирь, Воевода Галашы и Греческій Папріархъ имѣюшъ каждый въ своемъ вѣдѣніи по одной шюрмѣ. Кроме того кулуки, или гауптвахты, находящіяся обыкновенно у ворошъ Коншаншинополя и въ каждомъ предмѣстіи, имѣя полицейскій надзоръ надъ своимъ кваршаломъ, предоспаваютъ начальнику караула право арестовашъ престолюдимовъ, или употребляшъ легкія полицейскія мѣры, каковы напримѣръ палки по пятамъ, для содержанія порядка. Прежде эти посшы ввѣрялись янычарскимъ Чаушамъ, шеперь офицерамъ регулярныхъ войскъ; говоряшъ, что городъ много выигралъ при этой перемѣнѣ; но при Янычарахъ полиція кулуковъ была самая просшая: между двумя лавочниками происходилъ споръ; одинъ изъ нихъ являлся къ Чаушу съ жалобой, подкрѣпленною двумя піаспрами, и сажалъ своего сосѣда въ кулукъ; шопъ могъ заплашъ чепыре и посадишъ шуда обвинителя; эшошъ опяшъ удвоивалъ сумму, и наконецъ правымъ оставался шопъ, кто послѣдній набавлялъ. Чипапелъ замѣшишъ, можешъ бышъ, что и въ другихъ спранахъ, и въ другихъ судахъ проис-

ведишь подобные шорги, но въ Турціи это дѣлалось по крайней мѣрѣ безъ всякихъ прикрасъ юриспруденціи, съ какою-то патриархальною простотою. Кулукчи сидѣлъ въ кофейномъ домѣ на диванѣ, поджавъ ноги и куря свой кальянъ (кофейный домъ есть главная принадлежность всякой гаушпашапы), а подсудимые предъ нимъ гласно дѣлали свои предложенія, безъ всякаго соблзана присущивовавшихъ, и никшо не ронялъ на это правосудіе, пошому что оно никогда не могло ошибиться, будучи основано на ясномъ и простомъ арифметическомъ расчетѣ. Самъ даже обвиненный спонтически опправлялся въ шюрьму, издѣвался надъ своимъ противникомъ, котораго разорялъ выигранный процессъ.

Впрочемъ и теперь содержащъ шюрьму въ Константинополь лучше всякой другой промышленности, всякой фабрики, всякаго шракшира. Кроме значительнаго дохода присвоеннаго вельможѣ есть права сажашъ въ нее людей подъ самымъ легкимъ предлогомъ, и потомъ взимающъ произвольный выкупъ, самый кося, или надзирающъ шюрьму, взыскивающъ пошлины за каждую шрубку шабаку, за каждую чашку кофе, коммивьяновъ штрафуетъ свое заключеніе, даже за

каждый кусокъ кляба и спаканъ воды, не говоря уже о свиданіяхъ съ нимъ кого нибудь изъ ближнихъ. Прибавьте къ этому безпреспанцые бакшиши спорожамъ, и вы увидите, что одновременно дѣло приводитъ ежедневно въ кругообращеніе значительныя суммы.

Безъ сомнѣнія все это не можетъ описаться къ шорьмъ, состоящей при патриаршей церкви; шакъ какъ власшь и вліяніе Патриарха болѣе основаны на преданности къ нему, и на набожномъ уваженіи народа къ его сану, нежели на привилегіяхъ, дарованныхъ ему Султаномъ, шю, дорожа народнымъ мнѣніемъ, церковнополитическая власть щщщательно избѣгаетъ всякаго рода злоупотребленій.

Что касается до статистическихъ выводовъ о шорьмахъ Констанцинополя, одно только замѣтилъ я, что изъ числа людей сидящихъ въ нихъ, найдете весьма мало шакныхъ, которые задержаны за долги; займозавецъ рѣдко рѣшился прибѣгнуть къ правосудію, которое имѣетъ обыкновеніе выжимать и послѣднюю копейку у неисправнаго должника. Большая часть заключенныхъ провинилась продажей съспныхъ припасовъ выше шаксы, или фальшивою мѣрою; а

должно знать, что съеспные припасы составляют главный предметъ Спамбульскаго правосудія и спрогаго надзора Турецкой полиціи, предметъ, коимъ лично занимаются первые вельможи и самъ Султанъ. Это единственное средство, коимъ правительство заботится содержать спокойствіе города, при многочисленном его народонаселеніи, и предупреждать мятежи, могущіе произойти при дороговизнѣ припасовъ. Но по слухамъ, истинно Турецкому расчету болѣе хлопотеть о соблюденіи произвольно назначенныхъ имъ цѣнъ, нежели о снабженіи города, и думаетъ что все сдѣлано, когда есть пакса на хлѣбъ, на мясо, и когда она поддерживается палочными ударами по пятамъ продавцевъ. Вспомнимъ поспоянное пониженіе курса Турецкой монеты, которая уже столько лѣтъ ежегодно теряетъ десятую долю своей цѣны, отъ непрерывной порчи мешалла при той же номинальной цѣнности, и этимъ объяснимся вѣчный безпорядокъ въ снабженіи припасами этой столицы, и насильственные мѣры, не одинъ разъ употребленныя Портою для задержанія въ Константинополѣ грузовъ Черноморской пшеницы, назначенныхъ въ другія гавани

Средиземнаго моря. При такихъ обстоятельствахъ хлѣбникамъ оспается одно только средство, чтобы согласить паксу правительствъ съ своими выгодами: они мѣшаютъ въ свой хлѣбъ всякаго рода зерна, и когда и зерна спановящя слишкомъ дороги, набавляютъ чрезъ мѣру соли, чтобы придасть болѣе вѣсу, и даже песка и золы*. На это полиція не обращаетъ никакого вниманія, а хлопочетъ только о цѣнѣ хлѣба, и назначила даже особеннаго рода наказаніе для хлѣбниковъ, состоящее, какъ извѣстно, въ томъ чтобы за ухо гвоздемъ прибить виновнаго къ дверямъ его лавки; палки по пятамъ даются обыкновенно за фальшивый вѣсъ.

Въ Турціи всякое сословіе, какъ и всякая вина, имѣетъ свое привилегированное наказаніе, и это просируется отъ хлѣбника и лавочника на всю іерархію государственныхъ чиновъ, до самаго Верховнаго Визиря. Съ особенною спро-

* Въ послѣднюю войну, когда вывозъ пшеницы изъ Чернаго моря былъ запрещенъ, корабль пришедшій изъ Босфора въ Одессу доставилъ образецъ хлѣба, которымъ тогда питались Константинопольскіе жищели; его изъ любопытства разложили на составныя части, и нашли въ немъ половину разной муки, испорченной и гнилой, а другую половину соли, песку и золы.

госпіе соблюдается это въ родѣ смертной казни, и ничего не можетъ быть обиднѣе для чело­вѣка высшаго званія, какъ плебейская смерть. Разбойниковъ сажаютъ на колъ, военныхъ ду­шатъ, глаурамъ рубятъ головы, или ихъ вѣша­ютъ, Царямъ посылается почтливый шутокъ или чашка яду, и пономъ строго соблюдается церемонія вышавки ихъ головы на серебря­номъ блюдѣ, на отдѣльномъ подвѣжїи, не тамъ гдѣ бросаются головы незначащихъ людей; га­ремныхъ аристократокъ зашиваютъ въ мѣшокъ и бросаютъ въ море; провинившихся женщинъ ниснихъ званій ведутъ по улицамъ безъ покры­вала на лицѣ, что почищается величайшимъ на­казаніемъ, особенно если онѣ собою дурны, а Улемъ, п. е. юрисконсульты и духовныхъ, поа­купаютъ живыхъ въ спункъ. Впрочемъ этошъ по­слѣдній родъ казни извѣстенъ въ Сиамбуль только по преданію, а это преданіе основы­вается на томъ, что въ одномъ углу Серальска­го двора споятъ колѣсальная мраморная спуп­ка, безъ всякаго употребленія. Мнѣнія Мусуль­манъ о ней несогласны; одни говорятъ, что ка­кой-то Муфти былъ обвиненъ въ нарушеніи за­кона и въ важныхъ преступленіяхъ; онѣ ласкалъ

себя надеждою, что его наказаніе ограничится ссылкой, потому что законъ запрещаетъ душишь, пощипъ и рѣзанъ голову Главѣ духовнаго сословія; но видно, что Султанъ тогдашній самъ былъ опытный юристъ, и велѣлъ распорочъ Муштія въ спункѣ, потому что законъ объ этомъ молчалъ. Другое сказаніе о спункѣ болѣе запѣлливо; вопъ оно: при Султанѣ Мурадѣ, не знаю копоромъ, снгарый Османлы, поперавъ жему и дѣшей, опсправился на поклученіе въ Мекку; предъ опсправленіемъ своимъ онъ ввѣрилъ немногія драгоценности, въ кошорыхъ состояло все его имущество, одному кадю ш. е. судѣ, кошорый слылъ въ своемъ кваршалѣ мужемъ праведнымъ и солнцемъ правосудія. Непаспныя приключенія каравана, плѣнь у Бедуяновъ, болѣзнь и бѣдность продлили на нѣсколькo лѣтъ оплучку поклонника, а кадій, считая себя законнымъ его наследникомъ, заблаго-разсудилъ не дожидаясь долѣ вспунить въ свои права. Однажды является къ нему изнуренный и въ рубищахъ поклонникъ, прося возвращенія ввѣренныхъ ему драгоценностей. Кадій не счелъ приличнымъ вспомнить о своемъ обязательствѣ, ни даже узнать довѣрчиваго Мусульманина, ко-

порый ввѣрилъ ему все свое соспоянiе, но не имѣлъ никакого доказательствъ, никакихъ свидѣтелей. Случилось, что погдашнiй Визирь былъ произведенъ въ это званiе изъ базарныхъ спорожей; одаренный лучшею памяшью нежели кадiй, онъ не забылъ честнаго купца своего базара, который жаловалъ ему частые бакчиши, и узналъ его подъ рубищемъ поклонника. Онъ обѣщался употребить все свое влiянiе, весь свой государственный умъ, чтобы обличить лицемернаго судiю, и донесъ объ этомъ дѣль Сулшану, который охотно взялся ему содѣйствовать, желая показатъ примѣръ Сулшанскаго правосудiя надъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ ученаго сословiя. Визирь позвалъ къ себѣ Кадiя, и послѣ ласковаго приема, сказалъ ему, что до самага Падишаха дошли слухи о его безкорыстiи, о его проицательности и мудрости, что онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность обратиться въ пользу государства его высокiя достоинства, и сдѣлаетъ его своимъ совѣшникомъ въ дѣлахъ законовъ, дабы халифатъ былъ въ полномъ смыслѣ разсадникомъ правосудiя при шакомъ фениксѣ. Кадiй удостоился лично бесѣдовать съ Сулшаномъ, и каждый разъ давалъ новыя доказа-

пелѣства своей строгой честности, совѣщуетъ карать безъ пощады пороки и развраты. Однажды въ бесѣдѣ съ нимъ, въ кіоскѣ надъ моремъ, Султанъ уронилъ свои чепки, кошорыя упали въ воду. Султанъ изъявилъ досаду, и вспомнилъ, что еще не давно такимъ же образомъ пропали другія его чепки, къ кошорымъ онъ былъ весьма привязанъ, кошорыхъ каждое зерно, соопвѣществуя одному изъ именъ Аллаха*, внушало ему благочестивыя мысли; онъ спалъ подробно ихъ описывалъ, говоря что дорого далъ бы, чтобы доспать подобныя. Случилось что у Кадія были именно такія чепки, и онъ охотно предложилъ ихъ Султану; а надо знать, что это описаніе сдѣлалъ Султанъ по разсказу бѣднаго поклонника о чепкахъ, оставленныхъ съ другими вещами у Кадія. Черезъ нѣсколько времени Султанъ, послѣ спрѣянія изъ лука, жаловался на кольцо, кошорое обыкновенно надѣвается на палецъ для натягиванія шепивы, и кошорое никуда не годилось и причиняло ему боль; онъ хотѣлъ бы доспать спа-

* Чепки обыкновенно состоятъ изъ 99 зеренъ; Турки проводящъ цѣлые дни въ набожномъ упражненіи перебирать зерна и вспоминають при каждомъ изъ нихъ одно изъ именъ Аллаха.

ринное кольцо шакого по мастера; Кадій усердно предложилъ имѣвшееся у него кольцо работы поименованнаго мастера. Султанъ, имея въ рукахъ двѣ вещи, которыя явно изобличали святошу, и удостоверившись такимъ образомъ въ его вину, спросилъ его, спустя некоторое время: какому наказанію присудилъ бы онъ кадія Багдадскаго, который обманомъ присвоилъ себѣ чужое имущество, и оспавилъ хозяина въ нищету? Въ порывѣ правосудія и морали, Кадій вовсе не могъ подозрѣвать, что дѣло идетъ о немъ, и сказалъ, что шакого пресупника, въ примѣръ всемъ законоучителямъ и судіямъ, слѣдовало живымъ располочь въ спунки. Черезъ несколько дней спунка была готова, и судія подвергся собственному приговору. Такова хроника спунки, которую впрочемъ многіе считаютъ древнимъ саркофагомъ.

Кто не любопытствовалъ видѣть тюрьму, извѣстную прежде подъ именемъ тюрьмы Бостанджи-Баши, въ которую посылаются государственные пресупники, предъ образомъ коей равно препещетъ и Армянскій банкиръ и сѣмевенный Визирь? Это аристократическая тюрьма Спамбула. Воспоминанія, негладимо сохра-

ненныя въ ней, согласны съ впечатлѣніемъ, которое она производитъ. Огромное каменное зданіе принадлежитъ въкамъ Греческой Имперіи, и по всемъ вѣроятностямъ, служило и тогда какъ и теперь тюрьмою. Тяжелыя слѣпы, корридоры, темныя своды, и среди всего этого заблудшее воспоминаніе робкаго, утонченнаго деспотизма Византіи и полудикаго деспотизма Турокъ.... Припомъ все зданіе тюрьмы со времени взятія Турками Константинополя не было ни обновлено ни даже выбвлено; оно одѣпо играурнымъ колоритомъ развалины, какъ будто рука человека боялась спереть съ него слѣды спраданій столькихъ вѣковъ, смыть эти слезы, влившіяся въ кирпичные его нолы, эти пятна крови, видимыя въ оштѣленіи пыпокъ. Подъ сводами ея душно, какъ будто шюрсиная атмосфера составлена вся изъ вздоховъ.

Во многихъ сводахъ висѣли орудія пыпокъ; клещи, коими палачъ давилъ виски мученика, доколѣ не выпучался внѣ своихъ орбитовъ поспѣлые глаза, другія для вывершыванія соспавовъ и выплгиванія членовъ, пски для сжиманія ногъ, желѣзныя когши, коими раздираютъ человеческое тѣло и рвутъ въ доскупья кожу;

въ иномъ углу сстояли мепаллическія кресла, въ кошорыя сажаютъ спрадальца, и поспепенно приближаютъ къ горячей атмосферь расплоцнаго очага. Между ужасомъ и отвращеніемъ, наводимымъ подобными карпинами, недоспавало шолько мрачной фигуры палача, кошорый въ кругу своихъ орудій показался бы мнѣ злымъ демономъ, пришедшимъ на землю, чшобы осушеспвишь карпины созданныя пугливымъ воображеніемъ черни.

Здѣсь шеперь пусто, какъ и въ шюрьмахъ Инквизиціи; подъ эшими мрачными сводами не раздаешся шеперь вопль мученика; но если эхосводовъ, привыкшее впорить голосу спраданія, порою пробудитсся шумомъ вашихъ шаговъ, или вашимъ голосомъ, васъ обдаешъ невольная дрожь, вы подумаете: не вздохъ ли эшо издаваемый невидимымъ спрадальцемъ. Я видѣлъ шюрьмы Венеціанской инквизиціи; ужась, наводимый ими, имѣешъ чшо-шо величественно-суровое; въ нихъ носитсся еще колоссальный призракъ подозрительнаго, республиканскаго деспотизма, или деспотизма религіи, предъ коимъ шрепешалъ весь Западъ, шогда какъ Римъ, пошерявъ навсегда державу Всемирной Имперіи, съ исполнскими уси-

ліями покорялъ мѣръ державъ Вѣры. Въ нихъ по крайней мѣрѣ внутренній голосъ невинности, или убѣжденіе спрадать за какое нибудь фанатическое вѣрованіе, могли облегчать судьбу несчастныхъ жершвъ; въ кровавой рамѣ спраданія предспавлялись воображенію ихъ карпины лучшей будущности. Но въ Конспаншинопольскихъ шюрьмахъ не ищше подобныхъ воспоминаній; рѣдко подвергалсь въ нихъ пыткамъ другіе прешупники кромѣ богачей, коихъ имѣніе было конфисковано, у копорыхъ азіяшская алчность къ золоту вивѣдывала о послѣдней полущкѣ, похороненной въ землѣ съ азіяшскою скупостію. И, кто бы повѣрилъ, фанатизмъ золота внушаептъ столько же швердости, сколько и фанатизмъ мнѣній и вѣрованій. Были люди, копорые, изодранные подѣ желѣзными когшями палачей, испустили духъ въ ужасныхъ спраданіяхъ, и унесли съ собою въ гробъ шайну своихъ сокровищъ. Любовь къ золоту обращается въ фанатическую религію, и эша религія имѣла въ Спамбулѣ множество мучениковъ. Эпоха ишпреленія Янычаръ населила эши шюрьмы бунповшниками и заговоршниками, а въ послѣднее время, послѣ пожара ишпреленнаго Перу, мѣсколько

зажигашелей-фанатиковъ здѣсь испустили духъ въ пыпкахъ.

Главная опличительная черта Констанпинно-польскихъ шюремъ та, что въ нихъ ни преступникъ ни невинный спрададецъ не оспавались долго. Это поспоялые дворы: въ нихъ большею часпію осужденные просиживаютъ одну ночь, рѣдко нѣсколько дней сряду, и шакъ какъ Сшамбульское правосудіе всегда скачетъ на курьерскихъ — смершная казнь или ссылка, и весьма рѣдко свобода, оканчиваешъ крапкій срокъ шюремнаго заключенія. Припомъ большею часпію люди подозрительные или преступники, особенно въ эпохи смушныя, не заходяшъ даже въ шюрмы, а по задержаніи немедленно посылаюшся на мѣсто казни. Для казни здѣсь пригошвленій никакихъ не нужно; палачей сколько душъ угодно; это люди опышные въ своемъ дѣлѣ; они запасены гошовой сѣкирою, и въ первомъ перекресткѣ улицъ, на первой площадкѣ, доспавяшъ преступника на колѣна, раздерушъ на немъ кафшанъ или рубашку, чшобы ошкрышъ голый запылокъ, шолкнушъ колѣномъ въ спину, чшобы выдалась шея, и въ шоже мгновение покашпшся окровавленная голова, и послѣ нѣсколь-

кихъ конвульсіонныхъ ея метаній въ грязи, палачъ прехладнокровно уложитъ ее подъ мышку шуловница, если она вѣрвала въ коранъ, или между ногъ, если она принадлежала гяуру; шрупъ пролежитъ законный прехдвѣвный срокъ, среди проходящей съ привычнымъ безспраспїемъ шолны; никто не озабошится даже о помъ, чшобы смышь съ мосшовой кровь, кшпорая среди грязи оспанешся широкимъ пашномъ, доколъ небесный дождь не придетъ смышь слѣды казин. Самое даже вѣшаніе пресшупниковъ доведено до великой просшопы; здѣсь висѣлицъ не нужно; въ первой лавкѣ палачъ купитъ на деньги осужденнаго надежную веревку, и если ему понравится балконъ* вашего дома, или если по распоряженію Сшамбульской полиціи, хочешъ дашь вамъ насшавишельный примѣръ правосудія, задѣнешъ пеплю за перила или за раму, и чрезъ нѣсколько минушь повѣшенное шѣло будетъ качаться на воздухъ подъ вашими окнами, доколъ безъ вздоха выле-

* Собшвенно балконовъ въ Констаншннопольскихъ домахъ нѣтъ; но естъ такъ называемые *шалниши*, ш. е. мѣсто шаша; это часть комнашы, кшпорая выдается на улицу, обшавленная рамами и диванами; въ ней сидя можете любоваться переломанною перспекшивою улицы.

мишь изъ него жизнь; попомъ цѣлые при днѣ
въперъ будешь его качать, какъ бы продолжая
последніе его судороги.

И мелкое правосудіе Спамбула славится
скоростію своихъ мѣръ; если хопише видѣшь
какъ оно ходитъ по улицамъ, и какіе слѣды
оставляетъ, спупайше за Сераскиромъ, когда онъ
въ своихъ прогулкахъ по городу вздумаетъ про-
вѣрять исправность вѣсовъ въ мелочныхъ лав-
кахъ; за нимъ ползаютъ съ воплемъ и съ крас-
ными опъ палочныхъ ударовъ пятами провинив-
шіеся лавочники.

ГЛАВА V.

ТЮРЬМА ПРЕДАННАЯ ПРОКЛЯТИЮ. — БРАТЯ МУРУЗИ И ИХЪ СУДЬБА. —
 ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПОЗНАВІЯ ТУРЕЦКІХЪ МИНИСТРОВЪ. — ФАНАТИЗМЪ
 ЧЕСТОЛЮБИЯ. — РОКОВОЕ ПИСЬМО. — ОРУЖІЕ И СТОЛОВЫЕ КОЖИ. —
 ОБВИНЕНІЕ АРХИТЕКТОРА. — РАДОСТИ ПАСКИ, И ПАСКА 1821 ГОДА. —
 ПАТРИАРХЪ ГРИГОРІЙ. — ЕГО КАЗНЬ. — ЕВРЕИ. — ИХЪ НЕИСТОВСТВА.
 — ТЬЛО ПАТРИАРХА. — ЭМИГРАНТЫ. — ОШИБКА ПОРТЫ. — ФЛОТЪ.

Тюрма Боспанжи-Баши раздѣляется на нѣ-
 сколько отдѣленій: есть отдѣленіе Визирей и
 Пашей; оно открыто; въ немъ давно не сидѣли
 низложенные вельможи, попому что ссылка въ
 далекій городъ Малой Азіи обыкновенно сѣдуется
 за немилостію, или попому что темная поли-
 цика Серая, имѣя эту шюрму единственно
 какъ пугалище Пашей, предпочиняетъ освобож-
 даться другими вѣрнѣйшими средствами отъ
 своихъ опасныхъ рабовъ. Есть отдѣленіе Госпо-
 дарей; оно заперто, и съ незапамятныхъ временъ
 не открывалось. Спорожъ, показывая мнѣ его
 желѣзную дверь, говорилъ, что какой-то Сул-
 танъ предалъ ее проклятію, попому что обма-
 нули однажды его правосудіе. Я не советъ по-
 нять, что онъ подъ этимъ разумѣлъ; если Сул-
 танъ вельмъ на всегда запереть дверь шюрмы,

и наложилъ на нее клеймо своего закліянія, по-
 тому что въ ней поспрадала невинная жертва
 — кто ручается, что въ цѣломъ мірѣ найдеш-
 ся шорьма, въ которой бы не капнула слеза
 осужденной невинности? — Я полагаю вѣрнѣе,
 что она на всегда заперта, потому что наши
 шракпапы съ Поршою перемѣнили судьбу Ду-
 найскихъ княжествъ, и ихъ Господари не бу-
 дутъ болѣе смѣяемы капризами Дивана, и не
 опасаются съ своего престола, упроченнаго по-
 кровинельствомъ Россіи, переходить въ Спам-
 бульскую шорью.

Плачевныя воспоминанія возбудили во мнѣ
 два другія опредѣленія эшаго мрачнаго зданія;
 это воспоминанія той эпохи, которая врѣзала
 сколько ужасныхъ каршинъ въ мое мѣшское
 воображеніе.

Спорожъ за нѣсколько піаспровъ повелъ меня
 въ двѣ душивыя шемницы, во мракъ коихъ, за
 злобѣщимъ скрышомъ заржавой двери, развер-
 нулись предо мною событія 1821 года. Въ одной
 изъ нихъ сидѣлъ Конспаншинъ Мурузи, въ дру-
 гой Пашриархъ Григорій.

Мурузи былъ Великимъ Драгоманомъ Поршы,
 или переводчикомъ въ дипломатическихъ ея сно-

шеніяхъ съ Европейскими государствами. Известно, что невѣжество Турецкихъ министровъ, копорые не только Европейскихъ языковъ не знали, но не имѣли никакого понятія ни о взаимныхъ соотношеніяхъ ни о политикѣ Европейскихъ государствъ, ни даже о географическомъ ихъ положеніи*, давало весьма великій вѣсъ Драгоману Порпы, копорый собственно держалъ поршфель Иностранныхъ Дѣлъ. Еще съ XVII вѣка это важное мѣсто было постоянно занимаемо Греками, копорые обыкновенно умѣли управлять всею Турецкою политикою, подъ маскою рабскаго уничиженія, кольно преклоняясь предъ Визиремъ и Реисъ-эфендіемъ. Они получали попомъ въ награду Княжескіе престола, если преждевременная опала не пресѣкала ихъ честолюбиваго поприща вмѣстѣ съ жизнью.

* Чашаель вспомнишь, что когда Чесменскій флотъ показался въ Архипелагъ, самъ Султанъ и весь Диванъ его ломали головы, что бы понять какимъ образомъ корабли Россіи, копорую они хорошо знали за Чернымъ Моремъ, могли, не пройдя Босфоромъ, войти въ Средиземное Море. Они дополь не слышали о Балшикѣ, и не знали другаго Русскаго флота, кромѣ Черноморскаго. Французскій посланникъ долженъ былъ на картѣ располковать Реисъ-эфендію, Министру Иностранныхъ Дѣлъ, какимъ образомъ Русскій флотъ поплылъ кругомъ Европы.

Никогда Драгоманъ Порпы не пользовался такою довѣренностію Дивана, даже такою личною благосклонностію Султана, какъ Константинъ Мурузи. А должно знать, что родной его дядя Дмишрій за девять лѣтъ до того былъ также Драгоманомъ Порпы, при заключеніи достопамятнаго Бухарестскаго мира, и по проискамъ бывшаго тогда въ Константинополѣ посланника отъ Наполеонова Двора Себастіани, еще до возвращенія своего въ столицу, былъ изрубленъ въ куски по повелѣнію Дивана, въ Шумлѣ, въ самомъ домѣ Верховнаго Визиря, который былъ убѣжденъ въ его невинности. Въ то же время братъ его Панатиоши, дипломатическій агентъ Опшоманскаго флота, былъ казненъ безъ всякой вины, а старшій братъ Александръ, бывшій Господаремъ Молдавскимъ, сосланъ въ заключеніе; четвертый братъ Георгій, молодой человекъ, подававшій самыя блистательныя надежды, еще до того палъ жертвою могучаго врага, подъ пожемъ шемнаго убійцы. Но честолюбіе имѣетъ также свой фанатизмъ, и судьба кровныхъ не пугала ихъ преемника въ его замыслахъ, потому что его вниманіе было спростно устремлено на Княжескій престолъ, ожидавшій его. Можешь быть

привычка бытъ съ Турками, даже долговременное пребываніе въ странѣ морской язвы и пожаровъ, неожиданныхъ опалъ и неожиданныхъ переходовъ изъ рабства и ничтожества въ первыя государственныя степени, невольно внушаютъ душѣ въру въ предопредѣленіе. Разумъ зашемяется, если спанемъ слѣдовавъ за невидимымъ перстомъ промысла въ эпосѣ лабиринтѣ, гдѣ блуждаютъ жизнь и смерть, нищета и роскошь, радости и горе, и шуща надъ смертными, непрерывно подаютъ одна другой руку, непрерывно мѣняютъ вѣнки на цѣпи, мирры на кипарисы, чашу блаженства на чашу ошравы.

Мурузи былъ извѣстенъ своею преданностію Порптѣ, своимъ всемогуществомъ въ ея совѣтахъ, и въ то же время пользовался любовью своихъ единовѣрцевъ, пошому что онъ покровительствовалъ училищамъ, больницамъ, и всѣми средствами старался улучшить состояніе народа и тяжкую его участь. Этеристы* пошеряли надежду привлечь Драгомана Порпты въ свое общество, а содѣйствіе Мурузи могло бытъ

* *Этеристы* отъ *этерія*, общество, братство; такъ назывались тѣ, которые первые замыслили и приготовили опложеніе Греціи отъ Турецкаго владычества.

для нихъ весьма важно, по вліянію его и на дѣла правительсва и на народныя умы. Останешся неизвѣспныи: ввѣрили ли они ему свои смѣлыя планы, или боялись преданности его Порпъ, или даже включили его въ списокъ своихъ жершвъ; пошому что доселѣ не объяснилось спранные обстоятельство, причинившее его казню. — Мянужъ вспыхнулъ въ Дунайскихъ Княжествахъ, и казни начались въ Констанцинополѣ. Диванъ былъ извѣщенъ опть одного Европейскаго посланника о существованіи обширнаго заговора, котораго вѣрши обнимали всѣ области Европейской Турціи, въ которомъ участвовало все высшее сословіе Грековъ. Со дня на день ожидали извѣстій изъ Морей и Эпира, гдѣ еще кипѣлъ бунтъ Али-Паши. Мурузи въ долгой аудіенціи у Верховнаго Визиря разсуждалъ о средствахъ къ сохраненію спокойствія, и Визирь оспался весьма доволенъ имъ, еще болѣе убѣдился въ искренней его преданности Порпъ и непоколебимой вѣрности, и возобновилъ ему увѣренія высокой къ нему благосклонности Девлепа*. Онъ выходилъ изъ дворца Визиря, когда у самага

* Т. е. благополучія; шакъ называется у Турокъ правительсво.

подъзда кшо-шо подошелъ, вручилъ ему письмо, и исчезъ въ шолгъ. Мурузи распечалалъ и прочишалъ: письмо было безъ подписи; но въ немъ шайное общешво вызывало его приняшь учаспие въ общемъ дѣлѣ его единовѣрцевъ; оно говорило о ненависти всего Греческаго народа къ Турецкому владычешву, о гошновности всѣхъ обласпей возспашь при первомъ призывѣ къ оружію, о загошвленныхъ средспвахъ, запасахъ оружія и казны, объ общемъ желаніи Хриспіанской Европы видѣшь освобожденіи Греціи, и пр. Мурузи нашелся въ самомъ крипическомъ положеніи; ушайшь письмо, поданное ему при всей свипѣ Визиря, было невозможно; припомъ, опынный въ Турецкой полишникъ, онъ подозрѣвалъ: не съши ли эшо, распшавленныя ему какимъ нибудъ шайнымъ врагомъ, можешъ спашься самимъ Визиремъ. Онъ понялъ, что ему ошпавалось одно шолько: возврашиться къ Визирю, и съ спокойспвіемъ человѣка, увѣреннаго въ своей невинности, предспавишь ему письмо. Визирь его выслушалъ, и когда Мурузи объяснилъ ему содержаніе письма, самъ сказалъ ему, что эшо сдѣлано съ явнымъ намѣреніемъ лишишь его довѣренности Девлеша, но что онъ не долженъ

ничего опасаться. Онъ препоручилъ ему перевести это письмо, для представленія Султану. Мурузи перевелъ письмо, но смягчилъ нѣкоторые выраженія, слишкомъ оскорбительныя для мусульманскаго самолюбія, и пропустилъ фразу, обвинявшую всѣхъ, сколько нибудь значащихъ людей изъ его единовѣрцевъ, духовныхъ, свѣтскихъ и всякаго званія, въ участіи въ заговорѣ. Онъ боялся пробудить этою фразою кровавыя подозрѣнія Поршы, и опдать въ руки палачей многія тысячи несчастныхъ. Эта фраза его погубила. Роковое письмо было представлено съ переводомъ, но Визирь послалъ его и къ другому драгоману, Армянину, для перевода, чтобы потомъ провѣришь. Пропущенная фраза и смягченный переводъ другихъ сдѣлались несомнѣнными уликами великаго Драгомана въ измѣнѣ и сообщничествѣ съ заговорщиками. Визирь предспалъ Султану съ обвиненіемъ на того, кто наканунѣ пользовался всею довѣренностію Поршы. Говоряшъ, что Султанъ пришелъ въ одинъ изъ пѣхъ ужасныхъ припадковъ гнѣва и злобы, которыми онъ подверженъ, которые оставили столько кровавыхъ слѣдствій въ его исторіи; его деспотическая благосклон-

ность обратилась въ жажду мести. Турецкое правосудіе не любитъ слушать обвиненнаго и его оправданій; одного подозрѣнія достаточно, чтобы покапилась голова перваго вельможи. Мурузи былъ опвѣденъ въ шюрму, и на другое утро, предъ кіоскомъ Серая, исполнена его казнь; а въ кіоскъ за рѣшеткою сидѣлъ Султанъ, чтобы насытить свою мечь видомъ крови. Таже участь наспигла и брата его.

За тѣмъ послѣдовало повелѣніе опобращъ оружіе у Грековъ. Турки забыли и военную свою гордость, и по что ихъ народонаселеніе впаперо болѣе Греческаго, и опасались мяшежа мирныхъ *райа*, купцевъ и ремесленниковъ, въ столицѣ опшоманской Имперіи. Всѣ дома были опшорѣны, обысканы; снимали черепицы съ кровель, чтобы опыскашь подъ ними ружья и сабли. Но опширались не одни ружья и сабли, но самыя поварскіе ножи большаго размѣра, вершела, попоры. Турки, не опшребляющіе вилокъ и ножей, подозрительно смопрѣли въ буфетахъ Греческихъ домъ въ на собраніе сполькихъ *кинжаловъ*. Въ одномъ домѣ на Босфорѣ найдена заржавая, разбишая пушка, которая служила прежде баласпомъ на купеческомъ суднѣ, и была забыта

въ саду подь осенними листьями. Хозяинъ дома, богатый банкиръ, его сынъ его брашъ, его зять были казнены, все ихъ имѣніе конфисковано, и въ *сфѣта*, или ярлыкѣ, кошорый обыкновенно привѣшивается къ шрупу пресшупника, было сказано, что они гошовили аршиллерію для взятія Босфорскихъ крѣпостей. Удвоенны спражи въ арсеналѣ; опасались, что Греки сожгутъ корабли; желѣзная цѣпь обшянула разруженный флотъ, прикрѣпленная къ пловучимъ спорожевымъ будкамъ, и дикія перекликанія часовыхъ держали весь городъ въ шревогѣ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ вся столица предспавила обширное лобное мѣсто, и часто фанашизмъ народа, не довольшвуясь зрѣлищами казней даваемыми опъ правительсшва, искалъ еще въ домахъ и на улицахъ шемныхъ жершвъ для насыщенія своей мести.

Сулшанскимъ хашишерифомъ повелѣвалось всѣмъ правовѣрнымъ вооружиться, а кшо знаетъ Туредкую чернь, особенно каково было ея нешповсшво до испребленія Янычаръ, шопъ шолько можешъ предспавить себѣ каршину Конспаншинополя въ шу эпоху. Не было улицы, въ кошорой бы не совершалось ежедневно нѣсколь-

ко казней и нѣскольکو убійствъ. Диванъ рѣшилъ, подобно якобинцамъ Французской революціи, снять всѣ головы, которыя были выше полны. Какъ бы въ насмѣшку надъ цѣлымъ народонаселеніемъ, которое беззащитное лежало, какъ прешешная жертва, подъ сѣкирою палача и подъ япаганомъ бродяги, придумывались самыя чудныя предлоги для казней. Какому-то архиптектору за годъ предъ тѣмъ были препоручены разныя постройкі въ адмиралшайствѣ; онъ ихъ выполнилъ со вкусомъ, съ прочностію, съ удобствомъ, и заслужилъ благосклонное вниманіе самаго Султана. Его повѣсили на эшихъ же зданіяхъ, и написали въ его *эфта*, что онъ съ такимъ усердіемъ и такъ хорошо все выстроилъ, въ надеждѣ, что они перейдутъ скоро во власть глауровъ*.

Все это было только началомъ другихъ ужасовъ, которые превзошли самыя робкія ожиданія. Наступалъ Свѣшлый праздникъ: онъ съ незапамятныхъ годовъ былъ для Грековъ эпохою

* Можетъ быть покажутся читателю невѣроятными подобныя черты; но могу его увѣрить, что все это точно, и не основывается на народныхъ сказаніяхъ, обыкновенно преувеличенныхъ но на фактахъ,

свободы и увеселеній, во-все несовмѣстныхъ съ ихъ рабствомъ, и съ припѣснительнымъ надзоромъ Турецкой полиціи. Ежегодно Султанъ жаловалъ Греческой Церкви фирманъ, въ силу косяго крѣпосныя ворота оставались ошворенными въ ночи, когда народъ соединялся въ храмахъ. Богослуженіе было совершенно свободно въ Спраспную и въ Свъпную педвля. Во все продолженіе праздниковъ народъ гулялъ въ городъ и въ предмѣстїяхъ, не опасаясь оскорбительной встрѣчи съ Турецкою полиціею; даже вельможи спарались въ это время не проѣзжать чрезъ Греческіе кварталы, чшобы не перевозипть своимъ появленіемъ веселящейся толпы. И какъ жадно эта толпа предавалась наследственнот своей спраспи къ увеселеніямъ! — По улпцамъ столицы раздавались пѣсни; хороводы просшаго народа обходили ихъ съ музыкаю, въ праздничныхъ плащяхъ, и предъ домами почетныхъ лицъ плясали свои народныя пляски. Даже яркіе цвѣща въ одѣждѣ, шакъ спрого запрещенные всѣмъ классамъ *раи*, тогда позволялись, и женщины могли выходить изъ домовъ безъ плащей и покрываль. При этой свободѣ Хриспїанскаго народонаселенія вы бы

вспомнили эпоху его владычества въ первой столице Христіанства, или, можетъ быть, пошъ праздникъ древняго Рима, въ который рабы на срочное время снимали свои оковы.

Но въ эпоху, о которой я говорю, народъ оглушенный казнями, не думалъ уже о своихъ увеселеніяхъ; и кто могъ плясать на улицахъ обливыхъ кровію, и пѣть пѣсни подъ окнами домовъ, въ конхъ раздавался еще плачь осиротѣлыхъ семействъ? Вся думали только о своей безопасности, и Порша приготовила для этого праздника Христіанамъ всего Государства зрѣлище, превратившее праздникъ въ день всенароднаго плача.

При первомъ извѣстіи о мятежахъ Дунайскихъ княжествъ, Патріархъ Григорій, который въ прешій уже разъ занималъ Вселенскій престолъ (онъ два раза былъ сосланъ въ заключеніе), къ которому народъ питалъ глубокое благоговѣніе, по его добродѣтелямъ, достойнымъ его сана, былъ призванъ къ Поршѣ, и получилъ повелѣніе оплучить отъ Церкви и предать проклятію Александра Ипсильанши и его сообщниковъ; это было исполнено, пошому что угнетенная Вѣра дѣлалась орудіемъ полишники Ди-

вана. Его спросили также: не имѣешь ли отъ подозрѣнiя на Морейю, которая столько разъ уже пыталась сбросить съ себя Опшоманское владычество? Пашрѣархъ зналъ, что одно колебанiе его въ отвѣтъ вызвало бы тысячу насильственныхъ мъръ подозрительнаго Дивана прошивъ цѣлаго народа, и смѣло увѣрилъ Визиря, что въ Морей народъ былъ совершенно спокоенъ, и Шорша ничего не должна была опасаться съ этой стороны. Черезъ несколько времени прискажалъ гонецъ съ извѣщенiемъ о возстанiи Морей; извѣстiе удержано въ тайнѣ, но Пашрѣархъ опять былъ призванъ и допрошенъ: не имѣешь ли новостей изъ Пелопонеза. Пашрѣархъ показалъ полученные имъ отъ разныхъ Епископовъ письма, въ коихъ ничего не упоминалось о мятежѣ, потому что они были старѣе извѣстiя полученныхъ въ послѣднемъ гонцѣмъ, и не дошедшихъ еще до Пашрѣарха. Онъ былъ отпущенъ весьма милостиво; это было въ четвертъю (Спираситной недѣли); ему выдали по обыкновению фирманъ о разрѣшенiи праздновать Пасху. На другой день разнесся слухъ о возстанiи Морейской; Пашрѣархъ понялъ къ чему клонились вопросы Визиря, и понялъ, что судьба

его рвѣна. Припомъ же въ это время одно
 Греческое семейство, арестованное Порфию и
 върненное присмопру Папріарха, успѣло напо-
 ить двухъ монаховъ, приспавленныхъ къ нему,
 (пошому чпо Папріархъ не хотѣлъ приспавить
 къ беззащитнымъ женщинамъ Янычаръ изъ сво-
 ей стражи) и шайко убѣжало изъ Конспаншино-
 поля. Наступило Святое Воскресеніе; глубокое
 уныніе царствовало въ народъ; Папріархъ слу-
 жилъ заупреню съ полнымъ синодомъ, по древ-
 нему обычаю, но едва нѣсколько сотъ Хриси-
 анъ присущствовали при этомъ торжествѣ, въ
 копоромъ обыкновенно до 15,000 народу сби-
 рались въ Папріаршемъ соборѣ, и покрыва-
 ли дворъ, окружныя улицы, окна и крыши со-
 сѣднихъ домовъ, чшобы принять изъ устъ Все-
 ленскаго свяшителя слово благовѣспіи, при ко-
 емъ миліоны плѣннаго народа обнимались какъ
 брашя, и замечашьвали имъ этошъ общій со-
 юзъ, соспавляющій изъ разсѣянныхъ и загнан-
 ныхъ племень и семей одинъ народъ, подъ по-
 кровомъ одной церкви. Носились слухи, чпо Тур-
 ки рѣшились испребишь все племя Грековъ, и
 ждали соединенія его въ церквахъ, въ заупренъ,
 чпо бы начашъ кровопролитіе, и сжечь кварта-

лы занятыя имъ. Тъ, кои не вѣрили разсказамъ робкихъ своихъ единовѣрцевъ, ожидали другихъ несчастій.

Въ 8 часовъ утра, въ воскресенье, Пашриархъ служилъ свящую литургію; вошли въ церковь Чауши, посланные съ повелѣніемъ предстать къ его Высокой Порты; онъ былъ въ оларѣ, и послалъ имъ сказать, чшобы они подождали; они не смѣли не повиноваться, пораженные величіемъ его, когда онъ показался у Царскихъ дверей въ полномъ облаченіи, продолжая совершеніе псалмспѣвъ. По окончаніи Божественной литургіи, причастившись Св. даровъ, Пашриархъ со всѣмъ Синодомъ и съ другими почешными лицами зашелъ въ свою залу, и въ совершенномъ спокойствіи разговѣлся; на лицахъ всѣхъ его окружавшихъ изображалась кручина мучительнаго предчувствія о его судьбѣ; онъ увѣщевалъ ихъ забыть всѣ земныя скорби, въ радостный день перваго Христіанскаго праздника, при ликованіяхъ церкви, и пребывать швердыми, какъ были первые Христіане въ дни гоненій, и подобно имъ возложить упованіе на Спасителя. Пошомъ онъ раздалъ, по старому обычаю, своеручно всѣмъ, по красному и по зеленому яицу, просилъ съ

ними, далъ послѣднія наставленія своимъ приближеннымъ, и съ вѣрою мученика вышелъ къ ожидавшимъ его Туркамъ. Въ тоже время были взяты подѣ сразу при Мишрополища; которыя раздѣлили его участь.

Еще многіе утѣшали себя надеждою, что его ожидала временная опала и започеніе, потому что уже два вѣка не было примѣра казни эшаго духовнаго и политическаго Главы народа; во все время владычества Турокъ только при Магометѣ IV, изсущленномъ ширанѣ, который во все свое царствованіе попилъ, рѣзалъ и душилъ свой народъ, видѣли примѣръ казни Пашріарха*. Принимомъ важность сана эшаго свящителя, который былъ единственнѣмъ посредникомъ между Поршою и своимъ народомъ, который пользовался привилегіями первыхъ вельможъ, и былъ окруженъ ихъ пышносною и величіемъ, и даже почетною спражею изъ Яньчаръ, виушали самимъ Туркамъ глубокое уваженіе къ его особѣ, которое еще болѣе увеличивалось при спрогосши нравовъ и добродѣтеляхъ Пашріарха Григорія, и даже

* Два пашріарха были при немъ повѣшаны, въ 1641 и 1657. г.г.

при его мѣсахъ и наружности, кошорая могла служить шипомъ первыкъ священилей Православной Церкви.

Во второмъ часу по полудни приспалъ къ приспани Фенерь-Скелесси, недалеко отъ Патриаршей церкви, какъ, въ кошоромъ сидѣли съ Патриархомъ чепыре Чауша и палачъ. Тогда открылась вся ужасная истина народу, колеблюму между страхомъ и надеждою. Руки Патриарха были связаны за спиною; я видѣлъ его, когда чауши помогали ему выйти изъ кайка; поже самое выраженіе покоя и благочестія, кошорое всѣ видѣли на его лицѣ, когда онъ сидѣлъ на прешолѣ Злапоуспаго, кошорое сохранилось и по смерти его. Даже эти Турки, заняшые въ шу эпоху ежедневнымъ исполненіемъ казней, фанатики еще болѣе распаленные парами крови, не могли не окружать его нѣкоторымъ почтеніемъ. Его повели въ ближній кофейный домъ, между шѣмъ какъ палачъ повѣлъ искаши веревки, и приготовамишъ подмоспки для висѣлицы. Черезъ полчаса возвратился палачъ, и повелъ смиренную жершву. Разстояніе отъ приспани до Патриаршей церкви не болѣе двухъ сотъ шаговъ; палачъ шелъ впереди, за нимъ Патриархъ,

пошомъ Чауши. Черезъ архишрабъ ворощъ Папріаршаго двора была перекинуша веревка; нѣскольکو Конспаншинопольскихъ Евреевъ, искавшихъ случая выказашъ свою ненависть къ Христіанамъ, сдѣйствовали палачу: въ его пригосовленіяхъ, какъ будто для того, чшобы эта картина могла разительнѣе напомнить пераго небеснаго мученика небесной Вѣры; Христіане спояли поощдалъ, и на ихъ лицахъ вы бы увидѣли оцѣпененіе спѣраха, и печаль, кошорая не смѣла выразиться ни вздохомъ ни слезою; изъ полуотворенныхъ оконъ окружныхъ домовъ, съ боязнію и съ любопытствіемъ, глядѣли женщины и дѣши. Когда все было готово, палачъ спалъ снимать верхнее платье съ Папріарха, и шарилъ въ карманахъ. Папріархъ сохранялъ свое всегдашнее спокойствіе, и предъ поновною смершію взглядъ его выражалъ благосшъ Христіанина, прощающаго врагамъ своимъ. Онъ однажды только взглянулъ на Папріаршія зданія, на дворша, подъ коими народъ проходилъ всегда съ благоговѣніемъ, и кошорыя обращались въ видѣ елици; лице его смушилось; но когда палачъ развязалъ его руки, онъ перекрестился, съ крѣпосшію пресиль его подождать нѣскольکو ми-

нушъ; спалъ на колѣна лицомъ къ своей церкви, и совершилъ свою послѣднюю земную молишву. Онъ боялся бросить прощальный взоръ паспыря къ осиропѣлому спаду, посласть благословеніе мученика къ немногимъ Хрисціанамъ, свидѣтелямъ его смерти: эшимъ онъ могъ подасть поводъ къ обвиненію ихъ въ участіи въ воображаемыхъ его преспуленіяхъ. Черезъ минушу палачъ, проворно какъ звѣрь, соскочилъ съ подмостокъ, сбиль ихъ, и мученикъ висѣлъ на воздухѣ. Хрисціане, проходя мимо, вполголоса шептали молишвы, и боялись поднѣшь взоры, а Евреи ругались надъ ними.

Эшо еще было не самое ужасное явленіе эшой кровавой драмы. Прошло при дня: въ обыкновенное время, по испеченіи сего срока, ближніе казненнаго должны явивься къ палачу и купишь шѣло, чптобы предашь его земль; попому чпо послѣ смершнаго приговора преспушникъ со всѣмъ, чшо на немъ находишья, дѣлаешся собспвенноштію палача, кошорый потомъ торгуешся съ родшвенниками о крешѣ найденномъ на немъ, о его першнѣ, о его шѣлѣ. Но въ эшу эпоху свирьпаго гоненія ближніе казненныхъ людей не смѣли предспавишься для покупки шѣла, пошо-

му что одно подозрѣніе, что они были связаны узами родства или дружбы съ преслупникомъ, навлекало на ихъ самихъ безпощадную руку Дивана или испушленіе черни. Были примѣры, что за одинъ испугъ, за одинъ невольный вздохъ, при внезапной встрѣчѣ съ обезглавленнымъ шрупомъ, несчастный дѣлался жертвою опшпоманскаго правосудія. Оспавалось одно только: скрывашься и скрывать свою печаль. Палачи пошерьля значительный доходъ, и были принуждены бросать шрупы въ море.

Когда палачъ пришелъ спустить шгло Папріарха съ висѣлицы, ни одинъ Грекъ не посмѣлъ предспавишья, чтобы выкупить шгло этого свяшшителя, котораго мученическая смерть еще болѣе увеличивала набожное къ нему благоговѣніе народа. Каполики живущіе въ Перѣ, и пользующіеся покровишельствомъ Европейскихъ державъ, могли безъ сомнѣнія спашши опгъ посрамленія смертные оспашки чловѣка, который пользовался высокимъ уваженіемъ самаго Папы; но фанатическая ихъ ненависть къ Греческой церкви извъспна всѣмъ; нѣкошорые изувѣры можешъ бышъ радовались ея бѣдспвіямъ. Эпо, безъ сомнѣнія, не опношшся къ немногимъ про-

свѣщеннымъ домамъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ Перопскою чернью. Къ палачу явилась депутація отъ Стамбульскихъ Жидовъ, и за восемьсотъ піаспровъ купила плѣло Паптріарха. Нельзя себѣ вообразить ничего ужаснѣе и отвратительнѣе зрѣлища, представленнаго во весь эпопѣй день, во всѣхъ улицахъ, гдѣ жили Хрисціане. Грязные, зловонные, изорванные Жиды налетѣли какъ саранча изъ своего квартала въ Фанари, къ Паптріаршей церкви; въ ихъ лицахъ изображалось все свирѣпство, природное малодушному ихъ племени, вся злоба ничюжнаго врага, шоржествующаго вашимъ бѣдствіемъ, могущаго безнаказанно вылишь свою ненависть, напишанную долговременнымъ уничиженіемъ.

Они связали прутья мученика за ноги, и съ восклицаніями дикой радости, съ ругательствами, съ проклятіями на весь родъ Хрисціанъ, влчили его по улицамъ и кругомъ Хрисціанскихъ церквей. Я никогда не видалъ такого нещесовѣства, такой игры самыхъ гнусныхъ сирасней, такой шумной орги звѣрской радости и фанатической мессы, какъ въ этой полнѣ многихъ тысячъ Израильскія, которые ру-

гались надъ всѣмъ народомъ омерзительною своею процессіею. За то ихъ единовѣрцы дорого расплашились во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались попомъ съ Греками. Въ Одессѣ, куда большею частію спасались Константинопольскіе Греки, нужна была вся бдительность полиціи, чтобы унять безпорядки и предупредить кровопролитіе; даже въ слѣдующіе годы, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, полиція нашлась въ необходимости предписатьъ Жидамъ, чтобы они во все продолженіе праздника, живѣе напоминавшаго вродскому народу ужасы Константинополя, не смѣли выходитьъ изъ своихъ домовъ, ни опкрывашь свои лавки, ни даже показывашься у оконъ. Въ Греціи, во все продолженіе народной войны, съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдовали Евреевъ нежели Турокъ.

Извѣстно, что въ вечеръ этого дня Евреи бросили обезображенный трупъ въ море; море принесло его къ одному Славянскому бригу, сплывшему у Гадапы и гошовому опплышь въ Одессу. Одинъ мапрось узналъ его, и покрылъ его рогожкой; попомъ ночью подняли его на корабль, и похоронили въ песокъ балласпа. Всѣ жители Одессы приняли его съ благочестіемъ и воспор-

гомъ; около 800 судовъ сполде въ гавани и на рейдъ, когда бросилъ якорь Славянскій бригъ, подъ праурнымъ флагомъ; всѣ эти купеческія суда разныхъ Христіанскихъ вѣроисповѣданій во весь день продолжали пушечную пальбу*. По истеченіи карантиннаго срока пѣло Папріарха было похоронено въ Христіанской землѣ, съ шоржешвомъ, доспойнымъ мученика и Главы Греческой Церкви.

Между тѣмъ въ Констаншинополѣ продолжались казни. Когда распростирилось въ народѣ извѣстіе о кровопролитіи въ Морезъ, о возстаніи острововъ, фанатизмъ черни не зналъ никакой узды. Нѣсколько тысячъ Турокъ, болшею частію послѣдняя сволочь Сшамбула, предводительствуемые Дервишами, вооруженные, обошли Христіанскіе кварталы, ограбили и осквернили церкви и монастыри, изрубили всѣхъ кто не успѣлъ укрыться, и проходя по улицамъ съ крестами, съ иконами, ризами, святыми сосудами и Евангеліями, похищенными въ церквахъ, спрѣляли въ окна, срывали рамы, рвали

* Въ Средиземномъ морѣ купеческія суда всегда почти снабжены пушками, и по старой привычкѣ, и по причинѣ всегдашняго пиратства.

съ мосповой булыжникъ и бросали въ дома, и гдѣ нашли вороша опворенныя, или гдѣ уснѣли ихъ проломашъ, предались въ самихъ домахъ не-исповснву Азіяшца, взявшаго присшупомъ вражій городъ. Вдоль морскаго берега семейсца сшо-яли у приспаней своихъ домовъ, гошовыя бро-сншься въ море при приближеніи Турокъ, и даже нѣскольکو женщинъ и дѣшей, испуганныя дикимъ гуломъ ихъ на улицѣ и спшукомъ оружія у во-рошъ, сдѣлались жершвою волнъ.

Еще при началъ эпохи гоненій и казней скры-лись шѣ, кошорые опасались своими богашсца-ми или своею извъсшносшію обратишь на себя вниманіе Поршы, и уснѣли предупредить посѣ-щеніе Чаушей. Когда опасность сдѣлалась все-общеею, когда чернъ присоединила свое безошчеп-ное неисповснво къ гнѣву Дивана, началась эми-грація семейсцвъ. Богашныя семейсшва съ немноги-ми драгоцѣнносшями спасались какъ нибудь въ Перу; шамъ передѣвались въ Европейскіе ко-сшюмы; иногда покупали дорогою цѣною чужіе паспоршы, и сажались на первый корабль подъ Европейскимъ флагомъ, гошовый ошплъшь изъ Консшаншшинополя, и, не спрашивая куда пред-сшолялъ имъ пушь, ввѣрjali себя морю и Прови-

дѣнно; ихъ дома, ихъ богатства оспавались въ жерпву корысполобивоу Порпты, кошорой чиновники были заняпы съ ушра до вечера прикладываніемъ казенныхъ печашей на опуспѣлыя жилища. Еще новыя опасноспиожидали у крѣпоспей Босфора и Дарданелль шпѣхъ, кои спаслись опть опасносшей Спшамбулат по повелѣнію Дивана всѣ купеческіе корабли должны были подвергнушыся спрогому обыску; Порпа не хотѣла, чшобы бѣжками жерпвы, ошужденныя насъшпшь ея меспшь, и падашь, или мешашься въ конвульсіяхъ продолжпшельнаго спдраха, подъ ея ножемъ. Но шкппера, кошорыкъ челошвколюбіе подспрекалось огромными суммами, вымаемыми за фракшь въ пакую крпшическую эпоку, находили шпысачу средспшь скрпвашь эмиграншпшь. То двлали фальшпвую обшпвку внутри корабля, шо среди баласта копали яму, какъ шпрокій гробъ, и покрывали досками и землею, оставпвшп шплько узкое шшверспше для воздуха, шо среди бочекъ съ водою или виномъ помѣщали бочки пущшыя, шо промежъ шпюковъ своихъ шпваровъ оставляли пущшыя, и все эшо набпвалось людьми; какъ селедками, какъ неграми на судахъ невольничей шпрговли. Въ эшомъ случаѣ

шкипера знали, что за одного эмигранта, найденного на ихъ корабль, весь экипажъ былъ бы повѣшенъ на снастяхъ; но къ счастью ихъ обыскивали Турки изъ гарнизоновъ; плохіе знайоки въ архиепекшурѣ и нагрузкѣ судна, и не было ни одного несчастнаго случая, не смотря на то что иные вывели разомъ до двухъ сотъ чело-вѣкъ.

Съ одной стороны Порша принимала такіа спорогіа мѣры прошиву мирнаго и промышленнаго народонаселенія еполицы, и казню Паприарха раздражала всю Грецію; съ другой — ослѣпленная собсшвеннымъ гнѣвомъ, или, можетъ быть, Божиимъ Промысломъ — выпустила изъ рукъ Греческихъ моряковъ. Была весна, и корабли Идры, Спеціи и Ипсары возвращались изъ Чернаго Моря, нагруженные пшеницею и безъ груза, и спѣшили къ своимъ морямъ, вспревоженные полученными опшуда извѣстіями. Турецкое правительсво могло ихъ задержать въ Конспаншинополѣ, и мяшежи Мореи, безъ содѣйсвія флопа, были бы уняпы въ нѣсколько мѣсяцевъ. Оно не предчувсвовало, что эти купеческіе корабли въ нѣсколько недѣль подымутъ Архипелахъ, и шесть лѣтъ будутъ побѣждать

и сжигашь сильныя флоты Стамбула и Александрии.

Я видѣлъ Султанскій флотъ, поспѣшно вооруженный и выспроенный предъ Сералемъ, при первомъ извѣстїи о возстанїи Морен. Милліоны флаговъ, конми одѣлись снасами кораблей, соспавляли надъ ними фаншаспическіе балдахины изъ яркихъ пшени въсхъ цвѣшовъ, среди конхъ какъ змѣи, какъ длинныя бичи моря, шо свивались шо развивались въспромъ алыя Турецкіе вымпела. Продолжительный громъ пушекъ возвѣспилъ Стамбулу отправленіе грозной экспедиціи на казнъ острововъ и Пелопонеза. Въ какомъ соспавнїи возвратилась эша армада въ концѣ кампанїи — всѣмъ извѣстно.

ГЛАВА VI.

ЧЕТЫРЕ НАРОДА. — ВЗАИМНАЯ НЕНАВИСТЬ. — ЛАТЕРНАЯ СТОЛПКА. —
 СОВЪ ВЕЛЕНЦІА. — УНАДОКЪ ФАНАРИОТОВЪ. — ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТІЙ.
 — ЕГО СОВОРЪ И ГРЕЧЕСКІЯ ЦЕРКВИ. — ТИПОГРАФІА И ПОСВЩЕНІЕ
 МЪЗЪ. — АРМІЕНЕ, ВОСТОЧНЫЕ АНГЛИЧАНЕ. — РЕЛИГИОЗНЫЯ РАСПРИ. —
 ГОНЕНІЕ КАТОЛИКОВЪ. — ВЕРОНИКА ТЕНКІРЪ-ОГЛУ И КНЯЗЬ Г**.*.
 ИХЪ ПРИКЛЮЧЕНІА. — ТУРЕЦКІЙ КАДИ. — ЧАРЫ. — СТОЛПЦА ИЗ-
 РАИЛА. — РАЗСКАЗЫ ОВЪ ЕВРЕЯХЪ. — КНИГА РАВЕННА. — КЛАДЕНЩИ
 ЕВРЕКЪ И ДОЛНА ІОСАФАТА.

Уже нѣсколько вѣковъ чепыре народа живутъ въ шѣсномъ Сшамбуль, но вмѣсто того чшобы сблизиться между собою, болѣе и болѣе опщдаляющся одинъ опъ другаго, и набожно передающъ изъ поколѣнія въ поколѣніе свою взаимную ненависть. Сшраинное, любопышное явлсніе: Турки, Греки, Армяне и Евреи никогда почти не живутъ въ одномъ кваршалѣ, не имѣющъ никакихъ сношеній между собою, кромѣ случайныхъ шорговыхъ сдѣлокъ, и управляющся опдѣльно, каждая нація собшвенными законами, собшвеннымъ правосудіемъ. Внутреннее управление эшихъ чепырехъ народовъ представляешъ каршину чепырехъ пашріархальныхъ республикъ, между коими ничего общаго нѣшъ, кромѣ грозы деспотизма,

висящей надъ ними. Полишическая жизнь принадлежишь однимъ Туркамъ; остальные при племенахъ, называемыхъ общимъ именемъ *рая*, только въ храмахъ своихъ, кругомъ олшарей своей религии, чувствуютъ свою народность, и поддерживаютъ и укрепляютъ ее суевѣрнымъ опдалениемъ опъ иновѣрцевъ. Эти при племенахъ, составляющія половину народонаселения столицы, и большую часть народонаселения всей Империи, совершенно чужды судьбамъ Опшоманской державы; ихъ счастье, ихъ несчастие никогда не могутъ бышь общими, и хотя, на всѣхъ одинаково лежишь тяжелая рука Турецкаго владычества, но каждое изъ нихъ въ свою очередь больше или меньше чувствуетъ тяжесть своей ноши, или пользуется опдыхомъ. Мы видѣли въ предыдущей главѣ ужасы, коимъ были обречены Греки въ 1821 году. Черезъ четыре года ихъ судьба облегчилась, когда Порта была занята истреблениемъ Янычарь; потомъ наступила эпоха гонения Каполическихъ Армянъ; одни Евреи не были въ наше время предметомъ исключительнаго гонения; ихъ, кажется, спасаетъ постоянное уничтожение ихъ племена и общее презрѣние. То, чего и Греки и Армяне и Евреи могутъ со-

гласно желашь, ешь новая продолжительная опала на Турокъ; пошому чшо съ одной спорочны правительсшво, заняное главнымъ своимъ пугаломъ—фанатическою, правовърною чернію, оставляешь ихъ въ покоѣ; съ другой—самые Турки, присмирѣвъ опъ гоненія, спановашся гораздо обходительнѣе. Развъ изрѣдка, когда понадобится деньги, удушашь двухъ шрехъ богатей *раи*.

Бональдъ сказалъ, и всѣ за нимъ повшврили, чшо Турки расположены лагеремъ въ Европъ; не знаю, до какой степени это выраженіе можешь бышь справедливо въ политическомъ опношеніи, и послѣ чешырехвѣковой лагерной спюянки, сколько вѣковъ продлился еще ихъ пребываніе на нашемъ материкѣ; но, смопря на ихъ домашній бышь, на ихъ родъ жизни въ Сшамбуль, можно въ самомъ дѣлѣ владѣльцевъ эпои спраны счешь временными госшями. Нельзя сказашь, чшо они доселѣ не привыкли считашь Европу своимъ опечешвомъ, и помняшь свое Азіяшское происхождение; вѣрнѣе кажешся, чшо они не имѣюшь другой родины кромѣ Исламизма, и къ Азіи питаюшь благочештивное уваженіе не пошому, чшо сами вышли изъ нея, а пош-

ну, что въ ней сохраняются все великія воспоминанія Исламизма, пошому что ея воздухъ дышитъ правовѣріемъ. Не и въ Азіи и въ Европѣ Турки большею частію живутъ какъ пушники, основывшіяся въ каравансераѣ. Полицейскія ихъ постановленія, ихъ правосудіе, правительственныя соображенія, образъ войны, — все напоминаетъ эпоху ихъ кочевья отъ Туркиспана на завоеванія. Они заняли мѣсто образованнаго народа, не вернувъ ничего отъ его образованія; если нѣкоторые писатели ихъ поздравляли съ тѣмъ, что они, сохранивъ суровыя добродѣтели полудикаго племени, не заразились образованіемъ Византин, представляющимъ образъ испльвнаго прупа, то вспомнимъ, что въ эпоху прупъ были зарожены сѣмена новѣйшаго образованія, споль благодарительно развившіяся пошомъ въ Христианскихъ Государствахъ; а Турки, переживъ въкъ военной своей славы, не замѣнили его, подобно всемъ великимъ народамъ, въкомъ вкуса и образованности. Съ другой стороны безконечныя обвиненія на религію Магомеша, копорая «преграждаетъ путь успѣхамъ разума, и гонитъ просвѣщеніе»; длинныя диссертаціи ученыхъ про-

птивъ Магомеша *; онъ виноватъ, что Турки хотѣли бытъ варварами. Но и въ Испанскомъ Халифатѣ и во Дворѣ Гаруна Эль-Рашида и Эль-Мамуна поклонялись Аллаху и Корану, и эмиру никому не мѣшало заниматься науками, и государсва благоденствовали. Въ Турціи даже давно оспыль религіозный фанатизмъ, и если иногда вспыхиваешь—другія спрашивъ его поджигаютъ.

Врядъ ли есть въ исторіи задача труднѣе явленія, представляемаго огромною массою народа, копорый вдругъ блиснательнымъ и грознымъ метеоромъ обнимаетъ лучшую и образованнѣйшую часть свѣта, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ оспается въ ней почва шакимъ, какимъ былъ въ первую эпоху своего появленія, и вѣковыми усиліями обращаетъ наконецъ въ пущыни цвѣтущія свои завоеванія; народъ, копорый посланъ, кажется, Провидѣніемъ, чтобы докончить продолжительное бореиіе со смертію другаго народа, сметаетъ съ лица земли дряхлое царство, налетомъ своимъ обновитъ жизнь нѣсколькихъ племенъ, контъ юноспъ шакъ вяло развилась подъ дремлющимъ

* Еще недавно вышла въ Германіи ученая диссертация объ этомъ предметѣ.

орломъ Византіи, кониъ предназначена, можетъ бытъ, блистательная будущность; такъ только посылаешся вихорьвъ нашу атмосферу; и когда, какъ вихорь, пройдешь эшоуъ народъ, одни слѣды разрушенія будупъ напоинать о немъ; а самъ онъ, безстрашный свидѣтель великихъ событій и черемьнъ, между шѣмъ, какъ все вокругъ него суешно движешся, дремлоуъ, какъ старій дерица подъ вліяніемъ опиума, и ему снпшся, что онъ по прежнему могоуъ и славенъ, и ослѣденный вѣроу въ предопредѣленіе, онъ не подорѣваетъ, что онъ самъ ложпшся уже развалиною, въ спранѣ, кошорую покрылъ развалинами. Мы видѣли, какъ Махмудъ силишся пересоздашь свой народъ и свое царство; къ сожалѣнію, народъ мало его понимаетъ, ему не сочувствуетъ; поддержишь ли его рука эшоуъ колосъ?—или онъ посланъ Провидѣніемъ, чтобы прикрышь сіяніемъ одного царствованія нынѣшнюю эпоху Турціи, такъ, какъ Константинъ Палеологъ, вписавшій лучшую спраницу Византійскихъ хроникъ, среди поспыдныхъ спраницъ бѣдъ своей Имперіи, и просіавшій, какъ послѣдній лучъ надъ развалинами царства, какъ послѣдняя улыбка жизни на устахъ умирающаго?

Если въ городѣ, гдѣ всегдашнее пребываніе Еврепейцевъ могло, кажется, открытъ глаза Туркамъ, и показать имъ всѣ преимущества Европейскаго образованія, гдѣ народъ долженъ бытъ несравненно образованнѣе и остроумнѣе, нежели во всѣхъ другихъ городахъ Имперіи,—ибо полмилліона людей, живущіе въ одномъ городѣ, поневолю будутъ менѣе глупы—если въ самой столицѣ Султана, при ободрительномъ его примѣрѣ, преобразованія находятъ въ массѣ правовѣрныхъ болѣе враждебнаго сопротивленія нежели опоры—то что ожидать въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ фанатизмъ правовѣрныхъ подкрѣпленъ стариннымъ презрѣніемъ къ Еврепейцамъ?..

Константинопольскіе Греки, которые въ іерархіи подвластныхъ народовъ занимають первое мѣсто, какъ бывшіе владѣтели, начинаютъ опять оправляться послѣ недавнихъ своихъ бѣдствій, но врядъ ли достигнутъ прежняго благосостоянія. Еще недавно огромные капиталы находились въ ихъ рукахъ, они имѣли просвѣщенную и дѣятельную аристокрацію, иногда они правили дѣлами Турецкаго кабинета, и имъ принадлежали два княжескіе престіола. Все это невозвратно прошло, и Фанари — эгоистъ квар-

наль, кошорый, казалось, продлил въ Стамбуль древнюю Визанцію, съ ея нишригами, съ ее честолюбіемъ, съ ея шонкимъ умомъ, съ всеми ея суепами—предспавляетъ шеперь одни грусныя воспоминанія. Въ послѣдніе годы два фанаріона обратили вновь на себя вниманіе Султана, кошорый, какъ увѣряють, не одинъ разъ сожалѣлъ, о безчеловѣчномъ гоненіи сполькихъ семей. Одинъ изъ нихъ, Вогориди, бывшій при восольствѣ Халиль-Паши въ Цешербургъ, во возвращеніи въ Конспаншинополъ получилъ шишуль Владѣтельнаго Князя Самоса; но онъ не долженъ никогда вхашъ въ свое княжество, и оснаеися въ столицѣ Султана, какъ живое воспоминаніе прежняго величія фанаріонскихъ князей.

Я навѣспилъ Конспаншинопольскаго Папріарха, кошорога прежде зналъ Епископомъ Синайскимъ. Папріархъ Конспаншій былъ долго въ Россіи, и весьма хорошо знаеть нашъ языкъ, какъ и другія Славянскія нарѣчія, и читалъ церковныхъ нашихъ писателей. Онъ соединяетъ обширныя свѣдѣнія, ученость и шрудолубіе съ паспырскими добродѣтелями. Онъ написалъ книгу о древностяхъ Конспаншинополя, и охотно

далъ мнѣ нѣкоторыя археологическія поясненія. Но болѣе всего занимало его сословіе православной Церкви въ новомъ Греческомъ Королевствѣ; уже носились слухи о сославленіи шамъ новаго Синода; Пашріархъ желалъ только, чтобы согласіе и истинное Христіанское благочестіе руководствовало церковными дѣлами Королевства, а самъ давно уже не принималъ никакого дѣятельнаго участія въ нихъ, находясь въ самомъ запруднительномъ положеніи, всегда подъ подозрительною бдительностію Дивана, и всегда имѣя предъ глазами ужасную судьбу своего предшественника.

Среди разрушенія всѣхъ величій Константинопольскихъ Грековъ, одинъ Пашріархъ остается съ преимуществами своего сана, съ прежнему своею политическою властію надъ своимъ народомъ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ. Преемникъ Злапоуспа и Фошія стоитъ, какъ одинокая колонна, среди обломковъ распавшагося храма.

Церковь освященная Турецкимъ правительствомъ для Вселенскаго престола — небольшое полукаменное, полудеревянное зданіе, которое грозитъ разрушеніемъ. Кромѣ великихъ воспо-

минаний, которыя грустно и гнетливо висѣли подъ деревяннымъ ея навѣсомъ, надъ пресполомъ Иоанна Злапоуспаго, сохраненнымъ въ ней, никакого величія въ ней не майдепе; блѣдная позолота образовъ Византійской живописи — воптъ все, что осталось отъ древняго богатства православныхъ храмовъ въ Константинополѣ. И Паптріаршая церковь, и остальные двадцать Греческихъ церквей Константинополя находятся въ самомъ бѣдномъ состояніи. Эти церкви почти все спарвѣ эпохи взышя Константинополя; Турки не позволяютъ строити новыя церкви, и даже, чтобы поддерживать спарья, и чашными иоправленіями предохранять ихъ отъ конечнаго разрушенія, Христіане должны покупать позволеніе огромными суммами и богатыми подарками вельможамъ. Безъ особеннаго разрѣшенія Порты нельзя передвинуть нѣсколько черепиць на крышѣ, (считаю излишнимъ говорить, что куполь есть принадлежность мечетей) хотя бы дождь ливнемъ падалъ среди молящихся Христіанъ. Бѣднѣйшій Христіанскій храмъ Константинополя, подъ деревяною своею кровлею, обшелся дороже иной великолѣпной мечети, съ ея широкимъ куполомъ и спрѣльчашыми мина-

решами. Константинопольскіе Христиане въ эту эпоху были обрадованы надеждою скорого поволенія опть Султана обновить все свои храмы; при всей бѣдности народа должно надѣяться, что его храмы значительнo улучашся, потому что никто не пожалѣетъ пожертвованій для спольнаго предпріятія. Мы видѣли, что все существованіе этого народа сосредоточилось у алшаря, и тамъ, среди воспоминаній и надеждъ, онъ ищетъ единственныхъ своихъ утѣшеній: Припомъ, такъ какъ первый лучъ просвѣщенія, блеснувшій челoвѣку, зажегся у алшаря его религіи — подъ свѣтлою церкви укрывается скудное наслѣдіе науки, которое сохранилось опъ временъ Византіи чрезъ четыре вѣка варварства. При всякой церкви вмѣстѣ съ богатынею естъ и училище, а при Папріаршемъ соборѣ находится даже довольно обширное типографическое заведеніе; въ немъ шеперь печашающія учебныя книги и молитвенники, но за двадцать лѣтъ предъ симъ, когда Греческія Музы сдѣлали крацкое посѣщеніе въ свою вперую столицу, когда Фацари предшавидъ образъ древнихъ Аѳинъ, при звукахъ языка Перикла и Демосѳена, въ этой типографіи былъ предпри-

пяты прудъ, доспойный лучшей эпохи и лучшей часпи — издание энциклопедическаго словаря Греческой и Визаншійской Словесности, подъ заглавїемъ ковчегъ. Но его размѣрамъ это былъ огромнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ словарей, и напоминалъ Арабскую лишперашуру, съ баснословнымъ ея словаремъ, сошавлявшимъ влѣкъ нѣсколькихъ верблюдовъ. Въ двухъ первыхъ номерахъ ковчега, которые успѣли ошпечатываться, заключались чешыре буквы и болѣе 3000 сравницъ in folio самой мелкой печати. Въ немъ безъ сомнѣнїя было много Визаншійской схоластики, но и много эрудици. Все это рухнулось въ 1821 году; замѣтимъ здѣсь, что во многихъ домахъ просвѣщенныхъ Грековъ были дорогія собранїя книгъ и рукописей, особенно по часпи Визаншійской Испорїи, юриспруденци и церковной лишперашуры; всѣ эти книги были распроданы на вѣсь фабрикантамъ, и обратились въ каршонъ.

Еще оснаенся намъ сказать нѣсколько словъ объ Армянахъ и о Евреяхъ Стамбула.

Армяне занимають часпнъ города прилежащую къ *Семи башнямъ* и набережную до Серая; живутъ также въ разныхъ часпяхъ города и по

Босфорскимъ предместьямъ. Они не имѣютъ прошедшаго и историческихъ воспоминаній, или по крайней мѣрѣ весьма мало заняты ими; они забыли и древнее Армянское царство, которое по свѣдѣнію по блѣднымъ метеоромъ сколько вѣковъ несло на бурномъ горизонтѣ Азии, и берега Евфрата, и подошвы Арарата, и Эдессу и великаго Тигра. Разсыянные подобно Евреямъ по землѣ*, они не сохранили набожнаго воспоминанія объ одной общей родинѣ, о священныхъ мѣстахъ Сиона. Для нихъ любовь къ родинѣ, честолюбіе и слава—химеры; они самые *положительные* изъ людей; всѣ ихъ мечты, всѣ желанія спремашся къ золоту, и всѣ прибыльныя промышленности открыты ихъ дѣятельности; это воспомыные Англичане, и съ нѣкошораго времени захватили въ свои руки всю внутреннюю торговлю Турціи, и кажется заперли въ своихъ сундукахъ, какъ въ гробницѣ, всѣ капиталы. Уже давно Порта ввѣрила имъ монетный дворъ,

* Последняя наша война съ Персією открыла новую перспективу благосостоянія и улучила судьбу этого мирнаго и промышленнаго племени; присоединенные къ Россіи Армяне, нашли въ ней опечество и всѣ благодѣянія мудраго Правительствза; но здѣсь говоримъ собственно объ Армянахъ Турціи.

и приманка барыша заставляешъ ихъ забывать въ опасности и ужасные примѣры казней и ссылокъ. Послѣ брашневъ Дузь-оглу, о которыхъ я уже упоминалъ*, монешный дворъ былъ ввѣренъ другому Армянину Тенкирь-оглу; чрезъ нѣсколько лѣтъ казна конфисковала у него 15,000.000 піаспровъ, и онъ со всѣмъ семействомъ сосланъ въ глушь Малой Азіи; потомъ былъ назначенъ Казасъ-Арпинъ..... но это будетъ цѣлый списокъ ссылокъ и конфискацій.

Константинопольскіе Армяне раздѣлены на двѣ враждующія секты — Эвпихіанъ и Римскихъ Каполиковъ. Взаимная ненависть этихъ двухъ сектъ была, послѣ любви къ барышу, единственною ихъ спрасшію; она вспыхнула съ новою силою въ 1828 году: Каполики призывали покровительство Папы, но Эвпихіане были богаче и многочисленнѣе, и призывали на своихъ соперниковъ опалу Дивана, который былъ радъ случаю новыхъ конфискацій. Всѣ Каполики безъ исключенія съ своими семействами были обречены ссылкой; все ихъ имѣніе было описано въ казну, и многія ихъ тысячи, безпріютныя, по-

* Часть I. Гл. 3.

гибли въ ссылкѣ. Въ последнее время многіе изъ нихъ возвращены изъ ссылки черезъ посредничество Французскаго посла, чтобы въ нищенствѣ сморгнуть на свои богатые кіоски, сдѣлавшіеся собшвенностію другихъ.

Не одинъ разъ въ кашаніяхъ моихъ по Босфору видъ этихъ кіосокъ наводилъ мнѣ шрогашельныя воспоминанія. Среди кровавыхъ воспоминаній Конспаншинополя, эпизоды романтической хроники этихъ береговъ дѣлаются еще привлекашельнѣе.

Я зналъ семейство Армянскаго банкира Тенкирь-оглу въ дни его благополучія; оно состояло изъ шести сыновей и двѣнадцати дочерей; младшія дочери соединили къ своей Азіяшской красѣ дары Европейскаго воспитанія, попому что Армяне-Кашолики въ последнее время сблизились съ Европейцами. Хотя опеческая предумошрительность заставляла ограничивать воспитаніе сыновей свѣдѣніями нужными для Конспаншинопольскаго *серафа*, но дочерей своихъ Армяне старались воспитать подобно Франкамъ. Впрочемъ изученіе Французскаго языка и музыка не могли искоренишь въ молодыхъ Армянахъ насѣдственныхныхъ предразсудковъ религіи.

Въ слѣдующемъ разсказѣ найдемъ прогательный примѣръ силы эпихъ предразсудковъ.

Вероника, младшая дочь Тенкирь-оглу, была рѣдкой красоты, и съ умомъ живымъ и пріятнымъ; ей было четырнадцать лѣтъ, и ея родные только два недосшатка находили въ ней: она была легка, шонка и высока, что по мнѣнію Армянъ, непроспешельно для женщины, брови ея не довольно сходились надъ носомъ, и было необходимо продолжатъ ихъ къ кистію, а главное — она была еще слишкомъ рѣзва, между шѣвъ, какъ въ эпихъ лѣтъ двѣдушка должна пріучатся къ неподвижной жизни Армянокъ, доколѣ опъ сидѣнія располсшѣетъ до того, что вовсе не будешь двигатся съ угла своего дивана. Тенкирь-оглу жилъ въ Эмирьянъ, одномъ изъ красивѣйшихъ предмѣстій на Босфоръ: на гранишной набережной нѣсколько красивыхъ домовъ, дошомъ у берега широкая поляна, обсаженная плапанами и раздвоенная рѣкою, черезъ копорую перешагнула дуга легкаго мостика; во внутренности берега горы, одѣшныя садами, распущились, чтобы обнятъ въ свои цвѣтущія объшія глубокую и свѣжую долину, въ копорую капаютъ опъ нихъ ручьи, какъ лю-

бовныя слезы, и образуящъ попомъ рѣку Эмиръ-яна. Въ этой восхищительной долине любила гулять съ своею нянею Вероника, и пользуясь свободою загородной жизни, не накидывала на себя покрывала. Въ этой долине любила скакать на своемъ жеребцѣ и молодой Князь Г. сынъ одного господара, пребывавшій тогда аманпомъ въ Конспаншинополѣ. Вскорѣ къ прелеснямъ долины, которая манила къ себѣ наѣздника, присоединились и прелести Нимфы этой долины.

Любовныя взгляды завоевали сердце молодой Армянки, которая начинала чувствовашъ первый призывъ дѣвственныхъ лѣтъ къ радостямъ любви, а кощелекъ цехимовъ купилъ благосклонность старой няни, и она согласилась доставить влюбленному Князю свиданіе. Свиданія назначались по въ хижинѣ садовника, по въ дубовой рощѣ, которая одѣвала благосклонною тѣнію Эмиръянскую гору, и всегда въ присутствіи спарухи; но любовь имѣетъ свой мистическій языкъ, непонятный для спарухъ: молодымъ любовникамъ удалось избѣгнуть ея назидательности. Однажды Вероника скрылась отъ своей няни, и пробралась по заученной тропинкѣ къ хижинѣ

двухъ Босипанджи, спорожей сулшанскихъ лѣсовъ. Здѣсь ожидалъ ее Князь, въ походномъ плашьѣ, вооруженный, съ чепырьмя Турками преданными ему. Турецкое мужское плашье было гошово для молодой Армянки; она переодѣлась, спряшала свои длинныя волосы подъ Персидскою шалью, кошпорая окушала небрежную чалмою ея хорошенькую головку, и на лихомъ конѣ, и на крыльяхъ любви полешѣла вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ и съ вѣрною спражею въ опдаленный кваршалъ Шшамбула. Черезъ нѣсколько дней они обвѣнчались въ деревенской церкви.

Родишели Вероники бесполезно суешились, чшобы узнать куда изчезла ихъ дочь, доколѣ исповѣдь спарой няни не ошкрыла имъ начала ея любовнаго романа; но спаруха сама не знала кто былъ похишитель; послали ея къ ворожеѣ; и между Армянками водяпся ворожеи, кошпорыя ааслѣдовали, можешъ бышь, всѣ древнiя шаинства своей соотечественницы Медеи. Ворожея, къ чеспи своей науки, а можешъ бышь, и по примѣшамъ, какiя могла ей дашь спарая няня, объявила имя похишителя. Это было громовымъ ударомъ для родишелей: если бы похишитель

былъ лѣшій, оспавалось покорисься своей судь-
 бѣ, и служишь поминки; если бы Турокъ — это
 было бы не впервые; Турки считающъ себя впра-
 вѣ похищашъ хорошенькихъ дѣвушекъ не у од-
 нихъ Армянъ, и правосудіе въ этомъ случаѣ
 нѣмо, какъ предопредѣленіе. Но видѣшь дочь
 свою обольщенною Хриспіаниномъ Греческаго
 исповѣданія, знашь что она, усердная Каполич-
 ка, (я забылъ сказать, что домъ Тенкирь-оглу
 принадлежалъ къ Западной Римской Церкви) долж-
 на изъ обѣщаній *еретика* перейши прямо въ вѣч-
 ный огонь, и терпѣшь припомъ подобное оскор-
 бленіе, которое оспавалось неизгладимымъ паш-
 номъ не только на ихъ домъ, но на цѣломъ Ар-
 мяно-каполическомъ племени — это было не-
 сперпимо. Они подняли на ноги всѣхъ пажело-
 вѣсныхъ своихъ соопечесшвенниковъ, и случись
 это при тысячи лѣтъ тому назадъ, все ихъ
 племя вооружилось бы, и пошло войною отбить
 свою красавицу, какъ Греки подъ Трою. Къ не-
 счасію они не могли узнатьъ, въ какомъ закол-
 дованномъ замкѣ скрывалась Вероника, пошому
 что она не была вмѣстѣ съ своимъ супругомъ.
 Молодой Князь жилъ по прежнему въ домѣ на-
 значенномъ для него опъ Порпы, и всѣ поиски

Армянъ, всѣ шпионы посланные къ нему, все золото, издержанное на подкупленіе его слугъ, не могли доставить имъ положительныхъ свѣдѣній о мѣстопробываніи его супруги. Извѣстно только было, что онъ дѣлалъ частыя оплочки, и иногда принималъ у себя шайныя посѣщенія. Припомъ ежедневно Тенкиръ-оглу получалъ извѣстія, что молодая женщина, или Турокъ, весьма похожій лицомъ на его дочь, показывались то на Княжескихъ Островахъ, то въ Скушари, то въ Перъ, то въ какомъ нибудь изъ предмѣстій; часто даже разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; старшій Армянинъ шерялъ голову, или начиналъ подозрѣвать, что дочь его сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ колдунею съ своимъ ерешикомъ, и думалъ уже отказаться отъ преслѣдованій. Но это дѣло было уже народнымъ дѣломъ его единоплеменниковъ, и въ него вмѣшалась религія. Духовенство Армянскихъ Каполиковъ соединяетъ всю непереносимость каполицизма съ необразованностію и сребролюбіемъ Константинопольскихъ Армянъ, и кромѣ оскорбленнаго самолюбія за побѣгъ хорошенькой овцы изъ набожнаго спада, оно подспрекалось опасеніемъ, что если эноптъ примѣръ, первый въ лѣтописяхъ Армяно-каполиче-

ской Церкви, найдешь подражапельницъ, а дурные примѣры всегда находятъ — ихъ казна потеряла бы доходы многихъ богатыхъ свадьбъ.

И такъ, вмѣстѣ съ своимъ Епископомъ, Армяне, въ день шесивіа Султана въ мечеть, подали *арчохаль*, ш. е. жалобу, въ которой призывали Султанское правосудіе пропнву похищенія Вероники. Въ этой жалобѣ было сказано, что онъ насиліемъ увезъ ее, и колдовствомъ скрываетъ. Тенкирь-оглу управлялъ въ это время монешнымъ дворомъ, и имѣлъ связи въ Сераль*. Его просьба обратила на себя все вниманіе Султана, и хотя князь, призванный къ допросу, объявилъ, что онъ женатъ на Вероникѣ, и законъ ни въ какомъ случаѣ не опннмаетъ жены у мужа, Султанъ однако рѣшилъ изслѣдовать это дѣло, и если окажется, что въ самомъ дѣлѣ употреблено насиліе и колдовство, освободить Веронику отъ колдуна.

Что не было употреблено насилія въ похищеніи Армянки, мужъ ея легко могъ доказать

* Есть особый Директоръ Монешнаго Двора — *Зарабъ-хане-эмини*; но Армянскіе банкиры, по своей опытности во всемъ что относится до драгоценныхъ металловъ, отъ химическихъ процессовъ до оборота ихъ, исключительно управляютъ его дѣлами.

свидѣтельствовомъ чепырехъ своихъ оруженосцевъ и двухъ Боспанджи, копорые видѣли, какъ она сама прибѣжала, шайкомъ онъ няни, и бросилась въ его объятія. Но на щель колдовства — совсѣмъ другое дѣло.

Константинопольскій Кади, надѣвъ предва-ришельно на себя нѣсколько палисмановъ, и послѣ долгихъ заговариваній спараго дервиша, призвалъ эшаго опаснаго челоуѣка, и велѣлъ ему доказать, что онъ не упошребилъ другой магіи, кромѣ магіи, преподаваемой молодымъ людямъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій крылашымъ мальчикомъ-колдуномъ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Эропа. Молодой челоуѣкъ ошвѣчалъ, что онъ женатъ на Вероникѣ, что она его любитъ, и что кадіи могъ лично удостовѣриться, ошвѣтами его супруги, въ помъ что она не заколдована, а на пропивъ того въ самомъ двѣшущемъ здравіи, и такъ хороша, что можетъ однимъ взглядомъ околдовать даже спараго судію, и живешь съ нимъ въ полномъ благополучіи. Армяне того только и желали, чтобы Вероника была призвана къ допросу. Кади былъ радъ тому что дѣло рѣшился обоюднымъ согласіемъ, основываясь на собственныхъ показаніяхъ Вероники, что онъ

избавишя ошъ шруда произносишь приговоръ, и даромъ получишь плашу за процессъ; и шакъ рѣшилъ, что Вероника должна была явишься къ суду. Тогда Тенкирь-оглу представилъ кадїю, что дочь его, находясь подъ вліяніемъ нечиспой силы, будешъ говоришь при допросѣ не по что чувсшвуешъ, и пошому шребовалъ, что бы предварительнo она пришла на шри дня въ опцовскїй домъ, въ коемъ имѣлись надежныя средства для разрушенїя чаръ; пошомъ обязывался онъ предсшавишь ее суду, и покоришься его рѣшенїю.

Кадїй нашелъ весьма основательнымъ эшо шребованїе, основанное вѣрояшно и на другихъ мепаллическихъ аргуменшахъ, и предписалъ князю послать супругу въ домъ ея опца для свиданїя съ родишелями, обвщая, что по испеченїи прехъ дней она непременно явишься въ судъ, и если подозрѣнїя въ колдовствѣ окажутся не основательными, она ему будешъ возвращена. Князь не охотно покорился эшому рѣшенїю; впрочемъ былъ совершенно увѣренъ въ любви Вероники, и въ томъ что она сама знала, что разлученная съ нимъ, она не найдешъ жишья въ родишельскомъ домѣ, и будешъ несчастнѣйшимъ

въ міръ существомъ съ Армянами-изувѣрами. Но родители лучше его знали свою Веронику.

Когда она была къ нимъ привезена, и въ слезахъ бросилась къ ногамъ матери, прося, чтобы не разрушили ея блаженства, увѣряя, что она не будетъ жить безъ своего мужа, и говоря все что говорится въ подобныхъ случаяхъ, старшія ея сестры спали кругомъ, и начали курить ладаномъ и шептать въ полголоса заклинанія и молитвы; потомъ взяли ее на руки, не говоря ни слова, опвели въ отдѣльную комнату, и подь образомъ уложили на кровать, точно какъ покойницу, и на грудь ея положили большое распятіе. Нѣсколько часовъ читались надъ нею молитвы, и мать и сестры плакали при ней; потомъ обвѣсили ее шалисманами, заперли въ этой шѣсной комнатѣ, которой окна и ставни были на глухо закрыты, и оставили ее на всю ночь, при слабомъ свѣтѣ лампы..... Будетъ упомянуто описывать всѣ средства, употребленныя родителями, чтобы воспламенить молодое воображеніе Азіяпки, упитанное суевѣріями съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, и потомъ убедить ее, что она наконецъ освободилась отъ чаръ. Старая няня сама клялась предъ нею, что

и она грѣшница была въ согласіи съ волшебникомъ, который по являлся ей въ настоящемъ своемъ видѣ — горбатымъ карломъ, по принималъ плѣнительныя формы, коими успѣлъ оболочить молодую дѣвушку; что она сама напешывала ей, когда она спала, проклятыя слова, которыхъ теперь никакъ не можетъ произнести, подсыпала въ ея кушанье доставленные волшебникомъ порошки, клала ей подъ изголовье какія-то зелія и шалисманы, которые обратились въ золу, когда окропили домъ свяпою водою. Вероника начала вспоминать, что со времени первыхъ ея любовныхъ свиданій она въ самомъ дѣлѣ почувствовала въ себѣ удивительную перемену; особенно во снѣ спали ее прехожіе странныя грезы. На третій день, день который рѣшалъ ея участь, несчастная была убѣждена, что мужъ, безъ ума ея любимый, ее околдовалъ.

Считаю излишнимъ говорить, что вопросы, предложенные ей кадіемъ, были диктованы ея безчеловѣчнымъ опцемъ, по наспопательному шребованію коего, мужъ не долженъ былъ присутствовать при этомъ допросѣ, напоминающемъ инквизиціонныя судилища.

Вошь нѣкошорые изъ эшихъ вопросовъ и оп-
вѣшовъ:

— Гдѣ пы увидѣла въ первый разъ молодда-
го Бейзаде*?

— Въ долину, у ручья, подъ кашпановымъ
деревомъ.

(Замѣшимъ здѣсь, что эшо дерево и эшошъ
ручей пользовались весьма дурною славою въ
околошкѣ: въ старые годы какъ-шо въ сумерки
пропало здѣсь безъ вѣспи диня, и съ шого вре-
мени воображеніе Эмиръянскихъ жипшелей насе-
ляло эшо мѣсто вурколаками** и злыми духами.
Кади не упустилъ эшого обспояшельспва въ
своёмъ допросѣ, и оно было однимъ изъ аргу-
ментовъ его рѣшенія).

— Какіе знаки онъ шебѣ дѣлалъ?

— Его глаза меня смушили; онъ спранно на
меня смошрѣлъ.

— Не было ли шебѣ жаль разспашься съ ро-
дишелями, копорые пакъ шебя любашь?

* Такъ называются дѣвши господарей.

** Въмѣсто объясненія о Вурколакахъ, о коихъ повѣріе рас-
пространено между всеми племенами Греческаго и Славянскаго
поколѣнія общающимися въ Турціи, считаю лучшимъ указашъ
чипашелю прелешшную повѣсть Вампиръ, писашную по разска-
зу Лорда Байрона.

— Очень жаль; я долго плакала, но невольно должна была склониться на желаніе этого человѣка; неодолимая сила меня къ нему влекла, и теперь еще влечетъ.

Не оставалось никакого сомнѣнія: Кади рѣшилъ, что она была заколдована, и должна была оспашься у родителей для совершеннаго своего исцѣленія. Когда впустили вѣспровоженнаго мужа, котораго хотѣлъ разуверитъ кадія, и вырвашъ свою супругу изъ насильственныхъ рукъ изуверовъ-Армянъ, Вероника, при первомъ взглядѣ на него, вспыхнула вѣсѣмъ пламенемъ своей сѣрасни, забыла вѣсѣ свои глупыя опасенія, и бросилась въ его объятія. Но это въ глазахъ кадія показалося новымъ несомнѣннымъ доказательствомъ силы колдовства. Вероника была насильственно вырвана изъ объятій мужа, и ея родители, не уваживъ по крайней мѣрѣ того, что она носила плодъ своей любви, на другой же день посадили ее въ кайкъ, послали въ Азію, и послѣ долговременнаго пущи по ея пустынямъ, она достигла неизвѣстнаго, далекаго городка, гдѣ несчастная жертва безчеловѣчія и суевѣрія должна была принять одежду смиренія въ Армянскомъ женскомъ монастырѣ. Судьба ея оста-

лась въ неизвѣстности: можетъ быть еще досель помнишь она любовію, можетъ быть изувѣрки монахини Армянскія успѣли ее вполне удостоверить, что она въ самомъ дѣлѣ была въ объятіяхъ какого нибудь дракона, или сапаны, и она долгими годами раскаянія искупаетъ крашкія мгновенія перваго и единственнаго привѣща любви и жизни.

Когда я былъ въ послѣдній разъ въ Константинополь, семейство Тенкиръ-оглу было въ крайней бѣдности; оно недавно возвратилось изъ ссылки; мнѣ не удалось получить никакихъ свѣдѣній о судьбѣ Вероники, копорую я знавалъ дѣтствомъ, копорой приключенія возбудили потомъ во мнѣ самое живое участіе. Только въ прогулкахъ моихъ въ долины и въ рощѣ Эмиръ-яна преганительный ея образъ придавалъ новымъ прелестямъ эцимъ восхищительнымъ ландшафтамъ и сохраннымъ мною воспоминаніямъ давнишнихъ годовъ.

Послѣ романтической Вероники мы должны посѣтить древнее племя Израильяны: оно въ Константинополь, какъ и во всѣхъ городахъ Турціи, и во многихъ Христіанскихъ городахъ, не живетъ по разнымъ кварталамъ, среди дру-

гихъ племень, но соединилось въ отдѣльномъ предмѣстїи, въ Хасъ-къои, во глубинѣ залива Золопаго рога, и сославилъ здѣсь цѣлый Жидовскїй городъ, съ 70,000 жишелей, которїй можетъ почешься всемірною столицею Израиля. Можно подумашъ, смошря на посшоянное спаранїе Евреевъ собиращься въ одномъ углу города, и не смѣшивашься съ другими племенами, что эшимъ хоплягъ они вознаградишь себя за свое разсвянїе по земль. Но никакое воображенїе не предспавишь себѣ каршины отвращишельнѣе ихъ Спамбульской столицы; неопряшность и зловонїе улицъ, домы обвѣшенные шряпками, группы маленькихъ Израильшянъ, которые, вмѣстѣ съ собаками, совершенно нагіе, ползають по улицамъ, сухїе, вялые, желпые, какъ семьи гномовъ, спарыя Еврейки, которыя съ миспическими знаками на головѣ, какъ колдуньи Махбеша, сидягъ у воротъ съ верешенами, или перекликають изъ своихъ оконъ прощяжными звуками, подобными погребальной пѣснѣ — все эшо заспавишь васъ излишь свою досаду на официальное любопытство пушешеспивенника, которое ведешъ его не въ одни долины Босфора, но и въ Еврейское предмѣстїе.

Мужчинъ вы здѣсь увидите мало; они цѣлый день промышляютъ въ Спамбуль: и здѣсь какъ и вездѣ, они захватили въ свои руки всю мелкую торговлю. Изъ нихъ есть много богачей, много *сарафовъ*, но большая часть ихъ племени пребываетъ въ нищету. И богача и нищаго Еврея узнаете среди базара по заботливости, сдѣлавшейся привычною на его лицѣ и овладѣвшей всѣми его движеніями, по боязливой его походкѣ, съ взглядомъ и съ головою всегда опущенными къ землѣ, кою грязь впиалась, кажущаяся, въ его душу, во всѣ его мысли. Но ихъ можно узнать и по цвѣсамъ одежды; извѣстно что каждый народъ въ Турціи имѣетъ привилегированные цвѣта для своей одежды; Евреямъ Султанъ пожаловалъ голубой цвѣтъ; цилиндрическая суконная шапочка, обвязанная проспымъ плашкомъ, широкіе кафшаны и шуфли — все это грязно-голубаго цвѣта; и дома ихъ выкрашены голубою краскою. Я забылъ выше сказать, что коришневый цвѣтъ принадлежитъ Армянамъ; черный носится Греками, какъ бы наследственный прауръ однѣ поколѣнія въ поколѣнія по пошерянной державѣ. Эши цвѣта строго соблюдаются въ обуви и въ наружной краскѣ до-

мовъ. Въ прежнее время считалось величайшею милостию, если Султанъ жаловалъ кому изъ *раи* привилегію носить желшья шуфли; Фанаріюшскіе Греки и Армяне Дузоглу носили ихъ въ дни своей славы; шеперь считаешся особенною почестию надѣшь новый коспюмъ.

Не думайше, что Евреи, встрѣчаемые на Восшокъ, побрели сюда изъ своего древняго восточнаго царства. Они пришли сюда съ Запада; они совершили, подобно ипциамъ южныхъ климатовъ, срочный и широкій кругъ переселенія, и приблизились вновь къ своей родинѣ. Это потомки тѣхъ 800,000 Евреевъ, кошорыхъ инквизиція Фердинанда и Изабеллы безчеловѣчно изгнала изъ Испаніи въ XVI вѣкѣ*. Они оспавили

* Вениаминъ Тудельскій, Испанскій Еврей, пушешествовавшій въ XIII вѣкѣ, и посѣщившій почти всѣ извѣстныя тогда земли, нашелъ въ Констанцинополѣ шолько 1000 своихъ единовѣрцевъ. Изъ Византійскихъ лѣтописей видно, что они тогда занимали выѣшнюю Галашу. Шашобрианъ помѣстилъ въ своемъ *Itinéraire de Paris à Jérusalem* опись Еврейскаго народонаселенія, найденнаго тогда Вениаминомъ во всѣхъ извѣстныхъ городѣхъ. Это составляетъ приблизительно до 4,000,000 душъ. Ихъ народонаселеніе было вшаперо болве при Веспасіанѣ. Въ эпоху осады Иерусалима Титомъ погубло 1,000,100 Евреевъ. Любопышно знаешъ въ шочности ихъ число въ настоящее время.

царство Фердинанда, какъ предки ихъ оставили царство Фарасиновъ; но они не унесли съ собою добычи своихъ гонимелей; напрошивъ, благодаря хитрости Фердинанда, оставили въ Испани свои богатства*. Только языкъ романшической Кастиллии остался имъ въ наслѣдство отъ Пиррнейскаго полуострова, и гордый языкъ гидальговъ, изуроданный выговоромъ Леваинскихъ Евреевъ, не узнается болѣе, какъ бы спыдаясь служишь для мерканшильныхъ дѣлъ и самыхъ унизишельныхъ промышленностей — языкъ романсовъ и героическихъ дѣлъ.

Сыны Израиля, не находя убѣжища въ Каптолической Европѣ, прибѣгли къ гостеприимству Востока, и нашли покровительство и вѣроупримосшь въ царствѣ Корана. Они здѣсь и теперь болѣе довольны своею участію, нежели

* Известно, что сперва былъ изданъ указъ запрещающій вывозъ изъ Королевства денегъ и всякихъ драгоценностей, попомъ повелѣніе Евреямъ оставить Королевство; это былъ явный грабежъ; но остроуміе Евреевъ въ эпоху затрудненіи изобрѣло средство, коимъ спасена некоторая часть ихъ богатства: торговля обязана Евреямъ и несправедливости Фердинанда векселями, коими успѣли они перевести въ Королевства суммы, не деньгами и не драгоценностями, а только на бумагѣ и на коммерческомъ кредитѣ.

во многихъ Европейскихъ городахъ, и пользуясь одинаковыми правами со всѣми племенами подвласными Туркамъ. Даже многія вѣрованія и обряды ихъ закона сближаютъ ихъ съ Мусульманами; они также гнушаются свинины какъ и Турки; также письмо ихъ идетъ опъ правой руки къ лѣвой, также въ своемъ богослуженіи не поклоняются образамъ, и ихъ религія, подобно религіи Магомета, состоитъ въ числомъ деизмѣ.

Не это племя злое и свирѣпое; нигдѣ не обнаруживается до такой степени ненависть ихъ къ Христіанамъ; мы видѣли какъ она выразилась при казни Папріарха. Если кто изъ нихъ обратится въ Христіанство, долженъ удалиться въ страну, куда его не могла бы настигнуть мстительная рука Израиля; было много примѣровъ подобнаго неизбежнаго мщенія. Кромъ того, въ Констаншинополѣ носятя ужасныя слухи объ обычаяхъ Евреевъ похищать дѣтей Христіанъ для крови, требуемой ихъ Пасхальнымъ агнцемъ. Еще недавно пропало безъ вѣспидиша одного купца въ Перѣ; красота его заспавляла подозрѣванъ, что оно похищено и продано въ неволю; попомъ нашли въ морѣ его трупъ;

дншя было зарѣзано, и всѣ подозрѣнiя пали на Евреевъ, шѣмъ болѣе, что эшо было въ эпоху ихъ Пасхи. Подобныя подозрѣнiя были подшвержены книгою подъ заглавiемъ «Опроверженiе Еврейской вѣры, сочиненное Неофитомъ, монахомъ Греческимъ, прежнимъ Раббиномъ;» она была издава на Молдованскомъ языкѣ, въ 1803 году, въ Яссахъ. Евреи закупили тогда всѣ экземпляры, испрѣбили ихъ, и огромною суммою, данною Господарю, предупредили ея новое изданiе. Но потомъ, въ 1818 г. она была прѣведена на Греческiй языкъ, и оная напечатана въ Яссахъ. Первая ея глава говоритъ «о крови, опнимаемой Евреями у Христiанъ, и о ея употребленiи». Послѣ ужасающихъ подробностей авторъ прибавляетъ: «Когда мнѣ совершилось тринадцать лѣтъ, отецъ мой открылъ мнѣ тайну крови, по предварительной кляпвѣ моей всеми стихiями, землею и небомъ, въ ея сохраненiи, и подъ угрозою предашь меня прокляшiю, если открою ея кому бы то ни было, даже роднымъ братьямъ. Когда ты женишься, сказалъ онъ, и у тебя будетъ десятеро дѣтей, ты долженъ передашь эту великую тайну подъ шѣми же кляпвами одному изъ нихъ, которое покажется

тебѣ самымъ уинымъ и самымъ пвердымъ въ вѣрѣ нашихъ опцевъ; ушроба земли не применѣтъ предашеля, и пр.

Не знаю до какой спепени заслуживаюпъ въ-рояпнѣ слова Рабина, но они болѣе подкрѣпили въ народѣ слухи о закланіи дѣшей. Вспомнимъ, что въ первыя времена Христіанства Евреи обвиняли Христіанъ въ эпомѣ самомъ злодѣяніи.

Въ сосѣдствѣ съ городомъ Евреевъ, на широкомъ холмѣ, раскинулось ихъ кладбище; кладбища въ Конспанпинополѣ сосшавляютъ лучшее украшеніе города: эпо сады и рощи, среди коихъ образъ смерши являешся одѣпый всею поэзію природы; на каждомъ деревѣ найдеша гнѣздо перелетныхъ гостей весны; въ каждой пѣни воркуютъ голуби, и шайны любви ихъ соединились съ шайнами смерши. Но кладбище Евреевъ въ Хасъ-кьои безъ пѣни, безъ одного ку-сипа; среди его пуспыни расположились одни бѣлыя пѣпна гробовыхъ мраморовъ, и опъ него вѣшетъ холодомъ. Среди роскошныхъ карпинъ Конспанпинопольскихъ предмѣстій, эпо кладбище покажешся вамъ учаспкомъ Палестинской земли, съ коего гнѣвное слово Иеговы сняло одеж-

ду жизни и прозябенія. Можесть быть Конспан-
минопольскіе Евреи любяшь его нагошу, копо-
рая напоминаешъ имъ долину Юсафата и гробы
Царей Израиля.

Ежегодно нѣсколько спариковъ изъ Хасъ-къои
опправляются въ древнюю столицу ихъ племе-
ни, распаются навсегда съ своими семьями,
разрываютъ всѣ узы общежитія, и послѣ эшой
самовольной моральной смерти, идушь влачишь
въ нищенствѣ горькій, безцвѣтный оспапокъ
своихъ изгнанническихъ дней подъ свяпынею Іе-
русалима, чшобы пѣла ихъ успокоились въ до-
линѣ Юсафата. Есть чшо-шо возвышенное и поэ-
тическое, есть можно сказать религиозное ге-
ройство въ эшой прогашельной привязанности
несчастливаго, загнаннаго, презрѣннаго племени
къ шой землѣ, кошорой воспоминанія и надеж-
ды созидають для него идеальную родину, ко-
шорой набожно завѣщашъ оно свои кости.

Г Л А В А VII.

Разряды Путешественниковъ. — Искатели приключеній. — Медики. — Медицина дервишей. — Докторъ Балби. — Крѣпительныя. — Медицина въ гаремахъ, и языки Турчанокъ. — Приключенія двухъ мичмановъ. — Министръ медицины, и его вліяніе на политику. — Анатомическія свѣдѣнія Турокъ. — Удивительный рыбакъ.

Въ Конспаншинополѣ есць всѣхъ родовъ путешественники; въ столицѣ Султана, какъ и во всѣхъ столицахъ, найдеша людей, копорыхъ жизнь обрашлась въ продолжительное кочевье ошъ какой-по безошчепной пошребности перемѣняющъ мѣшпошребываніе; предъ ними свѣшъ распянулся безбрежный, какъ шепъ предъ Бедуиномъ; въ особенноти найдеша Англичанъ, копорые вылечивающа ошъ сплина, проклинаяшъ Турокъ и бросающъ гиней; есць люди, копорые шрудяшя надъ шочнымъ опредѣленіемъ мѣспа, по коему галеры Магомета были перенесены въ *Золотой Рогъ*, или хошяшъ угадашъ, какимъ образомъ Босфоръ разшупился, шнобы дашъ проходъ водамъ Чернаго Моря, и ошпавишъ Грекамъ преданіе о Девкалионовомъ пошопѣ; эшо ученые, копорые сами шонущъ въ океанъ науки,

какъ тогда ушонулъ Архипелагъ; другіе хлопчущь какъ бы проникнушь въ шайны Сералея и домашней жизни Сулшана; другіе — и это самый многочисленный классъ — скучающь, и опть скуки надъвающь Турецкіе чекширы, опращивающь бороду и курящь кальянъ. Но оставимъ ихъ въ мирной скукъ и въ миролюбивыхъ ихъ упражненіяхъ; я познакомлю васъ съ особымъ классомъ путешественниковъ; они не за шѣмъ пришли сюда чпобы вылечиться отъ болѣзни: здѣсь и здоровый не устоитъ при встрѣчѣ съ черною гостію, которая, прибывъ изъ Африки вмѣстѣ съ пассажирами на купеческомъ бригѣ, такъ роскошно гуляетъ по берегамъ Босфора, и каждый годъ собираетъ жатвы нѣсколькихъ тысячъ Кіафировъ всѣхъ народовъ, собранныхъ въ столицѣ исламизма, — вѣрующихъ или вѣнъ въ предопредѣленіе. Они также не арписивы: Турки не любящъ арписивовъ, и спячающъ шажкимъ грѣхомъ писанъ свои норшренны; они бо- яшся, чшо при преснавленіи свѣша, когда всѣ тѣла правовѣрныхъ всшавушъ изъ гробовъ, опшцущь свои души, и чинно пойдущь въ Магометовъ рай, какая нибудь правовѣрная душа, обманушая сходствомъ полонна съ особою прежлго

своего вмѣстителя, поселился въ пологно и забудешь шло въ опустѣломъ кладбищѣ. Правда, что Махмудъ не убоялся подобной ошибки и написалъ съ себя нѣсколько порицешовъ, но народъ его крайне упрямъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Есть другой родъ спрянниковъ, гораздо многочисленнѣе, пещрѣе, предприимчивѣе, нежели всѣ вышеупомянутые: это люди, которые гонятся за щаспемъ. Это вскашели приключеній, которыми вся широкая Европа шѣсна для полета ихъ генія, которыми всѣ обыкновенные пуши въ жизни кажутся грязными проникками, которые рѣшились проложивъ себѣ новую дорогу, во чпобы то ни спало, покинули родину и родныхъ, готовы выбрипъ голову и опказашься опъ своей вѣры, чшобъ осуществивъ сонъ, впревожившій ихъ праздную лѣнь карпиною золоченнаго кіоска на берегу Босфора, ароматической атмосферы восточнаго цвѣтника, раскинушаго, какъ узорчатая шаль на террасѣ сада, сладоспращной нѣги гарема и круга пажей и нѣмыхъ рабовъ.

Французы въ этомъ отношеніи занимають первое мѣсто: можетъ быть по существующему у нихъ сочувствію къ Туркамъ и къ ихъ

образу жизни; можетъ быть — и это вѣрнѣе — по недоспашку религіозныхъ правилъ и по въпренности. Первое ихъ дѣло по прибытіи въ Константинополь — ийти на кладбище Дервишей плясуновъ въ Перъ, и поклониться огромному мрамору, украшенному шаринною Турецкою чалмою, и подь кошорымъ почиваетъ прахъ славнаго ренегата, ихъ соотечественника графа Бониваля, прежде Австрийскаго генераль-лейтенанта, сражавшагося противъ Турокъ подь знаменами принца Евгенія, попомъ Турецкаго Паши и дервиша, и наконецъ безстыднаго хопъ и оспроумнаго испорика своихъ походовъ.

Со времени преобразованія введеннаго Султаномъ въ военной системѣ, каждый корабль, идущій отъ береговъ западной Европы, доставляетъ въ его армию, или въ армию его врага Мехмедъ-Алія, будущихъ пашей изъ самой послѣдней сволочи Европейскихъ обществъ. Правда, что большая часть ихъ отъ неудачъ или по другимъ причинамъ скоро получаютъ отъращеніе къ новому роду жизни: пробывъ нѣсколько лѣтъ на берегахъ Босфора и Нила, многіе изъ нихъ вспомнили свои родные берега, и уже возвратились шайкомъ во свояси; но многіе также,

разорвавъ всѣ узы родешва, и боясь показаться въ опечесствѣ, гдѣ вѣроятно ожидаешъ ихъ исправительный дождь за старыя прегрѣшенія, или шюрма за долги, рѣшились пущипшья въ новую промышленосшь: они промѣняли шпагу на ланцешъ, сдѣлались *signori medici*, и дѣяшельно спали залечивашъ подданныхъ Султана, копорыхъ надѣялись прежде душишъ другими средсшвами, въ качесствѣ его сановниковъ и любимцевъ. Мнѣ случилось видѣшъ нѣсколькo шакихъ побочныхъ дѣшей Эскулапа въ Кандіи, въ Смирнѣ и въ Дарданеллахъ. Многіе изъ нихъ сознающя безъ обиняковъ, что никогда не учились Медицинѣ, что даже для формы не знающъ сколько-нибудь по-Лашыни, и увѣряющъ, что пракшикою узнали свойсшва челошеческаго шѣла, и что шакимъ образомъ приобрѣшающъ они болѣе свѣдѣній, нежели ихъ Европейскіе собрашпы, копшѣющіе въ книгахъ. Они всегда сосшавяшъ какую нибудь сеншменшальную испорію своихъ приключеній, принудившихъ ихъ осшавипш Европу и сдѣлашья докшорами: по неудачи по службѣ, по преслѣдованія за благородсшво мыслей, зашавили ихъ искашъ убѣжища въ Турціи; а чаще всего измѣна любимой особы повле-

кла чувствительныхъ любовниковъ въ сирому, гдѣ шакъ жестоко оштрачивается коварному полу за все его легкомыслія въ ospальной Еврoпѣ. Самые добросовѣстные изъ нихъ вдуны въ шармананы: они употребляютъ шолько невинныя средства, и даютъ за корошную цѣну своимъ пачанамъ еляночки съ водою, окрашеною розовымъ, желтымъ, кофейнымъ цвѣтомъ, пилули изъ хлѣба съ какимъ нибудь незначимымъ порошкомъ, и шому подобное. Другіе не шакъ снисходительны, и лечатъ на убой. Рядская по Турціи съ сумою пачанною лечебнымъ запасомъ, они иногда заслуживаютъ громкую извѣстность, особенно если насмѣшница судьба вздумаетъ имъ улыбнуться, и позволишь вылечить какое-нибудь высокое лице подъ ихъ надзоромъ. Тогда имъ открываются гаремы; они приобретаютъ политическій вѣсъ вліяніемъ своимъ на вельможу или на его кадыню; виваются какъ пѣвки въ ихъ довѣренность, просшираютъ свои шиприги до самаго Серая, продаютъ дорогою цѣною свое шкровительство не шолько мелкимъ просишелямъ, но пачамъ и господарямъ, и иногда расшлагаютъ судьбою цѣлыхъ обласпей. Но большею частію они дол-

жины довольствоваться весьма скромною промышленностію: я видѣлъ, какъ они десятками отправляются каждый день изъ Перы въ Константиннополь, обходятъ самыя уединенныя улицы, и хриплымъ голосомъ исчисляють болѣзни, оныя коихъ несомнѣнныя лекарства хранятся въ ихъ коробкѣ, оканчивая всегда какою нибудь фразою въ восточномъ вкусѣ о своемъ врачебномъ всемогуществѣ. Положеніе ихъ незавидно, не смотря на возможность вдругъ выскочить въ люди. Въ снранѣ, гдѣ царствуетъ вѣра въ предопредѣленіе, они имѣють опасныхъ соперниковъ въ шарыхъ дервишахъ, копорые лечатъ всѣ болѣзни таисманами; какое лекарство можетъ быть дѣйствительнѣе одного снixa изъ Корана, одного изъ девяноста девяти именъ Аллаха, прошептаннаго на ухо больному извѣстное число разъ, въ извѣстную четверть луны? Азіатское воображеніе воссламененное таиснивенными изреченіями Корана, обрядами словія и мученичествомъ, коперому эни священики добровольно подвергаются, крѣпко вѣривъ въ силу средствъ почерпнутыхъ въ самой религіи. Припомъ дервиши имѣють ню преимущество предъ другими шарлапанами, что

въ случаѣ неудачи своего пользованія, могутъ шоржесшвенно объявить, что смерть была написана на скрижаляхъ судебъ — и что значагъ усилія челоуѣка предъ одною буквою предвѣчной книги?... А докшорамъ по званію нерѣдко до-спающа палки по пятамъ, и были случаи, что какой нибудь своенравный Папа предлагалъ имъ или вымечить любимаго сына, или гошовишься къ висѣлицѣ въ случаѣ его смерти, и попомъ буквально сдерживалъ свое слово. Сверхъ того въ странѣ безпрерывныхъ переворошовъ опасно связывашъ свою судьбу съ судьбою могучаго лица, копорое при первомъ гнѣвѣ Сулпана, при первой вспышкѣ мяшежа, можетъ сдѣлаться жершвою обснояшельспвѣ; всѣ помнягъ въ Конспаншинополѣ плачевную участь Англичанина, копорый былъ докшоромъ Сулпана Селима, и сдѣлался жершвою лычарской злобы въ своемъ загородномъ домѣ.

Въ Перѣ еспъ шеперь нѣсколько ученыхъ Европейскихъ врачей, но они служагъ почти исключительно для Европейцевъ, поселившихся въ эшомъ вредьспіи Конспаншинополя: если случишся, что ихъ позовушъ къ Мусульманину, они должны только борощься съ непреодолимы-

ми предразсудками, и часпо всѣ ихъ убѣжденія безсильны передъ упрямымъ невѣжествомъ Турка. Недавно одинъ Англійскій докшоръ, желая познакомишься съ состояніемъ своей науки въ Конспанпинополь, рѣшился войти въ кофейный домъ, гдѣ Леваншскіе его собраты обыкновенно имѣютъ свои засѣданія, и сыграшь комедію подобно имъ. Онъ важно усѣлся на скамьѣ, а его переводчикъ спалъ, по обычаю, исчисляя мнимые его подвиги. »На дняхъ, говорилъ онъ, »эпошъ достопочтенный *хекимъ* (мудрецъ), цвѣтъ »мудрецовъ (лекарей) Френкиспана, вылечилъ, »въ присущствіи многихъ свидѣтелей, почши »умершаго эфендія: онъ извлекъ изъ груди больного легкое, очистишь ошъ всѣхъ поврежденій, »положилъ назадъ, и на другой день эфенди былъ »въ вождѣленномъ здравіи, за чшо и щедро наградилъ его пашью мѣшками золоша«. Слушатели, привыкшіе въришь подобнымъ рассказамъ, шакже какъ чудесамъ »Тысячи одной ночи«, положили въ уста палець удивленія. Одинъ воскликнулъ: —»Нышъ божешва кромъ Бога!« другой прибавилъ:—»И Магомешъ пророкъ Бога!« шрепшій, вспавъ съ мѣша, сказалъ докшору самымъ дружелюбнымъ голосомъ: *гель гларъ!* »Поди за

мною огнепоклонникъ*!» и повелъ его къ одному больному Пашѣ. Медики всѣхъ націй, правовѣрные и невѣрные, осаждали постель страдающаго, вмѣстѣ съ шолою друзей, слугъ и рабовъ его. Главную дѣйствующую роль въ эпозѣ испрометъ собраніи игралъ важный имамъ: онъ началъ консиліумъ слѣдующимъ экзорцизмъ:—«Аллахъ сотворилъ міръ для того, чтобы разлитъ въ немъ свѣтъ исламизма. Господинъ нашъ, Магометь-Избранный— да благословишь его Аллахъ, и да просвѣпишь онъ его!— получилъ благородный Коранъ изъ рукъ ангела Гавриіла. Эта книга писана собственноручно Аллахомъ прежде всѣхъ вѣкъ, и на ея священныхъ страницахъ изображена вся мудрость богословія и природы. И такъ всякое знаніе, почеркнутое изъ Корана есть шолько обманъ и нечестіе.» Имамъ справлялся съ Кораномъ, и нашелъ было что слово «медъ» повшорилось въ немъ столько разъ, сколько дней продолжалась болѣзнь Пашы: слѣдовательно медъ былъ единственнѣмъ опъ ней лекарствомъ. Воскъ входилъ въ составъ

* Известно что слово *гуръ*, которымъ Турки величаютъ всѣхъ иповрцевъ, есть исковерканное ими Персидское *геберъ*, или *геверъ*, Гебръ, Гвебръ, огнепоклонникъ.

меду: и такъ надлежало употребить воскъ. »Мудрецы, хекимы! продолжалъ онъ, возложимъ упование на Аллаха и дадимъ болящему должный приемъ воску. Онъ спраждеть уже тридцатьшесть дней. *Иншаллахъ теалл*, еслу угодно всевышнему Аллаху, при благословеніи его Пророка—пусть онъ принимаетъ по тридцати шестипи капель воску черезъ каждые тридцатьшесть часовъ.«—Когда имамъ кончилъ эту рѣчь, слуги, рабы, друзья больного и правовѣрные хекимы превозгласили глубокую его премудрость, и кончили тѣмъ, что нѣтъ божества кромѣ Бога, и другаго лекарства кромѣ воска для *Его Благополучія, господина нашего, паши*. Никому не было позволено противорѣчить. Всякое свѣпское разсужденіе считалось бы нечеспіемъ послѣ всеильнаго гаданія по Корану. Имамъ далъ каждому врачу по пяши цехиновъ: они раскланялись и оставили больного на произволь судьбы. Англичанинъ, который описывалъ попомъ эту комико-трагическую сцену, выходя опть паши, изъяснилъ свое удивленіе одному Армянскому врачу; шопъ, болѣе опытный въ подобныхъ обстоятельствахъ, съ оспорожностью осмошрѣлся, и сказалъ ему на ухо: »Пашу хошпашъ оп-

равиль! Онъ завѣщаль всѣ свои богатства одной мечети.« Англичанинъ, для облегченія своей совѣсти, зашелъ опять въ домъ паши, и сказалъ одному изъ невольниковъ, чшобы онъ предосперегъ своего господина, чшо онъ умретъ, если приметъ лекарство. Но смерть паши была написана въ книгѣ предопредѣленія, и судьба его исполнилась.

Нѣчто подобное случилось съ Капитанъ-пашею, умершимъ въ 1830 году. Ахмедъ-Папуджи, то есть Ахмедъ-Башмашникъ, до вспушленія въ должность Главнаго Адмирала Турецкой имперіи, или какъ его официально называли въ фирманахъ, въ должность *опытнаго пловца среди острововъ и скалъ, храбраго воителя морей отъ одного горизонта до другаго*, занимался шитьемъ шуфлей въ одной изъ грязныхъ улицъ Галашы. Его пользовали Европейскіе докшора, но, при самомъ крипическомъ переломѣ болѣзни, былъ призванъ имамъ, кошорый, запрещивъ всѣ лекарства невѣрныхъ, увѣрилъ больного, чшо нечисный духъ поселился въ его желудкѣ, и спаль его заговаривашъ. Неизвѣстно, какія средства употребилъ имамъ для изгнанія нечиспаго, но попомъ всѣ невольники паши увѣряли, чшо онъ

извлекъ пяшь пшукъ чершей изъ пѣла верховнаго адмирала, связаль ихъ, и положилъ на софу. Они скоро улешѣли. Разумѣешся, чшо за нечиспыми духами улешѣла и чистая душа его Превосходительсшва Ахмеда-Башмашника.

Французскій врачъ Г. Бальи, кошорый провель нѣсколько лѣшъ въ Конспаншинополѣ по любви къ своей наукѣ, пакже насмотрѣлся на спранныя приключенія съ докшорами, кошорые лечашъ Турокъ. Любопышенъ анекдопъ его съ славнымъ Гуссеинъ-пашею, испребителемъ Янычаръ, въ дни его величія, когда одно его имя приводило въ шрепешъ оробѣвшіе оспашки дѣшей Хаджи-Бекпаша.

Гуссеинъ-паша сказалъ докшору Бальи, чшо прежде онъ спрадалъ какою-шо болью — будпю его при иглы кололи по печени, и чшо эша боль наводила на него порой сильную лихорадку. — Эшо върояпно ошъ усшалосши послѣ неумѣреннаго движенія, или ошъ какого нибудь удара, замѣшилъ докшоръ — «Нѣшъ, отвѣчалъ паша: въ Варнѣ измѣнили мнѣ при злодѣя; мнѣ не удалось ихъ наказашъ, и шогда зародилась эша болѣзнь. Шестъ мѣсяцевъ я сильно спрадалъ: цошомъ мнѣ посчасшвилось заспрѣлишь двухъ

изъ моихъ злодѣевъ — эпо меня облегчило. Боль оснилась только въ одной нючкѣ, попому чпо шрепий только спасся.» — Докпоръ замѣнилъ ему, что по эпому его леченіе зависло болѣе ошь попсковъ полиціи нежели ошь Медицины. — «Я совершенно убвжденъ, прибавилъ пама, что вся боль пройдетъ, если шрепий изъ злодѣевъ попадѣтся въ мои руки: но не можешьли облегчить мое спраданіе?» — Я совѣую вамъ бынъ умереннѣе, если вы дорожите жизнию. — «Меня и безъ того изломали годы! сказалъ пама со вздохомъ. Чпо еслибы ты меня зналъ прежде, когда голова у меня была желѣзная, умъ въ головѣ — огонь, а душа пороховая! Все во мнѣ кипѣло тогда. Оспушился ли моя лошадь — пуля ей въ лобъ! Разсердигъ ли меня непослушный рабъ — долой ему голову!» — Васъ бы излечила, сказалъ ему докпоръ, кровавая бивва или новый Эпмейданскій дѣвь. — При эпомъ воспоминанія о Янычаракъ лице Гуссеина загорѣлось. — «Ты шравъ, хекимъ, сказалъ онъ докпору: ты угадалъ мою болѣзнь!»

Таковы Турки; въ пыму спрапней своихъ они не различаютъ болѣзней душевныхъ, жести, пеналисти, торривовъ чеснолюбія и жажды крови ошь недуговъ шѣлесныхъ; а когда вмѣстѣ

съ пѣлесными силами попукающъ и спрашивающъ, имъ оспасенъ одна шолько въра въ предовредѣленіе и въ Магометовъ рай, и они умирающъ въ рукахъ имаговъ и дервишей. Больше всего досаждаютъ Турки своимъ докторамъ безпреспаннныи требованіями крѣпительныхъ, *мендасумъ*, необходимыхъ имъ при непостоянной невоздержности. Вся изобрѣшенія кельяжесвенныхъ и сладоспращныхъ вѣковъ употребляющъ до сей поры въ Цареградскихъ гаремакъ, для возбужденія чувственной любви въ пресыщенныхъ Османлы. Ихъ женщины, кошкорыхъ судьба значительна улучаеня, когда сдѣлаются онѣ мантерами, убѣдаясь въ безсиліи всѣхъ употребленныхъ фильпровъ, обращающъ также къ докторамъ, и просятъ у нихъ наливковъ, способствующихъ къ дѣтворженію.

Всѣ ажно, не считая чалокъ и висельницы, поспавляющъ врачей въ весьма неприличное положеніе, но за то они щедро вознаграждены особымъ преимуществомъ ихъ званія, — правомъ входить въ завѣшныя двери гаремовъ. Визитны въ гаремы дѣлались прежде съ большими предоспорожностями: всѣ невольницы, кадыни (барыни), достопительницы запирались въ особомъ

тѣкоу; евнухъ вель докшора къ постели больной, лежавшей подъ покрываломъ; если докшоръ хопѣлъ пощупашъ пульсъ, рука давалась подъ шонкою кисею, чшобы не осквернишь шѣла прикосновеніемъ чужаго мущины; если онъ шребоваль языка, — шолько часшъ покрывала приподнималась, и онъ могъ видѣшъ кончикъ языка, не видя губъ красавицы. Въ наше время Турки возымѣли лучшее поняшіе, если не о нравспвенности докшоревъ Европейскихъ, по крайней мѣрѣ о правилахъ, Европейской медицины, и безпрекословно покоряются всѣмъ шребзваніямъ докшора даже въ гаремахъ. Мой приятель Докшоръ Г***, имѣлъ много случаевъ посѣщашъ Турецкіе гаремы въ Кѡнспаншинополѣ и въ Смирнѣ. Въ эшомъ последнемъ городѣ, сохраняющемъ гораздо спрже коренные Ошшоманскіе обычаи, визишы дѣлаются еще съ какою-шо шайнспвенностью, и окружены безчисленными предоспорожноспями; но въ Спамбулѣ, гдѣ Европеизмъ дѣлаешъ споль чувспвишпельные успѣхи, хопѣ онъ и не облегчилъ, да и никогда не облегчилъ, учасши гаремныхъ запворницъ, въ эшихъ случаяхъ гораздо менѣ церемоній. Турокъ прехладнокровно вводилъ докшора въ свои

покои, показываешь ему жену или дочь, и всѣ вопросы, кошорые привели бы въ замѣшательство Европейскую даму, дѣлаюшся преспокойно въ его присущствіи. Въ эсихъ визитахъ забавнѣе всего то, что всѣ Турчанки гарема, въ покрывалахъ и безъ покрываль, поочередно подходящъ къ докпору, даюшъ ему пульсъ и показываюшъ языки. Въ первый разъ, мой пріятель, смущенный эшимъ обрядомъ, принялъ его за насмѣшку своему званію, и хошѣлъ удалиться ошъ фигуръ, кошорыя окружали его съ разинутымъ и просянушыми руками; но бывшій съ нимъ шарикъ переводчикъ, болѣе опытный въ обычаяхъ гаремовъ, поспѣшилъ объяснить ему, что необходимо пощупашъ у всѣхъ пульсъ и осмошрѣшъ всѣ языки, пошому что Турчанки увѣрены, что одно эшо дѣйствіе снабжаешъ ихъ здоровьемъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Были даже случаи, что если не предувѣдомленный объ эшой церемоніи докпоръ отказывался ошъ ревизіи двадцаши здоровыхъ языковъ, оскорбленная невѣжесшвомъ его Турчанки снимали шуфли и били его хоромъ по щекамъ, доколь онъ не соглашался надѣлишъ всѣхъ ихъ порціею здоровья.

Эти понятия, такъ способствующія развитію самаго дерзкаго шерламанства, и эти вольности, позволяемыя привилегированному классу врачей, подають иногда поводъ къ самымъ интереснымъ инпригамъ. Такъ какъ одна польско круглая шляпа на головѣ составляетъ въ глазахъ Турокъ апшестатъ медицинской академіи, то всякой кто ее носитъ, можетъ выдать себя за доктора, и подъ его именемъ нарушить неприкосновенность гаремной святыни. Этого рода самозванцы не довольствуются однимъ только возрѣніемъ на языкъ Мусульманокъ. Зная сильную ихъ склонность къ измѣнѣ и особенную привязанность ихъ къ франкамъ, о нравахъ копорыхъ и обхожденіи съ женщинами ходятъ между ними весьма благоприятные слухи, многіе изъ нихъ умѣли воспользоваться случаемъ, и зашѣвали сношенія сопряженныя съ величайшими опасностями. Турчанки, не смотря на свою непомѣрную глупость, — слѣдствіе ихъ вѣчнаго злоторичества, — одарены какимъ-то природнымъ остроуміемъ въ назначеніи любовныхъ свиданій, и эти самозваные доктора старающія развиваться щастливое ихъ расположеніе, хотя нерѣдко поплачиваются догору, въ случаѣ

открытія. Не вообще смѣлость, съ копорюю Турчанки пускаются въ приключенія, превосходящія върояніе. Во время пребыванія нашего въ Констапшинополь, двѣ изъ нихъ надѣлали такую суматоху, что вся Пера пришла въ волненіе.

Два восемнадцатилѣтніе мичмана Англійскаго военнаго корабля, стоявшаго на Босфорѣ, оба весьма привлекательной паружности, шли по одной изъ Перскихъ улицъ, и были подмѣчены гаремными зашворницами. Давный изъ за рѣшетки знакъ остановилъ ихъ. Черезъ минуту отворяется калитка, и черная невольница приглашаетъ ихъ войти въ домъ. Они, не долго думая, бросились въ калитку, но къ несчастію сосѣды ихъ замѣтили, и дали знать на гауптвахту, занятую отрядомъ регулярнаго войска. Солдаты окружили домъ и ожидали выхода Англичанъ: они не смѣли обыскивать ихъ въ гаремъ, пошуму что полиція перемовъ не подлежитъ вѣдѣнію ни какой другой власти кромъ мужицкой. Черезъ часъ молодые дженгельмены, которые знали уже о своемъ осажденіи, вышли съ обнаженными саблями. Шпыки загородили имъ дорогу; Турецкій офицеръ хотѣлъ ихъ арестовать, но они, упершись спиною въ стѣну, стали на-

хашь саблями, въ швердомъ намѣреніи не сдашь-ся. Солдашы соспавили около нихъ полукружіе, но ашпаковашь ихъ не смѣли: впечатлѣнія войны съ Россією поселили въ нихъ страхъ ко всѣмъ Европейскимъ войнамъ. Англійскій консуль былъ увѣдомленъ о происходившемъ, и поспѣшилъ освободить молодыхъ шалуновъ. Онъ взялъ ихъ на свое поручишельство, съ условіемъ предсавишь по воспребованію, но въ шопъ же вечеръ шайкомъ ошправилъ изъ своего дома обратно на корабль, копорый выгружалъ шогда у арсенала пушки, присланныя Султану изъ Англій. На другой день Кашипанъ-паша, споявшій на рейдъ со всѣмъ флотомъ и начальствующій надъ эшою частію города, получилъ донесеніе о происшествіи. Хозяинъ господствующаго гарема былъ его любимый офицеръ, и Кашипанъ-паша рѣшился ушъшишь его наказаніемъ преступниковъ. Онъ послалъ къ Англійскому кашипану шребовашъ съ угрозами, чшобы виновники были выданы въ его руки. Англичанинъ ошвѣчалъ съ насмѣшкою, что онъ справлялся съ своими законами, но не нашель въ нихъ никакого наказанія за посѣщеніе гарема. Озлобленный Кашипанъ-паша велѣлъ схватишь двухъ первыхъ Англійскихъ офицеровъ,

какіе попадутся на берегу, и привеспи ихъ къ нему. Случилось, что два офицера были погды въ городъ: люди Турецкаго адмирала поймали ихъ на улицъ. Капшанъ, узнавъ что два его офицера арешованы на Турецкомъ корабль, поспъшилъ объявишь чрезъ своего министра Капшанъ-пашъ, что за это оскорбленіе Великобританскаго флага онъ гошовъ ръшишься на все, чего шолько шребуепъ опъ него долгъ чеспи и службы, и что если черезъ нъскольго часовъ офицеры не будупъ освобождены, онъ пришанешся къ арсеналу, и сожжешъ все, хошя бы и самъ сдълмлся жершвою пламени. Капшанъ-паша не хошълъ вършь споль дерзкой угрозы, но когда Англійскій корабль пригоповился сняшься съ якоря, онъ освободилъ офицеровъ, кошорыхъ можешъ бышь сбирался посадить на коль за проказы въшренныхъ мичмановъ съ Мусульманками.

Судьба Турчанокъ оспалась совершенно неизвѣспною.

Возвращаясь къ шарлапанамъ, не должно забывашъ, что въ Конспаншинополъ еспъ главноначальспвующій надъ шарлапанами, — министръ шарлапанспва. Эшо хекимъ-баши, «глава мудрецовъ», а по-Руски, лейбъ-медикъ, кошорый въ

поже время управляешь всею медицинскою частью, какъ это, впрочемъ, извѣстно даже и читателямъ романовъ. Признаюсь, существованіе его казалось мнѣ баснословнымъ, судя по состоянію Стамбульской медицины, доколѣ я не имѣлъ удовольствія быть у него съ моимъ пріятелемъ докторомъ, чтобы лично освѣдомиться о ея состояніи его кейфа, и поздравить его съ ошлительною исправностію ввѣренной ему части. Глава мудрецовъ Бехджешъ-эфенди—Турокъ очень пріятельный, и одинъ изъ самыхъ любезныхъ *Османлы*. Онъ живетъ въ своемъ Босфорскомъ домѣ, предъ которымъ фрегатъ нашъ стоялъ на якорѣ. Бехджешъ-эфенди—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, говоритъ довольно бѣгло по-Италіански, но въ глазахъ Турокъ имѣетъ важный недоспашокъ, — онъ здикается, а это вредитъ мусульманской важности. Онъ былъ когда-то въ Европѣ, и больше всего любитъ говорить о политикѣ. Чтобы ослѣпить насъ всемъ блескомъ своихъ обширныхъ познаній, онъ сдѣлалъ намъ нѣсколько вопросовъ о Камчаткѣ и о нравахъ Алеутовъ: мы стали ему рассказывать какъ Шаманы лечатъ Камчадаловъ, надѣясь обратить разговоръ на его предметъ. Но онъ объ этомъ

мало забоишься. Онъ ставишь берега Босфора выше всего на свѣтъ, и любишь свою безмятежную жизнь, которая есть не что иное какъ продолжительный кейфъ, при долговременной къ нему благосклонности падишаха: что касается до Медицины, то знаніе этой науки ни сколько не входитъ въ его обязанности.

Прежде это мѣсто было почешнымъ званіемъ; но Мустафа III (1768), по случаю смерти любимаго имъ Кызларъ-аги; умершаго въ рукахъ одного шарлатана, подчинилъ всѣхъ Конспаннинопольскихъ медиковъ придворному своему хекиму. Теперь должность этого министра Медицины состоить въ томъ, чтобы передъ весеннимъ равноденствіемъ рассылавъ всѣмъ султаншамъ и вельможамъ крѣпительныя, и продававъ по червонцу дипломы на докторство всѣмъ желающимъ вписаться въ врачебное сословіе: безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе является шарлатановъ, тѣмъ для него лучше, потому что этонъ сборъ составляетъ его доходъ. Другой не менѣе значительный источникъ его доходовъ состоить въ томъ, что Султанъ имѣеть обыкновение, въ знакъ особенной милости къ больному вельможѣ, посылавъ къ нему своего лейбъ-

медика — а эши визиры обходясь дорого и кармну и жизни осчастливленнаго подобнымъ вниманіемъ.

Нынѣшній хекимъ-баши бываетъ иногда приглашаемъ въ засѣданія Дивана, шо есть, совѣща миниспрвъ, какъ человекъ, копорый знаетъ всѣ болѣзни, и копораго мнѣніе, по эшому, очень важно въ случаѣ полипического недуга государсшва. Такъ напримѣръ, въ попь крипической день, когда рѣшилась судьба Опшоманской Имперіи, когда всѣ миниспры Султана, всѣ лица имѣющія вѣсь при Дворѣ и въ народѣ, собрались въ домъ великаго Муфшія, чшобы подписать уничтоженіе Янычарь, послѣ рѣчи, въ копорой верховный визирь излагалъ вредъ нанесенный государсшву эшимъ войскомъ, Бегджешъ-эфенди подалъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ. »Безпорядокъ есть испорченная кровь, копорая распроиваетъ организацію общесшвеннаго шѣла, и копорую должно извлечь ланцешомъ мудрости. Пущь же изложитъ намъ Реисъ-эфенди состояніе нашихъ внѣшнихъ сношеній, чшобы мы могли, какъ опытные врачи, по разсмощрѣніи всѣхъ припадковъ недуга, предписатьъ должное лекарсшво«. Эшо напечатано

въ Испоріи испребленія Янычаръ, писанной государственнымъ испоріографомъ Эсадъ-эфендіемъ. Въ случаѣ открытія войны или заключенія мира хекимъ-баши равнымъ образомъ подаешъ иногда свое мнѣніе, спараясь всегда украсишь свои рѣчи учеными шерминами, въ родѣ приведеннаго образца его медицинскаго краснорѣчія.

Я посѣпилъ шакже Медицинскую академію, находящуюся при мечеши Солиманіэ. Въ прежнее время слава ея гремѣла по всему Воспоку: ее называли «обильнымъ испочникомъ здравія на почвѣ мудросши», и «свѣшлую планешю, копорой каждый лучъ возбуждаешъ жизнь», но въ послѣднее время эша планеша много пошеряла въ общемъ мнѣніи. Я нашель шолько довольно неопряшную комнашу, въ копорой сидѣло на коврахъ до десяти учениковъ, большею частію людей возмужалыхъ, а въ углу спарикъ ходжа, или учинель, хриплымъ голосомъ объясняль имъ, кажешся, вліяніе звѣздъ на здоровье челоувѣческое. Турки гораздо болѣе успѣвають въ Хирургіи: эшо происходитъ опть частаго опыша намъ живыми людьми, а не опть изученія Анапомін, копорая вспрѣчаешъ у нихъ непреоборимыя преграды въ отвращеніи Мусульманъ къ

разсѣканію шружель. По ихъ понятіямъ вещь позволеніельная рѣзать и разсѣкать людей живыхъ, но препожишь этими операціями мертвеца, считаешься ужаснымъ преступленіемъ. Были примѣры, что Султаны разсѣкали лажей своихъ, чтобы узнать кто изъ нихъ съѣлъ апельсинъ, или вынулъ его шербель; на это нѣтъ закона, но законъ строго запрещаетъ открывать человѣчскій шрупъ, «хотя бы въ немъ находился алмазь, не принадлежащій покойнику.»

Спаринные законы особенно способствовали развитію хирургическихъ способностей Турецкаго народа; въ нихъ Моисеевъ законъ *око за око и зубъ за зубъ* былъ принятъ въ буквальномъ смыслѣ, и исполнялся надъ преступниками со всевозможною точностію. Кто выкинулъ другому зубъ или два, долженъ былъ подвергнуться одной операціи, но съ тѣмъ, что если исполнитель казни выдерживалъ лишній зубъ, самъ въ свою очередь лишался одного зуба. Тому же правилу слѣдовали при опяніи руки, ноги, поврежденіи какого нибудь члена и ш. п. Впоследствии вѣроятно замѣтили, что съ умноженіемъ преступниковъ подданные Султана дѣлались уродами, и потому замѣнили буквальное исполненіе

закона денежною цѣною въ пользу пострадавшаго, и опредѣлили цѣну каждаго члена опятаго или поврежденнаго, и цѣну самой жизни. мужчинъ, женщинъ, дѣшей, рабовъ. Эно называется въ Турецкомъ законодательствѣ «цѣною крови»; у Охосна можно видѣть любопытныя подробности о ней.

Относительно медицины религіозныя преданія Мусульманъ гласятъ только, что пророкъ Ханукъ (Енохъ), за свою любовь къ предвѣчнѣйшму испивалъ и за свое рвеніе къ «испичной вѣрѣ», Исламизму, получилъ отъ Бога придать таблицъ, въ коихъ заключались опкровенія всѣхъ тайнъ медицины и астрологій, и много другихъ благородныхъ познаній. Судя по нынѣшнему сословію медицины въ Турціи, эти таблицы бѣзъ вѣоши пропали, и Медицина почтается мистическою наукою. Дчелеби-эфенди, образованный и челолюбивый вельможа царствованій Селима и Махмуда, движимый состраданіемъ къ несчастнымъ поклонникамъ, которые, запасшись скляночками съ несомнѣнными лекарствами напепенныхъ убійцъ Царьграда и амулетами дервишей и имамовъ, сонными умирали на трудномъ пути въ Мекку, сочинилъ книгу

подъ заглавіемъ »Медицинскія наспавленія поклонникамъ.« Онъ самъ нисколько не зналъ медицины, но въ сочиненіи своемъ пользовался наспавленіями ученыхъ медиковъ. Религіозное назначеніе эпой книги достпавило ей извъспнность и уваженіе между Мусульманами; она имѣла много изданій, и шенерь служилъ у нихъ домашнимъ лечебникомъ.

Окончимъ эпоу длинную главу о проказахъ Спамбульской медицины забавнымъ анекдотомъ, кошорый доказыпаетъ, что въ Турціи не только наука правленія или морская наука внушающся безъ дальнихъ пригопвлений башмашникамъ и серальскимъ невольникамъ, пожалованнымъ въ Главные Адмиралы и въ Сераскиры, но даже и Медицина имѣетъ своихъ случайныхъ избранниковъ. Спрогая наука Гиппократа и благородной каспы Асклепидовъ развращилась въ Спамбуль, въ обществѣ искапелей приключеній, и сама безспыдно иногда имъ улыбаепся, и ея капризы непоспнжимы.

Всѣ превозглашали въ Спамбуль опыпность и врачебное искусство докшора Н*** и его въсп при Дворѣ, и богашспва накопленные имъ въ эпомъ благородномъ званіи; а вопъ что шепша-

ла спленица-молва объ эшомъ удивительномъ чело-
 вѣкѣ: При Султанѣ Селимѣ любимая кадыня опа-
 сно захворала, и Селимъ, при всей своей кропости
 и мягкосердіи, въ порывѣ спрасшной любви за-
 былъ свои приязанія на Европеизмъ, и какъ на-
 стоящій Султанъ, облеченный всемогущесвомъ
 Всемірнаго Халифа, повелѣлъ своему Кызляръ-агъ,
 чпобы кадыня была спасена во чпобы по ни спа-
 ло, или онъ головою ошвѣпипъ. Несчастный вель-
 можа-евнухъ призвалъ всѣхъ кудесниковъ Спамбу-
 ла, и заставилъ ихъ загвариващъ больную, обвѣ-
 сить ее талисманами — а ей все спановилось хуже
 и хуже; призвалъ Греческихъ и Армянскихъ по-
 новъ, даже Еврейскаго раббина, и заставилъ ихъ
 чпшащъ надъ нею молишвы; наконецъ созвалъ
 цѣлый полкъ докшоровъ Перы, и обѣщаль имъ
 кучи золопа за ея исцѣленіе, оставляя имъ подѣ-
 разумѣващъ, чпо они всѣ будупъ посажены на
 колъ, если кадыня умрешъ въ ихъ рукахъ. И
 талисманы и молишвы разныхъ религій и меди-
 цина не могли пересилишь болѣзни. Весь Дворъ
 еуетился и Кызляръ-ага шерялъ голову.

Въ эшо время въ Неохори; одномъ изъ Бос-
 форскихъ предмѣстій, жилъ рыбакъ; Грекъ ум-
 ный и распоропный, женатый на молодой вънпре-

ницѣ. Проказы жены навлекли на нее супружескую опалу и побои. Жена, можешь быть по собственннй, женской изобрѣшательности, можешь быть по наущенію своего любовника, придумала весьма зашѣшливое средство, чтобы избавишься опѣ ревниваго мужа. Она опсправилась въ Сераль, и поспребовала аудіэнціи у Кызляръ-аги, говоря что она владѣешь секретомъ, что бы спасти кадыню. Кызляръ-ага ее принялъ; она, упавъ къ нему въ ноги, и поцѣловавши его шуфлю, объявила ему, что у нея есть мужъ, который подъ видомъ беспаланнаго рыбака скрываетъ много шайныхъ познаній и владѣешь наукою исцѣляющъ всѣхъ родовъ недуги, но по варварскому капризу не хочешь упошребляешь свои познанія къ пользѣ челошечества. Она прибавила, что сама недавно была больна именно пою болѣзнію, кошорою спрадала кадыня, и онъ по любви ее исцѣмилъ, спрого запретивши обѣщаніемъ кому нибудъ говоришь. Для Кызляръ-аги было довольно: онъ послалъ за рыбакомъ, принялъ его ласково, и объявилъ ему какія награды ожидали спасителя кадыни. Рыбакъ долго не понималъ о чемъ идешь дѣло; вельможа выдалъ ему нѣсколько мѣшковъ шаспровъ, надѣлъ

на него собственную свою богашую шубу, употребилъ всѣ возможные убѣжденія, чшобы склонилъ его принявша за леченіе, и видя, что онъ упорно отказывался и призывалъ всѣхъ Спамбульскихъ рыбаковъ въ свидѣтели, что все его искусство состоятъ въ рыбной ловлѣ, — Кызляръ-ага велѣлъ своимъ невольникамъ разложить его, и дать ему пятьдесятъ палокъ по пятамъ. Рыбакъ перенесъ боль, продолжая божишься, что онъ ничего не смыслилъ въ медицинѣ. Кызляръ-ага далъ ему два часа на размышленіе, и пошомъ возобновилъ ему свои предложенія, и опщипалъ ему еще сто палокъ; послѣ чего далъ ему еще два часа, и объявилъ съ хладнокровною рѣшимостію Турецкаго вельможи, что по испеченіи этого срока ему дадутъ двѣсти палокъ и въ заключеніе посадятъ на-коль. Когда насталъ роковой часъ послѣдняго испытанія, рыбакъ видя, что дѣло идетъ не на шушку, объявилъ Кызляръ-агѣ, что онъ рѣшается лечишь кого угодно, хопя бы самаго Султана. Тотчасъ явленіе переменилось: новый докшоръ, кошорый едва могъ держаться на распухшихъ своихъ ногахъ, былъ осыпанъ ласками, наряженъ въ докшорскій

костюмъ*, и введенъ во внутренніе покои къ больной кадунѣ. Онъ заспалъ ее въ болѣзненномъ усыпленіи; собрался съ духомъ, оправился какъ могъ, и долго шупая ея пульсъ и на удачу распрашивая о симптомахъ ея болѣзни, размышлялъ о томъ, какъ бы сыгралъ сполъ новую для него роллю. Наконецъ, какъ бы вдохновенный опчаянною рѣшимостію, велѣлъ выбросить вонъ все декарства, которыя давались ей въ одно время ошъ разныхъ докшоровъ, и вынесши изъ комнаты всѣ вазы съ цвѣтами, ошъ конхъ атмосфера была напитана шжелымъ аромашомъ; имѣлъ даже довольно смѣлости чшобы приказать наперешъ ей руки и ноги крѣпкою горчидею, хоща Кызляръ-ага замѣшилъ, чшо она больна головою а не ногами.

Выходя ошъ кадунн рыбакъ былъ встрѣченъ съ почешями; богашый кадкъ и цевольники были въ его распоряженіи, и Кызляръ-ага ласково возобновилъ ему свои леспныя обѣщанія, увѣривъ его, чшо онъ будетъ совершенно свободенъ, цо шолько съ шѣмъ чшобы два вѣрныя

* Такъ какъ всѣ сословія узнаются по формѣ шапокъ, докшора носятъ собольи высокія шляпы; имъ дозволяется также носить желшые шуфли и яркіихъ цвѣтловъ каштаны.

раба его сопровождали, чтобы онъ возвратился на другой день. Но нашъ рыбакъ уже не думалъ бѣжать; онъ рѣшился испытать свое счастье, и хотя онъ былъ твердо убѣжденъ, что въ случаѣ смерти кадьянъ его ожидала висѣлица или колъ, но хотѣлъ насладиться своимъ новымъ родомъ жизни пока кадьянъ не умирала. Онъ общался приготовить лекарство, и всю ночь съ своими сторожами ходилъ по горамъ собирать на удачу разныхъ травъ, изъ коихъ составилъ пилюлю для больной. На другой день кадьянъ почувствовала облегченіе, и черезъ нѣсколько дней она совершенно оправилась, къ чести новаго доктора, коего весь курсъ медицинны состоялъ въ соннѣ палочныхъ ударовъ, и къ чести профессора Кызляръ-аги, подарившаго Спамбулу этаго «мудреца» съ аптепашомъ на распухшихъ пяткахъ. Щедрошы Сулпана излились на него, и онъ рѣшился продолжать новое поприще начатое, хотя подъ палками, но столь счастливо. Онъ имѣлъ довольно совѣснн, чтобы не морить довѣрчивыхъ людей, и потому взялъ къ себѣ въ помощники хорошаго аптекаря, вѣрилъ ему шайну своей науки, и уступая ему часть своего сбора, учился у него граммощъ и

лапинскимъ выраженіямъ, необходимымъ въ кон-
силіумахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался
въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ лучшихъ докто-
ровъ Спамбула, или по крайней мѣрѣ пользова-
лся въ своихъ леченіяхъ поспояннымъ щаспіемъ.

Г Л А В А VIII.

ПОПРИЦЕ ИСКАТЕЛЕЙ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.—КЛОССО, ПИВОВАРНЯ И СУЛТАНСКАЯ ЛОШАДЬ.—ПЕРА И ЕЯ НАСЕЛЕНІЕ И ЕЯ НАЦІИ.—КАТОЛИКИ-ИЗУВЪРЫ И АББАТЬ ЖАНСОНЪ.—ЛѢТНІЕ ВЕЧЕРА И КЛАДБИЦЕ.—ДЕРВИШИ МЕВЛЕВИ.—ИХЪ РЕЛИГІОЗНЫЯ ПЛЯСКИ.—ИХЪ ПОПЫККИ.

Врачебное поприце оспаеся послѣднимъ средспвомъ сущесшвованія для Европейцевъ, которые играють со слѣпымъ счастиемъ въ жмурки въ обширной Имперіи Сулпана; они берегутъ эпошъ родъ шарлапансшва на худой конецъ. Самые швердые и предпріимчивые оспались въ военной службѣ; многіе сдѣлались ренегатами—не по необходимости, а по вкусу, потому что Сулпанъ не шребуешъ эпого ошъ своихъ Европейскихъ офицеровъ. Послѣ графа Боннваля, о коемъ мы упомянули, другой Французъ, баронъ Дешошъ, при Селимѣ, всшупилъ въ Турецкую службу, и ошкрылъ машемапическое училище въ Адмиралпейсшвѣ; онъ жаловался попомъ, по возвращеніе своемъ въ Европу, на упрямое невѣжесшво своихъ учениковъ. Онъ образовалъ впрочемъ для Турецкаго флоша нѣсколько офицеровъ свѣдущихъ въ начальныхъ правилахъ геомешри, и

способныхъ измѣришь секстанпомъ высоту солида. Попомъ это училище было совершенно забыто, и правовѣрные флошты совершали свое годовое плаваніе по Архипелагу безъ ухищреній Европейской мореходной науки. Султанъ Махмудъ въ первомъ порывѣ своихъ преобразованій возобновилъ морское училище, и въ твердой волѣ сдѣлать своихъ подданныхъ математиками и астрономами, заставилъ много молодыхъ людей также усердно заниматься геометрическими фигурами, какъ регулярные полки маневрами. Старые ученики Дешопа сдѣлались профессорами, и принялись опять за забытыя проблемы кашешовъ и гипотенузы; нѣскольکو Европейскихъ офицеровъ поступили къ нимъ въ помощники; но эта часть нововведеній чувствительнѣе оплсала опъ всѣхъ другихъ, по общему невѣжесству учащихъ и учащихся.

Послѣдователи графа Боннваля и барона Дешопа занимающъ теперь разныя должности въ Султанской арміи. Между ними наиболее извѣстны генераль Болъе и баронъ Болле, образователи генеральнаго штаба, и полковникъ Калоосо. Происхожденія послѣдняго весьма любопытны. Онъ родомъ изъ Піэмонты. Подъ Наполеоновскими

орлами онъ дослужился до чина ротмистра въ Ишало-галлическомъ войскѣ Принца Эвгенія Богарнэ, и когда Французская Имперія распалась, вступилъ шѣмъ же чиномъ въ армію возстановленнаго Савойскаго дома. Въ продолженіе шестилѣтняго всеобщаго мира военная жизнь въ полкахъ Сардинскаго Короля показалась ему скучнѣе монашеской: при томъ же онъ не имѣлъ другой перспективы, какъ вѣкъ служишь капишаномъ и умереть въ томъ же чинѣ.

Надѣясь на повышеніе въ другомъ порядкѣ вещей, онъ принялъ участіе въ бунтѣ 1821 года; но вся комедія Піэмонша кончилась ровно въ мѣсяць; Австрійскія войска поспѣшили на помощь съ старому Королю Виктору Эммануэлю, и карбонари принуждены были спасаться бѣгствомъ. Калоссо, блуждавшій изъ города въ городъ, пріѣхалъ наконецъ въ Конспаншинополь. Тогда еще не было рѣчи о преобразованіяхъ; чувство военной чести не позволяло ему сдѣлаться *signor medico*; вся его наука состояла въ верховой ѣздѣ и въ командованіи эскадрономъ, — и эта наука была совершенно бесполезна среди вѣчно пѣщей, поргующей толпы его соотечественниковъ, поселившихся въ Перъ. Нѣсколько времени Калоссо

жилъ скудными ихъ подаваніями, скипался полубосый по грязному предмѣстію, и ожидалъ опшкрышїа ваканціи прикащика въ какой-нибудь коншоръ. Наконецъ какой-шо Швейцарець, большой прожекшёръ, вздумалъ удешаперить свой капиталъ опшкрышїемъ поршернаго завода на Босфоръ, и взялъ Калосо въ прикащики. Бывшїй рошмиспръ »великой арміи« занялся усердно разливанїемъ поршера въ бушылки. Къ несчастїю, ихъ поршеръ ошавался въ совершенномъ небреженїи у жипелей Спамбула. Прожекшёръ имълъ въ виду единшвенно шопъ спихъ Корана, кошорымъ запрещается правовърному упошребленїе вина, и былъ швердо убъжденъ, что вопреки Пророку, непредвидъвшему его зашїи, онъ спанешъ поишъ до-пьяна мусульманъ любимымъ напишкомъ Англїи и Германїи, и что они съ воспоргомъ примушъ Вакхическую сиешему съвера, — а шого не расчїшалъ, что Турки избалованы шербешами и сласшями, и что горечъ поршера будешъ имъ вовсе не по вкусу. Дъйшпвишельно, шѣ изъ нихъ, кошорые рѣшились опшвдашъ Европейскойбузы, сдѣлали гримасуи шоржешшвенно объявили, что она никуда не годишся. Что касается до Европейскихъ моряковъ, на кошо-

рыхъ также полагался предприимчивый Швейцарецъ, шо они шѣмъ шолько и блаженны подѣ могучимъ скипепромъ Сулпана, чшо могутъ досьша за безцѣнокъ напивагыся сладкими винами, и ихъ папріошизмъ вовсе не просшираешся шакъ далеко, чшобы предпочишашъ невинный поршеръ прокляшому Тенедосскому и Самосскому винамъ. И шакъ, поршерный заводъ, расположенный въ Терапъ, въ самомъ живописномъ мѣспоположеніи Бѣсфора, скоро былъ включенъ въ списокъ несостоятельныхъ спекуляцій, и Калоссо оняшь осшался безъ мѣспа. Но въ Коншаншинополѣ уже наступала эпоха проекшовъ, важнѣе и прибыльнѣе пивоварни.

Одна изъ Сулпанскихъ лошадей долго не давалась сѣдокамъ. Калоссо вызвался ее выѣздишь: эшимъ онъ сдѣлался извѣстнымъ Сулпану и обратился на себя его вниманіе, когда Махмудъ началъ формировать первый кавалерійскій эскадронъ своей гвардіи по Европейскому образцу. Обучение эскадрона было ввѣрено Наполеоновскому офицеру. Вскорѣ самъ Сулпанъ рѣшился научишьсѣ ѣздишь по-Европейски, на маленькомъ сѣдлѣ и на длинныхъ спременахъ. Онъ взялъ себя Калоссо въ учители. Сулпанъ Махмудъ счи-

пался однимъ изъ лучшихъ вѣдоковъ своей Имперіи на старинный Турецкій манеръ, и шеперь онъ вѣдипъ прекрасно въ гусарскомъ сѣдлѣ; но въ одномъ изъ первыхъ уроковъ Европейской вѣды, когда Карлоссо заставилъ его скакать въ манежѣ на несѣдланномъ конѣ, онъ захотѣлъ слишкомъ рано выполнить какую-то эволюцію, показанную ему училелемъ, и съ непривычки, потерявъ равновѣсіе, владыко правотѣрныхъ неминуемо упалъ бы на-земь безъ распорочности Карлоссо, который его подхватилъ и спасъ опть приключенія, сопряженнаго съ ужасными послѣдствіями. Надо знать предрассудки Турокъ и то, какое впечатлѣніе сдѣлало бы на умы царедворцевъ, войска и народа это незначашее обстоятельство, чтобы вполне цѣнить заслугу Карлоссо. Съ той минуты онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ Махмуда, — пожалованъ въ полковники; награжденъ значительными подарками и содержаніемъ, — и его образованность, его любезность, запряманная прежде подъ рѣбищемъ несчастія, и вдругъ блеснувшія въ немъ, вмѣстѣ съ богатымъ гусарскимъ мундиромъ, а болѣе всего частыя случаи видѣшья съ монархомъ, доставили ему уваженіе первыхъ вельможъ: мно-

гіе даже изъ членовъ дипломатическаго корпуса Перы ищуть его дружбы.

Безъ сомнѣнія подобный прыжекъ изъ пивоваровъ въ кавалерійскіе полковники, въ любимцы Султана, можешь сильно воспламенишь воображеніе искашелей счастья, но, къ досадѣ, милость Падишаха рѣдко доспается незваннымъ госпямъ, и Европейцы, прїѣзжающіе сюда опредѣляться въ службу, большею частію валяющіяся въ Перотской грязи, кошорая гораздо неопришнѣе грязи всѣхъ Европейскихъ столицъ.

Но все это только второстепенные эпизоды въ картинѣ, кошорую представляешь вся Пера съ толпою праздношатающихся по ней Европейцевъ, даже съ песпрымъ своимъ народонаселеніемъ, кошорое ведетъ свой родъ опъ Генуэзцевъ, владѣвшихъ эшимъ предмѣспіемъ при Византійскихъ Императорахъ, хоша генеалогія его весьма темна и сомнительна, и съ каждымъ днемъ песпрѣетъ еще болѣе опъ поспояннаго спеченія выходцевъ всѣхъ народовъ. Забавно смотрѣшь на эшихъ людей, когда они въ чудныхъ своихъ нарядахъ, соспавленныхъ изъ смѣси Европейскаго съ Азіатскимъ, и надушые двумя огромными спѣями, Европейскою и Азіатскою,

расхаживающъ по улицамъ, суешяся по базарамъ, важничаютъ по крикливымъ приспанямъ и гуляютъ по кладбищамъ.

Представьте себѣ десять, пятнадцать или болѣе разнохарактерныхъ купъ, когорыя изображаютъ сполько же Европейскихъ племенъ, перемѣшанныхъ и образующихъ родъ винегрета на холмѣ Перы, и когорыя при всякомъ «важномъ политическомъ событіи», какъ то, прїездъ новаго посланника, аудіенціи у Визиря, шабельномъ праздникѣ, или балѣ въ посольствахъ, опдѣляются однѣ опъ другихъ, чпобы соспавить шакъ называемыя «націи Перы». А націею въ Перѣ называешся сословіе всѣхъ подданныхъ какой нибудь Хрисіанской державы, живущихъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Имперіи подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ своего посольства, и управляющихся своими законами. Не должно думать чпобы эти пятнадцать націй составляли по крайней мѣрѣ большую часть народонаселенія Перы; онѣ всѣ вмѣстѣ — едва десятая доля жителей предмѣсія, въ когоромъ счишаешся до пятидесяти тысячъ душъ обоого пола. Но онѣ шакъ шумятъ, шакъ чваняшся шѣмъ, чпю не признающъ надъ собою власпи

Султана, что могутъ безнаказанно смѣяться въ глаза всѣмъ Турецкимъ кадіямъ, и что ихъ пяпы недоспунны палкамъ Боспанджи-баши, что вы скорѣе примете ихъ за вапагу Креспоносцевъ, идущихъ на завоеваніе Востока и случайно оспановившихся въ Византіи при ея Императорахъ, нежели за мирныхъ иносстранцевъ, пользующихся только правомъ гостепріимства въ чуждой имъ державѣ. Конечно это нисколько не мѣшаетъ усерднѣйшимъ мусульманамъ чести ихъ, по старой привычкѣ, невѣрными, огнепоклонниками и даже собаками, но эти слова уже поперяли свое значеніе для народа, и при всѣмъ его религіозномъ презрѣніи къ Европейцамъ, въ немъ проглядываетъ страхъ, внушаемый гяурами. За это Европейцы, живущіе въ Конспаншинополѣ, должны быть благодарны оружію Русскихъ и Задунайскимъ ихъ подвигамъ; но они не благодарятъ ихъ ни мало, и большею частію дѣлаются усердными Турецкими папріошами.

Значительнѣйшую часть коренныхъ жилищей предмѣстія составляютъ каполики — и каполики не на шушку: ужъ не попадайся имъ ерешикъ. Они предпочитаютъ Турка Христиан-

скому иновѣрцу, и въ фанатизмъ не уступаютъ самимъ Армянамъ Шамбула. Теряя постепенно, со времени своего поселенія въ Перъ, свою національную физіономію, они замѣнили любовь къ забытымъ родинамъ привязанностію къ догматамъ предковъ, выражаемою преимущественно жестокою ненавистію ко всемъ другимъ исповѣданіямъ.

Опъ времени до времени пылкій миссіонеръ католическаго Запада приходитъ поджигать новымъ факеломъ ихъ рвеніе. Недавно былъ въ Перъ извѣстный французскій аббатъ, Жансонъ-Форбенъ, на возвращномъ пути изъ Іерусалима. Этопъ проповѣдникъ, вмѣсто того, чтобы у гроба Спасителя научиться смиренію, терпимости и кротости христіанна, воспламенялся шамъ несповымъ негодованіемъ на «ереси.» Увлеченный жаромъ своего воображенія или раскаяніемъ за заблужденія бурной юности, онъ разшевелилъ проповѣдями своими въ здѣшней католической церкви всю ненависть здѣшнихъ католиковъ прошиву грековъ и протестантовъ. Главнымъ предметомъ своихъ проповѣдей избралъ онъ опасность всякихъ сношеній, особенно кровныхъ связей, Римскихъ католиковъ съ

христіанами другихъ исповѣданій; и такъ какъ всякое краснорѣчіе согрѣшное воображеніемъ и приправленное миспицизмомъ сильнѣе дѣйствуетъ на пылкій умъ женщинъ, по слѣдствіемъ его возгласовъ были безчисленные семейные раздоры. Многія мащери семействъ эшой Церкви, которыхъ мужья были протестанты или греки, пробудились съ религіознымъ испугомъ, и ихъ долготѣшнее домашнее счастье показалось имъ продолжительною грѣхомъ: разрывая священные узы семейной жизни, онѣ вдругъ покинули своихъ супруговъ и дѣшей, чшобы раскаяніемъ купишь свое спасеніе. Въ Смирнѣ поведеніе Жансона было еще пресупнѣе. Въ эшомъ городѣ нацель онѣ совершенный миръ между христіанами: когда проповѣди его начали превозжишь умы, протестантскій пасторъ всшупилъ съ нимъ въ богословское и нравоучительное прѣніе, не о догматахъ вѣры, а о вредѣ и соблазнѣ, происпекающихъ ошъ подобныхъ раздоровъ въ ешранѣ магомешанской. Благоразуміе прѣбовало производишь такія прѣнія впайнѣ, чшобы не возжигашъ взаимной ненависти приверженцевъ шой и другой церкви; но аббашъ въ одной изъ своихъ громовыхъ проповѣдей показалъ нисьма, пи

санныя по этому предмету протестантскихъ пасторомъ, началъ съ злобою опровергать слова мара, и до того воспламенилъ своихъ слушателей, что фанатическая толпа, ославивъ церковь, бросилась въ домъ пастора, чтобы расперзавъ еретика. Къ счастью, покуда ложили дверь, пасторъ успѣлъ спастись на крышу соседняго дома, и поспѣшилъ ославить городъ.

Можно себя представить, какое значительное производяще подобныя соблазны надъ умомъ Турокъ, которыхъ законъ, не смотря на свою непереносимъ, допускаетъ однако браки между магометанками и христіанками. Въ одинъ эяонъ день Смирнскіе мусульмане болѣе восклицали — глуръ! и — собака! нежели вся ославная Турція въ теченіи цѣлаго послѣдняго вѣка.

Въ прежнее время квакеры иногда посвѣщали Турцію; теперь воспримоть ее сенсимонисты. Надъ первыми Турки смѣялись, но сенсимонистовъ они не шеряютъ, потому что проповѣдуемая ими свобода женщины вовсе не согласна съ ихъ выгодами и можетъ возбуждыванъ вся гаремы.

Кромъ домашнихъ церквей посланниковъ, католики, какъ владычествующая касса въ Церь,

имѣюшъ двѣ церкви, имѣюшъ своихъ Капуциновъ и Езуитовъ и исключительное право звонить въ два христые колокола, кошорые, какъ извѣстно, уничтожены во всѣхъ Турецкихъ земляхъ, чшобы не будить ангеловъ, почивающихъ на куполахъ мечшей.

Лѣпомъ высшее общество Перы, ея дипломатическій кругъ и семейства богатыхъ банкировъ живутъ на Босфорѣ, въ Терапѣ и Буюк-дере, въ деревнѣ Санъ-Стефано и на Княжескихъ Островахъ. Одни только купеческій классъ всѣхъ націй поминся въ базарахъ Галашы и одушевляешъ своей суешливостью длинную улицу, зыющуюся вдоль всего предмѣстия. Но теперь весь холмъ Перы гремитъ оглушающимъ шумомъ пожара. Пожаръ 1831 года превратилъ это богатое предмѣстие въ кучу пепла. Этошъ пожаръ былъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ, какіе только въ памяти у Константинопольскихъ жителей, привыкшихъ впрочемъ считать тысячами дома, испребляемые попеременно эшимъ бичемъ Константинополя. За шо они приучились спрощься съ невероятною скоростію; земля еще не остыла отъ пробѣжавшаго по ней пламени, и среди кучъ золы поднимаются новые

домы въ три этажа, также деревянные, также прилѣпленные одинъ къ другому, и со всѣми удобствами, чтобы сдѣлались жертвами новаго пламени.

Пойдемъ лучше, по здѣшнему обычаю, подышавъ вечернимъ воздухомъ на одномъ изъ кладбищъ Перы. Ихъ бѣлые мраморы и вѣчнозеленые кипарисы обложили съ разныхъ сторонъ красивую мозаикою погорѣлое предмѣстье, какъ-будто для того, чтобы заключить въ раму неизмѣннаго покоя смерти и посполнства гробоваго быша картину судорожной дѣятельности чело-вѣка на пепелищѣ его города.

При вечерней прохладѣ группы жителей Перы всѣхъ сословій, всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣроисповѣданій, группы пестрыя, причудливыя, спранные, блуждаютъ въ Кючюкь-Мезарлыкь, или «Маломъ Кладбищѣ», и сидятъ между надгробными мраморами, со всѣмъ безспрашиемъ, какое только внушается привычнымъ сближеніемъ со смертію въ спранѣ чумы, пожаровъ и вѣчныхъ кровопролитій. Мусульмане по крайней мѣрѣ сохраняютъ и здѣсь свою ненарушимую важность, на которой, какъ и на всей ихъ жизни, отражается спокойствіе гробницъ; но вы невольно

ощущаете непріятное впечатлѣніе при видѣ болтливыхъ Перошовъ и Перошукъ, которые сходясь по вечерамъ сюда съ хлопотливою веселостью своего Леваншскаго нрава, со всеми сплешнями своихъ пѣсныхъ круговъ, шумно цолкуютъ о своихъ оборотахъ, рассказываютъ свои продѣлки, разсѣнаютъ свой мелкій жишейскій бытъ на величій могильномъ, или въ завѣпный часъ сумрака назначаютъ любовныя свиданія среди обширнаго поля смерти. По праздникамъ жиды скоморохи забавляютъ гуляющихъ: шаманская ихъ музыка, обильныя возліанія Вакху, шумное веселіе гуляющей шолпы немилосердо прерожаетъ докой мершвецовъ. Я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ Турки, имѣя столь спрогія понятія о неприкосновенности гробницъ и покойствъ усопшихъ правовѣрныхъ, допускаютъ подобныя оскверненія могильной святыни, ненарушимой у всѣхъ другихъ народовъ.

Одно только кладбище дервишей Мевлевій, расположенное кругомъ *текке*, или монастыря эшихъ опшелъниковъ, въ одномъ изъ лучшихъ мѣстоположеній Перы, свободно опъ гуляющихъ. На немъ воздвигнутъ надгробный памятникъ славному Халедъ-эфенди, о кошоромъ мы

уже имъли случай говоришь. Кроме своего маз-
золея, Халенгъ-эфенди оставилъ эшимъ дерви-
шамъ, къ сословію копорыхъ принадлежалъ онъ
самъ, богашую библіотеку и разные вклады.
Онъ также обновилъ и украсилъ шеккіе, въ ко-
шоромъ совершаются ихъ мистическія пляски.
Дважды въ недѣлю живели Перы могутъ ви-
дѣшь эшо спрание зрѣлице, по вшорникамъ и
по яшницамъ въ первомъ часу по полудни.

Созерцательная жизнь дервишей Мевлеви одно-
образно протекаетъ на возвышеніи, съ кошо-
раго ихъ взоръ обнимаетъ столицу, Босфоръ
и окрестности, — весь эшопъ обширнымъ пе-
ашпръ, гдѣ шакъ быстро развиваются въ гла-
захъ внимательной Европы проекпы преобразо-
вашеля Турецкой Имперіи.

Но Мевлеви не принимаютъ въ нихъ участія:
ни перемѣны костюмовъ, ни уснройство регу-
лярнаго войска, до нихъ не касающа. Сохраня
свои высокіе оспроконечные колпаки и небрежно
драпированныя маншін, они врисущивують какъ
безспраситные зрители въ великой драмѣ Мах-
муда; блуждаютъ по Сшамбулу среди незнае-
мой толпы населенія, одѣшана имъ въ однооб-
разное платье, и по прежнему соблюдаютъ по-

музыкальные обряды своего ордена. Они всегда были известны своей вѣроупорностью, а нынче составляютъ родъ эвфурейской секты между свирѣлыми послѣдователями Корана, любятъ зашумное веселье, и, послѣ утомительныхъ перуановъ, которыми добиваются просвѣщенія свѣта, съ удовольствіемъ плянуть «нечистую влагу» въ ночномъ уединеніи.

Я нѣсколько разъ былъ зрителемъ ихъ религиозныхъ плясокъ. Толпа любопытныхъ всѣхъ народовъ каждый разъ ожидала у рѣшетки, пока эвфурейцы изъ свѣтлицы. Входъ въ мечети болѣе или менѣе воспрещенъ жевѣрнымъ, но въ нихъ некое позволено бываеъ Христіанамъ, и даже Евреямъ. Женщины всегда составляли большую часть этой толпы. Турецкія семейства, кадыни, ихъ дѣти и невольницы, были расположены на правѣ или на мраморныхъ ступеняхъ предверій храма. Затворническая жизнь Турчанокъ составляетъ ихъ жадно искаше зрѣлище, которыя придаютъ сколько нибудь разнообразія ихъ быту. Широкіе фередже (фериан, платья) закрывали все ихъ тѣло; головы ихъ были закутаны въ бѣлую кисею, предоснававшую

любопытству нашему только черные ихъ глаза и часть ланишь, которыхъ блѣдно-маповая бѣлизна можетъ быть цвѣтомъ упомянутыхъ спрасшей юга, но не согрѣша его солнцемъ. Армянки были одѣшы такимъ же образомъ, и опшличались только цвѣтомъ плашья и непріятнымъ оппечашкомъ грубой, вялой, сидячей жизни своего племени: онѣ пакъ рано шолспѣюшъ, что вся широта плащей не можетъ скрышь ихъ лѣнивыхъ формъ; брови ихъ соединяюшся природою или кистію въ дугу между глазами. Гречанокъ почти не было. Кромѣ цвѣша ферязей и шуфлей, нравственныя разноши полагали еще больше различія между представительницами разныхъ исповѣданій: Турчанки рѣдко благоволили обратишь рѣчь къ Армянкамъ и Жидовкамъ: въ ихъ рѣзкомъ и опривисномъ шонѣ опзывалась вся гордосшь владычеспвующаго племени. Армянки съ покорношю опускали взоры предъ женскимъ аришпокрашизмомъ мусульманокъ, и презришельно опдѣлялись опъ Жидовокъ, которыхъ сосшавляли опдѣльную группу. Даже дѣши разныхъ религій держались другъ опъ друга въ какомъ-шо недружелюбномъ раз-

спояніи, опасаясь въ своихъ играхъ всякаго прикосновенія съ иновѣрцами.

Когда открылся шекіе, желтыя шуфли Турчанокъ, красныя шуфли Армянокъ и синія шуфли Жидовокъ вдругъ пришли въ движеніе: Женщины вмѣстѣ съ дѣшми заняли назначенную для нихъ галерею, обведенную рѣшешкою, и сдѣлались невидимками: только изрѣдка лучъ чьего-нибудь взгляда мгновенно мелькалъ сквозь таинственную рѣшешку. На другой открытой галереѣ, кое-какъ сложивши ноги, усѣлся я среди Мусульманъ, расположенныхъ на полу, на сварой цыновкѣ.

Внутренность шекіе чрезвычайно проста. Архитектура его представляетъ Кипайскій многоугольникъ подъ оспроконечною кровлею; нѣсколько деревянныхъ колоннъ и рядъ перилъ отдѣляютъ зрищелей отъ мѣста, гдѣ совершается обрядъ. Надъ дверьми, въ небольшой галереѣ, находилась оркестръ, составленный изъ нѣсколькихъ воспочныхъ флейшъ и липавръ, и хоръ поющихъ дервишей. Огромнаго размѣра Арабскія надписи изъ Корана украшаютъ спѣну съ воспочной стороны. Зеленая подушка для наспояшеля ордена и нѣсколько цыновокъ для

браным, — вонь все внутреннее убранство. Сре-
дина залы, назначенная для круженія, полиро-
вана какъ стекло.

Наспопяпель, сухой старикъ скалезнаго цвѣ-
та, въ зеленой машинѣ и съ зелеными шербан-
номъ на огромномъ деревяскомъ колпакѣ, си-
дѣлъ на подушкѣ въ восточной сторонѣ залы,
обращая къ зрителямъ и неподвижно какъ ис-
ступанъ. Три старыя дервиша сиюми по спю-
ршамъ, сложивъ руки, понунивъ взоры и не
измѣняя спокойнаго выраженія въ лицѣ. Тунгъ
вошло тринадцать другихъ дервишей въ парад-
номъ платьѣ ордена, — узкихъ деломанакъ и ши-
рокой драпировкѣ изъ сукна самыхъ яркихъ цвѣ-
товъ, перешагнутой ремнемъ кругомъ пояса и
висячей до земли. Они сѣли въ среднѣ круга,
въ ровномъ рядѣ одинъ опъ другаго разстоянїи. По-
движность ихъ взгляда, опущеннаго dolu, бо-
лѣзненная блѣднота лицъ, высокіе колпаки,
длинныя сѣдые бороды и разноцвѣтная одежда
самаго фанатическаго покроя придавали имъ
невыразимую панисивенность: въ носѣ воеб-
раженїи бродили балладные мерзавцы.

Хоръ претѣлъ въспѣвъ съ музыкую свое
Ая илге иль Аллахъ; попомъ наспопяпель про-

изнесъ просяжнымъ носовымъ голосемъ молитву, при кошорой всь дервиши синам на колыни: опть времени до времени они клали земные поклоны, и согласно издавали глухой звукъ, — *Гу!* — (Онь!), выходящій какъ-будто изъ внутренности ихъ груди. Ньсколько минуць царшвовало глубокое молчаніе. Хоръ началъ просяжное и тихое пьніе, сопровождаемое полни чувъ слышимыми вздохами испруменшювъ. Дервиши проходили кьрными шагами передъ насъ, являемъ, оспанавливались, поклонались ему до земли, и начинали свое круженіе на пятахъ, — сперва медленно и сложивъ руки на груди. Музыка поспешенно дьлалась громче, хоръ издавалъ восклицанія во славу Аллаха, и круженіе дервишей становилось живье. Они просянули руки. Пелы ихъ широкой драпировки поднялись на воздухъ, и образовали огромные вертящіеся круги, среди кошорыхъ бльдныя дервиши казались вертящимися куколками. Музыка пьніе и восклицанія хора слились наконецъ въ дикій, оглушительный гулъ; шумъ и веснорженное круженіе дервишей привели, казалось, пеккіе въ содроганіе. Но — среди самой большой суматохи — знакъ, данный невидимо, невзначай оспановилъ разомъ

и музыку и дервишей. Они очутились въ пѣхъ же разсполніяхъ одинъ опъ другаго, такъ при началъ представленія, — оная недвижныя и блѣдныя какъ мертвецы.

Невозможно себѣ представить, какой сильнѣйшій эффектъ производишь это мгновенное прерваніе музыки, пѣсенъ, пляски. Ихъ дикая гармонія такъ овладѣла нами, что мы находились какъ-будто подъ вліяніемъ волшебной силы: превращаясь всѣмъ существомъ въ зрѣніе и слухъ, мы мечувсивительно упились этою фаншасмагорією, и шеккіе съ своего спранцю архисекпурою, и эши кружащіяся вихри, и судорожныя звуки этой музыки, и чудныя восклицанія спарцевъ, слились было для насъ въ неразгаданное видѣніе. И вдругъ это все прекратилось, омершвѣло, — какъ-будто съ послѣднимъ шрескомъ оркестра лопнула пружина огромной машины. Я невольно содрогнулся, когда послѣ продолжительной, поспешенно возрастающей бури, сдѣлалась вдругъ глубокая тишина, и все какъ-бы окаменѣло. Послѣ крашпаго опдыха дервиши начали оная пляску прежнимъ порядкомъ. Это возобновлялось три раза, и каждый разъ ихъ круженіе дѣлалось быспрѣе и продолжитель-

нѣ; музыка также издавала звуки болѣе рѣзкіе, унылый голосъ восточныхъ флейтъ (ней) усиливался до самыхъ дикихъ и раздражающихъ слухъ гуденій, глухое спенаніе лишавръ и барабановъ обращалось въ страшные, разорванные удары грома, пѣніе Дервишей разбивалось въ бѣшенныя, дрожащія восклицанія.

Плясуны кружились безоспановочно и съ неимовѣрною скороспью около двадцати минушъ; потъ лился съ нихъ градомъ; блѣдность ихъ лицъ опѣнялась желтыми и синими опливали; но когда они оспанавливались, ни малѣйшее движеніе успалоспи не измѣняло ихъ глубокому смиренію: глаза также были опущены и почти закрышы, руки также недвижно сложены на груди, даже дыханіе не спановилось сильнѣе и грудь не приподнималась. Во все продолженіе пляски начальникъ ихъ шеккіе ходилъ между ними, по всѣмъ направленіямъ, мѣрными, почти незамѣтными шагами; и въ самомъ испушленномъ ихъ круженіи, когда круги, очерченныя на воздухъ пропшанушыми руками и длинными полами плашья, почти допрогивались одинъ къ другому, эшопъ шаинспвенный спаричекъ, сгорбленный и въ

зеленой маншин, какъ привидѣніе скользиль промежъ нихъ, ни къ кому не касаясь.

Мнѣ сказывали, что эпитъ плясумахъ дѣлается дурно отъ продолжительнаго круженія, что они надаютъ и надаютъ пѣну: это эпилептическое состояніе считается минушою просвѣпленія; проспой народъ въришь, что ихъ душа приходишь тогда въ ясновидѣніе божештва. Но при мнѣ этого не случалось. Магомешане, сидѣвшіе на галлерей, были глубоко пронунны зрѣлицемъ, отъ котораго ихъ религіозныя понятія, возбужденныя эффектами чудной пляски и вліяніемъ музыки, воспламенялись и пересиливали на время ихъ обычное безспасіе.

Въ эпоху обрядъ соспоишь все богослуженіе дервишей Мевлеви. Нововспунующіе въ ихъ званіе должны подвергнушься-штысячи-однодневному искусу, въ продолженіе котораго каждое ушро сообщаютъ они наспопшело ордена видѣнныя ими сны. Магомешъ, очищая Воспокъ отъ язычештва, предалъ проклятію весь обряды, весь пляски древнихъ маговъ, и запрешиль упоиребляишь въ молишвахъ Творцу музыкальныя инструменшы: по этому пурисшы въ магомешанспвѣ не любяшь эшихъ дервишей, ни

ихъ пляски и жузыки; они ихъ подозреваютъ даже въ шайномъ ученіи, не совсемъ согласномъ съ догматами исламизма, но врослой народъ питаетъ къ нимъ большое уваженіе; во всякомъ турецкомъ городѣ найдешь или гробы дервишей, служащія предметомъ всеобщаго благоговѣнія, или даже живыхъ святошъ и кудесниковъ, копорые имѣютъ сильное вліяніе на умы черни и иногда играютъ значительныя роли въ политическихъ событіяхъ. Турецкая исторія наполнена подобными примѣрами, и нередко могущественные султаны, по собственному ли суеврѣю, или впамя данъ народному суеврѣю, оказывали инициамъ дервишамъ знаки глубокаго уваженія и даже терпѣли отъ нихъ упреки.

Орденъ дервишей Мевлеви болѣе всѣхъ другихъ уважаемъ въ Турціи; зпнимъ онъ обязанъ намяни основателя своего славнаго Мевлана, прозваннаго Молла-Хункяромъ и жившаго въ Иконіи при Эрзогруль. Слава о его святошнѣ наполняла тогда всю Анаполию; Султанъ испросилъ его благословенія сыну своему Осману; Молла-Хункяръ предсказалъ молодому князю блистательную судьбу его племени и его народа, и прибавилъ что нѣасшіе турецкаго оружія

и величіе его преемниковъ будущъ прочны, до-
 колѣ они будущъ пишашъ къ попомству его та-
 кое же уваженіе, какое оказывалъ ему султанъ,
 его опецъ. Помомство Молла-Хункяра и ше-
 перъ пользуется уваженіемъ султановъ, и пре-
 бываетъ въ Иконіи, гдѣ находишся и главный
 шеккіе дервишей Мевлеви; старшій въ родѣ его
 постоянно облеченъ званіемъ гросмейспера или
 начальника эшихъ дервишей, и даже носишъ
 шишло султана. При возшешвіи на престолъ
 Махмуда онъ былъ приглашенъ въ Констанцино-
 поль и опоясалъ Султану наследственный мечъ;
 а эшопъ обрядъ, совершаемый въ Эюбской ме-
 чеші, замѣняешъ у мусульманъ обрядъ вѣчанія.

Къ чесши дервишей Мевлеви должно сказа-
 шъ, что они ведушъ жизнь спокойную и добродѣ-
 шельную: они выше бѣшеннаго фанатизма, ко-
 торымъ славяшся другіе дервиши. Они усердно
 пляшущъ во славу Аллаха, но не вырываютъ
 себѣ всѣхъ зубовъ, какъ эшо дѣлающъ Іеменскіе
 опшельники, въ память Пророка, кошорому вы-
 шибли два зуба въ бившѣ, не привязываютъ
 себя за волосы къ спѣнѣ, чтобы не уснушъ всю
 ночь, и не перзатощъ своего шѣла раскаленнымъ
 желѣзомъ. Неблагопріятный слухъ, кошорый но-

сился въ прежніе годы объ употребленіи ими
непозволишительныхъ напишковъ теперь не опа-
сенъ, попому что самъ намѣстникъ Пророка,
великій халифъ, разрѣшилъ правовѣрнымъ питье
вша, какъ увѣряють злые языки, собишвеннымъ
примѣромъ. Впрочемъ, законъ, воспрещающій
хмельные напишки, никогда не былъ такъ стро-
го соблюдаемъ въ Турціи, какъ о томъ думали
въ Европѣ: вопервыхъ Турки, такъ же какъ и
другіе народы, умѣють шолковать законы, а
во-вторыхъ и оправданіе, въ случаѣ явнаго на-
рушенія этой сшашпи, не сопряжено съ боль-
шими шрудностями: оно болшею частію со-
стоишь въ томъ, чтобы виновный прочишалъ
передъ кадіемъ шо мѣсто Корана, которыиъ ви-
но иредаешся анаемъ. Ежели онъ въ сосшояніи
исполнишь это какъ-нибудь, шо, при помощи не-
большой взяшки, не считаешся пьянымъ. Одинъ
даже изъ ихъ богослововъ-законодательей пре-
буешъ, чтобы, для обвиненія кого въ пьлиствѣ,
онъ былъ не въ сосшояніи различишь мужчину
отъ женщины. Да сверхъ того, на турецкомъ
языкѣ ешь книга, подъ заглавіемъ — «Оспршы
Ходжы Насиръ-эддина», которая сосшавляетъ
любимое чтеніе нисшихъ сословій, и гдѣ значи-

пельная чашь анекдотовъ опносишя къ пь-
вымъ кадіямъ.

Вкусу миспическаго сословія Мевлеви къ созерцательнымъ удовольствіямъ должно способствовати много и самое мѣстоположеніе ихъ монастыря. Онъ вѣнчаетъ вершину холма Перы и обладаетъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ Константинополя; кругомъ его раскинулась шть нѣсколькихъ плащавовъ, и шонкіе кипарисы поднимающя среди узорчатыхъ гробовыхъ мраморовъ. Суешная Пера, шорговая Галаша, Арсеналь, Аршилерійскія казармы заняли капризныя уклонности полуострова. Съ другой стороны открываешя взору широкое кладбище, которое шраурною обвязкою обшянуло городъ. Христіане и Магометане улеглись въ немъ отдѣльными семьями, какъ они жили въ Спамбуль, вѣчно раздѣленные. Пошомъ голая гора, которая еще болѣе поражаетъ своею дикостію въ близкомъ сосѣдствѣ многолюднаго города, расшянулась длиннымъ шатромъ до Еврейскаго предмѣстія и до Босфора.

Это все на первомъ планѣ необшянной панорамы, открывающейя съ высокихъ оконъ дервишскаго шеккіе. Босфоръ разыгрался у оконеч-

носпи Серая, и кинулся какъ рѣзвое дитя въ Мраморное Море, опкрывшее ему материнскія объятія. Романтическій замокъ дѣвы (Кызъ-Кулеси) съ чистою бѣлизною стѣнъ, омываемыхъ со всѣхъ споронъ волнами, и съ яркозеленою пирамидальною кровлею, лежишь какъ букетъ бѣлыхъ розъ на голубой маншіи Босфора. Зеленые пригорки и рощи расположились кулисами на Азіатскомъ берегу, и промежь нихъ виднѣющіяся уюшныя долины, по конимъ какъ змѣи выюшя живые ручьи. Дома и кіоски розовые, бѣлые и желтые, привилегированыя жилища правовѣрныхъ, яянушя вдоль береговъ, и одѣваюшъ Босфоръ санпаспическимъ вѣнцемъ своей восточной Архипекпуры. Мраморное Море любовно лѣлеть мирную семью Княжескихъ Оспирововъ, шарыя стѣны Визаншіи и дворець Сулпановъ. Сады, занимающіе промежутки Серальскихъ зданій, покрыты таинственною шѣнію вѣчно-зеленыхъ деревъ, копорыя ревниво закрываюшъ опъ самаго солнца пѣнныя красы гарема, и набрасываюшъ дымку зеленовапаго оплива на бѣлыя какъ снѣгъ стѣны меланхолическихъ кіосокъ.

Пошомъ опкрывается обширный Спамбулъ;

*

мозаика пѣсныхъ домовъ облѣпила семь его холмовъ; широкіе куполы Свяшой Софіи, Султанъ-Ахмеда и множества другихъ мечетей оплывающъ на массивныхъ здавіяхъ, и минарѣты кажущяся шовкими линіями висящими на воздухѣ. Европа и Азія какъ двѣ царицы сядятъ на Босфорѣ, смотрящя въ живое зеркало его воды, и туманными объятіями сладостраспно обхвапили на горизонтѣ Мраморное Море и одѣли его роскошною драпировкою синихъ и фіолетовыхъ горъ.

Свѣтъ южнаго солнца какъ жизнь обливаешь эту величественную картину, по полуденнымъ золошомъ дрожитъ на ней, по набрасываешь на нее розовое покрывало вечера, по въ прозрачномъ туманѣ упря рисуешь поперящія ея формы.

Нѣсколько разъ я наслаждался этими несравненными видами съ высоты дервишскаго шекіе, и благославлялъ память первыхъ опшельниковъ его строителей.

Г Л А В А IX.

Старина. — Сила воспоминаний. — Колонна Константина и гетий искусства въ пѣлу. — Колонна дѣвы и предачіе. — Колонна въ Серавъ. — Феодосіева колонна. — Статуя Юстиніана и выставка головы. — Дворецъ Велисарія. — Вуколеонъ и эгиптское воспоминаніе. — Влахеры. — Богословское совѣщаніе. — Обувь. — Св. Софія и предачіе. — Архитектура религіи. — Торжество Юстиніана и послы св. Владиміра. — Нагота мечетей. — Театральное освѣщеніе. — Конь Магомета.

Часто въ моихъ прогулкахъ въ Констанцинополѣ любилъ я оставлять на время Спамбулъ, городъ Сулпановъ, и переносился воображеніемъ въ Византію, надъ которою еще носилъ колоссальныя пѣни Греческихъ Императоровъ. Впечатлѣнія настоящаго займутъ васъ своею новостію, своимъ разнообразіемъ, но иногда вы почувствуете холодную усталость въ этомъ чудномъ калейдоскопѣ, въ которомъ какъ-будто парочно собраны рукою капризнаго художника всѣ спранныни, всѣ предразсудки, всѣ суетврія сполькихъ спранъ и племенъ, обставлены алымъ груншомъ крови, освѣщены заревомъ пожаровъ, и среди нихъ раздаются только спонъ спрадальца и ревъ фанашика.

Можетъ быть и прошедшее Конспаншино-ля чаще представишь карпины праура нежели веселыя карпины; естъ люди копорые видяпть въ лѣшописяхъ всѣхъ спранъ одно грустное повѣспивованіе вѣчныхъ бѣдъ челоувѣчеспва, и любяпть обращапть свѣщильникъ испоріи въ погребальный факель. Но если Творецъ въ благоспи своей одарилъ наше воображеніе ушѣшишельною силою удерживашъ изъ прошедшихъ лѣшъ нашей жизни болѣе воспоминаній пріятныхъ, нежели воспоминаній грустныхъ, если краткія мгновенія прошедшей радости могутъ длиться очарованіемъ памяти, какъ веселыя радуги, надъ горизонпомъ долгихъ лѣшъ шоски, если одна улыбка новой радости, какъ волшебница, разрушаепть шяжелыя зданія скорбей, подъ коими, казалось, намъ суждено было изныпть — то преимущественно въ спранъ, гдѣ зрѣлице народныхъ бѣдъ раздираепть душу, мы обращаемся къ прошедшему, прося у него ушѣшишельныхъ воспоминаній, шакъ какъ въ часъ печали мы вспоминаемъ дѣшскія радости.

Нѣсколько изувѣченныхъ колоннъ, развалина одного дворца, Хриспанскіе храмы, обращенныя въ мечепи и въ звѣринцы, водопроводы и

тысячелѣтнія спѣны Константинополя — вопъ что оспалось опъ сполицы Свяшаго Константина, вмѣспъ съ семью ея холмами, кошорые брошены Провидѣніемъ на эпошъ прекрасный берегъ, какъ-будто въ предназнаменованіе того, что на нихъ долженствовала воцариться сполица преображенного міра, преемница семихолмной сполицы Тибра.

На пренѣемъ холмѣ Константинополя, на древнемъ форумѣ, называемомъ нынѣ Таукъ-базаръ, стоишъ колонна Константина Великаго, перенесенная имъ изъ Рима, и имѣющая 90 фушъ вышины. На ней былъ Фидіасовъ Аполлонъ, увѣчаннй лучами, съ надписью: «Константину сіяющему подобно солнцу». Колонна составлена изъ восьми кусковъ Египецкаго порфира, и мѣдныя обручи, въ видѣ вѣнцевъ, покрываютъ швы ея часпей. Мишо видѣлъ въ нихъ изображеніе цѣней, кошорыми Аполлонова колонна окована у варваронъ, какъ геній искусства въ плѣну. Анна Комнина говоришъ, что спашуя и верхъ колонны, поврежденной земляпресеніемъ, упали опъ вѣнцера, и въ ея время искусства были въ спольжалкомъ состояніи, что новой спашуи уже не воздвигли, а колонну доспроли нѣсколькими

плитами камня, какъ и теперь видится. Она теперь называется «погорѣлая колонна», пошюму что отъ пожаровъ вся почернѣла.

На четвертомъ холмѣ, недалеко отъ мечети Султана Мехмета, стоитъ колонна Марціанова, или «колонна дѣвы»; такъ называли ее въ древности, такъ называютъ ее и Турки: *Кызъ-тасы*. Можетъ быть это названіе происходитъ отъ того, что на ней была статуя Венеры; но преданіе приписывало ей чудесную силу избавлять преступныхъ дѣвъ. Она Коринтскаго ордена, изъ одного куска бѣлаго мрамора въ 75 футовъ вышины. Еще недавно она принадлежала какому-то Турку, и запералась въ его саду; но все сгорѣло кругомъ ея, и колонна дѣвы доступна любопытнымъ.

Среди кипарисовъ и минаретовъ Серая стоитъ еще древняя колонна, о которой ничего положительнаго неизвѣстно, и которую можно видѣть только съ моря. Патриархъ, ученый изслѣдователь Константинопольскихъ древностей, полагаетъ, что это та колонна, которую посвятилъ Θεодосій Великій (581 г.) въ память покоренія Готтовъ и царя ихъ Апанарика, и что на ней сохраняется надпись: *Fortunæ reduci ob*

devictos Gothos. Какіе полки объ этой надписи ходятъ между двумя Сераля?

Опть славной Θεодосіевой колонны, соперницы колоннъ Адріяна и Траяна, оспался только пьедесталь, вышиною въ три сажени, и въ коемъ продѣлана лѣстница. Она имѣла 140 фуфтъ высоты, была изъ бѣлаго мрамора, внутри пустая, и обвисяя спиралью рельефовъ, въ кошорыхъ Аркадій изобразилъ побѣды своего опца Θεодосія надъ Скѣами. На ней стояла статуя Θεодосія, вылипаная изъ серебра, въсомъ въ 7,000 фунтовъ. Разспроенные финансы Юстиніана заставили сплавить ее для украшеній Софійскаго храма. Анастасій поставилъ попомъ свою статую на ней. Примѣчанія доспойно, что эптопъ побѣдный памятникъ служилъ въ Констанцинополѣ для казни пресупниковъ, какъ шарпейская скала въ Римѣ: съ ея высоты Тьерри де Лозъ, одинъ изъ Крестовыхъ полководцевъ, бросилъ Алексѣя Мурзуфла, убійцу Алексѣя Комнина и похищателя престолоа. Эпа колонна, извѣстная еще подъ именемъ «исторической», стояла до начала XVIII вѣка, но, поврежденная опть пожаровъ и землетрясеній, она грозила паденіемъ, и чтобы предупредить раз-

давленіе окрестныхъ домовъ, была разрушена по повелѣнію Дивана. На пьедесталѣ ея сохранились полько чешыре орла и геніи, несущіе лавровыя вѣнки*.

Никакого слѣда не оспалось опть Юстиніановой колонны, величайшаго изъ памятниковъ Констаншинополя; на ней была мѣдная его статуя на конѣ. Она еще спояла въ роковой день паденія Констаншинополя, и ей было суждено нести главу послѣдняго изъ Констаншиновъ, выспавленную въ зрѣлище народу, между тѣмъ какъ на ея высотѣ еще споялъ шоржеспвующій всадникъ**.....

Изъ всѣхъ Императорскихъ дворцевъ Византіи оспался полько дворецъ называемый у Турокъ »Текюръ-серай«***. Это развалина, въ коей

* Венеціанскій живописецъ Дженниле Беллини съ позволенія Магомеша II снялъ рисунки рельефовъ этой колонны; они сохранены въ твореніи Бандури, и хопя ошзывающа испорченными вкусомъ вѣка, но превосходятъ все, что произвела скульпштура въ Констаншинополѣ. Виллардуинъ говоритъ о Феодосіевой колоннѣ: *Cette colonne était des plus haltes et des mieux ouvrees de marbre, qui oncques fut vue d'oeil.*

** Лукасъ.

*** Кашемиръ полагаетъ что Текюръ происходитъ опть испорченныхъ словъ *тод хуріов*, ш. е. государя; шакъ Турки называли Греческихъ Императоровъ.

теперь укрывается незначатій спекляный заводъ. Греки называютъ ее дворцемъ Велиссарія, основываясь не знаю на какомъ преданіи. Онъ построень Конспанпиномъ Великимъ, и примыкаетъ къ крѣпостной стѣнѣ, недалеко отъ Адрианопольскихъ востовъ. Зданіе довольно обширное, въ шри эшажа, изъ правильныхъ плитъ камня, сохраняющее еще нѣкоторыя мраморныя полясы и двуглавый орелъ его строителей; нижняя его часть ушла въ землю; кровли нѣтъ; смотря на него вы вспомните двуспишіе, произнесенное Магомешомъ II, когда онъ вступилъ во дворець Греческихъ Императоровъ:

Паукъ распянулъ свою шкань во дворець царей, и ночный
голосъ совы раздаеся въ его башняхъ.

Но это не шотъ дворець, который напомнилъ завоевателю, въ минушу его шоржества, элегическое двуспишіе Персидскаго поэта: большой дворець Императоровъ на Гипподромѣ былъ почти развалиною въ эпоху взятія города. Славный Вуколеонъ, въ кошоромъ распочалось все великолѣпіе Императоровъ, поражавшее воображеніе пословъ сосѣдственныхъ народовъ и вассаловъ приходившихъ на поклоненіе, былъ уже обвѣшталымъ колоссомъ, который напоминалъ

Только прежние величіе его обитателей, такъ какъ цѣлая Имперія представляла тогда развалину, которой огромные размѣры говорили еще о древнемъ ея могуществѣ. Въ немъ было пребываніе Французскихъ Императоровъ Константинополя: воспоминанія Крестовыхъ походовъ и Западныхъ рыцарей сошлись въ немъ съ воспоминаніями Воспощныхъ монарховъ. Послѣ крестопосцевъ Палеологи не были уже въ состояніи поддерживать древній блескъ Вукелеона, и Магометь, довершая начатое временемъ, разрушилъ его до основанія. Судя по мѣстности, онъ тянулся слишкомъ на одну версту вдоль всего Гипподрома до Пропониды*. Нынѣшній Сераль построенъ Магометомъ изъ его обломковъ, и украшенъ оснапками его украшеній; но это все недоступно для взора любопытнаго изыскателя старины: одни серальскія дѣвы и сперегушіе ихъ евнухи и толпа серальскихъ невольниковъ могутъ видѣть почтенное наслѣдіе Константиновъ.

Древніе путешественники Вильгельмъ Тирскій и Веніаминъ Тудельскій съ воспоргомъ го-

* Мечеть Султана Ахмеда, многія казармы и часть Серали занимають теперь это пространство.

ворящъ о красотахъ и богатствахъ Влахернскаго дворца, построеннаго Марціаномъ и Пульхеріею и замѣнившаго Вуколонъ; оныя него осталася шолько небольшой укрѣпленный з мокъ Византійской постройки, на живописномъ возвышеніи, во глубинѣ залива Золотаго Рога. Въ этомъ замкѣ защищался еще Ношарасъ съ своимъ злополучнымъ семействомъ, когда городъ былъ взятъ Туркамъ.

Въ такомъ состояніи теперъ всѣ памятники величія Византійскихъ Императоровъ; перейдемъ къ памятникамъ ославленнымъ религіею; они болѣе уцѣлели, хотя на нихъ полумѣсяцъ замѣнилъ крестъ Спасителя; такъ и сама религія, поржествуя надъ всеми гоненіями, между шьмъ какъ величіе Кесарей осталось въ пыли хроникъ и въ пыли развалинъ, возносишь еще свои поржественныя гимны у угнѣшенныхъ алтарей, и одна поддерживаетъ еще духъ изнемогающаго народа.

Весьма прудно дается позволеніе посьпипъ мечети; для эшаго нуженъ Сулпанскій фирманъ; народъ не любитъ чшобы невѣрныя входили въ его храмы, особенно въ шѣ, копорые прежде принадлежали Христіанамъ; Турки думаютъ,

что мы можем тайно молишься въ нихъ, припомяная прежнее ихъ предназначеніе, а я говорилъ уже какое понятіе имѣютъ Турки о нашей молитвѣ. Леда Моншегю рассказываетъ, что она три раза посылала къ Каймакаму, или намѣстнику города, за фирманомъ, и что онъ созвалъ всѣхъ законоучителей и Муфшя, и спросилъ у нихъ: можно ли дать гяуркѣ позволеніе войти въ мечети? — Опшоманскіе богословы нѣсколько дней разсуждали объ этомъ важномъ предметѣ.

Вице-адмиралъ Рикордъ выпребовалъ у Поршпы нужный фирманъ, и я воспользовался этимъ случаемъ для посѣщенія мечетей. Мы проночевали въ Перѣ, и съ разсвѣтомъ отправились въ Спамбуль. Всякій изъ насъ имѣлъ съ собою пару шурецкихъ *мештовъ*; это родъ сафьянныхъ получулковъ, сверхъ коихъ надѣвають Турки туфли или сапоги, оставляемые обыкновенно у порога, предъ входомъ въ жилые покои. Безъ этихъ мештовъ, кошорые надѣвали мы входя въ мечети, пришлось бы намъ скидывать сапоги для удовольстворенія нашего любопытства, потому что Турокъ никогда не позволитъ, чтобы вы вошли въ его храмъ въ вашей обуви.

Въ Византійской исторіи найдеша много подробностей о Софійскомъ соборѣ, объ этомъ храмѣ Небесной Мудрости, воздвигнутомъ сперва св. Констанциномъ, потомъ обновленномъ въ большемъ размѣрѣ Феодосіемъ спаршимъ, и наконецъ построенномъ въ наспоющемъ его видѣ Юстиніаномъ. Имена прехъ величайшихъ государей Восточной Имперіи, какъ при генія славы, ондыхали на его чудесномъ куполѣ, когда рука другаго, бурнаго генія пришла водрузить надъ нимъ шоржествующій полумѣсяцъ. Судьба этого храма неразлучно была связана съ судьбами Имперіи; издревле народъ пишалъ къ нему особенную набожную привязанность, и привыкъ видѣшь въ немъ палладіумъ своей столицы. Юстиніанъ его выстроилъ въ этомъ колоссальномъ объемѣ, и обогатилъ всѣмъ что могли создать искусства въ его время, всѣмъ что могло бышь заимствовано изъ языческихъ капищъ въ Христіанскій храмъ, единственно чтобы ушѣшишь народъ, упавшій духомъ послѣ шого дня, въ кошорьмъ 35,000 мящежниковъ были изрублены въ столицѣ полководцами Велиссаріемъ, Мундомъ и Наркисомъ, а храмъ Софіи и полгорода сдѣлались жершвою пламени. Въ пророчества, кош-

рыми сполько вѣковъ помился народъ Византіи, какъ пайнымъ предчувствіемъ, о паденіи Восточнаго Царства, соединяли судьбу царства съ судьбою Софійскаго храма; и когда сбывсь эши пророчества, народъ въ своемъ несчастіи искалъ утѣшенія въ другихъ повѣріяхъ объ эшомъ храмѣ, и шеперь еще всѣ его надежды, всѣ его ожиданія ширемяшя ко дню, когда въ немъ онъ услышишъ свою литургію. Самый унвчиженный, самый безграмотный Христіанинъ Констаншинополя знаешъ судьбу Софійскаго храма, сохранившаго досель свое имя (и Турки его называющъ *Ая-Софья*), и можешъ бышь, одна его святыня продлила въ народъ воспоминаніе объ упраченномъ престолѣ; а эшо воспоминаніе шакъ живо, и до шого шревожишъ оно подозрительный Диванъ, что въ послѣдніе годы вышелъ въ Констаншинополъ фирманъ, запрещавшій Грекамъ давать своимъ дѣшамъ при св. крещеніи имя Констаншина.

Суевѣрный народъ рассказываетъ чудесное преданіе о храмѣ св. Софіи. Извѣстно, что во время послѣдняго приступа народъ плакалъ и молился у своихъ алтарей, и духовенство, въ полномъ облаченіи, въ ожиданіи чуда или мучени-

ческой смерти, служило последнюю литургию въ своихъ соборахъ. При освященіи даровъ въ алтарь св. Софїи, когда зашворились Царскія врата, и хоръ пропѣлъ: »Господи, да не яроштію пвоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ швомъ накажеши мене; помилуй мя Господи, яко немощень есмь.« — плачь бѣгущаго народа прервалъ священнослуженіе; Турки были въ городѣ. Народъ вѣринь, что тогда невидимая рука заперла двери того пришвора, въ коемъ служилъ Патріархъ со многими Епископами, и святишешли продолжаютъ досель молишья въ немъ, и кончашъ литургію, когда Христіанское воинство возьмешъ обратно городъ и освободилъ храмъ отъ Турокъ. Фальшивая дверь, выдѣланная для симметріи на мраморъ спѣвы одного изъ пришворовъ, подала поводъ къ этому сказанію, къ кошорому прицелили еще тысячу нелѣпостей; между прочимъ и то, что при Султана въ разныя эпохи вышались сломать свяштенную дверь, и при первомъ ударѣ молота о мраморъ невидимая рука шакъ тяжело падала на голову присутствовавшаго Султана, что его голова оставалась обращенною лицомъ къ спинѣ, доколѣ не призывали въ Сераль Патріарха для

проченія молитвы надъ спраждающимъ монархомъ.

О построении и объ архитектурѣ этого храма, огромнѣйшаго въ мірѣ изъ древнихъ памятниковъ, сохранныхъ въ цѣлости, такъ много писали, что боюсь повторыть сказанное и пересказанное. Три архитектора заслужили безсмертіе эпитетомъ колоссомъ*, и архитекторы Римскаго собора св. Петра съ удивленіемъ и съ завистию смотрѣли на многія его части. Куполъ его есть самое смѣлое созданіе рукъ человѣческихъ, и своею необъятностію и легкостію достойно выражаешь мысль перваго архитектора, раскинувшаго это полушаріе надъ молящимися Христіанами, въ видѣ неба. Подъ нимъ двѣ почти также необъятныя ниши удваивающъ для глазъ его широту. Потомъ, какъ воздушныя мосты, какъ небесныя радуги, дивныя арки перешагнули отъ пиластръ въ пиластръ; переломанныя вѣнцы архиправовъ, небольшіе куполы и ниши, своды и полусводы, сославились какой-то воздушный

* Ансемій Трульскій и Исидоръ Милетскій строили его отъ 535 до 538 г.; но въ 559 г. отъ сильныхъ землетрясеній большой куполъ упалъ, и былъ вновь выстроенъ другимъ архитекторомъ Исидоромъ, племянкомъ того Исидора.

лабиринтъ, висящій надъ вашей головою, но легкой, покойный, гармоническій, какъ симфонія небесныхъ духовъ надъ Христіанскимъ алтаремъ; среди его галлерей хоровъ выюнся понкими, едва замѣтными линіями, какъ мистическія дорожки. Шестъдесятъ огромныхъ колоннъ убѣжали въ высоту, и среди эпихъ чудесъ оспановились надъ другими колоннами, какъ тонкія сирѣлы; промежъ нихъ, изъ двадцати чепырехъ оконъ льюща во внушренность храма золотыя волны небесаго свѣта, и рисуютъ широкія пѣни другихъ граничныхъ, порфировыхъ и мраморныхъ исполиновъ, которые такъ легко поддерживаютъ это чудесное зданіе въ недосыгаемой высотѣ.

Если вы стоите у колонны, если увидите надъ собою всю ея массу, вы почувствуете себя будшо раздавленнымъ ею, и васъ успрашитъ безконечная пуспота, которая виситъ надъ вами; но вы почувствуете все оппическое могущество архипекшуры, когда, по мѣрѣ того, какъ вы опдалаетесь опъ каменныхъ массъ, онъ видимо уменьшаются, сливаясь въ общую гармонию зданія, и если вы однимъ взоромъ обвинете всѣ части храма — а только этому храму дано показывать въ одно время взору всѣ

свои очарованія — его воздушныя чудеса представлялись вамъ одною могучею мыслию, которая одѣлась въ гранитъ и въ мраморъ, и раскинулась надъ вами, необъятная, въ царственномъ ондыхъ; тогда вы чужды того неприятнаго ощущенія, которое невольно стѣснитъ и давитъ душу среди пустоши колоссальнаго зданія; здѣсь душа на волѣ, какъ подъ куполомъ неба.

Человѣкъ благоговѣнъ предъ религіею, которая воздвигла подобныя памятники, даже въ эту эпоху, когда искусства были въ совершенномъ упадкѣ; религія была однимъ архитекторомъ, однимъ создателемъ Софійскаго собора. Но упадокъ искусства грустно проглядывается въ исполненіи многихъ частей этого зданія. Юстиніанъ долженъ былъ его соорудить изъ обломковъ другихъ зданій; Греція, Малая Азія, Римъ и Египетъ послали дань своихъ архитектурныхъ памятниковъ для его сооруженія. Колонны изъ зеленой яшмы взяты отъ Эфесскаго храма Дианы, восемь порфировыхъ колоннъ отъ храма солнца, сооруженнаго въ Римѣ Авреліаномъ; другія изъ Александровой Трои, изъ Афинъ, отъ Цикладъ, изъ Мемфиса и Александріи; но онѣ

или потеряли свои прежнія капишели, или сохраняющъ ихъ подъ фризами и архиправами совершенно различнаго вкуса. Яшма, порфиръ, бѣлый и цвѣтный мраморъ одѣвають всѣ стѣны храма; проспанный куполь покрытъ золотистою мозаикою, въ кошорой было изображеніе Саваоа посреди, а по чепыремъ споронамъ Херувимы. Турки покрыли шпикашуркою мозаику купола, равно и множество другихъ изображеній, за исключеніемъ чепырехъ Херувимовъ, кошорыхъ однако проспытъ глазомъ шрудно разглядѣшь. Спорожа храма промышленяютъ продажею Европейскимъ путешественникамъ кусковъ мозаики; оббиваемыхъ ими опть св. образовъ.

Полъ покрытъ Египетскими цѣмовками и коврами; полагающъ, что подъ ними сохранены на многихъ мраморахъ Греческія надписи, двуглавые орлы и кресты, шакъ какъ подъ шпикашуркою сохранилась мозаическая живопись; можно подумать, что Турки на время шолько посвятили своей религіи эшошъ храмъ, сохранили его названіе и на время прикрыли его свяшья эмблемы.

Мы говорили уже, что Юстиніанъ не пожалѣлъ серебряной конной спатуи Θεодосія для

украшенія Софійскаго собора; спроектъ его поглотило всѣ источники богатствъ Имперіи; даже Науки принесли ему свою дань, и профессеры всѣхъ академій были нѣсколько лѣтъ на половинномъ жалованьи. Софійскій соборъ былъ плодомъ усилій послѣдней эпохи величія Всемирной Имперіи, которая, какъ бы предчувствуя свою судьбу, свое грядущее изнеможеніе, поспѣшила воздвигнуть себѣ эпоху колоссальный памятникъ, завѣщанный вѣчности. Самая архитектура его эпохи, уже состарѣвшаяся, сильна была пышностію замѣнишь свое древнее изящество, и красовалась въ серебро и въ золото и въ драгоценные камни. Четыре золотыя колонны поддерживали надъ олшаремъ липой изъ серебра балдахинъ (сiboire), надъ кѣмъ возвышался огромный золотой шаръ и золотой крестъ осыпанные алмазами*.

Говорятъ, что когда Юстиніанъ увидѣлъ совершенно оконченный эпоху храмъ—пред-

* Примѣчая достойно, что для этого балдахина было употреблено серебро Θεодосіевой спашуи, такъ какъ для балдахина св. Петра папа Урбанъ Барберини употребилъ бронзу Пантеона, и заслужилъ эпиграмматическій латинскій каламбуръ: quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

мень долголѣтнихъ его усилій и помысловъ, когда вступалъ въ него при его освященіи, упоенный воспоргомъ при видѣ великолѣпнаго своего созданія, воскликнулъ: »О Соломонъ, я побѣдилъ тебя!« — Въѣхавъ съ нимъ торжественно вала тогда вся Христіанская Церковь; это было первое зданіе, сооруженное ею и достойное ея; дошолъ или обращался въ ея храмы языческія капища, созданія совершенно противоположнаго ей генія, или дѣлались только слабыя попышки, въ новомъ родѣ архитектурны, требуемомъ ею. Но Софійскій соборъ наводитъ еще и другія воспоминанія, дорогія для всякаго Русскаго; изъ него лучъ Христіанской религіи проникъ въ Сѣверъ, чтобы преобразить полъ-міра; въ немъ язычники Сѣвера просперлись предъ незнакомымъ еще имъ величіемъ Христіанскаго священнослуженія. Когда гармонія хора лилась въ эпомъ моръ сводовъ и куполовъ, когда свѣтъ милліона огней, среди облаковъ еиміама, таинственно сливался съ полосами лучей падающихъ изъ подъ купола, когда Царградскій монархъ, окруженный всѣмъ блескомъ своего Двора, проспирался ницъ, со всѣми земными величіями предъ величіемъ молитвы, и среди благоговѣйнаго молчанія

столькихъ тысячъ народа, открылся олтарь въ сіяніи золота и свѣта, и предъ нимъ торжественно явился священнослужитель съ дарами — что почувствовали тогда послы Владиміра въ этомъ новомъ для нихъ мѣрѣ?... Сколько мы видимъ примѣровъ, что Христіанская Церковь однимъ строгимъ величіемъ своихъ обрядовъ и своею пышностію поразила воображеніе людей, непричастныхъ ея таинствамъ! Въ ней было уже не но мистическое величіе Египта и Греціи, которое пугало только суевѣрное воображеніе язычниковъ, не извлекая слезъ умиленія, но оставляя грозное впечатлѣніе на всю жизнь; кто держалъ совѣщанія съ прорицателемъ Трофонія уже навсегда терялъ улыбку, и народъ видѣлъ въ немъ мученика, осужденнаго жизнью подъ бременемъ откровенія.

Магометъ исключилъ изъ своей религіи все обряды языческаго и все обряды Христіанства; общая молитва, одинъ постъ и два три праздника въ году — вошь все внѣшнее его богослуженіе; и въ храмахъ его даже самая простота, которую приняли нныя Христіанскія секты; когда вы входите въ Магометанскій храмъ, особенно въ просторную мечеть, близка и на-

гоша ея снѣтъ обдають вазъ хомодомъ; ничшо не говоришь въ ней что эшо домъ молитвы, домъ изліянія чистѣйшихъ чувствъ пвари предъ Создателемъ, что въ немъ цюшь алтарь, копорый у всѣхъ народовъ, окружавшихъ его пеплою вѣрою, красился вѣзмъ что ешь для челоувѣка драгоцѣннѣе изъ его земныхъ богатствъ. Имя Аллаха начертанное надъ мѣспомъ алтаря, нѣсколко массивныхъ канделябровъ по обѣимъ его споронамъ, возвышенное мѣспо для Султана и его приближенныхъ — вошь все что можно видѣшь внупри Софійской и всякой другой мечети; шольмо для вечерняго освѣщенія развѣшаны фестоны изъ безчисленныхъ разноцвѣтныхъ лампъ, и пропшануцы по всѣмъ направлѣніямъ, подъ куполами и сводами и между колоць. Эффектъ ихъ безъ сомнѣнія долженъ бышь весьма красивъ, но въ немъ что-то шестральное, подобное освѣщенію Кіа-Кинга въ большемъ размѣрѣ, и представляешъ спранныю прощивоцложность спрогому величію архитектуры, раздѣшой ошь всѣхъ своихъ древнихъ украшеній. Турки, хошя такъ спрого воспрещаютъ Христіанамъ входъ въ мечети, но во-все не оказывають къ нимъ шого благочестиваго уваженія,

копорое мы питаемъ къ нашимъ церквамъ. Они спяптъ и объдаюптъ въ своихъ меченяхъ. Въ мечешяхъ непоспроенныхъ Магомешанами, но завоеванныхъ оружіемъ ихъ, имаемъ провзносптъ какую-то молишву опираясь на саблю, пошому чшо сабля неразлучна съ Кораномъ, и завѣщана Магомешомъ какъ знаменіе его религіи.

Наружносптъ Софійскаго храма предешзвляештъ шяжелую массу, изуродованную оптъ множества прпспроектъ разныхъ эпохъ. Извѣсно, что при Юспиніанѣ уже онъ получилъ поврежденіе; пошомъ, въ шринадцати-вѣковое сведе сущешствованіе, оптъ землетрясеній падали разныя его часши. При Василіи II Волгарокнопъ*, упала даже часптъ большаго купола, и была имъ возспановлена. Андроникъ старшій песпровелъ конспрьфорсы къ сѣверной спѣнѣ, кошорая грозила паденіемъ. Каншакузинъ и Іоаннъ Палеологъ возобновили разныя часши храма. Между шѣмъ какъ Имперія сама распадалась оптъ вѣшхоспн, Импе-

* Т. е. Болгарорубъ; онъ красшея эпимъ шпшломъ за нешновѣрныя свои жестокоспн съ Болгарами. Его звврешво доходило до того, что онъ ослѣпилъ нѣсколькo тысячъ пльвннхъ, и далъ имъ одноглазаго проважашаго для возвращенія ихъ на родину. Онъ усердно спроилъ храмы.

рапоры упошребляли послѣднія усилія для поддержанія своего собора, и ушпарьмыя искусства Византіи еще находили силы, чптобы продлишь существованіе своего лучшаго памяшника. Магомешъ, при взяшій города, собшвенноручно разсѣкъ голову солдапу, копорый въ порывѣ фанатизма ломалъ мраморъ Софійскаго храма. Чпто же касается до сказанія, чпто онъ вѣхалъ верхомъ въ храмъ, и кормилъ своего коня у олшаря — эшто кажешся преувеличеннымъ сказаніемъ побѣжденныхъ. Извѣстно шолько, чпто онъ сидѣлъ на олшарѣ и раздавалъ милосши и награды шолпѣ своихъ фанашиковъ. Магомешъ, обрашивъ храмъ въ мечеть, приспроилъ къ нему чешыре минарепа; пресмники его сдѣлали шакже много приспроекъ, и имѣли архитектуру его образцемъ во всѣхъ воздвигнушыхъ имъ мечешяхъ.

Г Л А В А X:

Древние храмы.—Гробъ Анны Комниной. — Звѣринецъ, и леопарды защитники Визаншїи. — Арсеналь, Римскіе орлы и знамена Крестовосцевъ. — Церковь крови. — Гипподромъ. — Овельскъ. — Дельфійская колонна. — Колонна Порфирогенета. — Венеціанскіе коня, — Мѣдныя статуи и ихъ судьба. — Воспоминанія. — Гладіаторъ.

Еще нѣсколько большихъ Хрисціанскихъ храмовъ Конспаншинополя сохранились до нашихъ дней. Магомешъ II, великодушный варваръ, оставилъ въ своемъ шоржесствѣ нѣкопорые изъ нихъ богослуженію Грековъ, но его преемники, поспешенно ошягчая свое иго надъ побѣжденнымъ народомъ, не могли шерпѣшь, чшобы въ споліцѣ Исламизма величеспвенныя зданія были посвящены Хрисціанской вѣрѣ. — Бросимъ быспрый взглядъ на другіе храмы, болѣе заслуживающіе любопытство посѣпителя по древности и красотѣ архипектуры, или по историческимъ воспоминаніямъ.

Фашиге-джамисы*, былъ храмъ во имя Бого-

* Т. е. мечеть завоевателя; Магомешу II дано прозваніе *фатигъ*, завоеватель, побѣдитель.

родицы, поспроенный Михаиломъ Дукою. Въ немъ покоились шъла многихъ Императоровъ и Императриць дома Комниновъ и Палеоловъ. Гробъ Анны Комниной былъ въ дорогомъ саркофагъ, подъ Императорскими орлами. Здѣсь былъ и гробъ послѣдняго князя изъ дома Палеологовъ, Ѳомы Деспота Морейскаго, убѣжавшаго въ Римъ ошъ оружія Магомета, и пошомъ возвратившагося подъ великодушное его покровительство. Когда эпошъ храмъ былъ обращенъ въ мечеть, оспанки Императоровъ были выброшены изъ него. Анна Комнина, копорая и въ дни упадка Императорскаго престола поэшически мечтала о древнемъ его блескѣ, эша Византійская Афинянка, копорая въ классической своей гордости опказывалась писать въ своей краснорѣчивой лѣшописи варварскія имена бароновъ и князей Запада, могли предчувствовать, что другіе варвары будущъ ругашъ надъ ея прахомъ?....

Эмиръ-ахоръ-джамисы,—древній храмъ Іоанна Крестителя, возобновленный Константиномъ Палеологомъ, и примѣчательный по прекраснымъ Коринтскихъ колоннамъ изъ зеленаго мрамора, копорыя видимо принадлежатъ языческой древности.

Ключюк-Ая-Софья-джамисы (маленькій Софійскій храмъ) — такъ прозванный чернію не по сходству его архипектуры съ Софійскимъ храмомъ (онъ имѣеть видъ ропонды, и восемь небольшихъ куполовъ опоясываютъ средній куполь), но по богатству его украшеній и по красотѣ колоннъ, зеленыхъ мраморныхъ и порфировыхъ. Онъ построень Юстиніаномъ Великимъ недалеко отъ Гипподрома, вѣроятно изъ остатка матеріаловъ собранныхъ для Софійскаго собора; онъ былъ посвященъ святымъ Сергію и Вавху.

Будрумъ-джамисы; эша мечеть была женскимъ монастыремъ, въ коемъ приняли одежду смиренія многія Императрицы.

Кехріэ-джамисы—храмъ Спасителя, построенный Юстиніаномъ, и обновленный въ настоящемъ видѣ при Комнинахъ. Въ послѣднюю осаду Константинополя молящійся народъ вынесъ изъ дворца чудотворный образъ Богородицы, писанный св. Лукою, въ эту церковь, которая прилежала къ стѣнамъ болѣе грозимымъ отъ Турокъ.

Ходжа-Мустафа-паша-джамисы — древній великолѣпный монастырь Андрея Первозваннаго, построенный Аркадією, сестрою Θεодссіа млад-

шаго. Мусшафа, коперога онъ носишь шеперь пня, обрапилъ его въ мечеть при Селимъ I. Онъ вмѣстѣ съ Солиманомъ дѣлалъ славный походъ въ Родось; попомъ замыслилъ опложиться и получилъ снурокъ. Въ этой мечети возбуждаешъ общее любопытство цѣпь, кошорая обшягиваетъ кипарисы обсаженные кругомъ, и о кошорой носятся различныя преданія.

Въ эпихъ Христіанскихъ храмахъ шеперь молящся правовѣрные; въ храмъ Іоанна Богослова, построенномъ при Царь Иракліи, содержатся дикіе звѣри, львы и шигры Африканскихъ степей; онъ называется *асланъ-хане*. Прежніе Султаны всегда любили имѣть въ своей столицѣ дикихъ звѣрей, и иногда давали народу зрѣлище ихъ боя. Это водилось и при Императорахъ; даже въ лѣтописяхъ Крестовыхъ походовъ находимъ, что когда крестноносцы ашпаковали городъ при Алексѣ Комнинѣ, были приведены изъ своихъ норъ львы и леопарды на защиту города, и Западные рыцари имѣли дѣло съ незнакомыми дошолъ врагами, какъ герои старинныхъ балладъ. Имъ казалось, что сверхъестественныя силы поднялись тогда за восточную столицу, и Воспокъ предспавлялся Ломбардскимъ баронамъ со

всѣми чудесами, которыми одѣвало его младенческое воображеніе Европы.

Другаго рода оскверненіе постигло храмъ св. Ириніи, въ коемъ соединился соборъ священителей Восточной Церкви въ царствованіе Θεодосіа: онъ обращенъ въ арсеналь, и заключается внутри серальскихъ спѣтъ, недалеко отъ монашваго двора. Въ немъ множество любопытныхъ и драгоценныхъ для археологіи древнихъ оружій и осадныхъ машинъ. Нѣсколько знаменъ Западныхъ рыцарей, оставленныхъ по ихъ изгнаніи изъ Конспаншинополя, перемѣшаны въ немъ съ орлами Римскихъ легионовъ, съ знаменами Восточныхъ Императоровъ. Французскій инженеръ Дешопъ, которому въ войнѣ съ Россіею, при Мустафѣ III, было препоручено укрѣпить Босфоръ и Гелеспонъ, получилъ позволеніе порыться въ этомъ арсеналѣ, и нашелъ многіе остатки самой глубокой Римской древности. Побѣдные орлы Сципіоновъ и Кесаря, свидѣтели долгихъ бѣдъ созданной ими Имперіи, какъ пыльные трофеи, лежатъ въ пыли серальскаго арсенала.

Мы видѣли состояніе нынѣшнихъ Греческихъ церквей Конспаншинополя. Одинъ только небольшой храмъ съ куполомъ оставленъ досель Гре-

камъ; его Турки называютъ *канъ-кисесы*; т. е. церковь крови, отъ того что въ немъ полилась кровь послѣднихъ защитниковъ города. Каншемиръ говоритъ, что онъ оспавленъ Грекамъ въ награду за услуги одного архиепископа, поспроившаго Турецкія мечешу. Скудное наслѣдіе искусства и въ самомъ пдѣну облегчало гоненіе Грековъ.

Можешъ бышь все упомянутыя древности не въ одинаковой степени возбуждаютъ любопытство путешественника; но кто не посѣщалъ Аммейдана, древняго Гипподрома, обезображеннаго, ограбленнаго въ различныя эпохи, едва сохраняющаго слѣды своего величія?... Среди широкой площади поднимается необъятная масса Софійскаго собора; шажелая мечешу Султана Ахмеда закрыла значительную часть этой площади — единственной большой площади древняго и новаго Константинополя. Кругомъ расположились мелкіе деревянные дома, которыхъ безобразная полоса обшянула древнюю площадь шріумфовъ и народныхъ празденствъ поясомъ изъ лоскушевъ. Мѣстами недавній пожаръ оспавилъ широкія пашна изъ золы.

Три памятника разныхъ вѣковъ оспавились на Гипподромѣ: обелискъ Египетскій, колонна Дель-

Фійскаго храма и чепырехгранная колонна Константина Порфиrogenета. Египеть, Греція и Римъ посшавили себѣ здѣсь надгробные памяшники, и на каждомъ изъ нихъ сохранилась печать народа и эпохи. Обелискъ изъ одного куска гранита* покрытъ весь гіероглифами миспическаго Египта, весьма многосложными и красивой ошдѣлки. Чепыре мѣдные куба поддерживающъ его на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ; а на эпошъ пьедесталѣ вырѣзаны эмфатическія надписи, и изображенъ на чепырехъ его споропахъ Императоръ Θεодосій, шо сидящій на прешолѣ вмѣстѣ съ Царицею и съ дѣшными Аркадіемъ и Гоноріемъ, шо принимающій поклоненіе покоренныхъ народовъ, шо предсѣдающій въ играхъ, шо несущій въ рукахъ Императорскую коронну. Какъ будто нужно было предсшавить здѣсь, подѣ суровымъ величіемъ Египта, нѣсколькo картинъ суетнаго величія Визаншіи, и подѣ шайнспвенными и нѣмыми письменами древней науки и аллегорической религіи — панегирическія надписи Кесарей**. Чшо касается до изваянія барель-

* Онъ имѣеть около 60 фушъ высоты.

** Надписи двѣ: Греческая и Латинская; вошъ содержаніе первой:

ефовъ — изъ нихъ видно только, что въ эту эпоху былъ уже невозвратно поперянь древній рѣзецъ, и уже образовался Византійскій вкусъ, съ своею недвижностію, съ своимъ безжизненнымъ спокойствіемъ, съ условными позами и драпировкою, — вкусъ болѣе извѣстный намъ по школь Византійской церковной живописи, а на мраморъ представляющій только досадный анахронизмъ въ искусствѣ, болѣе принадлежащій, за исключеніемъ правильности формъ, вѣку перехода Египетской скульптуры въ Грецію, нежели вѣку богашому неподражаемыми произведеніями Аѳинъ и Коринѳа.

Турокъ строгой наружности сидѣлъ на площади, недалеко отъ Египетскаго обелиска, и предъ нимъ былъ огромный подносъ съ дѣтскими игрушками. Его важная наружность представляла смѣшный контрастъ съ этимъ предметомъ промышленности; можетъ быть лице его приняло мрачное выраженіе отъ того что гяуры съ такимъ любопытствомъ осматривали

Только Царя Феодосія воля могла воздвигнуть эпоху четырехгранный столпъ, вѣчное бремя земли, и, по его велѣнію, Прокль въ тридцать два дня его здѣсь поставилъ. Эпохъ Прокль былъ Эпархомъ или правителемъ столицы.

обелискъ, который по его понятіямъ, есть одинъ изъ шалисмановъ Сшамбула, и обезпечиваешь владычество въ немъ Турокъ. Это общее повѣріе Сшайбульской черни, которая иначе не можетъ располковать себя, къ чему служилъ огромный камень среди площади, и что означаютъ живописныя, пиццы и люди изсѣченныя на немъ; а она привыкла почитать шалисманами все, чего не смыслишь, и прилегла ко всякому памятнику Константинополя какое-нибудь чудесное сказаніе.

Я обратился къ Турку съ вопросомъ, что онъ думаетъ о спранныхъ вещахъ вырѣзанныхъ на камнѣ? — Онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ; онъ сидѣлъ молчаливый предъ обелискомъ, съ каменною недвижностію сфинкса, который все знаетъ и ничего не говоритъ.

Между наследіемъ Фараоновъ и колонною Константина Багрянороднаго стоить небольшой мѣдный столпъ, составленный изъ трехъ змій свислыхъ вмѣстѣ. Головы этихъ змій, вѣнчавшія его фантастическою капишью, давно потеряны. Сказываютъ, что Магомедъ II попоромъ отрубилъ одну изъ головъ, чтобы показать свою силу; другія двѣ были опломаны

и украдены ночью, въ началѣ прошедшаго вѣка*.

Это шопъ самый столпъ, кошорый поддерживалъ въ Дельфійскомъ храмѣ золотой преножникъ, посвященный Аполлону Греческими республиками изъ добычи, оставленной имъ послѣ лучшаго дня древней Эллады, дня увѣнчаннаго Плашейскими лаврами. Геродотъ и Павзаній упоминають о немъ. Конспаншинъ Великій, разрушивъ храмы Греціи, перевезъ въ свою столицу ея статуи, разжалованныя изъ боговъ языческихъ храмовъ въ декораціи Гипподрома, и вмѣстѣ съ идолами поэтической религіи, ошилъ у Греціи и профети ея древнихъ поржествъ. Эгнопъ памятникъ Греческихъ республикъ, среди разрушеннаго величія столицы Греческой Имперіи, эши обезглавленные змѣи на пыльномъ гипподромѣ, предспавляють сполько спранныхъ сближеній, сполько воспоминаній. Но мысль Конспаншина — поспавишь среди обширнаго респалища, окруженнаго колоссальными зданіями, небольшое внутреннее украшеніе Дельфійскаго храма, объясняешся сполько безвкусіемъ вѣка. Вѣкъ

* Съ точностію когда неизвѣстно; но путешественники видѣли ихъ въ первыхъ годахъ прошедшаго вѣка.

его, получивъ богатое наслѣдство древнихъ искусствъ, но уже истощенный и безсильный произвѣсти что-либо новое, приличное своему величію, наряжался безъ разбора въ убранства древности, шакъ какъ въ самой архитектурѣ своей, промѣнявъ изящество Греціи на колоссальность Римскихъ и Азіяпскихъ зданій, оставилъ намъ спранные памятники, безъ гармоніи, безъ единства, смѣсь вкусовъ всѣхъ вѣковъ, видимо слѣпленные изъ обломковъ другихъ зданій.

Столпъ Порфиrogenета имѣетъ форму обелиска, но несравненно выше и тяжелѣе его*. Онъ составленъ изъ небольшихъ гранишныхъ плитъ, скрѣпленныхъ пирами; былъ одѣтъ золоченою мѣдью, но по взятіи Константинополя Турками, мѣдь съ него содрана, и онъ остался голый среди Ампейдана, какъ колоссальный скелетъ, и грозитъ паденіемъ. Надпись на мраморномъ его подножіи сравниваетъ «это четырехгранное диво» съ колоссомъ Родосскимъ, хотя между ними ничего общаго не было кромѣ мешалла.

* Онъ имѣетъ 94 футовъ вышины. Изъ надписи сохранный на немъ видно, что Константинъ Порфирородный не былъ его основателемъ, но только обновилъ его.

Эпо единственныя древности Гипподрома; въ цвѣшущіе вѣки Имперіи здѣсь спояли многія пысячи драгоцѣнныхъ спашуй, множество Императорскихъ памяшниковъ. Но эпой злополучной Имперіи было суждено шакое продолжишельное бореніе со смершію, что она пережила не шолько свою славу, но и самыя памяшники свои, завѣщанныя вѣкамъ. Здѣсь спояли между чудесами древнихъ искусствъ и безсмершныя кони Лизиппа, кошорые долго были символомъ побѣдъ и спунниками славы; они изъ Коринеа, вмѣспѣ со славою Греціи, перешли въ Римъ, чшобы украсить шріумфальныя врапа Императоровъ*. Конспаншинъ перенесъ ихъ въ новую сполицу міра, и поставилъ на высокой мраморной галлерей Гипподрома. Попомъ Венеціянцы по взятіи Конспаншинополя (1204 г.) принесли энихъ коней ко льву св. Марка, и поставили какъ плѣнный шрофей, надъ входомъ своего собора. Но вольныя кони Коринеа, поспоянно уска-

* Они были поставлены на шріумфальныхъ врапахъ Нерона, попомъ Траяна; попомъ ихъ перевесли въ храмъ солнца. Мвѣніе, что они были изъ Коринеа, заслуживаетъ болге вѣрояшія, хотя *безыменный* лѣтописецъ времени Комниновъ, говоритъ, что они были взяты изъ Хіоса.

живая изъ побѣжденныхъ городовъ, умчались въ день паденія республики за колесницею завоевателя въ Парижъ, проспоаяли въ Тюлерійскомъ дворцѣ, на триумфальныхъ врашахъ, въ бышрый періодъ триумфовъ Франціи, и когда улешли Наполеоновскіе орлы, возвратились опять ко льву старой царицы Адриатики. Кажешся, что они одни были сбережены на эту удивительную судьбу изъ всѣхъ богатствъ Гипподрома. Когда Крестовое войско овладѣло Константинополемъ, спашуи Греческихъ боговъ и памятники Византійскихъ Императоровъ были обращены въ деньги на жалованіе полудикихъ ордъ Запада. Эта несчастная судьба постигла вообще металлическіе памятники древности, кромѣ немногихъ случайно сбереженныхъ вѣками. Варварство погдашнихъ Европейцевъ оправдываетъ уничтоженіе дорогихъ памятниковъ Гипподрома, но кто бы повѣрилъ, что въ Италіи, въ избранной землѣ художествъ, въ Неаполѣ, недалѣ какъ въ срединѣ прошедшаго вѣка (1740 г.) прекрасная спашуя Нестора была сплавлена и обращена въ медали для какого-то ученаго обществъ; видно что кровь Вандаловъ лилась въ жилахъ ученыхъ Неаполитанцевъ.

Эта голая площадь Ашмейдана была въ древности опоясана стѣною и ступенями для многихъ цысячь зрителей; Гипподромъ былъ Коллизеумъ новаго Рима; его началъ строить Сепсимъ Северъ въ Византіи, когда она не была еще соперницею вѣчнаго города. Потомъ Конспантинъ далъ ему колоссальныя размѣры Римскаго амфитеатра, и самъ одержалъ въ немъ первую побѣду на бѣгѣ колесницъ. Галлерей его были одѣты мраморомъ; надъ поршикомъ изъ двадцати чепырехъ колоннъ было мѣсто Императорскаго семейства. Гипподромъ украсился всѣми богатствами искусствъ древней Греціи, и каждый Императоръ ославлялъ въ немъ какой нибудь памятникъ; до нашествія Крестоносцевъ, говоритъ Мишо, онъ имѣлъ болѣе статуи боговъ и Императоровъ нежели шеперь жителей.

Былъ поздній часъ вечера, когда я продолжалъ еще мою прогулку въ Ашмейданѣ. Никакого шума въ немъ не было; въ окрестныхъ домахъ изрѣдка свѣтился огонь, и лунная ночь покрыла своею таинственностію молчаливый Спамбуль. Ашмейданскіе памятники казались тогда исполненными призраками прошедшихъ лѣтъ, одѣтые туманомъ ночи какъ саваномъ, одинокіе,

неподвижные на опустѣломъ кладбищѣ; а эша площадь, въ кошорой десяшь вѣковъ суетилось блѣдное величіе Всемирной Имперіи, уже давно была кладбищемъ древняго міра. Вѣчныя имена Египта, Греціи и Рима неизгладимо начертаны на ея гробовыхъ доскахъ, надъ коими замолкъ послѣдній опголосокъ эшихъ магическихъ именъ, заключившихъ весь кругъ развитія древняго міра. Храмъ св. Софіи и мечеть Ахмеда возвышающъ надъ нею свои необъяшныя куполы, какъ эмблемы двухъ идей—Христіанства и Магометанства, кошорыя воздвигли зданіе новыхъ вѣковъ изъ развалинъ вѣковъ прошекшихъ. Но надъ шѣмъ куполомъ, гдѣ сіялъ крестъ преображеннаго міра—освященъ шеперь блѣднымъ свѣшомъ полнаго мѣсяца полумѣсяцъ Османа.....

Сколько сбѣжалось сюда могучихъ воспоминаній! Какъ сильно выразилась здѣсь каждая эпоха съ своими повѣрїями, съ своими спрашьями, съ своими собышїями! Исторія Гипподрома можетъ бышь исторіею цѣлыхъ государствъ; эшо каменная лѣтопись Конспаншинополя, видѣвшая всю судьбу столицы и царства.

При Туркахъ ее одушевляли воинственныя забавы наѣздниковъ, и въ ней рѣшались крова-

выя распри, коими начались и заключились многія царствованія; еще недавно раздался въ ней послѣдній, удушенный вздохъ фанатиковъ оджака, и ее покрыли трупы. Тоже было и при Византійскихъ Императорахъ. Здѣсь собирался безпокойный народъ, по превозглашать своихъ Императоровъ, поднимая ихъ на щипъ, какъ преторіянцы Рима, по безспрасно глядѣть на междоусобіе двухъ искапелей престола, по съоспервененіемъ проливать свою кровь на эшой прагической сценѣ, предназначенной его увеселеніямъ. И въ дни своего упадка Греки были спрасно привязаны къ эшой площади, копорая напоминала имъ пѣ въки, когда упоенные своимъ величіемъ, владѣли Востока и Запада, они могли безнаказанно предаваться въ ней буйству своихъ спрасей. Здѣсь рѣшались распри *голубыхъ* и *зеленыхъ*, и потрясалось спокойствіе цѣлой Имперіи мелочною ненавистію двухъ партій двора и народа, въ соперничествѣ коихъ заключилось все рыцарство Восточной Имперіи, вылилась вся сила народныхъ спрасей и пашіотизма, чпобы оставитъ послѣ въ эшой дряхлой столицѣ безжизненную массу народа, какой-то прупъ, издавшій только вопль опчаянія подъ-ножемъ завоевателя.

Но все еще были видны въ эпомъ народъ слѣды его происхожденія опъ двухъ первыхъ народовъ — опъ Грековъ и Римлянъ: изнеможенный гений Греціи сохранилъ только свои софистическія понкоспи, безъ древняго блеска, и разсыпался въ богословскія прѣнія, въ пылкіе споры о словахъ и выраженіяхъ; а развращенное мужество Рима измѣнилось въ бои ристалища.

Удалимся еще въ разнохарактерную перспективу вѣковъ, оставившихъ свои слѣды на камняхъ Гипподрома; мы увидимъ наконецъ первыхъ переселенцевъ Рима жадныхъ и въ новой столицѣ шѣхъ опвратительныхъ зрѣлищъ, которыми пѣшили ихъ въ Колизеѣ. Какъ приятно по крайней мѣрѣ слѣдишь, среди постояннаго развращенія великаго народа, торжество Христіанской религii, кошорая омыла сердца опъ звѣрскихъ наклонностей вѣка Антониновъ и Веспасіана. Бои гладіаторовъ повпорились и въ Гипподромѣ, но уже переспали давань людей на пожраніе шиграмъ, и по мѣрѣ шого какъ правы смягчались подъ вліяніемъ религii, вывелись и кровавыя зрѣлища гладіаторовъ. Воспоминаніе о нихъ слилось въ моемъ воображеніи съ несравненнымъ спансомъ Чальдъ-Гарольда, и при свѣ-

тъ луны могучая картина Римскаго колизея перенеслась въ блѣдный Гипподромъ:

Вижу гладиатора распрощершымъ предо мною; онъ оперся на свою руку; его мужественное чело соглашается на смерть, но онъ побѣждаетъ смертное борецѣ, и его озягченная голова постепенно опускается къ землѣ. Последнія капли его крови медленно выпадаютъ изъ широкой раны въ его бедра; онъ капающъ тяжело, одна за другою, какъ въ пору грозы первыя капли дождя. Вокругъ него плаваешь въ туманѣ огромный амфитеатръ. Онъ умираешь — а восклицанія гремѣтъ еще привѣщиваньями побѣдителю его: — онъ слышитъ эти голоса, и презираешь ихъ. Онъ не думаетъ ни о жизни, кошорая его покидаетъ, ни о наградѣ побѣдителю. Его глаза и его сердце шеперь въ иной хижинѣ на берегу Дуная, гдѣ варваренки, его дѣщи, играютъ между собою при Даіанкѣ, ихъ мапери. — А онъ, ихъ ошець, хладнокровно умерщвленъ для пошѣхи Римлянъ. Предъ нимъ все исчезаетъ съ испоконъ его крови. — Умреть ли онъ неопшценный? — Возстанъше Готы, идите насыпите вашу ярость!

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

6

3 2044 019 821 446

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

